3 1761 07277410 2

М. Б. ВОЛЬФСОН

ОЧЕРКИ ОБЩЕСТВОВЕДЕНИЯ

ЧЕТВЕРТОЕ ДОПОЛНЕННОЕ ИЗДАНИЕ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО.

МОСКВА — ПЕТРОГРАД.

Общественные знания.

Бухарин, Н. Теория исторического материализма. Популярный учебник марксистской социологии. Изд. 2-е. Стр. 385. Ц. 85 к.

Ваганян, В. Опыт библиографии Г. В. Плеханова. С пред. Д. Рязанова. Стр. 118. Ц. 40 к.

Зиновьев, Г. и Ленин, Н. Против течения. Сборник статей. Изд. 3-е. Стр. 555. Ц. 1 р. 20 к.

Каутский, К. К критике теории и практики марксизма („Антибернштейн"). Стр. 297. Ц. 75 к.

Его же. Происхождение христианства. Под ред. Д. Рязанова. Стр. 477. Ц. 2 р. 10 к.

Кунов, Г. Возникновение религии и веры в бога. Перев. и пред. И. Степанова. Изд. 3-е. Стр. 182. Ц. 35 к.

Ленин, Н. (Ульянов, В.) Собрание сочинений. Т. II. Экономические этюды и статьи (1894—99 гг.) Стр. 582. Ц. 1 р. 30 к. в папке.

Его же. Собр. сочинений. Т. III. Развитие капитализма в России. Стр. 548. Ц. 1 р. 30 к. в пап.

Его же. Собрание сочинений. Т. IV. „Искра", 1900—1903 гг. Стр. 335. Ц. 80 к.

Его же. Собр. соч. Т. VI. 1905 г. Стр. 528. Ц. 1 р.

Его же. Собрание сочинений. Т. VII. Ч. I. 1905—1906 г. От октября 1905 г. до роспуска 1-й Гос. Думы. Стр. 352. Ц. 70 к., в пап. 80 к.

Его же. Собрание сочинений. Т. VII. Ч. II. 1905—1906 гг. От роспуска 1-й Гос. Думы до начала избирательной кампании во 2-ю Гос. Думу. Стр. 303. Ц. 75 к., в пап. 1 р.

Его же. Собрание сочинений. Т. VIII. 1907 г. Стр. 663. Ц. 1 р. 20 к., в пап. 1 р. 25 к.

Его же. Собрание сочинений. Т. X. Материализм и эмпириокритицизм. Стр. 328. Ц. 65 к., в папке 70 к.

Его же. Собрание сочинений. Т. XIV. Ч. I. Буржуазная революция 1917 г. От февральской революции до июльских дней. Изд. 2-е. Стр. 324. Ц. 1 р. в папке.

Его же. Собрание сочинений. Т. XIV. Ч. II. Буржуазная революция 1917 г. От июльских дней до Октябрьской революции. Изд. 2-е. Стр. 536. Ц. 1 р. 45 к., в пап. 1 р. 50 к.

Его же. Собрание сочинений. Т. XV. Пролетариат у власти. 25 окт. 1917 г.—31 дек. 1918 г. Стр. 692. Ц. 1 р. 20 к., в пап. 1 р. 30 к.

Его же. Собрание сочинений. Т. XVI. Пролетариат у власти. 1919 г. Стр. 544. Ц. 1 р. 50 к. в папке.

Его же. Собрание сочинений. Т. XVII. Пролетариат у власти. 1920 г. Стр. 477. Ц. 1 р. 25 к. в папке.

Его же. Собрание сочинений. Т. XVIII. Ч. I. Пролетариат у власти. 1921 г. Стр. 455. Ц. 1 р. 50 к. в пап.

Его же. Собрание сочинений. Т. XIX. Национальный вопрос (статьи 1910—1921 гг.). Стр. 300. Ц. 50 к.

Маркс, К. и Энгельс, Ф. Полное собрание сочинений. Т. III. Исторические работы. Стр. 519. Ц. 1 р.

Их же. Полное собрание сочинений. Т. I. Статьи и письма К. Маркса (1837—44). Стр. 587. Ц. 1 р. 80 к.

Их же. Коммунистический манифест. С введением и примеч. Д. Рязанова. Изд. 3-е. Стр. 339. Ц. 1 р. 50 к. в перепл.

Маркс, К. Капитал. Критика политической экономии. Т. I. Кн. I. Процесс производства капитала. Под. ред. В. Базарова и И. Степанова. Стр. 767. Ц. 2 р.

Маркс, К. Капитал. Критика политической экономии. Т. II. Кн. II. Процесс обращения капитала. Под ред. В. Базарова и И. Степанова. Стр. 499. Ц. 1 р. 50 к.

Его же. Капитал. Критика политической экономии. Т. III. Ч. I. Процесс капиталистического производства, взятый в целом. Главы: I—XXVIII. Под. ред. В. Базарова и И. Степанова. Стр. 447. Ц. 1 р.

Его же. Капитал. Критика политической экономии. Т. III. Ч. II. Процесс капиталистического производства, взятый в целом. Главы: XXVIII—LII. Под ред. В. Базарова и И. Степанова. Стр. 414. Ц. 1 р.

Его же. Нищета философии. Ответ на „Философию нищеты" Прудона. С пред. и примеч. Ф. Энгельса. Стр. 165. Ц. 50 к.

Его же. Замечания на программу германской рабочей партии (Критика готской программы). С вступит. статьей К. Корша. Перевод Н. А. Алексеева. Стр. 97. Ц. 20 к.

Плеханов, Г. В. Основные вопросы марксизма. С предисловием Д. Рязанова. Изд. 3-е. Стр. 126. Ц. 35 к.

Его же. Сочинения. Т. I. Статьи до 1882 г. С пред. Д. Рязанова. Стр. 364. Ц. 90 к., в пап. 1 р.

Его же. Сочинения. Т. II. Статьи 1883—88 гг. С пред. Д. Рязанова. Стр. 404. Ц. 1 р. 20 к., в пап. 1 р. 30 к.

Его же. Сочинения. Т. III. На русские темы. Статьи (1888 — 92.) Стр. 426. С пред. Д. Рязанова. Ц. 1 р. 30 к.

Его же. Сочинения. Т. IV. Статьи 1888—94 гг. С пред. Д. Рязанова. Стр. 333. Ц. 90 к., в папке 1 р.

Его же. Сочинения. Т. VII. Обоснование и защита марксизма. Ч. I. Под ред. Д. Рязанова. Стр. 331. Ц. 1 р.

Его же. Сочинения. Т. VIII. Обоснование и защита марксизма. Ч. II. Под. ред. Д. Рязанова. Стр. 411. Ц. 1 р. 40 к

Его же. Сочинения. Т. XI. Критика наших критиков. Под. ред. Д. Рязанова. Стр. 398. Ц. 1 р. 30 к.

Стеклов, Ю. Карл Маркс, его жизнь и деятельность (1818—1883). Стр. 114. Ц. 30 к.

Троцкий, Л. Д. Основные вопросы революции. Стр. 420. Ц. 2 р.

Энгельс, Ф. Анти-Дюринг. Стр. 297. Ц. 60 к.

Социализм и история социализма.

Бер, М. История социализма в Англии. С пред. Ф. Ротштейна. Ч. I. Стр. 329. Ц. 75 к.

Бешкин, Г. Идеи Фурье у Петрашевского и петрашевцев. Стр. 72. Ц. 40 к.

Водовозов, Н. Шарль Фурье. Биографический очерк. Изд. 3-е. Стр. 140. Ц. 20 к.

Изложение учения Сен-Симона (1828—29 гг). Перев. М. Ландау. С пред. В. Волгина Стр. 304. Ц. 75 к.

Каутский, К. Собрание сочинений. Т. III. Предшественники новейшего социализма. Ч. I. Коммунистическое движение в средние века. Перевод и предисл. И. Степанова. Изд. 2-е, вновь просмотр. Стр. 244. Ц. 75 к., в папке 80 к.

Его же. Собрание сочинений. Т. IV. Предшественники новейшего социализма. Ч. II. Коммунизм в германской реформации. Перев. В. Базарова. Стр. 212. Ц. 60 к.

Сен-Симон, А. Собрание сочинений. С введ. и прим. В. В. Святловского. Стр. 288. Ц. 2 р.

М. Б. Вольфсон

И. Глаголенко
1-10-25 г.
г. Чикаго

ОЧЕРКИ обществоведения

ИЗДАНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ СТЕРЕОТИПНОЕ

с рисунками в тексте

61–185 тысяча

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1923 ПЕТРОГРАД

LIBRARY
OCT 13 2004.
UNIVERSITY OF TORONTO

Главлит. № 13870. Гиз. 5231 Тираж 125.000 экз.

39-я Интернациональная типография „Мосполиграф". Путинковский, 3.

ПРЕДИСЛОВИЕ КО ВТОРОМУ ИЗДАНИЮ.

Шесть месяцев тому назад вышло первое издание моих «Очерков» и оно уже давно целиком разошлось. В дореволюционное время такой успех мог вскружить любому автору голову, но теперь — в эпоху небывало широкого массового искания политических знаний — автор, чуждый самообольщения, приписывает этот успех не исключительным достоинствам своей книги, а тому книжному голоду, который испытывается широкой читательской массой в области обществоведения.

Я больше, может быть, самых суровых критиков чувствую, как далеки мои «Очерки» от совершенства, но сознание необходимости книг этого рода, руководившее мною и раньше, — когда я предпринимал первое издание, — побуждает меня теперь выпустить второе.

Я не могу не признать справедливости некоторых упреков, сделанных (при общей благоприятной оценке, впрочем) моей книге. Эти упреки разноречивы и тем не менее одинаково справедливы. Одни указывали на чрезмерную перегруженность моей книги материалом, на чрезвычайную ее «энциклопедичность»; другие — на недостаточную полноту: нет сведений о трудовой школе, о вопросах культурного строительства, о национально-социалистических партиях, об искусстве и т. п. Верно, что *одна* книга—при сравнительно небольшом об'еме— будет неизбежно страдать слишком большой компактностью,

чрезмерной лаконичностью и крайним обилием фактического материала. Верно также, что *одна* книга не может все же охватить *всех* вопросов, волнующих многочисленную рабоче-крестьянскую аудиторию.

Да, я признаю оба эти основных недостатка моей книги. Но я не в силах их устранить: если бы я стал распространяться по поводу каждого из многочисленных вопросов, затронутых в моей книге, она превратилась бы в ряд книг, ряд томов; если бы я, с другой стороны, стал дополнять ее рядом фактов и сведений об очень важных вопросах, но все же не занимающих центрального места в истории и теории рабочего движения, то книга — при всей сжатости формы, при всей сконденсированности материала, втискиваемого в рамки *одного* труда,—опять-таки разрослась бы в большой многотомный труд. Я, к тому, не одержим такой гордыней, чтобы претендовать на такую полноту, на такую универсальность...

И все же книга — я чувствую — не является лишней на книжном рынке даже при таких ее основных недостатках и ряде других дефектов. Нужно еще много других книг по затронутым вопросам. И пусть товарищи их пишут и выпускают, не дожидаясь ни от себя, ни от других совершенных и универсальных книг. Такие книги, может быть, когда-нибудь появятся, но не сегодня, не сейчас — они появятся в результате целого ряда попыток — и неудачных и полуудачных — найти прямой и наиболее удовлетворяющий путь к потребностям и пониманию той огромной и разносторонней аудитории трудящихся, перед которой автор-коммунист имеет счастье выступать.

Я тут же должен констатировать, что указание такого компетентного библиографического журнала, как «Печать и Революция», на то, что мои «Очерки» «ни по своему плану, ни по методу не представляют собой ничего оригинального, но являются удачной сводкой тех знаний по обществоведению,

которые мы стремимся дать, по возможности, большой аудитории»,— что такое указание принимается мною далеко не как упрек. Я на оригинальность не притязал не только по недостатку у меня соответствующих данных (да и многим ли дана «оригинальность»?), но и по глубокому убеждению, что *большой* аудитории нужна не столько оригинальность, сколько сводка знаний. А для большой аудитории именно я и хотел писать: для малой, квалифицированной, более притязательной аудитории работают многие компетентные и выдающиеся товарищи. И если эта сводка признана удачной, если автор рецензии признает «ясность формулировок, отсутствие многословия, популярность, уменье остановить внимание на наиболее существенном и правильный марксистский подход», то этого достаточно, чтобы я чувствовал глубокое моральное удовлетворение.

К великому сожалению, некоторые ценные указания на недостатки книги как этого журнала, так и других органов партийной и советской прессы оказались уже запоздалыми: они появились не только после того, как первое издание давно ушло в область истории, но и после того, как второе издание уже почти закончено. Это меня, старого работника книги, лишний раз убеждает в печальном состоянии нашей партийной и советской библиографии: она вечно запаздывает, она почти никогда не поспевает за жизнью. Даже такое замечательное явление, как выход томов Маркса, Энгельса, Ленина и Плеханова, или «Коммунистического Манифеста», под редакцией Д. Рязанова, отмечается с печальным опозданием. Такие же авторы, как Вольфсон или подобные ему, попадают на столбцы журналов и газет уже после того, как разошлось первое и часто даже второе издание (я знаю много таких случаев). Это совершенно ненормально. Дело не в Вольфсоне, а в той *большой аудитории,* которой библиография призвана руководить. Имен-

но о книгах малоизвестных авторов *партийная* библиография должна говорить своевременно: она должна сказать широкой читательской массе, хороша ли книга или плоха и что в ней хорошего и что в ней плохого. Да и автор, раз его книге посчастливилось увидеть второй раз свет, мог бы внести все исправления, продиктованные ценными указаниями своевременной критики...

Тем не менее, насколько мне позволяли обстоятельства напряженной советской и партийной работы, я старался сделать второе издание лучше первого. Просматривая теперь отпечатанные листы нового издания, я убеждаюсь, что много из полезных указаний прессы я предвосхитил и многие дефекты первого издания устранил.

Я переработал первый очерк, стремясь сделать более ясными общие понятия об обществе, равно как и о значении производства орудий производства для общественного развития.

Я вставил новый (второй) очерк о первобытной культуре: к этому меня побуждал заметный в широких массах интерес к данному вопросу.

Прежний второй, а теперь третий очерк о развитии хозяйственных форм переработан и дополнен в виду того, что в первом издании он носил слишком схематичный, отвлеченный характер. Я теперь старался наполнить его реальным содержанием, фактическим и, насколько возможно, бытовым материалом.

Последний (шестой в первом издании) очерк, посвященный советской современности, не только пополнен новыми хронологическими данными, но и новыми темами. Он настолько разросся, что — из методических соображений — я поделил его на два очерка (историческую часть и стационарную). Я знаю, что и теперь многообразная революционная действитель-

ность и разностороннее социалистическое строительство едва только затронуты. Но... «ковшом моря не вычерпаешь».

Я отчасти предвосхитил вполне заслуженные упреки «Печати и Революции», а отчасти последовал указаниям моего друга Ш. М. Дволайцкого, и совершенно переработал параграфы, трактующие вопрос о роли кредита и финансового капитала для буржуазного хозяйства, и отвел больше места II Интернационалу.

Целый ряд новых сносок и примечаний преследует цель уяснения читателю тех научных понятий, исторических фактов и личностей революционных деятелей, которые попутно встречаются в тексте книги и которые, к сожалению, в первом издании приводились, как общепонятные и общеизвестные. Марксу, Энгельсу, Плеханову, Ленину и некоторым другим крупным деятелям революционного движения и мысли я не посвящал таких примечаний нарочито: им посвящены целые книги, которых на рынке теперь сравнительно много и которые должен прочесть (и с увлечением читает) всякий рабфаковец, слушатель партшколы, учащийся на общеобразовательных курсах и т. д.

Иллюстрации должны оживить книгу и дать читателю образное представление о затронутых в тексте явлениях (в очерке о первобытной культуре), портреты революционных деятелей, картинки из трагической истории рабочего движения. Они в то же время не должны слишком удорожать книгу, так как я пользовался готовыми клише, имеющимися в распоряжении Госиздата.

Несмотря на значительное расширение книги, я могу повторить то, что писал в предисловии к первому изданию:

«Этого мало, это не исчерпывает предмета, — автор это знает, — но он тем не менее решается предать тиснению свои краткие и отрывочные наброски в сознании, что молодая ауди-

тория имеет мало материала для чтения по затронутым в книжке вопросам. Автор будет только рад и счастлив, если кому-нибудь другому, более удачливому составителю посчастливится разрешить неразрешимую для автора задачу: дать молодой и чающей живого слова аудитории non multum sed multa — немного, но многое — экстракт всей общественной науки и ответы на все волнующие вопросы в сжатой, но ясной форме».

М. Б. Вольфсон.

Москва.
Апрель 1923 г.

Предисловие к третьему изданию.

Не успело выйти второе издание в свет, как выяснилась необходимость дополнительного тиража. В прессе пока не появилось отзывов о втором издании, указывающих пробелы и дефекты (которые имеются, конечно, и во втором издании). Выпускаю поэтому третье издание без всяких дополнений и существенных изменений. Исправления — чисто корректурные и технические.

М. Б. Вольфсон.

Москва.
Май 1923 г.

ОЧЕРК ПЕРВЫЙ.

ФАКТОРЫ РАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА.

§ 1. Человек и природа. Человек, как и все другие живые существа, получает все из окружающей его природы. Все, что ему нужно для поддержания жизни, для удовлетворения всех его жизненных потребностей, доставляется человеку окружающей средой: земля дает ему продукты, необходимые для утоления его голода, реки, ручьи и т. д. дают ему воду для утоления жажды, солнце его греет, а лес и недра земли дают ему топливо (дрова, каменный уголь и т. д.).

Не все предметы, однако, даются человеку природой в таком виде, чтобы они сразу могли удовлетворять его потребности. Солнце, например, греет человека без всяких усилий с его стороны; человек в данном случае получает необходимую ему теплоту от природы. Другое дело с той теплотой, которую человек получает от леса, например. Лес дает топливо лишь после того, как человек затратит много усилий (на рубку, пилку, колку и т. д.). И чем больше у человека таких потребностей, которых не может удовлетворять непосредственно окружающая природа, чем разнообразнее эти потребности, тем больше предметов окружающей природы ему нужно изменять, чтобы приспособить их к своим потребностям.

Взять хотя бы дерево из леса, и мы увидим, как человек придает ему разные формы, сообразно тем потребностям, которые человек хочет удовлетворить. Если ему нужно это дерево как строевой материал, он дерево только срубает, обрубает ветви, очищает от коры и т. д., словом, придает ему вид бревна; если он стремится, чтобы дерево удовлетворяло его потребность в теплоте, он подвергает дерево рубке, пилке, колке, сушке и т. д., придавая ему вид дров; если он хочет

получить лук, он какую-нибудь часть дерева распаривает на огне и проделывает над ним другие операции, пока не придаст ему форму лука и т. д.

Одним словом, для удовлетворения своих разнообразных жизненных потребностей человеку приходится изменять вид предметов, даваемых ему природой, ему приходится, как говорят, «воздействовать» на природу.

§ 2. **Труд и знание.** Для воздействия на природу, т.-е. для желаемого изменения формы предметов, даваемых природой, нужны две главные силы — труд и знание. Без труда, т.-е. без мускульного (мышечного) или нервного усилия, не может быть изменен ни один предмет, в природном своем виде не удовлетворяющий человеческих потребностей. Но для того, чтобы труд давал желанные результаты, нужно знать, как, когда и где его прилагать; нужно знать законы и силы природы, связь и зависимость их. Если бы мы, например, не знали (из личного опыта или книг — опыта других людей) закона рычага, нам бы для поднятия бревна потребовалось усилие 5-ти человек; зная же этот закон и пользуясь этим знанием, бревно может поднять один человек. Таких примеров можно привести сотни тысяч.

3. **Хозяйство, хозяйственная деятельность.** Уже на самых ранних ступенях развития человеку приходилось проявлять более или менее постоянную деятельность, беспрерывное усилие на добывание средств существования. Чем выше по лестнице развития поднимался человек, тем больше и разнообразнее делались его потребности и способы их удовлетворения, тем постояннее и сложнее становилась его деятельность, направленная к созданию благ или ценностей (т.-е. предметов, удовлетворяющих его потребности). Такую деятельность мы называем хозяйственной.

Для создания ценностей (или, как говорят, производства) человеку нужны: 1) материалы, к которым он прилагает свой труд (предмет труда), и 2) орудия труда, т.-е. такие предметы, с помощью которых он наиболее целесообразно прилагает свой труд к обрабатываемому материалу (орудия производства). Естественные органы человека (руки, ноги, зубы и т. д.) служат такими орудиями в

слабой степени (они слабее, чем у многих животных); беспредельных результатов человек может достигнуть (и достигал), применяя искусственные орудия (т.-е. сделанные им самим или взятые им из окружающей среды, извне). Эти орудия как бы удлиняют и усиливают его естественные органы — орудия. Помощью своих рук не сломать человеку дерева; помощью топора, пилы и других орудий он превращает в хозяйственные блага (топливо, строевой и поделочный материалы и т. д.) целые леса... При п о с т о я н н о й деятельности человека, направленной к регулярному созданию благ, ему нужно иметь постоянные запасы средств и орудий производства — то, что мы называем х о з я й с т в о м.

§ 4. **Человек и общество.** Можно себе представить совершенно одинокого человека, добывающего себе средства к существованию своим трудом помощью орудий производства, им самим сделанных. Мы в этом случае будем иметь дело с хозяйственной деятельностью, с хозяйством.

Однако никогда и нигде не встречались такие случаи совершенно одинокого существования человека. Наше ознакомление с так называемыми дикими племенами (с эпохи великих географических открытий до сего времени) и наши знания о жизни людей во всех географических широтах говорят нам об одном — об общественной жизни людей. То же самое говорят нам наши исторические знания — знания или догадки о самых отдаленных временах.

Даже попытки в о о б р а з и т ь, сфантазировать о д и н о к о г о ч е л о в е к а оказались неудачными. Талантливая фантазия писателя Даниила Дефоэ стремилась изобразить жизнь одинокого человека на необитаемом острове (Робинзона Крузо), но что же оказывается? Робинзон работал при помощи орудий, выброшенных морской волной (т.-е. того, что было сделано другими людьми, обществом), он пользовался знаниями, опытом, приемами, усвоенными им в обществе, и т. д. «Одинокий» Робинзон был и оставался все время членом общества... Одним словом, человек вполне оправдывает определение его Аристотелем, как «общественного животного».

Что связывает человека с обществом? Что делало в течение многих веков пребывание человека в обществе неизбеж-

ным? Борьба за существование, забота о продолжении рода. Но известные формы общежития мы встречаем и среди животных. Там это вызывается: 1) заботой о продолжении рода (семья как общежитие временное, — до вывода птенцов и детенышей, — или продолжительное и даже постоянное) и 2) потребностями защиты от более сильных видов и нападения на более слабые (стаи, стада). Таким образом общежитие, общественная жизнь является для животного орудием в борьбе за существование рода: многие виды животных погибли бы, если бы не защищались или не нападали целыми стаями или стадами. Не меньшую, если не значительно большую, роль должна была играть борьба за существование рода в возникновении человеческих обществ на самых ранних ступенях развития. Вне общества человек — с его слабыми органами защиты и нападения — был бы совершенно беспомощным, беззащитным и жалким существом. Одинокий, под угрозой тысяч опасностей со стороны более сильных, чем он, хищных животных и стихийных сил природы, он не смог бы отстоять свое существование. Добывание пищи — даже тогда, когда природа преподносит ее в готовом для потребления виде — представляет для одинокого человека большие трудности. Там же, где пищу нужно завоевать от других живых существ или от равнодушной природы, человеческие существа погибли бы, если бы они не были вооружены могучим орудием борьбы — организованным совокупным усилием, общественным трудом. Только в обществе, в сотрудничестве с себе подобными, человек смог победить все враждебные ему силы и использовать все благоприятные для его существования природные богатства.

Могучий сподвижник человеческой борьбы с природой — знание — мог вырасти и окрепнуть только в общественной жизни. Опыт одного человека (опыт, который к тому же умер бы вместе с человеком) не мог бы выработать у человека ясного понимания сил природы, их зависимости и причинности. Всестороннее знание возникает из опыта *многих* людей, передаваемого друг другу и от поколения к поколению. Человеческое знание, — наиболее полное и всестороннее из всех знаний, присущих другим живым существам, — есть ре-

зультат общественной жизни. А в борьбе за существование знание для человека являлось и является тем оружием, которым человек не только отбивался и отбивается от вражеских сил, но и которым он побеждал и побеждает весь мир.

Общественная жизнь для человека больше, чем для других живых существ, является необходимым орудием борьбы за существование. (Не общественная жизнь является результатом «взаимного влечения» людей, а наоборот: влечение людей друг к другу, чувство симпатии, социальные инстинкты и т. п. возникают на почве общественной жизни, которая для существования человека так же необходима, как пища, воздух и свет.)

§ 5. **Общество и хозяйство.** Мы видели, что общество является необходимым условием существования людей. Но мы знаем также, что и для многих животных общественная жизнь является орудием борьбы за существование. Чем же человеческое общество отличается от животных обществ? И чем об'яснить, что именно человеческое общество смогло победить почти все стихийные силы природы, между тем как общества животных только кое-как отбиваются от этих сил, кое-как отстанвают жалкое существование вида там, где он не погиб? Чем об'яснить то замечательное обстоятельство, что у людей общественная жизнь делается средством защиты и обогащения жизни более мощным и богатым, чем все дары, данные человеку природой?

Чтобы ответить на эти вопросы, нужно раньше всего выяснить, что такое общество и в чем его сила.

Общество не есть простая совокупность людей, простая сумма единиц. Сколько бы мы ни взяли людей, — 10, 100, 1000, 10000 или больше, — они не будут составлять общества, если между ними нет никакой связи, никакой спайки, никакого взаимоотношения. Как груда кирпичей не составит здания, пока они в известном порядке не связаны цементом, так то или иное число людей не составит общества до тех пор, пока между ними не будет существовать такой связи, которая поставит их в состояние определенных взаимодействий.

Но в чем заключается эта связь? и каковы должны быть эти взаимоотношения?

Общество, как мы видели, есть орудие борьбы за существование. Эта борьба есть «борьба» с природой или, правильнее, постоянное воздействие на природу, на окружающую среду, с целью получения средств к существованию. И это воздействие есть трудовое воздействие, ибо только приложение труда к даваемым природой предметам и силам может заставить эти предметы и силы служить удовлетворению человеческих потребностей. Из этого для нас становится понятным, что общество только тогда будет тем могучим орудием борьбы за существование, каким оно стало в особенности для людей, когда оно будет основываться на связи, дающей возможность наиболее успешно воздействовать на природу — на трудовой связи. Отсюда также ясно, что взаимодействие между отдельными единицами — членами общества — есть трудовое взаимодействие, — постоянные отношения между людьми в процессе их труда, их хозяйственной деятельности.

Таким образом мы можем сказать, что характерной для человеческого общества является именно общественная связь на почве хозяйства, хозяйственной деятельности. Эта деятельность является для человека самым выдающимся, самым сильным орудием борьбы за существование, за жизнь.

§ 6. **Пользование орудиями труда и производство орудий производства.** Добывание пищи и тепла и всех других, даже минимальных, средств к существованию от человека больше, чем от других животных, требует пользования орудиями, заменяющими или усиливающими его органы. Но пока человек только пользуется орудиями, взятыми извне в готовом виде, человеческое общество мало чем отличается от общества животных: пользование орудиями мы встречаем у многих животных (обезьяна разбивает палкой орех, медведь мечет камни, бобры пользуются в своих постройках попадающимися им материалами и т. д.). Человек, умеющий только пользоваться тем, что он находит в природе, мало чем отличается (в хозяйственном отношении) от обезьяны, бобра или многих других животных. В далекой истории человеческого общества мы предполагаем такой период, когда человек только пользовался орудиями, взятыми из природы и им

неизмененными (палкой, камнем). Это был период, когда человек только что стал отходить от того животного царства, представителем которого он является (см. ниже § 16).

О резком отличии человеческого общества от обществ животных можно говорить только с того момента, когда человек начинает производить орудия производства. Производство орудий производства кладет грань, скорее пропасть, между человеческим обществом и животным миром.

§ 7. Зависимость общественного развития от орудий труда. Что является самым характерным для человеческого общества, так это его развитие, т.-е. беспрерывный процесс изменений в организации и составе общества, в образовании разных групп, в слиянии их в большие общественные целые и т. д. Это развитие (как показал Маркс и как мы это дальше увидим) зависит целиком от формы и характера отношений, возникающих на почве хозяйственной деятельности — хозяйства (и, главным образом, производства). Возможно ли говорить о развитии, когда речь идет об обществах животных (стаях, стадах и т. д.)? Нет, мы не только не наблюдали такого развития (т.-е. того, что так бросается в глаза относительно человеческого общества), но даже не можем его мыслить. В самом деле, представьте себе общество животных, вовсе не пользующееся орудиями или пользующееся теми случайными орудиями, которые попадаются под руку. Для добывания себе пищи, для самозащиты и нападения животные должны будут пользоваться исключительно или главным образом своими природными органами (лапами, когтями, клыками и т. д.). Это значит: 1) что в их распоряжении ограниченный выбор орудий — органов и 2) что эти орудия или вовсе не подвергаются изменениям и совершенствованиям или так медленно изменяются, что эти изменения остаются незаметными на протяжении многих тысяч лет. Развитие животного общества останавливается: оно теперь, как и много тысяч лет тому назад, применяет те же органы, те же орудия, те же приемы защиты и нападения... Другое дело с человеческим обществом, производящим орудия производства: выбор средств неограничен, развитие общества зависит от беспредельного

совершенствования орудий производства. Человек как будто освобождается от несовершенства своих органов и ограниченности средств, предоставляемых окружающей природой. Он завладевает тысячами, сотнями тысяч, миллионами органов, которые беспрерывно совершенствуются и делаются все более мощными. Человек выходит из биологического состояния (т.-е. из того состояния, когда успех его борьбы за существование зависит исключительно от совершенствования его телесных форм): он вступает в состояние социального (общественного) развития, зависящего от умножения, усложнения и усовершенствования орудий производства. Разница между человеческим обществом и животным, определяемая производством орудий производства, не ограничивается только более богатым в ы б о р о м орудий борьбы за существование; процесс производства в человеческом обществе совершенно отрывает человека от животного царства, из которого он вышел, главным образом потому, что благодаря производству орудий производства он а к т и в н о (деятельно) изменяет окружающую его среду, в то время, как животное зависит исключительно от среды. Мимикрия (уподобление окраски поверхностного покрова к окраске окружающей среды), автотомия (самоискалечение в целях спасения от преследования), усиление и усложнение органов защиты, нападения и размножения и многое другое, что приспособляет животное к среде, — все это получилось не благодаря воле и усилиям животного, а как результат гибели — на протяжении многих веков — тысяч и миллионов отдельных особей (единиц), не обладавших этими спасительными особенностями, и выживания «способнейших», т.-е. таких, которые под влиянием внешних обстоятельств получили такие спасительные особенности. Приспособление животного — явление пассивное (страдательное), не от его воли зависящее; хотя и животное воздействует на среду, но оно это осуществляет орудиями, не им самим созданными.

Приспособление же человеческого общества к среде, к природе есть явление а к т и в н о е (действенное); человек помимо того, что изменяет среду почти до неузнаваемости, он это совершает орудиями, им самим созданными и беспрерывно создаваемыми, изменяющимися и совершенствующимися. Это

открывает перед человеком беспредельные горизонты, безграничные возможности; он делается владыкой мира...

§ 8. **Разнообразие и изменчивость форм сотрудничества и общежития.** Уже в животных обществах мы встречаемся с разными формами простого сотрудничества (т.-е. совместного исполнения одних и тех же задач добывания пищи, защиты и нападения...) и даже более или менее сложного сотрудничества, сотрудничества с разделением труда (т.-е. исполнения разных частей одной и той же хозяйственной задачи). Примером простого сотрудничества может служить охота зверей, окружающих свою жертву тесным кольцом; муравейник, пчелиный улей и т. д. дают примеры сложного сотрудничества. Но эти формы сотрудничества и разделения труда остаются более или менее неизменными: наблюдая жизнь муравейника тысячи лет тому назад, мы увидели бы ту же картину, что и сейчас.

Другое дело с человеческим обществом: мы тут наблюдаем бесконечное разнообразие и беспрерывную смену форм сотрудничества и разделения труда. Пастушеский или охотничий быт, земледельческое хозяйство, фабрично-заводская промышленность и т. д. представляют самые различные и почти совершенно непохожие друг на друга формы сотрудничества и разделения труда и рядом с этим совершенно различные формы общежития.

Формы общежития животных почти неизменны; человеческое же общество в его отношении к среде постоянно изменяется с изменением (им самим) орудий производства и способов пользования ими. Ясно, что человек, вооруженный дубиной, иначе «воздействует на природу», чем человек, вооруженный водяными двигателями, паровой машиной, электрическими аппаратами и т. д... Это отношение определяется и измеряется главным образом изменением производительности труда (т.-е. изменением количества продукта, получаемого от одного и того же количества труда). И когда мы говорим о развитии общества в целом, речь идет в первую очередь о развитии производительных сил общества (производительности труда, зависящей от характера орудий производства).

§ 9. **Внутри-общественные отношения и производство орудий производства.** Не только отношение общества к природе изменяется под влиянием производства орудий производства; меняются и отношения внутри общества. Труд есть не только единственная (или во всяком случае главная) форма воздействия человеческого общества на природу, но и г л а в н а я связь между отдельными членами и группами общества. И если изменчивость производства орудий труда определяет отношения общества к природе, то она неизбежно должна определять и отношения между различными членами общества и его группами.

Яснее всего это покажет сравнение человеческого общества с обществом животных.

В так называемых животных обществах мы наблюдаем различные отношения между «группами и членами общества». В стаде мы видим вождя, которому в известные моменты подражает все стадо; в «пчелином обществе» мы видим трутней (600 — 1.000), матку-царицу и рабочих пчел (12 — 24 тысячи); в муравьином «государстве» мы наблюдаем «высший класс» самцов и самок, «рабочих» (недоразвитых самок) и даже «солдат» (рабочих с значительно большей головой и очень большими челюстями); мы знаем, что стадо слонов в момент отражения нападения врагов делится на две группы: одна группа составляется из смыкающихся в круг бойцов, другая — из самок, находящихся внутри круга и довольствующихся пассивной ролью защищаемых и т. д., и т. д. Это «разделение общества на классы» отвечает различным трудовым ролям, выполняемым группами в животном обществе.

Буржуазные ученые, которые лезут что называется из кожи вон, чтобы доказать, что разделение человеческого общества на классы, на высших и низших, на трудящихся и потребляющих, освящено самой природой, любят сравнивать человеческое общество с животным: неравенство, мол, в самой природе вещей и наблюдается всюду в о б щ е с т в е ж и в ы х с у щ е с т в, — так было, так будет... Но такое сравнение является грубейшей буржуазной передержкой, вульгарнейшим искажением истины.

В самом деле, чем определяется, главным образом, разде-

ление животного общества на разные «группы»? Устройством их естественных органов и природными свойствами: вождь в стаде более силен и обладает более острыми органами чувств; устройство тела трутней совершенно иное, чем у матки-царицы и рабочих пчел; то же самое у муравьев «рабочих» и «солдат» и т. д. Отношение животного общества к природе и отношения «внутри общества» между разными «членами» и группами общества определяется анатомическим [1]) устройством особей (единиц), т.-е. формой их телесных органов. И так как это устройство остается более или менее постоянным, то обусловливаемое ими разделение животных тоже остается постоянным.

Другое дело с человеческим обществом. Тут мы имеем тысячи фактов и наблюдений, которые с полной бесспорностью устанавливают, что культурное развитие общества не является отражением или продолжением физического развития человека. Если бы это было так, то культурный человек должен был бы отличаться от первобытного дикаря значительным развитием своих естественных органов. На самом же деле мы часто наблюдаем обратное: у человека, достигшего более высокого развития, его естественные органы слабее, чем у первобытного человека. Это об'ясняется тем, что первобытный человек, располагая незначительным запасом орудий труда и к тому же мало усовершенствованных, вынужден пользоваться в борьбе за существование главным образом своими собственными органами; люди же, достигшие более высокой ступени культуры, пользуются больше всего усовершенствованными орудиями труда, созданными обществом, и меньше всего прибегают к силе своих органов...

В отношении анатомического устройства своего тела человек высокой культуры почти ничем не отличается от первобытного, так называемого доисторического человека, или же от современного дикаря. Физическое строение австралийца или

---

[1]) Анатомия—наука о форме и строении животных и растительных организмов и отдельных их частей (костного скелета, мышц, связок, сосудов, нервов, внутренностей).

огнеземельца отличается от физического строения арийцев [1]), семитов [2]) или китайцев лишь незначительным образом. Когда мы исследуем кости и строение скелета доисторического человека, мы приходим к заключению, что далекие наши предки мало чем отличаются от своих потомков.

Если мы наблюдаем различия между человеческими расами (напр., между неграми и белыми), то эти различия как раз сказываются в цвете кожи и волос, в росте, в строении черепа. Цвет кожи является результатом климатических условий, строение черепа — результатом развития мозга, который претерпевает известные изменения в зависимости от умственной деятельности. К умственной деятельности человек все больше прибегает по мере того, как развивается общество и хозяйство и совершенствуются и усложняются орудия производства. Развитие мозга таким образом является результатом исторического развития общества. Но те части тела и органы, которые служат человеку для передвижения и работы, весьма мало различаются или почти совсем не различаются у разных народов. Правда, у европейцев мы не наблюдаем подвижности большого пальца ног, между тем как у многих тропических племен он подвижен и является вспомогательным органом при разных работах. Это, однако, об'ясняется тем, что европейцы постоянно носят узкую обувь, которая парализует подвижность пальцев ног; эта подвижность при надлежащем упражнении может быть восстановлена

И с полной уверенностью можно сказать, что у человека после того, как он, развиваясь от низших ступеней, достиг теперешнего телосложения, его органы перестали подвергаться дальнейшим изменениям; их развитие приостановилось (кроме мозга, о чем см. ниже). Причина тут проста и ясна: с того

---

[1]) Арийцы или арии (по-санскритски – благородные, знать) – первоначальное название народа жившего на склонах Гиндукуша и в истоках Оксуса. Теперь арийцами в тесном смысле слова называют все племена Индии, Ирана и Кавказа, язык которых родствен санскритскому и принадлежит к одной группе индоевропейских языков. В более широком значении слова к арийцам причисляют всех индоевропейцев, т.-е. огромное большинство европейских народов и значительную массу азиатских.

[2]) Семиты, семья народов, населяющих Мал. Азию и Сев. Африку, делятся на северную группу (арамейцы, евреи, исчезнувшие финикияне и халдеи) и южную (арабы).

момента, как человек стал изобретать, совершенствовать орудия труда, надобность в развитии его естественных органов миновала. С этого момента дальнейшим изменениям и развитию подвергаются только его орудия труда.

Именно эти изменения определяют силу или слабость того или иного человеческого общества. Европейские хищники могли покорить, поработить и даже истребить множество народов и племен Америки, Австралии и Черного континента (Африки) не потому, что европейцы имели более сильные руки или ноги или другие естественные органы, а потому, что они были вооружены более мощными искусственными орудиями труда и истребления... И, наконец, внутри того или иного человеческого общества более сильными оказываются не те люди или те группы людей, у которых более сильные и развитые части тела, а те, кто владеет орудиями труда, орудиями производства; слабыми же оказываются не физически немощные, а те, кто этими орудиями не владеет и кто поэтому должен подчиняться собственникам орудий производства.

Из вышесказанного вытекают следующие выводы:

1) Отношение человеческого общества к природе определяется не только самим фактом трудового воздействия на природу. Такое воздействие мы встречаем и у животных, но у человеческого общества оно осуществляется орудиями труда, орудиями производства, самим человеческим обществом создаваемыми, изменяемыми и совершенствуемыми.

2) Изменчивость форм общежития и изменения в общественных отношениях определяются тем, что орудия труда, орудия производства постоянно изменяются и беспрерывно могут изменяться. Изменение естественных органов есть результат длительного многовекового развития, изменение же орудий труда происходит быстрее и производит величайшие перемены в обществе и в отношениях между отдельными его группами, и

3) Отношения разных групп внутри общества определяются не анатомическим устройством людей, составляющих эти группы, а характером орудий производства и отношением к ним разных групп общества

(групп владельцев этих орудий или групп людей, отдающих владельцам орудий производства свою рабочую силу — рабскую, крепостную или наемную).

Производство орудий производства [1]) определяет не только изменения в общественных отношениях, но и их разнообразие. Чем сложнее и разнообразнее орудия производства, тем сложнее и разнообразнее формы сотрудничества и разделения труда, тем сложнее и разнообразнее хозяйственные отношения, а в зависимости от них и все общественные отношения. Общественные отношения — понятие более широкое, чем хозяйственные отношения: между людьми в обществе существуют взаимодействия самого различного характера (природное влечение, психическая и физическая заражаемость и т. д.); но, существуя, они не определяют характера человеческого общества, в основе которого лежит общее трудовое воздействие на природу, осуществляемое созданными обществом орудиями производства. Все общественные отношения

---

[1]) В прекрасной книге тов. Бухарина „Теория исторического материализма“ (которую горячо рекомендую желающим ознакомиться с основами марксистского учения об обществе), на стр. 95, дается определение общества (человеческого), как „наиболее широкой системы взаимодействующих людей, обнимающей все длительные их взаимодействия и опирающейся на их трудовую связь“. Это определение мне кажется недостаточно точным и полным: под него подойдет и так называемое животное общество: у муравьев, пчел и т. д. мы тоже видим «систему взаимодействий, опирающуюся на трудовую связь». Гвоздь человеческого общества не только в трудовой связи, а в том, что она осуществляется на основе **производства** орудий производства. Тов. Бухарин нигде в своей книге не формулирует достаточно резко разницы между **пользованием** орудиями производства и **производством** орудий производства; а между тем именно это последнее должно быть исходным пунктом социологического анализа общества. Неподчеркнутость этого момента (производства орудий производства) чувствуется (см. стр. 120 и 121 цитируемой книги) и в его определении разницы между приспособлением человеческого общества к внешней природе (процессом общественного труда) и приспособлением животных к среде. Совершенно правильно определяя процесс общественного производства, как активный процесс, он, однако, усматривает эту активность только в том, что человеческое общество „борется с природой“ (правильнее было бы сказать: воздействует на природу): „Оно бороздит грудь земли, прорубает дорогу сквозь непроходимые леса... **меняет самое лицо земли**“ (курсив автора). Но животное тоже „борется“ с природой и „изменяет“ лицо земли: птица вьет гнездо, крот в буквальном смысле „бороздит лицо земли“, муравьи возводят целые сооружения (в стволах деревьев, где устраивают ходы в земле) и т. д. Появление нового вида животных в известной местности быстро приводит к изменению „лица“ этой местности, к изменению в флоре и фауне. Суть, однако, в том, что это **воздействие** производит животное помощью органов, созданных природой, а человек—помощью орудий, созданных им самим.

поэтому не определяют, а о п р е д е л я ю т с я производственными отношениями.

§ 10. **Общество и борьба классов.** Отношения между людьми в обществе тем более сложны и разнообразны, говорили мы выше, чем сложнее и разнообразнее орудия производства, созданные обществом. Но это разнообразие может иметь исключительно технический характер — характер технического разделения общественного труда. В этом случае мы будем иметь гармоническое (согласованное) общество (по классификации Туган-Барановского), т.-е. общество, все члены которого при разных формах своих трудовых усилий направляют эти усилия на одну общую хозяйственную задачу и одинаково участвуют в согласованном трудовом воздействии на природу.

Отношение к орудиям производства было бы не отношением господства-подчинения (т.-е. что одни члены общества в л а д е л и бы ими, а другие подчинялись первым, р а б о т а л и ими); оно отвечало бы исключительно требованиям технической целесообразности — максимальной производительности общественного труда. Ясно, что лучший по качеству и больший по количеству продукт можно получить только тогда, когда одна группа работников (например, сапожников) будет пользоваться одними орудиями труда, созданными обществом (и накопленным при этом опытом-знанием), а другая группа (например, портных) — другими. Это будет разделение общества на технические группы (по специальностям, профессиям), но не на социальные (общественные) классы.

С о б щ е с т в е н н ы м и к л а с с а м и мы имеем дело только тогда, когда мы имеем перед собой, с одной стороны, людей, владеющих орудиями труда (средствами и орудиями производства), а с другой — не владеющих ими, а потому по необходимости (без средств и орудий производства невозможно создание ценностей) подчиняющихся первым и уступающих им известную часть произведенного их трудом продукта.

Теперь мы уже вместо несколько туманного выражения «гармоническое» можем сказать яснее: мы имели бы перед собой неклассовое общество, общество, которое в целом вла-

дает средствами производства, осуществляя ими согласованное трудовое воздействие на природу.

Такое общество не только можно себе представить, мыслить; таким обществом был (см. ниже § 27) первобытный коммунистический род (крайне бедное по своей технической скудости общество), таким обществом (только богатым, вследствие технического прогресса) будет коммунистическое общество, к которому нас неотступно ведет борьба пролетариата во всем мире.

Разнообразие общественных отношений может определяться (и на протяжении почти всей истории общества определялось) не исключительно техническим их характером (общей «борьбой с природой»), а борьбой отдельных лиц и групп внутри общества за овладение средствами и орудиями производства, и, следовательно, за овладение продуктом (или частью продукта) чужого труда. Тут мы уже имеем дело с «негармоническим», классовым обществом, распадающимся на классы, вечно между собой борющиеся.

И история общества — как установил Маркс — есть история этой борьбы — классовой борьбы. Не считая период первобытного родового коммунизма (когда орудия производства были так примитивны, что при их помощи человек не в состоянии был создавать излишка, на который покушался бы другой человек), мы этот факт борьбы встречаем на всех ступенях общественно-исторического развития. Изменялась напряженность и размеры этой борьбы, менялись группы, расслоение общества шло по разным линиям, менялись характер и формы этой борьбы, но в общем и целом она всегда была борьбой между классами владельцев средств и орудий производства и классами, отдававшими свою рабочую силу господствующим классам.

Это — не случайность, не каприз истории, а ее неизбежность, ее закон.

И вот почему нетрудно видеть, что отношение классов определялось отношением друг к другу в производстве, характером их участия в производстве: раб, например, участвует в производстве как работник, лишенный орудий и средств производства, насильно отдающий свой труд владельцу этих

срудий и средств; крепостной, имея свое собственное крошечное хозяйство, должен отдавать все свои силы не ему, а хозяйству крупного владельца средств и орудий производства (сеньора); рабочий в капиталистическом обществе участвует в производстве, как наемный рабочий, «добровольно» (т.-е. чтобы не умереть с голоду) отдающий свою мускульную и первную силу (и добавочный продукт) организатору — хозяину капиталистического производства, — капиталистическому классу.

Ясно дальше, что отношения распределения обусловливаются характером производственных отношений: тот, кто участвует в производстве, как владелец средств и орудий производства, берет себе львиную долю продукта; рабочему же, творящему ценности, но не имеющему своих орудий, уделяется ровно столько, сколько нужно, чтобы он не погиб, как рабочая сила, производящая ценности.

Отсюда следует, что общественный процесс производства в классовом обществе является вынужденным сотрудничеством, вынужденным и несогласованным (или, в лучшем случае, плохо согласованным) воздействием общества на природу. Внутри общества — противоречия, неизбежная борьба между классами, разным образом воздействующими на природу и в неравных долях пользующихся плодами этого воздействия.

Итак, факт борьбы классов в классовом обществе неизбежен. То же, что составляет содержание истории — и з м е н я е м о с т ь форм общественных отношений,—определяется характером классовых форм, т.-е. характером производства орудия производства в разные исторические моменты. Классовая борьба подчиняется тому же закону, что и все общественные отношения — закону развития производительных сил.

ОЧЕРК ВТОРОЙ.

КРАТКИЙ ОБЗОР ИСТОРИИ ПЕРВОБЫТНОЙ КУЛЬТУРЫ.

§ 11. **Происхождение человека.** Целые тысячелетия умами людей владела наивная библейская легенда о сотворении мира в шесть дней и об отдельном, божественном (по образу и подобию божию) происхождении человека. Еще в начале XIX столетия многие ученые (с великим Кювье во главе) утверждали, что все виды растений и животных, созданные отдельными творческими актами, существуют с начала мира такими, какими мы их теперь знаем, и что их число с тех пор не уменьшалось и не увеличивалось.

Расцвет естественно-научных знаний, осветивших вопрос о происхождении и развитии жизненных форм с разных сторон, привел к полному разрушению этих легенд. Современной наукой установлено с полной бесспорностью, что виды животных и растений вовсе не являются постоянными и неизменными, и что они являются преобразованными и измененными потомками животных и растений, населявших землю в прежнее — весьма отдаленное — время. Многие из прежних видов погибли, а многие, изменяясь — под влиянием разных обстоятельств — в неодинаковых направлениях, дали начало всем видам и разновидностям, существовавшим и существующим на земле. Гибель одних видов и сохранение и даже усиление других происходили (и еще теперь происходят), благодаря «естественному отбору»: отбираются, сохраняются, выживают «способнейшие», т.-е. те виды, которые получили какие-либо особенности или изменения, делающие их приспособленными к среде; погибают неприспособленные. Естественным отбором управляет борьба за существование между различными видами: всем живым существам (которых нарождается и может

нарождаться в миллиарды миллиардов раз больше, чем их есть на земле) не хватает места за пиршественным столом жизни; одни должны уступить другим; в этой борьбе выживают одни, а другие гибнут. Таким образом развитие животного мира представляется цепью гибелей и выживаний, поражений и побед, но в общем оно дает картину происхождения высших видов, более организованных и совершенных, от низших и неорганизованных, начавшихся много миллионов лет тому назад одноклеточными организмами.

Скелеты человека и человекоподобных обезьян (по Гексли).

Наука с неопровержимой убедительностью доказала, что человек не стоит особняком от всего животного мира; он — лишь последнее звено в цепи развития жизненных форм на земле. И развитие человеческого зародыша, и строение человеческого тела, и присутствие в человеческом организме рудиментарных органов (т.-е. сейчас неспособных к употреблению, но функционировавших у отдаленных животно-подобных предков человека), и многое другое говорит о том, что человек принадлежит к животному царству, а в частности — к классу млекопитающихся. В этом классе человек занимает первое место среди приматов [1]) и находится в кровном родстве с обезьянами (от которых он о т л и ч а е т с я — главным обра-

[1]) Приматы—первый отряд млекопитающих, к которому в настоящее время относят человека (одно сем.) и обезьян (несколько сем.).

зом, благодаря своему вертикальному положению — меньше, чем высшие обезьяны от низших). Человек и человекообразная обезьяна имеют, вероятнее всего, общего предка.

§ 12. **Человек в зоологическом состоянии.** О жизни человека в его животном состоянии мы имеем весьма смутные догадки. Несомненно одно, что человек — как и другие животные — подвергался медленному, но постоянному процессу биологического развития (т.-е. изменения его внешних, телесных форм).

Много данных говорит за то, что в этом процессе развития изменялись его передние конечности, принявшие форму руки — органа, отличающего человека от всех животных (даже самых высших). По мнению некоторых историков первобытной культуры (как, например, Кольб), именно устройство человеческой руки и дает на заре истории человеку превосходство над всем животным царством. Однако это утверждение нам покажется шатким и необоснованным, если вспомним, что многие животные, имея другие органы, куда лучше устроенные и более сильные, чем у человека, не смогли занять место впереди человека, или хотя бы рядом с ним.

Дело, значит, не исключительно в устройстве того или иного органа, а в способах добывания пищи, защиты и нападения, вызывающих совершенствование органа, т.-е. приспособление его к среде, превращение его в мощное орудие борьбы за существование. Бесспорным является также и то, что вертикальное положение человек принимает постепенно. Из четверорукого животного, — каким, вероятнее всего, был человек, — он превращается в «двуногого» в результате многовекового развития и борьбы. Борьба за существование послужила могучим стимулом (побудительным позывом) к выработке форм сотрудничества и социальных инстинктов

Как бы то ни было, но на заре человеческого общества человек в общем имеет тот же вид, что и теперь; строение его органов за весь длинный период общественного развития не меняется: вертикальное положение человека, устройство его руки и т. д. делает человека более способным изготовлять орудия. Прогресс (движение вперед) с тех пор переносится

с усовершенствования его органов на усовершенствование орудий производства; социальные же инстинкты его, вынесенные из биологического процесса развития, в новой среде все осложняющегося сотрудничества и организации трудовых процессов делаются мощным двигателем общественного развития.

Отныне человек, поднявшись с четверенек, завладевает миром не по «праву рождения» (божественного происхождения), а по праву труда и борьбы в тесном сотрудничестве с себе подобными. Свой тернистый путь, от жалкого животного до гения-исполина труда, он проходит при свете факела, им самим возженного, — всепобеждающего знания.

Действительность человеческого развития красивее всяких сказок об «аристократическом» происхождении человека.

§ 13. **Культура и труд.** Как ни красива действительность человеческого развития, но она не так легко совершалась. Свой путь от низших ступеней общественного развития до тех ступеней, на которых стоим мы, человек проделал мучительно долго и ценой великих усилий, жертв и гибелей многих поколений и многих человеческих групп.

Высшее состояние человека — материальное, умственное, нравственное — является результатом не стихийных сил природы, а овладения человеческим обществом этими силами. Было бы величайшим заблуждением думать, что явления природы — климат, почва, устройство поверхности, животная и растительная среда и т. д. — не играют никакой роли в развитии человеческого общества и отдельной человеческой личности. Ясно, что если бы не было почвы с содержащимися в ней химическими веществами, необходимыми для роста и развития растения, никогда бы человеку не удалось сделаться из собирателя случайных корнеплодов в производителя хлебных продуктов; если бы у человека была почва и он посеял бы на ней свои семена, он не получил бы всходов, если бы не было дождя или другой влаги, в которой химические вещества растворяются и в таком виде проникают в растения и дают им материал для построения тканей и для роста растения. Словом, если бы не было всего того, что мы называем силами и явлениями природы, то не было бы жизни, не было бы

человека, не было бы общества, не было бы развития... Но силы и явления природы составляют условия развития и деятельности человека, но не факторы этого развития.

Силы и явления природы, а также потребности человека (вытекающие из природы человека) — нечто постоянное и неизменяющееся. И дождь, и снег, и воздух, и химические элементы, необходимые для роста растения, и потребности человека (в пище, теплоте, свете и т. д.) — все это было, есть и будет. Все это не составляет самого развития, которое есть бесконечная изменяемость, течение, смена одной формы другой.

Меняются не силы и явления природы, а способы их использования, способы обработки предметов, даваемых природой. Меняется то, что мы называем культурой.

Самое слово «культура» по латински значит «обработка». И в общем смысле под культурой надо понимать все, что является результатом человеческой работы, все, что составляет совокупность созданного человеческими усилиями.

Выше (см. §§ 4 и 5) мы установили, что самое существование человеческого общества и развитие этого общества определяются в конечном итоге состоянием производства орудий производства, состоянием орудий труда, техники. Поэтому, когда мы говорим о культурном развитии человека, мы в первую очередь имеем в виду развитие и усовершенствование орудий труда.

«Результатом человеческой работы» является не одно усовершенствование техники. Происхождение и развитие семьи, государства, учреждений, нравственности, умственного превосходства человека над всем животным миром — все это есть результат культурного развития. Но развитие и усовершенствование орудий труда есть тот главный и основной успех культурного развития, который обусловливает все остальное. От состояния орудий труда зависят способы организации труда, организации общества, отношения между группами общества, умственное его развитие и нравственные представления.

Таким образом, беглое обозрение того пути культурного

развития, который прошел человек от состояния дикости, близкой к животному состоянию, до высших ступеней общественного развития, не может быть выполнено успешно без краткого обзора истории хозяйственной деятельности человека — истории развития орудий труда и тех форм общежития, которые должны были возникать, изменяться и исчезать в связи с возникновением, изменением или исчезновением тех или других орудий труда.

§ 14. **Первобытная культура.** Если мы хотим не только узнать отдельные факты или анекдоты из истории культуры, но и постигнуть ход и причины ее развития, е н должны обратиться к начальной точке пути развития человеческого общества. Мы должны проследить это развитие с первых шагов.

Обычно делят прошлое человечества на периоды исторический и доисторический. Под историческим периодом понимают те эпохи в истории человечества или отдельного народа, о которых мы имеем письменные документы и более или менее точное и отчетливое представление; доисторическим называют период, о котором мы не имеем письменных памятников и представления о котором строятся на догадках и косвенных указаниях.

Это не значит, что прошлое человечества или отдельного народа делилось в действительности на две совершенно разные части, что период доисторический совершенно не похож на исторический. Исторический период является продолжением доисторического, и было бы в высшей степени трудно и даже невозможно уловить линию водораздела между ними. Деление это скорее вызывается состоянием наших знаний этих периодов, чем фактической их разнородностью или различием.

Бесспорно, однако, что если мы возьмем крупные периоды времени или значительные этапы в истории развития того или иного общества, мы увидим значительную разницу между ними.

Период первобытной культуры и составляет такой крупный период, который значительно отличается характерными чертами от эпохи цивилизации, эпохи оседлого земледелия,

железных орудий производства, развитых форм семьи и государства и т. д.

Хотя слово «первобытный» часто повторяется, хотя мы часто слышим слова «первобытное хозяйство», «первобытная культура», «первобытный человек» и т. д., мы тем не менее не имеем точных сведений ни о том, сколько продолжалось это «первобытное состояние», ни даже когда его можно считать закончившимся. Приняв во внимание длительность первоначального развития, можно думать, что состояние так называемой первобытной культуры у всех народов, у всех человеческих форм, заброшенных в разные условия и обстановки жизни, продолжалось чрезвычайно долго. Раскопки, остатки человеческих скелетов, уцелевшие от далекой и седой древности, грубые орудия из камня, легенды и многие другие указания устанавливают факт существования и деятельности человека в крайне далекие времена — десятки и сотни тысяч лет тому назад.

Это, однако, не значит, что все человеческие группы, все человечество проделало один и тот же путь с одинаковым темпом. Не все человеческие группы, скажем 10.000 лет тому назад, находились в одном и том же состоянии культурного развития, а 5.000 лет тому назад — в другом, а теперь в совершенно равном состоянии цивилизации.

Наоборот, разные человеческие группы проделывали свой путь развития с разным темпом. Когда европейцы, побуждаемые интересами торгового капитализма (см. ниже, § 43) вторглись в разные страны вновь открытых материков, вооруженные смертоносным огнестрельным оружием и более высокой техникой, они во многих странах и среди многих племен застали состояние того, что можно назвать первобытной культурой. Еще и теперь — в век электричества и пара — мы встречаем в глубине материков племена, находящиеся в так называемом первобытном состоянии.

Поэтому под историей первобытной культуры мы не должны понимать определенного периода времени, а определенное состояние культуры, переживавшееся в разное время разными человеческими группами.

§ 15. **Начало человеческой истории и область земли, занятая человеком.** Мы не имеем точных сведений, позволяющих определить, когда именно началось вертикальное хождение человека или применение первых орудий, когда впервые человек стал добывать огонь или произносить слова, выражающие общие понятия. Трудно даже приблизительно указать исходную точку человеческого развития или даже установить тот период, когда наступила остановка в дальнейшем преобразовании человеческого тела, определившая человеческий тип и главнейшие расовые формы. Одно несомненно: эта эпоха очень далека от нашего времени. Хотя еще не посчастливилось найти несомненные доказательства существования в Европе людей в третичную эпоху [1]), но находки в Калифорнии [2]) и Аргентине [3]) подтверждают существование человека (или скорее предшественника его) в эту эпоху.

Дарвин и Геккель так рисуют нам наружность существа, бывшего непосредственным предшественником человека и жившего в третичную эпоху. Покрытое шерстью, оно, независимо от пола, имело бороду, остроконечные уши и хвост. Большой палец ноги отличался цепкостью и служил средством для лазанья по деревьям; самцы имели, кроме того, большие глазные зубы, вроде клыков. Анатомические особенности этих предшественников человека указывают, что они жили в лесах на деревьях.

В Европе самые старинные поселения человека можно отнести к периоду, предшествовавшему ледниковому. Это — многие сотни тысяч лет тому назад. Тогда в Европе был теп-

[1]) Третичная эпоха или третичный период (период, предшествовавший четвертичному, тянущемуся до настоящего времени), характеризовался неясным делением земного шара на климатические пояса. Климат различных частей Европы и Северной Америки был в первую половину третичного периода теплее, чем современный, и носил характер подтропический и даже тропический. Флора (растительное царство) и фауна (животное) носили в общем характер современный. Что касается присутствия человека в эту эпоху, то этот вопрос вызывает споры между учеными и до сих пор с точностью не решен.

[2]) Калифорния (по-испански значит „Горячий горн") — второй по величине штат Северо-Американского Союза. Занимает прибережную полосу Тихого океана, между 32 и 42° северн. шир. Самый большой город—Сан-Франциско, лучшая гавань в мире.

[3]) Аргентина—союзная республика в Южн. Америке, между 22° и 25° южн. шир., граничит с Атлантическим океаном. Главный город—Буэнос Айрес.

лый и влажный климат. В глубоких слоях земли находят теперь груды заостренных камешков, похожих на орудия, но еще не находили человеческих останков. О жизни людей, если они тогда были, мы почти ничего не знаем.

Вслед за страшными вулканическими извержениями с образованием громадных горных хребтов в третичную эпоху произошло чрезвычайное охлаждение климата. Громадные льды надвинулись с севера на юг и надолго закрыли большую половину Европы; остатки ледников еще до сих пор лежат на высоких гребнях Альп.

Когда лед отступил к северу, в наших странах еще несколько тысяч лет стояли холода.

И уже в после-ледниковый период мы встречаем частые следы человека. В глубоких засыпанных пещерах откапывают останки людей, груды каменных осколков, служивших этим людям орудиями, отбросы, по которым видно, какую они употребляли пищу.

Все эти данные не позволяют нам ответить на вопрос: как давно человек обитает на земле? Ибо даже геология [1]) пока не в состоянии с точностью определить, сколько тысячелетий предшествовали началу или концу ледникового периода...

Область земли, занятая человеком (так называемая э к у м е н а), подвергалась многим изменениям в течение человеческой истории. Эти изменения вызывались отчасти стремлением человека расширить область своего обитания, отчасти геологическими переворотами. Ледниковый период [2])

---

[1]) Г е о л о г и я—буквально (по-гречески) наука о земле. Задача геологии—изучение строения и истории развития земного шара. Она изучает физические свойства, строение, состав и происхождение горных пород, составляющих земную кору. Важной отраслью геологии является п а л е о н т о л о г и я—наука об ископаемых остатках животных и растений, помогающая выяснению постепенного развития растительного и животного царств на земле.

[2]) Ледниковый период—первая половина четвертичного геологического периода (т.-е. того периода, который тянется с конца третичного до настоящего времени). Ледниковый период ознаменовался чрезвычайным развитием ледников в северном полушарии. Не только Альпы, Пиренеи, Кавказ и крупные Азиатские горные хребты, но и большая половина Европы и Америки были покрыты льдами, медленно сползавшими во все стороны. В России льды доходили до Киева и Кременчуга и спускались в область Войска Донского.

временно сильно ограничил область экумены. Понижение почвы или разрушение берегов морем суживали экумену, поднятие почвы и наносы рек увеличивали ее. Истинной экумене (т.-е. той области, которую люди действительно занимали) можно противопоставить возможную экумену, охватывающую все области, где человек мог бы жить и где он еще по разным причинам не образовал стойких поселений. По мере роста человеческого населения и возрастания успехов культуры границы истинной экумены приближались к границам возможной: 1) рост населения побуждал человека расширять границы своего обитания, 2) рост человеческих знаний и успехи техники делали возможным заселение таких областей, в которых раньше человеческое существование было невозможно. Появление огня и одежды сделало, напр., возможным переход человека за границы жаркого пояса в умеренные, а потом и в холодные страны. Устройство жилищ тоже способствовало расширению области человеческого обитания. Уже первобытные народы умеют устраивать свои жилища так, что в них получается желаемая температура. Они строили их под землей или на сваях высоко над водой или почвой, чтобы ее испарения не могли достигать их (см. ниже § 21).

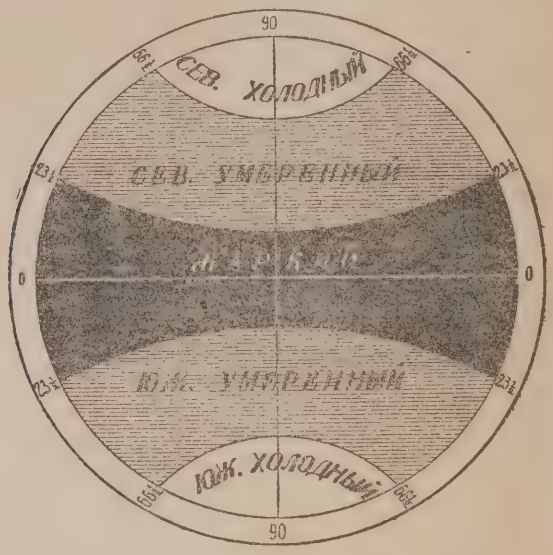
Культурная обработка почвы, извлечение из недр земли ее минеральных сокровищ, умение использовать водную стихию в интересах человеческого благополучия и т. под. — все это расширяет возможную экумену.

Где впервые появился человек и каковы были границы его первой истинной экумены?

На эти вопросы невозможно — по состоянию наших знаний — ответить. Опирающееся на библейское и индо-германские сказания традиционное представление, что колыбелью человечества была азиатская возвышенность, давно опровергнуто фактами. Древнейшие следы пребывания человека найдены в Америке, но нет еще достаточных данных, позволяющих принять этот материк или часть его за колыбель человечества.

Еще менее успешными оказались бы попытки точно установить границы человеческого обитания в пору детства человеческого рода. Одно должно, однако, допустить с вероятной непогрешимостью, что места первоначального зарожде-

ния человека были в тропических [1]) или субтропических [2]) лесах: только там мог существовать человек в пору своей полной беспомощности, когда он не имел ни постоянного огня, который бы его спасал от холода, ни одежды, ни жилища.



§ 16. **Раннее детство человеческого рода.** О первых и неуверенных шагах человеческого рода мы прямых свидетельств почти совершенно не имели. Однако, насколько естественные науки (эмбриология [3]), сравнительная анатомия [4]), палеонтология [5]) и др.) устанавливают родство человека со всем жи-

[1]) Тропическая область—пояс земного шара, лежащий между тропиками, кругами широты, отстоящей к югу (южные тропики) и северу (северные тропики) от экватора (линии, делящей земной шар на две равные половины) на 23° 28′ (23 градуса 28 минут). Тропический пояс называется (вследствие жаркого климата) еще ж а р к и м.

[2]) Субтропическая (или подтропическая) область—пояса земного шара, прилегающая с севера и юга к тропической области. При благоприятном устройстве поверхности характеризуется равномерностью климата, отсутствием снега, преобладанием зимних дождей и развитием богатой растительности.

[3]) Эмбриология—учение о развитии организма из яйца. Изучая все последовательные стадии развития зародыша, она помогает уяснить ход развития животного вида от низших ступеней до высших: Геккель провозгласил закон, что „онтогенезис повторяет филогенезис"—зародыш любого животного проходит такой же путь развития (в сокращенном виде), какой проделывает вид, к которому животное принадлежит.

[4]) Об анатомии см. примечание к § 9. Сравнительная анатомия имеет дело со всем животным царством, включая и человека. Сравнивая и сопоставляя строение отдельных органов и разных животных организмов, она делает общие выводы о развитии в с е х животных организмов.

[5]) Палеонтология—наука об ископаемых остатках животных и растений. См. примечание о геологии к § 15.

ботным миром, необходимо допустить переходное состояние — длиннейший период, продолжавшийся в течение многих тысячелетий, когда человек проходил свой путь от состояния животного до первобытного состояния человека. В этот период получеловек - полуживотное (каким его представляют Дарвин и Геккель) жил, вероятнее всего, в тропических и субтропических лесах. Он жил, вероятнее всего, на деревьях, так как только это могло его спасти от крупных хищных зверей. Пищей ему служили такие продукты, которые он находил в природе в готовом виде. Плоды, орехи, коренья, выкапываемые из земли составляли его растительную пищу; насекомые, черви и в лучшем случае мелкая дичь, которую ему удавалось поймать голыми руками, — животную пищу.

В отношении пищи и других жизненных условий человек зависел исключительно от природы: от климата и местности, ее растительного и животного царств, от времени года и т. д.

Зависимость от природы человека всегда существует, но она ослабляется с производством орудий труда. И чем эти орудия совершеннее, тем зависимость меньше. Еще и теперь эта зависимость различна при разных состояниях культуры. В то время как вооруженные высокой техникой и средствами транспорта культурные народы располагают в любой широте всеми средствами питания, современные дикие или отсталые племена питаются, главным образом, тем, что дает им окружающая природа. В растительных тропических странах преобладающей пищей является растительная пища, в бесплодных областях Севера эскимосы и самоеды питаются почти исключительно мясной пищей [1]).

---

[1]) В далекой Якутской области, в Колымском округе, автор, сосланный туда в начале XX столетия, смог убедиться в этой истине по личным наблюдениям и даже на собственном опыте. Наиболее стойкий народ этой полярной страны—якуты—еще кое-как перебивался на рыбной пище. Растительная пища—хлебные продукты, а тем менее фрукты—абсолютно были недоступны бедным жителям суровых северных округов Якутской области. В особенности там жестока зависимость от времени года; во время короткого лета—обилие рыбы и пищи, в долгую и суровую зиму—недоедание и даже муки голода. Заброшенный туда тушканий род юкагиров, бродивший по системе реки Поповки—притока Колымы,—находившийся накануне полного вымирания (от когда-то многочисленного рода в мое время оставалось человек 120), менее приспособленный к жизни, чем якуты—буквально на глазах умирал с

Если даже у племен, знающих способы добывания огня, умеющих строить жилища и пользующихся примитивными орудиями, зависимость от природных условий так велика, то как велика она должна была быть у «первых людей», только начавших свою борьбу со стихиями и окружавшим их враждебным миром!

И тем не менее уже в этот период человек поднялся немного выше окружавших его животных. В этот период человек совершил некоторые завоевания над природой и накопил некоторый опыт, который выдвинул его на авансцену мировой борьбы за существование.

Человек еще не производил орудий производства. Более совершенные (хотя на наш современный взгляд примитивные) орудия появились значительно позже (см. ниже § 19). Но человек — вследствие слабости своих естественных органов по сравнению с крупными хищными зверями — должен был часто пользоваться орудиями, которые он брал непосредственно из окружающей его природы. Камень и палка, еще пока не связанные воедино жилами животного, были первыми орудиями (мы их встречаем уже у высших животных). С этими орудиями он еще остается тупым, угнетенным рабом природы с неразвитым лицом; среди изнуряющей борьбы, в которой не прекращается ни на минуту опасность гибели, у него для умственной работы не остается времени. Но постоянное пользование — из поколения в поколение — искусственными орудиями приводит постепенно человека к комбинированию (соединению) этих орудий и их обработке (см. ниже § 19). Это кладет начало великим завоеваниям человеческой техники — производству орудий производства.

Могучим орудием в борьбе за существование — устапо-

голоду. При мне был случай, когда из семьи рыболовов-юкагиров (11 человек), потерпевшей неудачу в рыбной ловле на притоке реки Поповки, остался в живых только один человек, съевший девочку из этой семьи; остальные умерли с голоду. Вообще голод в этом несчастном крае—явление обычное. Так называемый „голодный пояс" (которым нередко затягиваются дикие племена южной Африки, напр., бушмены, и многие австралийцы, чтобы заглушить мучения голода) находят «применение» и в нашей Якутке. Якуты часто примешивали к скудной пище молодую древесину: «желудок полнее».

вили мы выше (см. § 4) — является общество, общественная жизнь. Это орудие выковывалось уже в ранний период человеческого развития. Правда, сила и об'ем общественных связей были крайне невелики даже в позднейшую эпоху. Но и в раннюю пору первобытной истории невозможно было обойтись без помощи других людей: отдельная личность была бы обречена на гибель. И, действительно, наука не знает ни в настоящем, ни в самом отдаленном прошлом таких людей, которые бы жили не в обществе.

Но что является наиболее крупными результатами развития этого периода, завоеваниями, определившими дальнейшие судьбы человечества, так это — завладение величайшей стихией природы — огнем и выработка (пока еще в зачаточной форме) мощного орудия общения и борьбы — членораздельной речи, языка. Огонь и язык — дети человеческого общества и в то же время его поборники, пособники и родоначальники.

На их роли мы остановимся в нижеследующих параграфах.

§ 17. **Огонь. Роль и значение его открытия и добывания для человеческого общества.** Если могут быть сомнения, существуют ли в настоящее время народы, не знающие употребления огня, то не может быть сомнения в том, что в отдаленном прошлом человечества или отдельных его групп был мрачный период, когда люди не знали огня или во всяком случае не умели его сохранять или добывать. Правда, это должно было быть очень давно, ибо доисторические находки указывают, что еще в эпоху ледникового периода человек грелся у огня и умел освещать мрак ночи горящими поленьями.

Когда же люди познакомились с огнем и когда они научились искусству сохранения его, а потом и добывания?

Современное знание еще не в состоянии дать на эти вопросы точный ответ, тем паче, что у разных человеческих групп способы открытия и добывания огня были, повидимому, различны

Познакомиться с огнем люди первоначально могли благодаря молнии, зажегшей дерево, извержениям вулканов, лесным пожарам, нередко возникающим без участия людей. Го-

воря об открытии огня, надо иметь в виду, главным образом, тот момент, когда человек постиг пользу огня для целей человеческого существования, ибо просто огонь человек мог видеть, как его видят и другие животные.

Таким моментом мог быть тот опыт, на который человек наталкивался случайно. Лесной пожар мог его убедить в согревательных свойствах огня. Человек мог убедиться на опыте в том, что корнеплоды и фрукты, которыми он пользовался в естественном виде, становятся вкуснее и мягче под действием умеренного огня. Такого рода наблюдения могли привести человека к мысли об использовании благодетельных свойств огня. Для этого он должен был стремиться к тому, чтобы этот источник благ сделался постоянным, а не случайным, то вспыхивающим с огромной силой, то совершенно прекращающимся. Он должен был притти и пришел к искусству сохранения огня.

Действительно, имеются многочисленные указания, что огонь на первых порах не добывался искусственным путем, а брался из природного источника и поддерживался. Первые люди могли доставать себе огонь не только от случайных пожарищ, но и из более или менее постоянных источников — из трещин остывшей лавы, под корой которой огонь тлеет долгие годы. В преданиях новозеландцев, австралийцев и многих других сохранились известия о том, что люди ездили за огнем на соседние вулканические острова. Сохранение «вечного или неугасимого огня» составляло для первых людей, пользовавшихся огнем, жестокую необходимость в виду случайности или трудности его получения. То была — как мы бы теперь сказали — экономическая причина. Впоследствии это стало у многих исторических народов обычаем, освященным стариной, обычаем, который стал для нас памятником, историческим свидетельством об отдаленной доисторической эпохе.

Этот обычай существует у австралийцев, полинезийцев, новозеландцев; он существовал у культурных народов древности: греков, римлян, славян. Культ [1]) «вечного огня» мы

[1]) Культ—поклонение человека тому, что он считает божеством, высшей силой, выражаемое во внешних признаках почитания.

встречаем в истории многих народов Востока и в том числе у евреев («вечная свеча»). В Скандинавии этот обычай существовал еще в XVIII столетии. Многие австралийские племена еще и теперь переносят огонь с собой в своих кочеваниях. Американские индейцы делали то же, что австралийцы, до того времени, как они ознакомились с огнивом европейцев.

Это первое завоевание — превращение грозной стихии в орудие хозяйственных целей — окончательно оторвало человека от животного мира. Ни один животный вид — даже самый высший — не знает огня.

Для человека прекратился мрак беспросветной жизни. Огонь дал ему свет, теплоту (главные его свойства). Огонь помог людям расселиться по земле, расширив на-ряду со многими другими завоеваниями техники — человеческую экумену (см. выше, § 15) до грандиозных размеров. Огонь служил человеку защитой от зверей и т. д.

Все эти великие удобства огонь мог доставлять еще в ту пору, когда человек научился только поддерживать и сохранять огонь, взятый у природы. Впоследствии же огонь сыграл и играет и теперь крупнейшую роль в промышленности.

Необходимость сбережения и поддержания огня сыграла большую роль в деле развития общественной жизни: ввиду трудности его сохранения и добывания огонь делается центром, очагом, вокруг которого сплачивается известная группа людей. Семейные культы огня у исторических народов (индусов, греков, римлян, германцев, славян и др.), а также и у современных дикарей свидетельствуют о том, что огонь когда-то сыграл значительную роль в зарождении и образовании семьи. О том, что огонь играл роль одного из важных связующих моментов для более широких союзов, чем семья, красноречиво свидетельствует то, что у многих народов существовали государственные очаги. В Греции и Риме существовали очаги богинь Гестии и Весты. Уходя в далекую колонию, переселенцы брали с собой огонь с священного очага и охраняли его как символ единения с центром союза — метрополией [1]).

---

[1]) Метрополия — буквально (по-гречески) «мать городов», название страны (в противоположность колониям), образовавшей из выселившихся жителей новые поселения или колонии и управляющей этими колониями. Метро-

Атимия — лишение гражданских прав в древней Греции — заключалась, между прочим, в запрещении брать у кого-нибудь огня. У славян существовал обычай пользоваться целый год огнем из костра, зажженного общиной. У германцев и славян и некоторых других народов существовал обычай брать огонь непременно у соседей, когда потухал свой; законы и обычаи карали, как величайшее бесчестие, отказ в огне соседу. Вечный огонь на жертвеннике у евреев, предложение огня как знака мира и союза у многих современных диких племен и многие другие подобные факты говорят о значении огня как образующего начала общественности в самых различных широтах и у самых различных народов.

При всей значительности такого явления, как сохранение огня, полученного из природного источника, т а к о е овладение огнем — еще неполная победа: человек зависит еще от случайности. И, действительно, т а к о й способ обладания огнем (сохранение) был свойственен еще крайне низким культурам.

Завершить победу могло искусство д о б ы в а н и я о г н я, т.-е. получение его искусственным путем. И победа эта была одержана не в результате случая или ряда случайностей; искусственное добывание огня возникло из техники обработки дерева и камня. Техника добывания огня у самых различных народов всех времен (до химических зажигательных средств нашего времени, насчитывающих какие-нибудь сто лет существования) сводилась, собственно говоря, к нескольким манипуляциям над деревом или камнем.

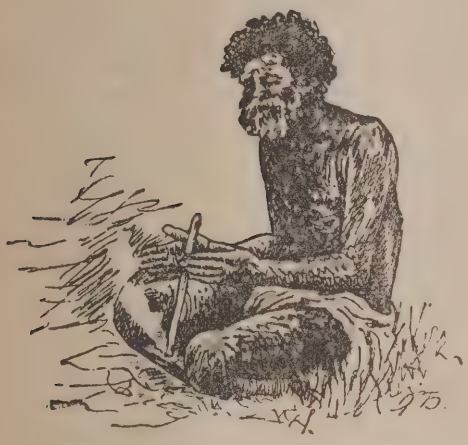
Разные зажигательные снаряды всех времен и народов носят на себе печать этого происхождения. Зажигательные сверла произошли от сверления дерева; добывание огня путем трения двух кусков дерева — от техники сглаживания дерева; «зажигательная пила» (см. ниже) — от резки и пилки твердого дерева; каменные огнива различных видов — от разби-

---

полия у древних римлян — город, в котором сосредоточивалось управление провинцией.

В настоящее время, когда в колонии превращены — с целью захвата рынков (см. ниже § 51) — огромные территории, населенные чуть ли большей половиной человечества — «метрополия» (вроде Англии) играет род насоса, выкачивающего из порабощенных стран все, что претворяется в капитал.

вания камня. При всех таких технических действиях наблюдалось возникновение теплоты и раскаленных искр, и это подавало мысль о сооружении снаряда, в общем довольно простого и незамысловатого. Материал, легко воспламеняю-



Австралиец, добывающий огонь сверлением дерева.

Австралиец, добывающий огонь трением.

Пила для добывания огня.

Туземцы Мадагаскара, добывающие огонь при помощи сверлильного дрила.

щийся от искры, необходимое дополнение всякого зажигательного снаряда, человек мог найти в опилках при работе над деревом, в сухой траве и листьях и т. д.

Что касается способов искусственного добывания огня, то они в общем немногочисленны. Самый распространенный

первобытный способ — трение двух кусков дерева. Следующий шаг — способ, заключающийся в том, что в щели гнилого дерева накладывали сухой травы и быстро и сильно водили палкой, пока трава не загоралась. Способ сверления или бурава сводится к тому, что в доске делается нарезка, в которую вставляется палка, быстро вращаемая между руками. Иногда зажигательные сверла представляют комбинацию дерева и камня. «Зажигательная пила» произошла от обработки бамбука и распространена по всей Индии и Индонезии до самой Австралии. Прилагаемый рисунок показывает такой снаряд. Он состоит из двух бамбуковых палок. По разрезам на одной из них водят острым ребром другой. Воспламеняемый материал представляют тонкие опилки, посыпанные в разрез.

Способы, связанные с манипуляциями над деревом, встречались и у древних народов Греции, Рима и Индии, о чем можно судить по некоторым пережиткам. Возобновление священного огня Весты (в Риме), когда он потухал, производилось сверлением деревянной доски. Индийские брамины добывали огонь таким же путем. Такой же обычай существовал у перуанцев (в Америке), а в некоторых глухих углах Европы и России добывание огня из дерева еще недавно считалось спасительным средством против падежа скота.

Каменная техника добывания огня могла появиться в период каменного века (см. ниже, § 19), когда человек готовил себе орудия из камня, главным образом, из кремня. Пещерные остатки свидетельствуют о том, что этот способ добывания огня был известен людям, населявшим Европу, в ледниковую эпоху. Воспоминание о нем осталось в значении греческого слова «пуритес», что значит кремень и огненный камень. Этот способ применяется и у многих современных дикарей, стоящих на самой низкой ступени культуры. Искусство добывания огня — дитя деревянной и каменной техники, но дитя сторицей вознаградило свою мать: оно обогатило технику тысячами новых возможностей и подняло ее на такую высоту, на которую она бы не могла стать без огня. Переход от каменного века к бронзовому, а потом и железному не мог бы совершиться без искусственного огня, ибо только огонь мог дать температуру, нужную для плавки руд.

Целый ряд областей даже первобытной техники стал возможен только благодаря искусственному добыванию огня. Бумеранг австралийцев получает кривую форму, благодаря мочке дерева и распарке его в горячей золе. Многие первобытные племена получают свои лодки выжиганием полости в стволе дерева [1]). Валка деревьев облегчается у многих племен поджиганием корней. Таких примеров можно привести тысячи. О значении огня в современной промышленности не приходится распространяться: век пара был бы невозможен без искусственного добывания огня.

§ 18. **Язык, его происхождение и значение для общественного развития.** Самые различные животные выражают свои ощущения боли, страха или радости в определенных звуках: вое, лае, криках боли и ярости, предостерегающих криках и т. п. Привычное ухо часто может уловить в этих звуках даже оттенки чувств, их вызывающих.

Эта способность выражения чувств в звуках имеет огромное биологическое значение. В борьбе за существование вида она часто играет такую же важную роль, как развитие и усиление органов защиты и нападения. Если бы, напр., вождь стада не издавал предостерегающих криков в тот момент, когда он чует опасность, стадо не бежало бы своевременно и сделалось бы жертвой хищных более сильных зверей.

И тем не менее ни у одного животного вида, даже у самого высшего, как, напр., высшие обезьяны, не образовалось из этих звуков того, что мы называем языком, членораздельной речью. Между тем у всех человеческих групп, даже стоящих на самой низкой ступени развития, мы уже знаем языки как совокупность слов для выражения м ы с л е й. Часто эти языки крайне бедны, состоят из нескольких десятков слов, но они всегда заключают, хотя немногочисленные, выражения действий и часто целых процессов.

Помимо того, что человеческий язык состоит из членораздельных звуков и что он выражает мысли, он еще отличается от способности животных выражать звуками свои ощущения, замечательным свойством, присущим исключи-

[1]) В Якутской области еще и теперь лодки изготовляются таким образом.

только человеческому обществу — способностью развития. Животное теперь, как и сотни или тысячи лет тому назад, выражает свои ощущения теми же звуками, и самое число этих звуков — весьма ограниченное впрочем — остается в общем одно и то же. Человеческий же язык у всех народов и племен беспрерывно развивается. Число слов беспрерывно растет, выражая все больше и больше мыслей, да и самые слова изменяются. Мы это знаем из личного опыта и наблюдений. Язык каждого из нас по мере накопления знания и опыта расширяется и развивается. Наблюдения путешественников над дикими племенами показали, что у первобытных людей язык обладает замечательной жизненностью — способностью к развитию и изменению.

Примеров этому много. Путешественники Центральной Америки, составившие себе точный словарь языков некоторых племен, вернувшись через 10 лет к тому же племени, находили у него массу новых слов, на-ряду с отмиранием некоторых старых. На маленьких островах Меланезии [1]) существует масса языков у отдельных родов, населяющих разные островки, хотя эти роды принадлежат к одному племени. Такое же разнообразие языков мы встречаем часто на небольшом пространстве земли (в особенности у горных жителей: на Северном Кавказе, напр., существует десять различных наречий).

Все это легко об'ясняется тем, что язык является продуктом общественного развития, покоящегося на развитии, умножении и усовершенствовании орудий труда (см. очерк первый).

И, действительно, зачатки речи начинают складываться в вышеописанную отдаленную эпоху, когда человек начал выходить из зоологического состояния и стал образовывать союзы, покоящиеся на совместном труде с применением орудий труда. Самое возникновение языка обязанно той связи, которая образует общество — трудовой связи. Наука об языке показывает, что речь произошла от так называемых трудо-

[1]) Меланезия—внутренний ряд островов, окружающих материк Австралии. Сюда входят острова: Новая Гвения, Бисмарка, Соломоновы о-ва, Санта-Крус, Новая Каледония, Новые Гебриды и Фиджи. Коренные жители Меланезии—черного цвета. К меланезийцам принадлежат папаусы.

вых криков, что новые слова были обозначениями действий (глаголы) и что лишь впоследствии появились обозначения вещей (существительные). Да и эти существительные на первых порах были обозначениями тех предметов, которые играли важную роль в трудовой практике.

Возникновение языка совпадает с происхождением песни, имеющей те же корни, что и язык — общественный трудовой процесс. Карл Бюхер в своей основательной книге «Труд и ритм» доказывает многими примерами, что почти всякая совместная работа у дикарей и в народных слоях сопровождается гулом, который из жужжащих тонов и бессознательных повторений вырастает в рабочие песни. Это уже переход от нечленораздельного шума к языку.

Вместе с языком (или, скорее, как порождение языка) вырастает и мышление, которое слагается из понятий, выражаемых словами и сочетающихся в мысли или идеи. Мышление совершается при помощи слов-символов, обозначающих те живые образы, которые имеются в сознании человека. И так как речь, слова, язык связаны с обществом и общественным трудом не только в своем развитии, но и в своем возникновении, то ясно, что и мышление возникло из общественного процесса производства.

Развитие языка у всех диких племен, как и у цивилизованных народов всех времен, вызывалось и вызывается расширением хозяйственного фундамента общества. Наблюдения путешественников и исследователей над жизнью диких племен в разных странах света показывают, что то, что имеет жизненное значение для дикарей, получает точные словесные обозначения; наоборот, если какое-нибудь действие или предмет утратили значение в жизненной трудовой практике, то слова, обозначавшие это действие или предмет, быстро забываются или отмирают. У культурных народов мы видим, что с развитием промышленности и техники неустанно расширяется и развивается язык. И смело можно сказать, что любая хозяйственная структура имеет свой язык.

Об языке больше, чем о чем-либо другом, можно сказать, что он вечно стар и вечно нов. Он очень стар, он старее всех

духовных завоеваний, достигнутых на почве общественного труда. Он стал складываться в тот отдаленный период жизни человека, когда он только что начал выходить из зоологического состояния. Но он гибче и более способен к развитию, чем все другие идеологии. Чуть ли не на глазах одного поколения язык часто меняется, обогащается новыми словами, делающимися обиходными, когда вчера еще их почти никто не знал.

Язык есть порождение общественного труда, но является в то же время началом, безустанно оплодотворяющим общественный труд. Уже в первый период своего возникновения слова, язык, приобретают значение организующей формы для трудового процесса. Слова регулируют труд, придавая движениям всех работников дружный и правильный характер. Они же вскоре приобретают смысл повелительного призыва к труду. Слова, кроме того, стали способом передачи и сохранения накопленного общественного опыта, опыта данной группы. Они расширяли круг знаний человека за пределы круга его личных наблюдений, ибо слова дают ему описание того, что он сам мог не видеть. Постепенно слова с обозначений человеческих действий переходят на описание внешней природы.

О значении языка для организации общественного труда у культурных народов не приходится распространяться: совершенно ясно, что сложный процесс производства был бы совершенно невозможен без этого замечательного способа общения участников трудового процесса.

§ 19. **Орудия каменного века.** До сих пор мы говорили о раннем детстве человеческого рода, о том периоде, когда человек только выходил из состояния животного и вступал в состояние первоначального общественного развития. Этот период соответствует тому, что Морган называет первой ступенью дикости [1]). Это еще период п о л ь з о в а н и я орудиями

[1]) Морган в своей книге «Первобытное общество» (русский перевод П. Румянцева, 1900 г.), а вслед за ним Энгельс в своей книге «Происхождение семьи, частной собственности и государства» из трех главных эпох истории человечества: дикости, варварства, цивилизации, делят каждую из двух первых эпох на 3 ступени—низшую, среднюю и высшую сообразно успехам производства средств питания. „Все великие эпохи человеческого

труда в том виде, как их находили в природе (камнем, палкой, костями, рогами и зубами животных). Но огонь и развивавшаяся способность мышления, в связи с развитием языка, подготовляли человека к производству орудий производства. Огонь, как мы видели, уже на первых ступенях человеческой техники облегчал обработку дерева. Он же помогал человеку и в разбивке камня. Разрывное действие пара знали, повидимому, очень давно. Даже австралийские племена, стоящие на крайне низкой ступени развития, умеют, накаливая огромные камни и обливая их потом водой, получать осколки, годные для их ножей и копий. Мягчительное действие пара на дерево тоже, вероятно, давно знали.

Важную роль для первобытного производства орудий труда должен был играть материал, который первобытный человек брал непосредственно из природы.

Древнейший материал, из которого человек научился делать себе орудия и утварь, был камень. Из камней особенно пригоден для этой цели был кремень с его острым изломом. При некотором терпении его края и острия можно еще лучше заострить. Ударяя о край камня другим камнем, можно получить стрелку, клинок или лезвие. Всадив такой заостренный камень в трещину палки и перевязав их жилами животного или растительными волокнами, можно иметь разные инструменты в зависимости от формы камня: топор, нож, скребок, шило и т. д.; насадкой камня, в котором проделана дыра, на палку получают молоток.

прогресса, говорит Морган, совпадают более или менее непосредственно с эпохами расширения источников поддержания жизни".

К низшей ступени дикости они и относят раннее детство человечества, переходное состояние человека из животного царства в социальное состояние, жизнь человека на деревьях, пищу из плодов, орехов и корнеплодов, выработку членораздельной речи и знакомство с огнем.

Мы в этом очерке ограничиваемся общим описанием развития человеческого общества до состояния сравнительно организованного хозяйства с приручением животных и возделыванием растений—периода, который Морган называет варварством. До этого периода ход развития одинаков для разных народов без отношений к месту их жительства. С этого периода начинаются различия в хозяйственном развитии. Мы будем о них говорить в следующем очерке о развитии хозяйственных форм.

Словом, из камня, обработанного известным образом, можно сделать самые различные орудия, которые удовлетворяли требованиям примитивной техники. Помощью этих ору-

Кремневый наконечник стрелы, (палеолит. эпохи) „громовая стрела".

дий первобытный человек мог наносить меткий и смертоносный удар преследуемому зверю, мог резать мясо, сдирать шкуру с убитого зверя, скоблить и прокатывать кожу и т. д.

Орудия из камня, дерева и кости древнего европейца (налево) и современного дикаря (направо).

Человек не сразу достиг того искусства в изготовлении орудий из камня, которые мы наблюдаем теперь у многих диких племен и которым, судя по раскопкам, обладали далекие наши предки на известной ступени развития. Начав с грубой обработки камня и придачи ему формы, только приближающейся к желанной и необходимой для его хозяйствен-

ных целей, человек в течение многих тысячелетий совершенствовался в искусстве изготовления орудий

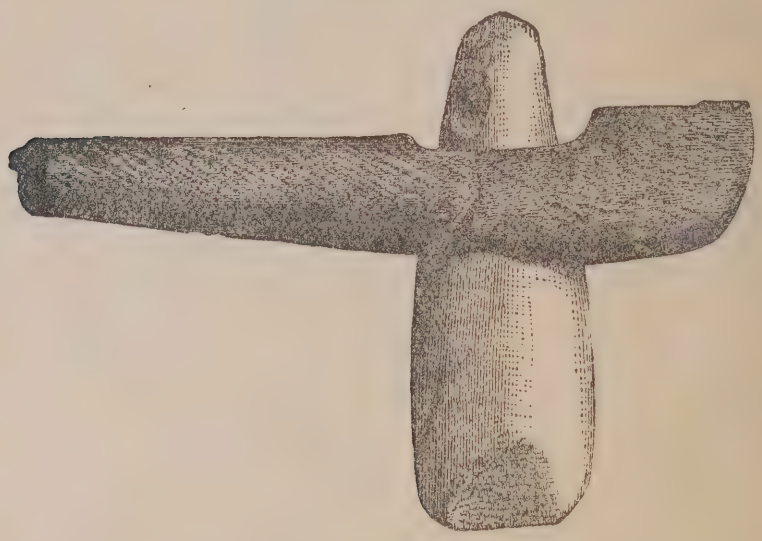
Каменный век (как называют этот период изготовления каменных орудий, бывший в истории всех народов) продолжался много тысячелетий до сменившего его бронзового или медного века, когда люди научились добывать металл. Каменный век представляет длиннейший ряд последовательных улучшений в области каменной техники. Но по важной особенности в изготовлении каменных орудий каменный век делится на старый каменный век (палеолитический [1]) и новый (неолитический [2]). К первому относится эпоха так называемого отбивного камня, ко второму — полированного. В первую эпоху камень приспособлялся к потребности тем, что от него отбивались известные части; отколотые ребра служили режущим орудием. Чрезвычайно важное для охотничьего быта орудие — скребок, которым сдирали кожу и очищали ее от мяса, представляет камень с одним толстым ребром и другим острым, получаемым путем отбивки частей камня. Молот брался прямо в руки, а впоследствии стал насаживаться на рукоятку.

Неолитическая эпоха (эпоха полированного камня) представляет в отношении техники орудий довольно высокую ступень культуры. Она характеризуется большим количеством орудий, применяемых к значительно усложнившимся потребностям человека. Отделка этих орудий, благодаря полированию поверхности, давала значительные результаты, приспособляя орудия к более высоким требованиям усложнившегося хозяйства. Люди новокаменной эпохи с большим искусством обтачивали и обсекали камни. Просверливая гладко отполированные каменные топоры, они всаживали в них рукоятки из дерева, кости, рога; эти рукоятки прикреплялись животными жилами или волокнистой травой к проделанным для этой цели бороздкам. Рядом с этими топорами существовал целый ряд других инструментов: пилки, кинжалы, стрелы, копья и т. д.

[1]) От двух греческих слов «старый» и «камень».
[2]) От греческих слов «новый» и «камень».

В настоящее время только в небольшой части земного шара живут люди, употребляющие в дело каменные топоры или употреблявшие их недавно

Орудия неолитической эпохи были настолько крепки, что ими можно было рубить деревья и обтесывать бруски. Это сделало возможным постройку прочных жилищ и целых поселений и облегчило переход от свайных построек (см. ниже, § 21), начавшихся еще в старокаменную эпоху, к жилищам, приближающимся к современному типу. С помощью этих



Каменный топор с деревянной рукояткой неолитической эпохи.

орудий и огня удавалось сделать из цельного дерева лодки, которые сыграли решающую роль в тогдашних передвижениях

Усложнение производства каменных орудий вело к тому, что это стало для некоторых групп правильным занятием, ремеслом. Это вело к общественному разделению труда. Если в начале железного века — века металлических орудий — важнейшим лицом считался кузнец, то в эпоху неолитическую таким лицом является каменотес. Во многих местах при раскопках находят целые мастерские каменотесов.

Появляется и гончарное искусство. В первое время этим делом занимались главным образом женщины. Плетеные корзины (или тыквенные и другие скорлупы плодов) обмазывались глиной. Получался сосуд для переноски воды, годный для того, чтобы ставить его на огонь и греть воду. Со временем могли убедиться, что глиняная обмазка превращается на огне в твердый сосуд. Нетрудно было дойти до мысли, что из одной глины путем ее обжога можно получить горшки. Еще в глубокой древности было достигнуто в горшечном деле сравнительно высокое совершенство. И теперь у многих племен достигнута сравнительно высокая техника этого дела.

Неолитическая эпоха сменилась эпохой металлической, которая наступила у различных народов в разное время. Камень сменился металлом — медью (реже) или чаще бронзой, которая уступила свое место железу. Металлическим веком (в особенности железным) и начинается исторический период. Железные орудия, хотя они вначале делались по образцу каменных, но они послужили могучим толчком к хозяйственному и к общественному развитию, не менее сильным, чем когда-то появление каменных орудий.

§ 20. **Развитие хозяйства и пища каменного века.** Трудно говорить о планомерном хозяйстве первобытного человека того периода, когда человек не пользовался огнем и не производил никаких орудий, хотя бы грубых. Забота о будущем была совершенно чужда такому человеку. Ему нечего было сохранять и накоплять, ибо или он скудные средства получал непосредственно от природы, или, когда их не получал вследствие стихийного бедствия, он погибал.

Но обладание огнем и производство орудий труда, хотя бы и грубых и примитивных, кладет начало хозяйственной деятельности человека. История хозяйства и начинается, собственно говоря, с того момента, как человек стал из камня, дерева и рога производить грубые орудия труда. Ибо хозяйственная деятельность направлена на приспособление природы и удовлетворение потребностей человека, а это приспособление возможно стало — пока еще в зачаточной форме — только тогда, когда человек вооружился орудиями, сделанными им самим.

Хозяйственная деятельность человека охватывает огромный и все расширяющий круг разностороннего воздействия на природу. В том кратком очерке мы можем остановиться на главных моментах этой деятельности, на тех моментах, которые для первобытных людей, стоящих близко к грани зоологического состояния, должны были играть первенствующую роль. Эти моменты — п и щ а и ж и л и щ е.

Первой потребностью, удовлетворения которой ищет всякое живое существо, является потребность в пище. Поэтому вопрос о питании был первым вопросом, возбуждавшим деятельность человека. Еще полуживотное - получеловек раннего периода, голый и скрывавшийся на деревьях, должен был отдавать свои силы удовлетворению этой потребности.

Пока, однако, человек не производил орудий труда, он в отношении пищи почти ничем не отличался от животных. Наиболее характерным для животных в отношении пищи является приспособление организма к питательной среде: если животное не приспособит организма к питательному материалу или не попадет в среду, богатую таким материалом, оно погибнет. Человек, сбивающий плоды палкой, подобранной им с земли, или хватающий голыми руками червей и насекомых, подобен животному: если он попадет в другую среду, где плодов и червей нет, а есть, примерно, река, богатая рыбой, или крахмалистые клубни, плохо усвояемые без воздействия огня, он погибнет.

Но, овладев огнем и вооружившись орудиями труда, человек смог, во-первых, приспособить питательный материал к требованиям своего организма и, во-вторых, добывать и производить предметы пищи, которых суровая природа ему сама не давала.

Чем питался первобытный человек в раннейшую пору своего развития?

Человек, повидимому, питался уже в самую раннюю пору и растительной, и животной пищей. Мы теперь не знаем ни одного племени, на какой бы низкой ступени различия оно ни стояло, которые рядом с растениями не употребляли бы мясной пищи. Бразилийцы едят муравьев. Негры бонго не брезгают крысами и змеями. У многих диких племен лягушки, пауки,

жуки и многие другие насекомые считаются лакомым блюдом. Для некоторых африканских племен нашествие саранчи считается праздником: она дает обилие животной пищи. И есть много данных, удостоверяющих, что первобытный человек еще до ознакомления с производством орудий труда, удовлетворял свою потребность в пище не только собиранием растений и плодов, но и ловлей мелких животных, которых он с'едал сырьем.

Первобытные земледельческие орудия.

Овладев огнем и начав производить орудия, человек направил свою деятельность по добыванию пищи и ее изготовлению по двум руслам: животной и растительной пищи. Усовершенствование охотничьих орудий (направленное на добывание мясной пищи) шло рядом (хотя и сильнее) с усовершенствованием земледельческих орудий (для добывания растительной пищи). От камня, который человек бросал в животное, он переходит к каменным топорам и копьям, лукам и стрелам, которыми он настигает животное на далеком расстоянии. От попадавшейся под руку палки, которой он раньше выкапывал корни невозделанных растений, он переходит к орудию, состоящему из палки заостренной или с насаженным на нее заостренным камнем. Выкапывая из земли растения, человек мог заметить, что растения лучше растут на взрыхленной земле. И он для разрыхления земли стал применять то самое орудие, которым он выкапывал из земли коренья. Но новое применение орудий по-

влекло и изменение его: удлиняется рукоятка, увеличивается загнутый острый конец. Это уже — мотыка, прародительница сохи и плуга, возникших значительно позднее, когда оседлое земледелие (см. ниже, §§ 29 и 30) сделалось главной основой хозяйства, главным поставщиком питания. Это произошло после того, как человек научился приручать животных и применять их к возделыванию поля.

Таким образом добывание пищи, питательных продуктов, производившееся при помощи орудий из камня, стимулировало, побуждало к развитию два рода хозяйственной деятельности: 1) охоту с развившимся из нее скотоводством и 2) земледелие.

Наиболее ранней стадией охоты при помощи о р у д и й была рыбная ловля [1]). Крючок из рыбьих костей и плот, из которого впоследствии развилась лодка, являются одними из древнейших хозяйственных орудий доисторического человека.

Эта новая пища и овладение огнем, делающим эту пищу усвояемой, помогли человеку еще в палеолитическую эпоху распространиться по большей части земли, о чем свидетельствуют многочисленные находки древне-каменных орудий в самых различных местностях. С изобретением первых видов каменного оружия, топора и копья, к этой мясной пище прибавилась дичь. Изобретение более сложных орудий — лука и стрел — сделало из дичи регулярное средство питания, охоту, одной из основных отраслей труда. Это сложное орудие развивалось на почве уже довольно высокой ступени культуры, когда мы встречаем целый ряд других сложных орудий, деревянные сосуды и утварь, зачатки поселений деревнями, ручное ткачество и т. д.; впоследствии к этому прибавилось гончарное искусство, знаменующее более высокую ступень развития.

Знакомство с огнем и изобретение каменных орудий значительно расширили и круг р а с т и т е л ь н о г о питания. Огонь сделал усвояемыми новые предметы питания: крахмалистые клубни и корни, испеченные в горячей золе. Каменные

[1]) Морган (и вслед за ним Энгельс) считает началом второй ступени дикости употребление в пищу рыб и других водяных животных, а также применение огня для приготовления пищи.

орудия облегчили добывание из земли и с деревьев корнеплодов и фруктов. На позднейшей ступени культуры с помощью более усовершенствованных орудий человек начинает в о з д е л ы в а т ь растения. Из наблюдения при сборе естественных растений, отдельные части которых он употреблял в пищу, он мог заметить, что зерна дают новые растения. И он начал бросать в землю зерна — с е я т ь. Это должны были быть зерна однолетнего растения, над которым нетрудно было сделать такое наблюдение и благодетельные результаты которого быстро сказываются.

И мы действительно видим, что наиболее распространенными растениями, возделывающимися в разные эпохи и во всех почти частях света являются немногочисленные однолетние растения. В Америке разводили маис или кукурузу, в южной Азии — рис, который дает громадные урожаи и составляет пищу большинства человечества и теперь. В Европе и некоторой части Африки таким растением было просо. Известная песня: «А мы просо сеяли, сеяли...» говорит о древности этого растения и в России. Затем к этим благодетелям рода человеческого присоединились ячмень, рожь и пшеница. То или другое растение находило наибольшее распространение в тех местах, где оно лучше всего росло.

Хотя добывание пищи шло с начальной стадии культуры одновременно в двух направлениях (животной и растительной пищи), но изыскание животной пищи поглощало больше сил и требовало более мощных орудий, чем первобытное земледелие, которое в сущности сводилось к добыванию из земли корней и клубней природных растений. И действительно мы на ранних ступенях развития в период каменного века (в особенности в палеолитическую эпоху) встречаем уже значительное разнообразие охотничьих орудий при бедности орудий земледельческих. На этих ступенях развитие охотничьего промысла идет гораздо интенсивнее, чем земледельческого.

Охота — в особенности до изобретения лука — была крайне трудна и хлопотлива. Женщине она была совершенно недоступна, так как ей приходилось кормить и носить детей. Поэтому уделом женщины делается примитивное земледелие, уделом мужчин — охота. У многих племен женщина пи-

тается только растительной пищей и не имеет права есть дичи. У австралийских негров мужчины-охотники стараются с'есть всю дичь на месте, а если они не в состоянии с'есть все, они остатки дичи хранят дома только для себя. На женщине лежало и все домоводство: поддержание огня, а у многих низших племен и постройка незатейливых жилищ.

Женщина с мотыгой.

Слияние хозяйственных ролей мужчины и женщины мы встречаем лишь на позднейших ступенях развития, когда земледелие достигло значительных успехов. Возможно, что начало сеянию положила женщина.

Еще и теперь у многих племен земледелие — женское дело. Во всяком случае, когда земледелие сделалось промыслом выгодным, хозяство начало строиться на взаимности услуг.

Огромное значение имела техника приготовления пищи. От поедания сырьем человек, с появлением в его обиходе огня, переходит к приготовлению пищи различными способами. Мы уже выше видели, как человек приготовлял пищу из крахмалистых растений. Мясо можно было жарить на огне, натыкая его на заостренную палку, жарить на углях, коптить и т. д. Впоследствии появились примитивные печи — каменные плиты, иногда с углублением. На раскаленных плитах, после того как потухал огонь и сгребались горячие угли, жарились куски мяса.

Таким же образом человек стал печь плоды и поджаривать зерна. Печение хлеба относится к позднейшим эпохам. Даже после того, как люди научились делать муку, перемалывая зерно обработанными для этой цели камнями, они смешивали ее с водой и гущу или тесто с'едали сырыми. Об'ясняется это тем, что действие огня на воду люди узнали поздно. Еще сравнительно недавно встречались племена, знакомые с огнем, но не знавшие кипячения воды. Замечательно, что человек узнал гораздо раньше приятные свойства пара, чем полезные свойства кипяченой воды. У подавляющего множества племен мы встречаем прототип бани: на раскаленные камни наливают воды, чтобы попариться.

Но когда действие кипяченой воды для изготовления пищи (варки) было открыто, это дало могучий толчок развитию гончарного искусства; для варки пищи понадобилась огнеупорная посуда, которую могли сделать только из глины (см. выше § 19). Это было уже переходом к высшим формам хозяйственного развития.

§ 21. **Жилище.** После потребности в пище насущнейшей является потребность в защите от неблагоприятных для организма климатических условий и от нападений хищников. Удовлетворение этой потребности — биологическая задача не только для человека, но и для животных. И, действительно, животные самых различных видов так или иначе эту задачу решают: от непогоды и хищников они скрываются в пещеры, берлоги, гнезда и т. д.

В этом отношении человек на первых ступенях культуры мало чем отличался от животных: он тоже только скрывался

в уготованные природой убежища. Мы уже знаем, что человек жил на деревьях, в пещерах (пещерные люди), ямах и т. д. Это все были убежища, которые предлагала природа.

Первым убежищем человека было дерево. Зоологи [1]) утверждают, что у человека остались рудименты [2]), говорящие о способности человека лазать по деревьям, о способности, какая имеется теперь у многих обезьян. Дерево давало ему и плоды; оно давало ему и пищу, и «жилище». Правда, теперь

Воздушные хижины

мы не знаем ни одного дикого племени, которое жило бы на деревьях, но временное проживание на деревьях мы наблюдаем у целого ряда племен. Ведды на Цейлоне, баттаки на Суматре, африканские племена Судана и Сахары устраивают время от времени свои жилища на деревьях. Египтяне и индусы считали деревья обиталищем духов, усопших — свидетельство того, что далекие их предки жили на деревьях.

---

[1]) Зоология—наука о животных. Теоретическая зоология в сущности охватывает все науки, изучающие животные организмы с разных точек зрения. Прикладная зоология изучает животных с точки зрения их пользы или вреда для человека.

Рудименты или рудиментарные органы — части тела, которые вследствие недоразвития неспособны к деятельности. Их рассматривают как остатки органов, которые у отдаленных предков были достаточно развиты, но вследствие отсутствия упражнения у целого ряда поколений подверглись ослаблению. Так, копчиковую кость у человека считают остатком когда-то существовавшего у предков человека хвоста.

Существуют еще и теперь племена, которые кладут покойников на площадки, устраиваемые на деревьях.

В Европе мы находим многочисленные следы жизни человека в пещерах и ямах, как естественных, так и искусственных. По всей Европе и России рассеяны пещеры, в которых находят каменные орудия палеолитической эпохи, кости мамонта, носорога и других животных, принадлежащих этой эпохе. Однако и в позднейшую неолитическую эпоху пещеры часто служили человеку наиболее надежным убежищем, хотя одновременно существовали уже постройки из дерева. Множество таких пещер встречается в Архангельской губернии, в Сибири, на Урале, на Кавказе.

Обитатели России жили в пещерах и позднее; об этом свидетельствуют предания греков, которые были знакомы с черноморским побережьем в глубокую старину.

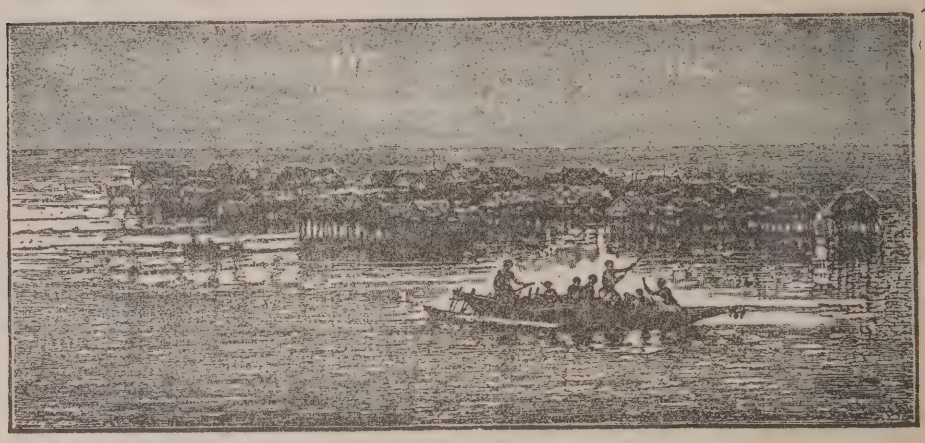
Ямы служили человеку жилищами от ледникового периода до исторического времени. Ими пользовались скифы, славяне, германцы, финны уже на высокой ступени культуры (когда приручали животных и пользовались металлическим оружием).

Все это, однако, было приспособлением данных природой убежищ, к потребностям человека. Они свидетельствуют о неспособности человека построить свое жилище только своими силами, как об этом свидетельствуют жилища эскимосов, устраеваемые во льду и снегу. И хотя они сохранились до позднейших времен, но появление их относится к самой ранней поре человеческого обитания на земле, когда он был близок к животному.

Как о человеческих жилищах, в точном смысле слова, можно говорить только об искусственных жилищах, строившихся при помощи орудий, сделанных человеком и являвшихся защитой не только для самого человека, но и для его достояния.

Такие жилища появляются уже после того, как человек научился пользоваться огнем. Огонь стал для человека тем, что заменяет солнце с его теплотой и светом; его нужно было защищать от дождя и ветра, ибо потухание огня создавало огромные трудности в особенности, когда человек только пока

охранял его, но не добывал искусственно. Родоначальником таких жилищ была ограда или даже одна стенка из прутьев или ветвей с густой листвой (с проходом для человека), защищавшая огонь от ветра. Стенка приняла со временем полукруглую форму, а ограда—конусообразную. Такие хижины мы еще и теперь встречаем у некоторых диких племен, напр., у огнеземельцев. Сверху оставалось отверстие для прохода дыма. Так складывалась постройка «курной избы», откуда дальше развился дом с очагом.



Озерная деревня на острове Новая Гвинея.

Пока это было жилище скорее для огня, чем для человека. В теплых странах — родине человека — он не нуждался в долговечном жилище, между тем как огонь ему нужен был постоянно.

К сравнительно ранней, палеолитической эпохе относятся так называемые свайные постройки, сохранившиеся, однако, довольно поздно. Это были хижины, построенные на сваях над водою. Сваи, вбитые в дно озера, соединяли поперечными брусками и на них настилали помост из балок; помост покрывался глиной, песком и булыжником, а на нем ставили несколько хижин. Свайная деревушка соединялась с берегом сходнями или разборной плотиной. Свайные постройки мы встречаем еще и теперь у некоторых племен Гвинеи и Африки.

Жилища на воде возникали, вероятно, еще в ту эпоху, когда человек, овладев огнем, стал добывать себе рыбную

пищу (см. выше § 20). Вода стала для него близким источником пищи (под рукой можно было делать большие уловы рыбы) и она же давала ему защиту от хищных зверей. Позднее, когда стало развиваться земледелие рядом с охотой (см. выше § 20), свайные постройки все же оставались хорошо защищенными жилищами. На берегу лежали леса и поля, в которых обитатели свайных построек охотились и вели земледельческое хозяйство. Еще позже свайные деревни появляются и на суше; такие деревни огораживались валом и рвом

Пока человек жил на своей родине — в теплых странах — у него не было необходимости строить долговечные жилища. Свои шалаши он легко бросал и легко строил новые, так как материал был всегда под рукой, а постройка была крайне незатейлива. Ему нужна была защита для огня скорее, чем для себя. В непогоду, которая бывала непродолжительна, он укрывался в пещеры, которые ему еще долго служили рядом с оградами из ветвей. Но, овладев огнем и новыми источниками пищи (см. выше § 20), человеческие группы расселяются по всей земле. И в северных холодных странах человеку уже нужно прочное и постоянное жилище, защищающее его от холода и непогоды, которая более продолжительна, чем в теплых странах. Пещеры, как мы видели выше, и тут являются в начале наиболее надежным жилищем, но из примитивных искусственных убежищ тут вырастают дома в современном смысле слова

Развитие жилища находилось в тесной связи с развитием хозяйства. Легкие шалаши могли годиться только при бродячем образе жизни наших далеких предков, занимавшихся «присвоющим» хозяйством, т.-е. больше всего пользовавшихся тем, что давала природа. Но по мере того, как хозяйственная деятельность человека развивалась, жилище становилось центром более или менее оседлой жизни. Жилище делалось постоянным и приобретало к тому характер хозяйственного центра. Если, напр., вместо простого собирания корнеплодов и фруктов начинается искусственная — хотя еще примитивная — обработка земли, то жилище делается центром вокруг которого расположены обрабатываемые поля. На первых порах, как мы говорили выше (§ 20), мужчины занима-

лись преимущественно охотой, а женщины — земледелием. Но это уже не прежние бродячие охотники, устраивающие свои шалаши, где попало, и покидавшие их в любой момент.

Теперь они после охоты — удачной или неудачной — возвращаются домой, в свое постоянное жилище.

Так как женщина вначале (см. выше § 20) была связана с домоводством и земледелием, то и заботы о постройке жилища были возложены на нее. У многих низких племен (напр., у эскимосов) еще и теперь женщины занимаются постройкой жилищ; при переходе с места на место она переносит на спине в мешках все несложное домашнее хозяйство. Поддержание огня стало женским делом и еще теперь остается обязанностью женщины у многих племен. В преданиях многих культурных народов добродетельная женщина представляется как охранительница семейного очага — пережиток того далекого времени, когда т о л ь к о женщина берегла огонь для согревания своих детей.

Женщина оставалась одинокой со своими детьми и хозяйством и она была вынуждена строить более обширную хижину, которая является уже не случайным пристанищем, а прочным обиталищем семьи и центром хозяйства. На первых порах эти обширные хижины строились конусообразно и покрывались или листьями деревьев, или землей, или корой, или шкурами животных; в середине помещался очаг, дым с которого выходил наружу через отверстие, которое оставлялось в месте схождения жердей. Со временем земледелие становится основным занятием, а охота и выросшее из нее скотоводство — побочным или подчиненным требованиям земледельческого хозяйства; мужчины становятся постоянными членами семьи, а потом и главами ее. Семья становится более обширной и сплоченной хозяйственной единицей; становится обширней и жилище; дом — центр хозяйства и семьи. Дом принимает четырехугольную форму, хотя внутри он имеет такое же устройство, как прежний шалаш, и верхнее отверстие для выхода дыма [1]). Древнейший греческий дом (и дома рим-

[1]) При летней поездке по реке Колыме, в Якутской области, мне приходилось останавливаться в якутских летних юртах, которые еще и теперь имеют устройство, близкое к устройству древнего четырехугольного шалаша: посреди юрты большой очаг, а в крыше большое четырехугольное отверстие,

ских крестьян) имел еще такое устройство. Лишь впоследствии помещение с очагом и отверстием для выхода дыма становится у многих народов (греков, римлян, славян, германцев) частью дома, особой комнатой (которая у греков и римлян называлась «черной комнатой» — «мелатрон» по-гречески и «атриум» по-римски, у славян — «черной или курной избой»).

С развитием техники и хозяйства развиваются и формы человеческого жилища: окна со стеклами, печи с дымоходом, всякие устройства, доставляющие удобства жизни, и даже стили, — являются результатом успехов техники и тех форм общежития, которые отвечают этим производственным формам

§ 22. **Формы общественной жизни в период первобытной культуры.** Выше мы установили, что общество является орудием борьбы за существование и что с самого начала своего существования люди должны были соединяться в группы для совместного выполнения задач защиты и добывания средств к существованию.

Но каковы были эти группы? Каковы были эти первичные ячейки человеческого общества? И как развивались эти ячейки в те мощные и широкие общественные союзы, которые мы знаем в исторический период?

Первичной общественной ячейкой должна была быть человеческая группа, связанная узами родства. Это не была семья в современном смысле слова, т.-е. группа из мужа, жены и детей. Формы брака и семьи развились значительно позже. Предания разных народов говорят, что в древности у них не было брака; и о славянах летописец Нестор говорит, что они «жили как звери», т.-е. не имели брака. Это была небольшая группа (для исполнения несложных задач примитивного хозяйства достаточно было небольших групп), жившая в беспорядочном половом общении: все женщины принадлежали всем мужчинам, и наоборот (такое состояние называют гетеризм). Родство детей с отцами не могло быть определено; это родство могло быть установлено только в отношении матерей, которые кормили детей и за ними ухаживали.

На первых порах, однако, эта связь между матерью и детьми ограничивалась только временем кормления и ухажи-

вания за ними; когда они вырастали, они уходили и связь забывалась и порывалась.

Со временем устанавливается запрещение брака между близкими родственниками.

Наши знания об этом периоде слишком недостаточны, чтобы мы могли с точностью об'яснить причины этого запрещения и проследить его ход. Можно предположить, что тут действовал закон естественного отбора (см. выше): так как родственные браки ведут к ослаблению потомства, то выжили только те человеческие группы, которые ввели у себя это запрещение, дававшее более сильное потомство.

Древнейшим было деление родственников по поколениям: в половое общение могли вступать члены одного поколения, братья и сестры (понимая под «братьями» и «сестрами» людей одного поколения, старшего или ряда младших). Со временем запрещение распространяется и в одном и том же поколении на родных братьев и сестер и даже на двоюродных (как у современных австралийских племен).

Так как человеческие группы еще невелики, то это запрещение приводит к необходимости искать себе жен из других групп. Жен добывали силой или — в позднейшие времена — покупкой или обменом женщин. Это сделало необходимым следить за родством и в чужой группе, куда переходили женщины своей родовой группы. Счет родства был установлен по женской линии: дети женщины считались принадлежащими к ее роду. У австралийцев все дети носят имя материнского рода; запрещение родственного брака распространяется на двоюродных братьев и сестер, носящих это родовое имя. Это и есть материнский род, матриархат (от лат. слова — «матер» — мать и греческого «архе» — власть), в отличие от будущего отцовского, патриархата («патер» по-латински значит отец).

Чем чаще и больше повторяется обмен женщинами между родовыми группами, тем они делаются ближе и родственнее. Образуется крупная группа, состоящая из родственников, принадлежащих к нескольким женским родам (фратрия — братство). У австралийцев, живущих рассеянными ордами, род и фратрия обозначают только родство; у народов, зани-

мающихся скотоводством и земледелием это — действительно группы людей, живущих вместе.

Экономические причины матриархата в следующем. При примитивных орудиях каменного века (см. выше § 19) разделение труда в родовой группе основывалось на физиологических признаках пола и возраста: взрослые мужчины занимались охотой, женщины и дети — первобытным земледелием (собиранием плодов, выкапыванием корнеплодов и т. д.). Таким образом хозяйственная связь существует между матерью и детьми, центром родово-семейного хозяйства делается женщина. Этим и об'ясняется, что у народов земледельческих фратрия становится устойчивым родовым союзом: при постоянном полеводстве переход женщины из орды в орду становится неудобным, так как женщина должна была бы бросать свое хозяйство. Поэтому род со счетом по женской линии собирается в одну группу, постоянно живущую на одном месте, мужья же делаются гостями своих жен.

И смена матриархата патриархатом имеет свои экономические причины. Во многих странах старого света из охоты развилось искусство приручения животных и скотоводства. Это создало колоссальное по тем временам богатство. Прежнее богатство рода было крайне скудное и состояло из жалких жилищ, грубых каменных орудий и пищи, которая добывалась изо дня в день. Теперь появляются стада лошадей, верблюдов, ослов, рогатого скота, овец, коз и свиней, — имущество, требовавшее лишь надзора и небольшого ухода. Главным источником питания делается пастушество. Это дает экономический перевес мужчине. Женщины должны были оторваться от своего поля, чтобы кочевать вместе со своими мужьями. Они входят в род мужчин. И род-то изменился: он уже заключал в себе детей, внуков, правнуков одной группы мужчин. Счет пошел по мужской линии

Впоследствии, когда применение рабочей силы скота к земледелию сделало это последнее оседлым и выгодным занятием, перевес мужчин еще больше упрочился.

Изменяется и форма брака. Еще в матриархальном роде женщины постепенно освобождаются от группового брака. Переходной формой от группового брака к парному был уста-

повленный у многих первобытных народов обычай, что женщины временно должны были отдавать себя всем мужчинам, после чего она получает право вступить в сожительство с о д н и м мужчиной. Сюда надо отнести «право первой ночи» (Jus primae noctis) [1]), существующее, как пережиток группового брака, у большинства обитателей Аляски, в Северной Мексике и у других народов. С переходом власти в роде к мужчине он превращает женщину в орудие деторождения и своих страстей. Так как счет ведется по мужской линии, то он стремится обеспечить себе уверенность в том, что дети — его дети. И он устанавливает для женщины единобрачие.

С развитием скотоводства появляются в роде рабы. Прежде, когда труд не давал избытка, захваченный в плен враг убивался, поедался или усыновлялся победившим родом. Теперь он мог пригодиться как рабочая сила: для надзора и ухода за стадом требовалось больше людей. Для этого и порабощается военнопленный враг. Род, владевший на протяжении всего матриархального и в начале патриархального периода имуществом сообща (см. ниже, § 26), делается теперь владельцем большого имущества, состоящего из скота и рабов. Род быстро разрастается. Он делается больше, чем это нужно для ведения общего хозяйства. В хозяйственном отношении даже удобнее было разбить крупное стадо на более мелкие: это могло облегчить пастьбу. И уже скотоводческие роды обнаруживают стремление к дроблению семьи — процесс, который завершается к началу оседлой земледельческой культуры (см. ниже, § 29).

Патриархальная семья мало похожа на современную семью, хотя в основе ее не всегда лежит многоженство. В ее состав входили рядом с женой (или женами) и детьми несвободные, рабы. Латинские слова familia (фамилия — семья) происходит от слова famules (фамулес — рабы) и в раннюю пору означало совокупность рабов, принадлежащих одному

[1]) Это „право" заключается в том, что невеста в первую свадебную ночь должна отдаться гостям (как это было в древности на Болеарских островах и у африканских авгилов) или предводителю племени. В некоторых странах Западной Европы это гнусное право принадлежало в течение всего средневековья помещику по отношению к его крепостным.

человеку. У сербов и болгар мы еще и теперь встречаем большую семью (задруга), охватывающую несколько поколений — потомков одного рода вместе с их женами и детьми.

Эта семья является переходом от группового брака к единобрачию. Моногамия (единоженство) возникает на почве экономических требований. Покупка жен, которою заменяется прежнее похищение их, делает жену товарной стоимостью, и не всем «отцам» была доступна покупка многих жен. Кроме того — и это главное — глава семьи делается собственником имущества и ему нужна хозяйка всего домоводства, которое предоставляется женщине — жене. Моногамия всегда была единобрачием только для жены; мужчина же фактически пользовался проституцией, которая всегда покровительствовалась властью мужчин.

§ 23. **Происхождение религии.** Религиозные верования и все другие явления так называемой духовной культуры имеют в основе своей хозяйственное развитие (зависящее от состояния техники).

У человека самой ранней эпохи не могло быть никакой религии: поиски средств к существованию, при отсутствии орудий труда, целиком поглощали человека, да и мышление у него еще не было развито.

Но когда человек овладел огнем и языком, а рядом и способностью мышления и стал производить орудия труда, у него освободилось некоторое время для размышления об окружающем мире.

На самой ранней ступени своего развития человек не умеет проводить резкую грань между жизнью и смертью. Он не различает явлений смерти, обморока, сна. Во всех этих положениях он видит человека в состоянии неподвижности. Он также видит, что после состояния неподвижности во сне человек встает и опять начинает двигаться, жить. И он мог принимать и смерть за сон. Правда, гниение трупа могло его убедить в очевидной разнице между смертью и сном или обмороком. Но так как до того, как он начал производить орудия, он был собирателем пищи, перекочевывавшим с места на место, то он оставлял мертвых в дороге, как и оставлял больных или сонных или впавших в обморок. Он не оставался

так долго на месте, чтобы явления разложения были им замечены. Поэтому, погребая своих мертвых, еще и теперь многие дикие племена кладут их на бок — в положение спящих.

С производством каменных орудий человек переходит к охоте (рядом с женским земледелием, см. выше § 20) и потом к скотоводству — к более устойчивому положению. Он может более внимательно наблюдать явления смерти и сна и установить их различие. Наблюдая большей частью насильственную смерть — человека от хищных зверей и животных от ран, нанесенных орудием человека — он видит, что с истечением крови из ран человек или животное становится неподвижным, уже больше не встает, а через некоторое время начинает разлагаться. И ему представляется, что из организма ушло какое-то особое существо — «душа» или «дыхание» (у многих народов эти слова — одного корня). Ему кажется, что «душа» так же управляет человеком, как он управляет орудием: была душа и было движение, ушла душа и «орудие» — человек лежит недвижимый. Явление сна он начинает рассматривать, как результат того, что «душа» или «жизнь» покинула тело.

Ушедшая душа ведет самостоятельное существование. Она становится «духом», как бы двойником покойника. Позднее у некоторых народов развивается представление, что душа стремится вернуться (а иной раз и возвращается) в свое тело.

Первобытный человек не различал материальное от нематериального, он не проводил отчетливой границы между чувственным и надчувственным, телесным и бестелесным. О «душе», пока она в теле человека, у него весьма смутное представление. Когда душа «выходит» из тела и делается «духом», он ее представляет как нечто такое, что в общем наделено теми же свойствами и потребностями, что и живой человек. Дух нуждается в пище, и если ему не дать ее, он будет страдать от голода, придет в ярость и будет мстить роду. Надо поэтому с духом жить в ладу. Если случалось какое-нибудь несчастие, то это об'яснялось злобою духа на сородичей-потомков за то, что они не оказывают ему достаточно внимания.

Первобытный человек приписывал духу те же желания

и потребности, какие он испытывал сам. Первой потребностью, удовлетворение которой поглощало все силы и все время человека, была пища. Значит и дух больше всего нуждается в пище. И чтобы расположить дух в пользу человека, нужно ему (духу) давать пищу. Поэтому первобытный человек часть своей пищи уделял этим духам. Еще и теперь у многих народов существует обычай, приступая к еде, отделять часть пищи тем духам, с которыми, по его мнению, надо ладить.

Это и есть начало жертвоприношений, которые в той или другой форме знали все народы.

С дальнейшим развитием производства каменных орудий усложнялась, как мы видели выше (см. § 20), охота, из которой развивалось скотоводство. Увеличивалась и роль земледелия. Это отзывается на развитии родовой организации и на религиозных верованиях.

Родовая организация усложняется. Теперь уже больше, чем раньше, разных хозяйственных ролей, большее разделение труда, и хозяйственная деятельность родовой группы нуждается в большей организованности. Появляются поэтому роли организаторские и исполнительные. Во главе небольшой родовой группы становится старейшина (патриарх) — организатор производства, хранитель всего трудового опыта группы. Его личность выделяется из ряда других личностей, и в воспоминаниях общины его «душа» выделяется из ряда других «душ». И если раньше почитались все предки, ряд отдельных предков, то теперь они с течением времени сливаются в единый образ предка — организатора, великого предка, приобретающего в глазах родовой группы характер божества. Ему, его воле, его благоволению или гневу, приписываются успехи или неудачи группы, ее процветание или упадок.

Скотоводческие группы в пределах определенной территории переходили со своим скотом с места на место. Группы встречались, расходились, иной раз враждебно сталкивались, но иной раз мирились. Отдельные группы, разросшись до известных пределов, превышающих хозяйственную необходимость, распадались на более мелкие группы. Между всеми этими хозяйственно-родовыми группами и их частичками связи неизбежно расширялись. Возникали первичные формы племени.

Названия групп различались по местонахождению этих групп (у реки, на горе, около озера, в пещерах и т. д.). Со временем группы стали получать свои названия от тех животных или растений, которые преобладали в их пище. Эти животные и растения стали как бы их родовыми значками — тотемами. Впоследствии эти животные и растения отождествляются с великими предками, давшими начало и жизнь роду.

Первобытная охота и даже скотоводство, при примитивных орудиях труда и неразвитых формах организации хозяйства, приводили часто к исчезновению или значительному уменьшению количества именно тех животных и растений, которыми питалась данная родовая группа. Охотники совершенно нерасчетливо истребляли дичь, не оставляя ей возможности принести потомство и выводить молодняк. Скотоводы перегоняли свой скот — в пределах известной территории — с одного природного пастбища на другое до истощения природных запасов. Земледелие — преимущественно женское, без применения рабочей силы скота — не могло доставлять достаточно пищи людям и скоту. Ясно, что именно те животные и растения, которые больше всего употребляются в пищу, больше всего истребляются и начинают исчезать. Это и есть животные и растения тотемические.

Люди, деятельность которых сводилась главным образом к изысканию пищи, не могли не заметить этого. Возникает сознание необходимости каких-нибудь ограничений в деле истребления тотемических животных и растений.

И мы действительно видим, что у многих народов далекого прошлого существуют запрещения и ограничения в употреблении тотемических животных или растений, — полные запрещения (табу) или временные (посты).

Моменты, когда запреты снимаются, как раз такие моменты охоты или рыбной ловли, или собирания плодов и семян, когда добыча или улов наиболее удачны и не грозят полным истощением запасов пищи. В такие моменты, приуроченные к определенному времени года, устраиваются празднества и пиршества в честь предков — тотемов.

Эти заповеди, табу, запреты, разрешения и всякие другие

нормы имели, как мы видим, глубокую связь с хозяйственной обстановкой и деятельностью племени или рода. Они носили характер упорядочения хозяйственной деятельности.

Во время празднеств совершались моления и заклинания, приносились жертвы великому тотемическому предку. Со временем складывается убеждение, что именно эти молебствия создают силу и власть рода, что они содействуют умножению благ.

Вера в чудодейственную силу тотемического предка выражается у тотемических потомков различно. Иной раз тотемическое животное делается жертвенным. Источая кровь из животного, старейшины или жрецы кропили ею верующих и сами ее вкушали. Это — зачатки будущего «причащения».

Вкушение от крови своего божества делало вкушающих как бы частицей своего предка. Эту связь, этот союз со своим великим предком, которого он обязывался кормить и которому приносил жертвы, он должен был использовать в интересах группы.

Дальнейшее развитие техники и сужение круга кочеваний сделали возможным погребение покойников в одном месте. По большей части погребаются черепа, освобожденные от гниющих частей, так как голова считается местопребыванием души. У некоторых народов все тело покойника подвергалось очистке от разлагающихся частей или же копчению, сушке, провяливанию.

Труп оставался поэтому некоторое время непогребенным. И возникает верование, что дух все это время блуждает в окрестностях и часто возвращается в свое прежнее обиталище; только после погребения он отлетает в «страну мертвых».

Часто старейшины или жрецы оставляют у себя какую-нибудь частичку тела покойника-предка, предполагая, что таким образом будет легче достигнуто общение с духом: ведь дух стремится вернуться к своему телу. У многих племен мы знаем обычай, по которому старейшины носят с собою косточки пальцев, зубы, ногти и другие неразлагающиеся части тела покойников — организаторов родовой общины. Это — начало «чудотворных мощей».

Скопление тел усопших в одном месте обеспечивает, по мнению родовой группы, постоянную близость духов, привлекаемых оставленными телами. В представлении рода возникает целое «царство духов».

Где же было это «царство духов» или «страна мертвых»? Их относили к тому или другому месту в зависимости от места погребения. Погребавшие в пещерах или расщелинах гор или глубоких мрачных пропастях помещали это «царство» глубоко под землей («шеол» [1]) древних евреев, «аид» или «гадес» древних греков, «бездна» христиан и т. д.).

Со временем с этим видом погребения соединяется представление о злых духах или «духах мрака», так как в пещере или расщелине царит вечный мрак.

При погребении на деревьях «царство духов» занимает территорию леса или сада. По ночам живые боятся проходить мимо воображаемого «царства духов», они его видят только днем, когда солнце обливает его яркими лучами. И этот сад или роща окружается в его представлении светом и благоуханием. Это — «рай» [2]).

Обычай выставлять трупы на высоких местах (на вершинах гор, холмах и т. д.), дабы их дух скорее заметил, подтягивает «царство духов» на «горную обитель». Живущие у рек сажают покойников в челнок, кладут туда пищу и оружие покойника и отталкивают челнок от берега; возникает представление, что «царство духов» находится где-то за рекой.

Всесильные духи могут явиться из пещеры, с гор, с деревьев, с высоты (неба) и т. д. И эти горы, пещеры, деревья приобретают в глазах родовой группы таинственную силу. Возникает поклонение камням, горам, деревьям, небу и т. д., которые становятся **фетишами** (идолами).

Для групп, у которых сохранились следы матриархата (см. выше § 22), родоначальником была женщина (или животное — тотем женского рода — волчица римлян и т. д.); при патриархате — мужчина. Первые люди рожались яко бы без

---

[1]) „Шеол" по древнееврейски значит пропасть, глубина, низина. В псалтири (псалом 113, стих 25) встречается выражение: „не мертвецы восхвалят господа и не все **нисходящие** в могилу".

[2]) У древних евреев рай и отожествлялся с садом: рай называется **садом** Эдема.

половых сношений. Иной раз этот предок сходится с женщиной, неизвестно откуда явившейся, и от них берет свое начало род человеческий. Позднейший христианский миф о беспорочном зачатии, о рождении от духа святого, берет свое начало от этих представлений глубокой древности.

Когда скотоводство доставляет богатство роду, когда совершается переход к оседлому земледелию с применением рабочей силы скота, происходит расслоение родовой общины. Выделяются высшие слои (касты) организаторов производства, воинов и жрецов, присваивающих прибавочный продукт. Богатые могут приносить более обильные жертвы и привлекать к себе симпатии духов-богов, бедные же, труженики, рядовые члены общины слишком мало могут предложить своим духам, чтобы склонить их на свою сторону... Да и души богатых и бедных идут в разные царства — царство богатых и бедных. Загробная жизнь так же поделена, как и земная [1]).

Позднейшие религии в несколько иной форме утверждают это преобладание и на земле, и на небе — власть богатого над бедным: своими жертвами и дарами, доставляющимися в значительной степени жрецам всех наций — священникам, раввинам, муллам и т. д. — богатый может откупаться или откупить своего родственника от разгневанного божества. В основе всякого поклонения и жертвоприношения лежит грубый дикарский расчет: поделись добычей с этим корыстным, мстительным и жадным богом, и он тебе поможет...

По мере расслоения рода на более мелкие группы все более усложняется его организация. Тут уже появляется ряд ступеней власти и богатства. Во главе стоит патриарх, но каждая группа имеет своего маленького патриарха. Там дальше идут деления по степеням власти. Получается лестница

---

[1]) В библейской легенде о Каине и Авеле слышатся отзвуки этого расслоения: Авель, богатый скотовод, приносит божеству богатые дары и „призрел Господь на Авеля и на дар его, а на Каина и дар его не призрел": жертва бедного собирателя „плодов земных" неугодна богу, он ее отвергает. И пошел „брат на брата": Каин и Авель—дети одного предка, члены одного рода, но уже расслоившегося. Каин убивает Авеля. Библия становится на сторону богатого Авеля и обрекает Каина на вечные муки и скитания.

властей. Такова же и религия такого рода — целая иерархия [1]) предков-божеств.

Когда образуется в результате столкновений и меновых сношений из разных родовых групп племя, в центре его стоит какая-нибудь наиболее сильная и богатая родовая группа. Ее бог делается «самым главным», все другие родовые боги подчиняются этому главному богу. Все боги составляют семью, в общем копирующую построение родовой семьи с первым богом во главе.

В результате расширяющихся меновых сношений и роста прибавочного продукта отдельные племена сливаются в государства. Бог господствующего племени становится главою всех других племенных богов и подчиненных им божков (родовых богов). Такой бог уже возносится бесконечно высоко над людьми, как «царь царей» возносится над обыкновенными смертными. Ибо раньше у члена родовой группы были родственные отношения с его родовым богом — предком, хотя великим, но предком. Теперь этот бог бесконечно далек и чужд. И он наделяется свойствами сверх'естественного существа, по своим силам бесконечно превосходящим людей.

Тотемические божества отдельных родовых групп были покровителями только свойственных данной группе источников питания. Но чем больше сливается групп и чем больше на задний план отступают отдельные родовые боги, тем больше разных источников питания и хозяйственного процветания входит в круг покровительствуемых занятий. Боги об'единяются в один круг и побочные свойства отдельных богов тускнеют, а более общие свойства, отвечающие общим силам и явлениям природы, выступают вперед. Им приписывается управление определенными силами природы.

При об'единении племен в государства вознесенным бесконечно высоко богам приписываются свойства, делающие

---

[1]) Иерархия—по-гречески „священнословие", духовная власть, идущая, по учению церкви, непрерывно от времен апостольских через ряд властей к „посвящаемым" наших дней. Это представление недалеко ушло от представлений первобытных дикарей, тоже полагавших, что сила, „благодать" передается от высших предков к ряду спускающихся предков. В общем смысле под иерархией следует понимать организацию нисходящих властей.

их выше отдельных сил природы. Их возносят на высоту звездного мира — названия небесных светил и созвездий и названия бога одинаковы. Возникает поклонение светилам.

В религиях культурных народов только более сложная организация божественной лестницы властей: она целиком отражает земную лестницу властей и угнетения одними группами других. Есть древнее изречение: «Царство земное подобно царству небесному»; если переставить части этого изречения и сказать: «Царство небесное подобно царству земному», то получится истинная картина истории развития религиозных верований.

ОЧЕРК ТРЕТИЙ.

КРАТКИЙ ОБЗОР ИСТОРИИ ХОЗЯЙСТВЕННЫХ ФОРМ И СОЦИАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ.

§ 24. **Что такое хозяйственное развитие.** Если мы станем рассматривать народное хозяйство в известный момент — напр., современное народное хозяйство, то увидим различные типы и формы отдельных хозяйств. Мы увидим крупные и мелкие хозяйства, огромные фабрики и мелкие мастерские, большие помещичьи имения и мелкие крестьянские хозяйства, колоссальные торговые предприятия и маленькие лавчонки и т. д.

Если мы станем рассматривать хозяйственную деятельность людей в разных странах, у разных народов и групп, или даже в разных местностях одной и той же страны, то и тут мы увидим большую пестроту и разнообразие форм хозяйственного быта, — от примитивных форм собирания плодов и кореньев до форм гигантских предприятий и сложной организации труда.

Внимательное изучение кажущейся на вид хозяйственной пестроты и неразберихи приводит к уяснению того, что во всем этом есть известная закономерность, что в развитии хозяйства разных народов можно найти некоторую общность пути.

Дальше мы убедимся, что есть г л а в н ы е формы хозяйства, дающие лицо данной эпохе и оказывающие в той или иной степени свое действие на в с е стороны хозяйственной жизни, но рядом с ними существуют другие формы, являющиеся неизжитым наследием прошлого — целого ряда эпох. Мы убедимся, что новые более сложные формы хозяйственных

отношений развились и развиваются из предыдущих — более простых.

Таким образом можно сказать, что хозяйственные формы не представляют чего-то устойчивого и постоянного, они безустанно видоизменяются, одни развертываются и крепнут, другие доживают кое-как свой век и гибнут, хотя они могли в свое время (и долгое время) быть главными, преобладающими и определяющими **все** формы общественного быта.

Было бы, однако, ошибочно называть хозяйственным развитием простую изменчивость хозяйственных форм. Если бы какая-нибудь высшая форма хозяйства (например, оседлое земледелие с применением рабочей силы скота) сменилась низшей, напр., простым собиранием плодов и кореньев, даваемых природой, то мы бы в этом случае имели бы изменчивость форм, но тут не могло бы быть речи о развитии. Под **хозяйственным развитием надо понимать смену низших форм хозяйства высшими.**

Что же мы называем высшими формами хозяйства?

Выше (см. § 3) мы видели, с одной стороны, что хозяйственная деятельность человека направлена к созданию и накоплению благ, удовлетворяющих потребности человека, а с другой, что создание этих благ возможно только при целесообразном приложении человеческого труда к предметам и силам природы. Наибольшее создание благ при наименьшей затрате человеческого труда — вот главная цель хозяйственной деятельности. Поэтому сравнивая разные формы хозяйства, мы можем называть ту из них высшей, которая способствует получению наибольшего количества продуктов при одинаковой затрате труда.

Хозяйственным развитием, значит, мы можем называть **смену низших форм хозяйства высшими, т.-е. неизменный рост продукции, производительности труда.**

Надо при этом помнить, что увеличение продукции не всегда улучшает положение всех производителей. Крепостное право увеличило продукцию, но положение крестьян ухудшилось, фабричное капиталистическое производство увеличило общую продукцию во много раз против прежнего времени, но

положение рабочих не только не улучшилось во столько же раз, но даже во многих случаях ухудшилось (см. ниже § 53). Но это об'ясняется не тем, что увеличение производительности — зло и шаг назад (наоборот, для в с е г о общества это — величайшее благо), а тем, что орудия и средства производства не в руках трудящихся, а их угнетателей.

Поэтому, когда мы говорим о хозяйственном развитии, мы имеем в виду о б щ е е развитие, развитие производительных сил в с е г о общества.

§ 25. **Первобытное присвояющее хозяйство.** Выше (см. § 16) мы останавливались на общем ходе развития человека и группы от зоологического состояния до первых попыток воздействия на природу орудиями труда, созданными человеческим обществом (или, скорее, отдельными его группами).

Как охарактеризовать хозяйственные формы этого маленького общества, только что начинающего свое шествие по пути «борьбы с природой»?

Эти маленькие человеческие группы еще оказывали очень слабое воздействие на природу или совсем не оказывали его. Они еще не производили орудий труда, хотя и пользовались — в весьма ограниченном размере впрочем — предметами, данными природой как орудиями (о разнице между производством орудий производства и пользованием ими см. выше § 6). Даже на несколько высшей ступени развития они только п о л ь з о в а л и с ь огнем, сохраняли его, поддерживали (см. выше § 17), тем огнем, который давала им природа, но не добывали его искусственно.

При таких условиях люди не в состоянии еще были создавать продукты; они п р и с в а и в а л и готовые продукты, которые они находили непосредственно в природе. В качестве основных способов добывания пищи (а это поглощало все силы и внимание человека) одинаковое значение имели как первобытная охота, так и примитивное земледелие. Первобытная охота заключалась в хватании всего, что легко дается, что можно взять или голыми руками, или благодаря превосходству физической силы. Это был способ «присваивания» того, что дается природой. «Земледелие» — преимущественно женское — заключалось в собирании плодов и кореньев и в луч-

тем случае в добывании их из земли помощью палки (развившейся лишь впоследствии в сложное орудие).

В общем охота, как способ добывания пищи, развивалась сильнее, чем земледелие. Каменные орудия нападения на животных уже в раннюю пору палеолитической эпохи (см. выше, § 19) представляли большее разнообразие, чем орудия раннего земледелия. В последнем мы видим сравнительно долгий застой. Лишь только после того, как из охоты развилось искусство приручения животных и применения их силы к земледелию, последнее стало расцветать и сделалось основным занятием огромного большинства населения. Пока же земледелием занимались наиболее слабые слои родовой группы — женщины, связанные к тому обязанностями ухода за детьми.

Присвояющее хозяйство поэтому часто отождествляется с хозяйством низших охотничьих племен. Еще и теперь мы встречаем дикие племена, ведущие присвояющее хозяйство.

Размеры таких групп невелики: для ведения такого хозяйства с несложным разделением труда (по полу и возрасту) достаточно небольшой группы.

И, действительно, на заре человеческого общества люди жили небольшими группами или родами. Многие племена Африки, Америки и Австралии и теперь живут такими небольшими группами.

§ 26. **Первобытный родовой коммунизм.** Хозяйственные формы, говорили мы выше (§ 5), определяют формы общежития, общественную организацию. Какова же была общественная организация в период присвояющего хозяйства?

Как можно судить по преданиям древности и по наблюдениям над дикими и полудикими народами (как бразильское племя ботокуды и другие), эти роды в своей хозяйственной жизни придерживались коммунизма: общего труда (охоты и рыболовства), общего потребления (добыча делилась поровну между всеми) и общей защиты от зверей и враждебных родов. Эти роды не знали института частной собственности: все принадлежало всей родовой группе.

Впоследствии, когда формы первобытного коммунизма уже исчезли и лишь смутно сохранились в памяти древних

культурных народов, мы в легендах, преданиях, в поэзии встречаемся с воздыханиями по «золотом веке», по первобытном коммунизме. В литературе XVIII в. сильно поэтизировалось «естественное состояние» диких племен с отсутствием у них частной собственности, законов, стеснительных норм и т. д.

На самом же деле первобытный коммунизм составлял полную противоположность идеалу современного коммунизма. Осуществление современного идеала коммунизма возможно только при широких рамках мирового хозяйства и строится на высоком типе производстве и на интересах всего трудящегося человечества. Первобытный коммунизм был неизбежен для той формы хозяйства, которая была связана с невысоким уровнем техники, с примитивностью орудий производства. При этих орудиях человек еще недалеко ушел от звериного состояния и средства к существованию добывал себе тем, чем их добывали себе его тогда еще близкие родственники из звериного царства — первобытной охотой и рыболовством. Это требовало, при слабости отдельного человека, совместного труда небольшой группы людей, какой и являлся связанный кровными узами род.

Первобытный коммунизм был поэтому замкнутым, он шел не дальше пределов небольшого рода, который противопоставлялся всем другим родам — врагам: рыболовно-охотничий быт предполагает наличие значительного количества свободной земли, дающей возможность охотнику — по истреблении добычи на одном участке — беспрепятственно перекочевать на другой; соседний род и является поэтому конкурентом, врагом. На этой ступени хозяйства разделение труда очень слабо развито: охота, которой занимались мужчины, производится по принципу цепи, окружением животного; земледелие же, которым занимались женщины, было несложным собиранием плодов и кореньев, находившихся в природе. Это создает полную однородность общины, полную поглощенность личности родом. Самое отсутствие эксплоатации, т.-е. пользования чужим трудом, вызывается крайне низкой производительностью труда: при первобытных орудиях труда никто не производит избытка, т.-е. больше минимально необходимого

для жалкого существования. Этим и об'ясняется отсутствие рабского труда: покоренный род незачем порабощать, и он истребляется или даже поедается — первобытный коммунизм часто сочетается с канибализмом (людоедством). Первобытный коммунизм был коммунизмом бедности, отсталости, неразвитости личности и форм общественной организации, и он должен был распадаться и распадался, как только появлялись более усовершенствованные орудия труда и более высокие формы хозяйственной жизни.

§ 27. **Развитие охотничьего хозяйства и скотоводства; роль земледелия в скотоводческом обществе и у высших охотничьих племен.** Выше (см. § 20) мы указывали, что из охоты развилось искусство приручения животных и скотоводство. Существуют предположения, что приручение зверей производилось человеком далекой первобытной эпохи для забавы. И теперь еще многие дикари, не имеющие понятия о скотоводстве, приручают диких животных, из которых не извлекают никакой для себя пользы. Как бы то ни было, но полезность некоторых из прирученных животных, вероятно, рано могла выясниться для человека и он стал ими пользоваться для пищи и (позже) для работы.

Скотоводство — безусловно более выгодная форма хозяйства, чем первобытная охота, соединенная с первобытным земледелием. Пастьба больших стад скота и уход за ними требуют в общем гораздо меньше рабочих сил, чем охота за зверем и выкапывание первобытными орудиями кореньев. Охота на дикого зверя первобытного человека, вооруженного каменным топором, была занятием трудным и опасным. Примитивное земледелие при особенно благоприятных климатических условиях — значительно легче, чем охота. В Анголе (южная Африка) женщины еще и до сих пор возделывают маниок первобытными способами: вскопав (раз в 3 — 4 года) острыми палками землю, они сажают стебли маниока, который несколько лет под-ряд дает урожай. Но тут мы уже видим «посев» — более высокую форму, чем простое добывание из земли готовых корней или собирание готовых плодов. Ручное «присвояющее» земледелие давало, вероятно, очень скудные результаты, а там где климатические условия не были до-

статочно благоприятны, земледелие требовало много труда и давало мало результатов женщинам, вооруженным заостренной палкой или палкой с привязанным к ней заостренным камнем...

Тем не менее, ручное земледелие было первой формой примитивного хозяйства. Как мы видели выше (см. § 20), человек еще на самых ранних ступенях своего развития занимался собиранием кореньев и плодов. Это было первое что попадало в руки. Когда человек вооружился палкой, заостренной им самим, и заостренным камнем, естественно было обратиться к незатейливой обработке земли. Когда человек вооружился еще плохими каменными орудиями, но все же орудиями, им самим приспособленными к его хозяйственным целям, он смог сделать охоту одним из основных способов добывания пищи. Женское земледелие при этом играло роль важного дополнения к охоте хоть уже потому, что оно плохо ли, хорошо ли прокармливало женскую и детскую половину родовой группы.

Но при скотоводстве, более выгодном занятии, охота теряет свой характер основного занятия; земледелие тоже отступает на задний план: женщина - земледелец уходит к своему мужу - скотоводу и кочует с ним вместе, ибо для скота нужны пастбища и их приходится менять, когда они истощаются.

Было бы, однако, величайшим заблуждением думать, что скотоводство легко далось человеку, что оно явилось легким результатом забавы. Если первоначальное приручение некоторых животных и могло быть результатом забавы, то переход от «забавы» к скотоводству, как отрасли хозяйства, было делом не легким и отнял у человеческого общества не мало веков. Одно дело приручить зверя для забавы, другое — заставить его служить хозяйственным целям.

Взять хотя бы то, что дикие животные не размножаются или плохо размножаются в неволе, что молочные животные в диком состоянии дают ровно столько молока, сколько нужно для вскармливания детенышей, что заставить работать животное (хотя бы быка — для вспахивания земли) и трудно, и требует настойчивого приучения его в течение многих лет, и могло появиться на позднейшей ступени, когда наступала пора оседлого земледелия.

Таким образом скотоводство, как форма хозяйства, могло появиться в результате более высокого развития и общественного труда многих поколений. И лишь после того, как оно сложилось и оформилось, оно могло привести к тем последствиям, которые изложены нами выше (§§ 20 и 25).

Однако исключительное или преобладающее значение скотоводство могло получить не у всех народов и не во всех частях света (хотя скотоводство как подсобную форму мы встречаем у большей части племен). Исключительное скотоводство требует постоянной смены пастбищ и могло поэтому развиться лишь в Азии с ее обширными степными пространствами и отчасти в Африке. Там же, где этих условий не имеется на-лицо, поступательное развитие первобытной охоты может пойти по другому пути.

Еще Морган и вслед за ним Энгельс указали, что различие в естественных условиях привело к тому, что население американского полушария пошло другим путем, чем жители Азии. У американских племен мы видим, что охота делается более выгодным занятием, чем первобытная охота, а рядом с этим — более высокие формы земледелия. Высшие охотничьи племена насчитывают часто тысячи людей и имеют поселения в несколько сот человек. Они ведут охотничье хозяйство более рационально, без свойственных первобытной охоте хищнических приемов. Они умеют делать значительные запасы из мяса на то время, когда охота — по природным условиям — не может дать достаточно средств к существованию. У них встречаются более или менее развитое ремесло и меновые сношения, хотя и недостаточно устойчивые. Рядом с запасами мяса многие американские племена часто делают и запасы растительной пищи. У многих народов мы видим там сравнительно развитые формы земледелия. У индейцев, живущих к востоку от Миссисипи, ко времени открытия Америки (конец XV стол.) существовала кое-какая огородная культура маиса; индейцы новой Мексики, Перу, центральной Америки возделывали маис и другие питательные растения в искусственно орошаемых огородах и т. д.

Мы видели выше (см. § 20), что переход к скотоводческому хозяйству влечет переход от матриархата к патриар-

хату. Но изменения в общественной организации родовой группы не ограничивались одним переходом власти от одного пола к другому, они шли дальше — к расслоению родовой общины на социальные группы, к разложению родового коммунизма.

§ 28. **Авторитарная родовая община.** Требуя, как и охотничество, значительного количества свободной земли, скотоводство, однако, предполагает более сложные формы сотрудничества с разделением труда (мужчины пасут стада, женщины доят коров и коз и снимают шерсть овец, подростки или рабы несут сторожевую службу и т. д.). Более сложная организация производства требует более сложной организации общественного труда родовой пастушеской общины.

Раньше всего требуется организаторская деятельность, которая отделяется от исполнительного труда. На роли организатора или организаторов лежит целесообразное распределение различных работ между работниками, контроль за исполнением работы и разумным расходованием средств и рабочей энергии и т. д. Исполнять организаторскую роль и в то же время участвовать в рядовой работе невозможно. Организаторская деятельность становится со временем специальностью. Таким организатором, производственной властью становится (постепенно) старейшина, патриарх (от латинского слова «патер» — отец и греческого «архе» — власть).

Патриарх — не только «отец», связанный с родом кровными узами, но и «власть». В области производства зарождается личная власть, с одной стороны, и подчинение — с другой.

Значение патриарха укреплялось и беспрестанной войной, которая вечно кипела между разными родами. Столкновения между различными родовыми группами происходили и раньше, но теперь между кочевниками-скотоводами они еще сильнее обостряются: скотоводство требует обширных пастбищ и за эти пастбища идет постоянная борьба. Война же требует сплоченной организации и строгой дисциплины. Руководителем войны, как и организатором производства, является патриарх, и ему постепенно научаются беспрекословно повиноваться.

Более высокая производительность пастушеского труда делает выгодным порабощение покоренных соседей: скотоводы не убивают и не с'едают, как охотники, своих врагов, а берут в плен и заставляют нести сторожевую службу при стадах. В родовой общине появляются рабы (пока еще в небольшом количестве). Расслоение пастушеской общины идет дальше, когда родовая группа сильно разрастается. Скотоводство, помимо повышения производительности труда, создает новые способы передвижения (езда на животных, которая стала известна гораздо раньше применения рабочей силы скота к земледелию). Это облегчало сношения между разными группами рода, способствовало расширению границ его деятельности. Но разрастание родовой общины означает увеличение ее стад до больших размеров, а это делает более выгодным разделение на отдельные хозяйственные группы — семьи (см. выше § 22), которые хотя и остаются в роду, под одной властью патриарха, но ведут до некоторой степени обособленное хозяйственное существование. Постепенно на-ряду с коллективной (общей) собственностью (родовой) появляется и частная — на стада, захваченные путем грабежа или войны. Появляются богатые и бедные (владельцы больших стад и маленьких).

§ 29. **Переход к оседлому земледелию.** Размножение населения и, следовательно, рост потребностей человеческого общества требовали от человека более интенсивных форм хозяйства, чем охота и скотоводство (часто сочетавшееся с собиранием диких корнеплодов). На известной ступени развития, когда общество начинает производить такие орудия труда, при помощи которых можно искусственно добывать из земли продукты питания и пользоваться рабочей силой прирученных животных, совершается переход к крепкой земледельческой культуре, требующей оседлости и устойчивых хозяйственных форм с более широким разделением труда.

Переход этот совершился не в один день, он продолжался, вероятно, целые века. От простого собирания растительной пищи, составлявшего на низших ступенях развития одно из главнейших средств питания, люди переходили к выкапыванию ее раньше орудиями, данными природой (палкой и

острым камнем), а затем искусственными орудиями. Затем они начинают взрыхлять землю, вскапывать ее орудиями, которые они создают и постепенно совершенствуют, и с е я т ь.

Мы таким образом имели сравнительно развитую форму земледелия, которая могла предшествовать скотоводству и которую мы встречаем у многих племен, не знающих скотоводства. Однако такого рода земледелие долгое время оставалось у одних племен побочным занятием, у других — о д н и м из занятий, но не главным, преобладающим. О собственно земледельческом хозяйстве можно говорить лишь с того момента, как земледелие получает преобладающее значение в хозяйственной жизни и в деле питания людей.

Такое значение земледелие получило лишь после того, как скотоводство дало человеку рабочую силу скота, помощью которой можно было при меньшей затрате человеческой рабочей силы подвергнуть землю максимальной обработке с наибольшей производительностью. И если земледелие в начале скотоводческого периода отступило на задний план, то после оно сделалось главным источником именно благодаря скотоводству.

Преобладание земледелия не было упрочено сразу. Довольно долго еще уживается скотоводство с земледелием. Мы это видим у многих народов и между прочим у сравнительно культурных: у древних греков гомеровской эпохи [1]).

На-ряду с приобретающим все большее значение ячменным хлебом (который Гомер называет г а л ь ф и т а — «сила мужей») в пище преобладает м я с о, добываемое благодаря скотоводству и похищению скота — цели неприятельских нападений.

На-ряду с хлебопашеством греки занимались культурой деревьев (маслины, виноградной лозы, яблони, груши и т. д.).

---

[1]) Гомеровская эпоха—эпоха, изображаемая в великих и древнейших памятниках греческой литературы „Илиада" и „Одиссея", приписываемых поэту Гомеру. Расцвет гомеровской поэзии новейшая критика относит к середине IX века до Р. Х., между тем как в древности Гомера считали современником троянской войны, которую относили к XII веку до Р. Х.

В этих замечательных произведениях мы находим удивительно ясно нарисованную картину далекой старины, объективное описание жизни, обычаев и представлений народов, стоявших только на пороге истории.

Уже в эту эпоху совершается процесс расслоения общины на классы: многоземельных, малоземельных и даже безземельных (фетов — батраков). Плодоводство — при тогдашних орудиях производства — могло вестись только в размерах мелкого хозяйства, а это последнее требует частной собственности на землю.

С другой строны, применение рабского труда делало возможным сосредоточение в одних руках больших участков земли (обрабатываемых, впрочем, приемами мелкохозяйственного производства). И уже в Гомеровском обществе власть и влияние связываются с крупным землевладением; безземельный батрак же был предметом жалости и презрения — на батрака даже раб смотрел свысока, как на бездомного бродягу, который не знает куда голову преклонить. И хотя следы того порядка, когда земля составляла общую собственность, сохранились еще надолго неотчуждаемость наделов, общинное владение лугами и лесами и т. д., но уже к моменту оседлых поселений (маленьких государств-городов) мы видим общество, разделенное на классы, находящиеся в состоянии смертельной борьбы.

Борьба классов, эксплоатирующих и захвативших власть в свои руки, с одной стороны, и эксплоатируемых, неимущих и подчиненных — с другой; вот рычаг всех движений и перемещений в человеческом обществе, под каким бы небом оно ни находилось.

§ 30. **Оседлое земледелие.** Почти во всех странах древнего Востока, а впоследствии и Запада, мы наблюдаем окончательный переход к оседлому земледелию. Бродячие роды, племена и народы — охотники, рыболовы, скотоводы, знавшие, впрочем, и раньше примитивные формы земледелия, окончательно оседают на землю и подчиняют все формы хозяйственной деятельности (и связанной с ней общественной жизни) требованиям земледельческой культуры. Если в эпоху перехода (в Гомеровскую эпоху) мы еще видим, на-ряду с земледелием, старые формы скотоводства, то впоследствии скотоводство, как обособленная форма хозяйства, исчезает — оно делается одной из ветвей сельского хозяйства.

В начале того периода, когда земледелие делается глав-

пым занятием и источником средств питания, оно не под силу не только женской половине семьи, но и целой семье, если она работает отдельно от других семей. И примитивное «собирательное» земледелие требовало совокупных усилий женской половины рода; тем больше общности трудовых усилий требует земледелие с применением скота и тяжелых орудий. Очистка лесной площади под пашню, корчевка и ряд других подготовительных работ требуют совместного труда большого числа лиц. Совместного труда требует и способ посева с засыпанием каждого отдельного зерна.

Поэтому у многих низших земледельческих племен мы встречаем коллективную (общественную, совместную) обработку земли известными группами или поселениями. При этом земля считается общим достоянием группы или поселения.

Примером таких племен может служить племя багабосов (Малайский архипелаг). С раннего утра мужчины и женщины сеют вместе: впереди идут мужчины и приплясывая втыкают в землю кирки, а сзади женщины бросают в ямки зерна риса и засыпают землей.

Следы общественной обработки земли мы находим у всех славянских племен. «Печище» в северной России, «дворище» в юго-западной, «велика куча» у сербов представляют соединения в одном хозяйстве большого числа «рабочих рук» (родственников) под властью одного «большака» или «домачина». Это — патриархальные общины с властью мужчин (большак и домачин — всегда мужчины), хотя мы в древней Руси находим следы далекого материнского права. Земледелие древних славян было п о д с е ч н ы м, лесным: подвигаясь вперед, в лесную полосу, древние славяне вырубали леса, выкорчевывали пни и обрабатывали освободившуюся таким образом землю под пашню. Это была работа, требовавшая и лучших орудий (топора) и совместных сил большой группы людей. Такое земледелие не могло быть делом одних женщин, тут требовались силы мужчин. Отцовское начало поэтому восторжествовало над женским.

Имеем ли мы тут дело с коммунизмом?

Нет. Уж не все имущество рода является общим. Скот, сохраняющий еще значение одного из важных источников

питания и орудий производства, находится во владении отдельных семей. Что же касается общественной обработки земли, то она вызывается невысокой техникой: при несовершенных орудиях производства — отдельная семья не могла бы справиться с земельным хозяйством.

Но как только техника оседлого земледелия повышается (соха, плуг и т. д.), мы всюду видим распадение общественной организации обработки земли. Более тщательная обработка земли (распашка при помощи рабочего скота) и сопряженная с ней более крепкая оседлость приводит к разделу земли на участки, на которых ведутся отдельные хозяйства. Только время от времени производятся переделы; леса, загоны и пустоши оставались в общем пользовании.

Это есть так называемое общинное хозяйство. Общину мы встречаем в России (мир), у южных славян (задруга), в Германии и Англии, в Индии и т. д.

Хотя общинное хозяйство является — как и все предшествовавшие экономические формы — хозяйством натуральным [1]), но возросшие потребности создают почву для ремесла и обмена между разными общинами теми предметами, которых не может производить община по естественным условиям (положим, соль, которая не везде имеется). Мы действительно знаем во всех общинах (и в том числе древне-русских) ремесленников, соединявших, впрочем, свое ремесленное занятие с земледелием: кузнецов (главным образом), гончаров, кожевников, сапожников и т. д. Обмен, торговля были крайне слабы

В общине народники видели зерно социализма (см. ниже § 84). Но она ничего общего с социализмом не имеет и не имела. Хозяйство, как мы видели, при общине не общественное, а отдельное. Имущество принадлежит отдельным семьям. Передел же — переход отдельных полос из рук в руки — не является признаком «социального равенства», а еще недостаточно высокой техники. Все полосы обрабатываются одина-

---

[1]) Натуральное хозяйство—такое хозяйство, в котором все или почти все производится для собственного потребления. Все потребности в пище, жилище, одежде и т. д. удовлетворяются тем, что производится в данном хозяйстве.

ково и для нового хозяина безразлично, какая ему достанется полоса. Самые способы ведения хозяйства — мелкого хозяйства — не создавали почвы для крупного производства, об'единяющего трудящихся на почве единого общего хозяйства.

Рядом с общинной существует и частная собственность на землю, которая постепенно оттесняет общинную разными путями. Энергичные хозяева, более богатые орудиями, скотом и т. д., выселялись часто на «заимки», на пустоши и распахивали землю и заводили собственное хозяйство; в этом случае земля становилась их собственностью; земли, захваченные военным путем, поделенные между участниками войны, по большей части не переделялись.

В России община удержалась почти до последнего времени, но она влачила жалкое существование и не мешала (как и в других странах) ни образованию классов, ни закабалению трудящихся дворянами — помещиками. Община у нас даже довольно долго поддерживалась искусственно крепостническим государством в целях круговой поруки при уплате податей (см. ниже § 84).

Общинное хозяйство оставляло почву для образования высших классов, преимущественно военного. Крестьянам, привязанным к своей земле, не оставалось времени заниматься разным делом. Военное дело становится «искусством» более богатых и обеспеченных людей, которые в работе сами не участвуют. Образуется правящий военный класс, который со временем захватывает значительную часть земли и заставляет миллионы людей — трудящихся крестьян — работать на себя.

В общинном хозяйстве, с другой стороны, были рабы. Их еще было немного, и положение их было сравнительно нетяжелое, но они все же были неравноправные члены общины и со временем дают огромный запас рабского труда, которым пользовался высший класс.

Мы видим таким образом, что, несмотря на «земледельческий коммунизм», земледельческое общество уже при общинном хозяйстве распадается на классы. Во всех странах это вело к образованию высшего класса, который становился собственником огромных земельных поместий и эксплоататором земледельческого труда огромной массы трудящихся. Земледельцы становились рабами или крепостными.

§ 31. Расширение земельной площади. Значение этого расширения для хозяйственного и общественного развития. В течение многих веков — целых тысячелетий — мы наблюдаем «связь истории с землей»: все движения внутри человеческих обществ, как и внешние отношения между этими обществами, определяются, главным образом, «земельным вопросом».

Размножение населения побуждало к все большему использованию главнейшего источника жизненных средств — земли. Это могло быть осуществлено двумя путями: 1) лучшей обработкой одной и той же площади земли, благодаря совершенствованию орудий и способов сельско-хозяйственного производства, и 2) беспрестанным расширением обрабатываемой площади.

Человечество долго шло, главным образом, по второму пути.

Нельзя сказать, чтобы за многие тысячелетия совершенно не наблюдалось улучшений способов и орудий обработки земли

Известное повышение земледельческой техники мы видим уже при общинном хозяйстве. Когда начинает чувствоваться земельная теснота, делающая невозможным свободный переход с одной почвы, истощенной повторными посевами, на другую, — складывается так называемая «переложная система» земледелия. Земля делилась на части, которые попеременно засевались и «отдыхали». Когда одна часть земли истощалась, она забрасывалась и засевалась другая, уже «отдохнувшая».

Дальнейшим шагом была трехпольная система, господствовавшая в течение многих веков. Пахотная земля делится на три, приблизительно равные, части (три поля), из которых одна засевается озимыми, другая яровым хлебом, а третья остается под паром, служа в то же время и пастбищем для скота. Вместе с трехпольной системой появляется первая форма удобрения — унаваживание.

Но это повышение земледельческой техники совершалось крайне медленно, порой незаметно; порой мы наблюдаем в течение многих веков (в Римской империи, например) ухуд-

шение в способах обработки земли. Даже в последние столетия — эпоху великого расцвета техники, эпоху машинного производства — мы наблюдаем рядом с небывалым, почти чудодейственным расцветом городской промышленности сравнительно слабое применение улучшенных способов и орудий в сельском хозяйстве. Больше девяти десятых человечества остается пока при старых способах и орудиях. Действительное покорение земли, покорение скрытых в ней сил человеком, вооруженным знанием и орудиями, — задача будущего коммунистического общества. Можно смело сказать, что грозный вопрос о добывании избыточных средств для все растущего населения разрешался, главным образом, путем расширения площади земли, а не путем улучшения ее обработки. Это расширение производилось иной раз более или менее мирными средствами: когда избыточное население — по большей части, молодое мужское поколение, не находившее себе наделов на тесной родине — заселяло свободные или мало населенные земли. Примеров такой колонизации (заселения новых мест) в истории много. Так, избыточное эллинское (греческое) население оконечности Балканского полуострова еще в глубокую древность должно было перекинуться через Эгейское море к берегам Малой Азии, где в большей или меньшей степени заняло почти все острова восточной части Средиземного моря. Так образовалась «Эллинская кайма» к варварским странам Востока. Позже греческие поселения, благодаря тем же причинам, возникли на Черноморье

Яркий пример колонизации, вызванной отчасти приростом населения, отчасти напором враждебных сил, дает история России. Славянское племя занимало на русской равнине только небольшой юго-западный угол (теперешние Волынскую и Подольскую губ.); позже оно заняло среднее течение Днепра (Киевщину) и Полесье (Белоруссию); еще позднее продвинулось к Финскому заливу и Ладожскому озеру, и уже напоследок заняло Великоруссию (Московскую и ближайшие губернии). Расселение русского племени продолжалось и после образования Московского государства (за Урал — в Сибирь).

Пример завоевательного расширения своих земельных владений дает древний Рим уже в раннюю эпоху

своей истории. Первые сведения о Риме говорят о захвате земли пришельцами — италиками, превратившими туземцев в бесправных зависимых людей (так наз. клиентов). Позже, когда рост населения вызвал необходимость в новых землях, последние приобретались путем беспрестанных ожесточенных войн с соседями. При этом обыкновенно к владениям Рима присоединялась одна треть земли покоренного народа (под названием ager publicus — общественной земли). Вообще все войны Рима, давшие ему мировое господство и приведшие его впоследствии к полному упадку, затевались в погоне за землей и рабским трудом (для обработки земли).

Самый факт расширения землевладения и землепользования возможен был только на известном уровне техники орудий и способов производства.

При мирном завладении новыми землями, при завоевании их у природы (превращение дремучего леса, болотистой местности и т. д. в пашню или пастбища), требуется наличие более усовершенствованных орудий, чем те, которыми обрабатывалась старая почва. Так, для первоначального населения русской равнины (до славян) лес представлялся чем-то совершенно неодолимым, между тем как безлесную землю оно обрабатывало кое-как первобытными орудиями. Но славяне пришли с железным топором, и лес сделался главной опорой их хозяйства: они вырубили деревья, построили деревни, занялись «подсечным земледелием» (жгли срубленные деревья, получали в виде золы великолепное удобрение и сеяли на этом хлеб), занимались бортничеством — добыванием меда, охотой на лесного зверя и т. д. Это был полный переворот, сделанный принесенным железным орудием — топором...

Для греческого расширения площади землепользования требовалось сверх того известное состояние мореплавательной техники, для римского — известный уровень военной техники и организации и т. д., и т. д.

§ 32. **Общественные отношения на почве оседлого земледелия.** В период оседлого земледелия расслоение общества на классы достигает чудовищной противоположности между бедностью и богатством, между управляющими классами и управляемыми. На первых ступенях земледельческой куль-

туры мы видим еще формы коллективного (общественного) хозяйства и собственности. Следы их мы встречаем в древней Греции Гомеровской эпохи и в Риме — нивы и пастбища принадлежали не отдельным лицам, а родам (gentes), члены которых работали сообща и делили плоды своих трудов. То же самое мы встречаем в России и других славянских странах (см. выше § 22). Но уже и тут мы встречаемся с формами подневольного или зависимого труда (батраки в Греции, клиенты в Риме, холопы в России и т. д.).

На-ряду с общинным землевладением мы уже видели частную собственность на землю и на стада (см. выше § 28). Герои Троянской войны призывают защищать с в о й надел. В Гомеровскую же эпоху Навсикай, при основании нового города, отводит каждому поселенцу его с о б с т в е н н ы й участок земли. Со временем частная собственность на землю делается господствующей формой собственности.

Этот процесс совершался во многих странах и в России. Но мы останавливаемся на примере Греции и, главным образом, Рима ввиду того, что там он полнее всего проявился.

В Греции укрепляется о й к о с н о е (домовое) хозяйство, при котором дом (семья) является самостоятельной хозяйственной единицей, производящей почти все нужные материальные блага и их же потребляющей.

В Риме общественная земля (завоеванная у покоренных народов) раздавалась мелкими участками гражданам. Это еще пока создавалось крепкое крестьянство.

Со временем завоевательная политика, с расширением торговых сношений и захватом чужой земли и чужого труда (рабского), приводит к разорению крестьянства и росту мощи земельной аристократии.

Война разоряла крестьянство, отвлекая от трудового хозяйства лучшие рабочие силы, но обогащала крупных землевладельцев, предоставляя в их распоряжение дешевый рабский труд. При разделе завоеванной земли, она фактически попадала в руки богатых землевладельцев. Она доставалась им разными путями: прямо — как высшему военному сословию, или косвенно — путем аренды и скупки. На войне и в

управлении государством на первом плане стояли крупные землевладельцы.

В Греции земельные магнаты (анакты, знатные) приняли характер аристократической касты, возводившей свою родословную до богов; только они были в состоянии приобретать дорогое металлическое вооружение и боевую колесницу.

В Риме во главе управления и войны стояли патриции (высшее сословие — потомки италиков, покорителей туземного населения Рима), и они добились, чтобы покоренная земля (ager publicus) не раздавалась даром бедным гражданам, а сдавалась в аренду, что фактически и привело к сосредоточению в их руках почти всей земли: только они располагали достаточными средствами для внесения в казну аренды. Впоследствии они добились перехода земли в их полную собственность.

Постепенно в руки крупных землевладельцев стала попадать и «коренная» крестьянская земля.

В особенности это имело место в Риме. Уходя на войну, крестьянин часто продавал за бесценок свою землю крупному землевладельцу. Рядом с войной — постоянной, беспрерывной войной — причиной разорения крестьянина являлась его неспособность конкурировать с привозным хлебом из более плодородной провинции (Сицилия, например, удовлетворяла нужды армии и больших городов). Крестьянское хозяйство побивалось и местным крупным землевладением, пользовавшимся дешевым рабским трудом и применявшим более совершенные способы обработки земли.

В результате всех этих и многих других причин происходит постепенное вытеснение мелких трудовых владений с полным упадком крестьянского трудового хозяйства и образование крупнейших поместий или латифундий (lati — обширные, fundi — земли), сосредоточенных в руках богатых землевладельцев. Эти крупные поместья обрабатываются подневольным трудом рабов, число которых все растет и достигает чудовищных размеров. На крайних полюсах общества становятся два враждебных класса — крупные землевладельцы и рабы.

§ 33. Рабовладельческие культуры. В рабовладельческом обществе трудящийся класс не составляется исключительно из одних рабов, точно так же, как в предшествовавшие эпохи, он не составляется из одних только свободных крестьян и батраков. Как раньше мы встречали в семьях (в ойкосном хозяйстве) немногочисленных рабов, так и теперь мы рядом с рабами встречаем еще крестьян, и в городах пролетариев. Но все формы жизни уже подчиняются отношениям между рабами и их владельцами. Это значит, что в разных областях хозяйства рабский труд приобретает преобладающее значение, нерабский же труд теряет свое прежнее значение. Прежние рабы, которых мы встречаем уже в Гомеровскую эпоху, жили в крестьянских семьях или общинах на положении «челяди», членов трудовой семьи, работали вместе со своими хозяевами и даже часто ели за одним с ними столом. Теперешние рабы приравниваются к рабочему скоту и их число растет с каждым днем.

Почти все культуры древнего Востока — на территориях, расположенных у Средиземного моря или близких к нему — были рабовладельческими. Формы отношений между господствующими классами и рабами были не всюду одинаковы и развивались не всюду в одно и то же время.

В Ассиро-Вавилонии (в Малой Азии) рабовладельцем являлось государство: трудом рабов управляет бюрократическо-чиновничий аппарат.

В Греции на-ряду с земельной аристократией крупным рабовладельцем делается торгово-промышленный класс. В силу многих причин Греция, больше пяти веков до Р. Х., сделалась центром тогдашней мировой торговли и развила значительную по тогдашнему времени промышленность. Торговля и промышленность требовали дешевых рук, какие и доставлялись рабством, принявшим с V века до Р. Х. значительные размеры. Вскоре мы в промышленных центрах Греции видим одну четверть миллиона рабов (т.-е. столько, сколько свободного населения).

В Риме рабство приняло подавляющие размеры несколько позже, — с III-го столетия (до этого времени число рабов было незначительно и обращение с ними мало чем отличалось от

обращения с свободными гражданами). Во II веке до Р. Х. во всей Италии было уже от 1½ до 2 миллионов рабов — цифра огромная по тем временам. Рабский труд проникает там во все области и производит полный переворот во всех общественно-хозяйственных и политических отношениях.

При всем разнообразии форм сущность отношений в рабовладельческом обществе одинакова: крайняя противоположность между господствующими классами (земельной и отчасти денежной аристократией) и классом рабов при хозяйственном и политическом ничтожестве «свободных» трудовых классов.

Все рабовладельческие культуры потерпели крушение: культуры Востока и Греции раньше, Рима — несколько позже. Как это произошло — мы увидим на примере римской культуры, на котором мы немного остановимся. Для понимания развития европейской культуры средневековья необходимо ознакомиться в общих чертах с развитием отношений в мировом государстве первых веков — Риме, к которому европейская культура подходит многими своими корнями.

§ 34. **Происхождение классов в древнем Риме и рабовладельческая система.** Первые наши сведения о Риме говорят о том, что вначале основой общественного устройства было общинное земледельческое хозяйство с семейно-патриархальным строем. Рядом с полноправными членами родовых общин (gentes) были и зависимые и неполноправные (клиенты), работавшие на общественной земле и получавшие за это средства питания. Это были туземцы, которых пришельцы-италики вытеснили и превратили в зависимых людей.

Правили родовитые многосемейные «отцы» крупных родов — патриции. Из их среды выбирались цари; они составляли сенат, высший государственный орган. Все прочее население свободных людей состояло из неимущих и малоимущих — плебеев, обрабатывавших землю своим тяжелым трудом.

Рим был крестьянским государством с патриархально-родовым бытом. Но когда начала ощущаться земельная теснота и когда рядом с этим техника не повышалась в доста-

точной степени, рост Рима создал необходимость расширения территорий. Эта задача разрешалась путем беспрерывных войн и захватов чужих земель. Треть покоренных земель становилась собственностью римского государства под названием ager publicus (общественная земля). Земля эта раздавалась участками в собственность. Это создавало то положение, что частная земельная собственность стала вытеснять общинную.

Впоследствии, под влиянием патрициев, «общественная земля» стала сдаваться в аренду, что приводило к сосредоточению земли в руках патрициев, имевших достаточно средств, чтобы внести аренду. Со временем патрициям стала отдаваться земля совсем даром.

И чем больше Рим воевал и чем больше он захватывал чужой земли, тем больше земли могло сосредоточиться в руках патрициев, тем больше они богатели. В их же руках была и вся полнота политической власти.

Плебеи не мирились с таким положением: они стремились к равному с патрициями участию в дележе чужой завоеванной земли. И они долго боролись за равные с патрициями политические права и одинаковое участие во владении «общественной землей».

Завоевательная политика, которую вели патриции в целях захвата все большего количества земли, а затем и рабочей силы (рабов) для обработки полей, заставила патрициев итти на уступки по отношению к плебеям. В начале плебеи получили политические права, а впоследствии и экономические. В 367 г. до Р. Х. плебеи добились издания ряда законов, улучшающих их материальное положение, а позже — уступки части захваченной земли для раздачи небольшими участками мелким крестьянам. Наконец реформа Аппия Клавдия (312 г. до Р. Х.), предоставившая избирательные права не только землевладельцам, но и владельцам всякого имущества, обложенного податями, ввела и плебеев, не имеющих земли, в круг «свободной» правящей верхушки. И хотя эта реформа была отменена, но богатые купцы и промышленники могли получить права скупкой мелких участков у разорявшихся крестьян (см. ниже, § 35). «Свободные» крестьяне, имевшие раньше политические права благодаря владению участком земли, те-

перь лишались их, а богатые люди себе эти права покупали. Крестьянство постепенно было отстранено от политической власти

Денежная аристократия в Риме обязана своим происхождением и укреплением той же завоевательной политике. Завоевывая чужие земли, римляне ограничивались захватом чужой земли и поборами (во внутренние дела завоеванных колоний они редко вмешивались). «Провинция» отдавалась в откуп компаниям капиталистов; за известную сумму, которую откупщики вносили в казну, им предоставлялось право взимания податей с завоеванных народов. И они законными и незаконными путями выколачивали из населения все, что могли. Для этого они во всей стране создали своеобразную администрацию, которая пользовалась жестокой ненавистью населения. Они нанимали множество сборщиков, писцов, счетчиков, заводили канцелярию и склады. Все нити этого обирательства трудового населения сходились в Риме, где сидели директора компании. Они устроили для этого почту, которая была всецело в их руках. Пользовались они, как и крупные землевладельцы, трудом рабов.

Денежный класс вырастал в значительную силу. На денежные накопления, доставшиеся от откупов, капиталисты брали у казны в аренду рудники, леса, пастбища, соляные варницы, подвоз хлеба из провинции в Рим. Они давали деньги в рост и принимали вклады, которые пускали в оборот. Они в значительной степени влияли на торговые сношения метрополии [1]) (Рима) с провинцией. На форуме (базарной площади) в Риме за столами сидели банкиры и обменивали монеты, сходившиеся из разных стран.

Влияние денежной и промышленно-торговой аристократии (сословия в с а д н и к о в) на общую политику Рима было часто не менее велико, чем влияние крупных землевладельцев. Долголетние и кровопролитнейшие пунические войны [2])

---

[1]) Объяснение этого слова см. примечание к § 17.

[2]) Пунические войны—три большие войны, захватившие 118 лет (264—146 г. до Р. Х.) и продолжавшиеся до тех пор, пока одна из воюющих сторон (финикийцы) не была уничтожена.

(с Карфагеном) были вызваны стремлением римских капиталистов уничтожить своих заморских торговых соперников.

Верхушку земельной и денежной аристократии составляли нобили (nobilis по-латински — благородный — несколько патрицианских родов, возглавлявшихся в разное время военными вождями. Из этих семей выходили командиры отдаленных походов, правители провинций, диктаторы во время войны и т. д. Огромную долю добычи они захватывали себе и накопляли благодаря этому огромные богатства. Они жили в роскошных дворцах. В их покоях толпились тысячи просителей и гостей. В стране они пользовались особыми правами и заполняли сенат. Так как на должности судей (преторов) и консулов выбирал народ, то нобили часть своих богатств тратили на подкуп и всякие способы прикармливания огромной массы бездельного пролетариата (см. следующий § 35), чтобы обеспечить себе их голоса. Они устраивали большие обеды на площадях и забавляли народ зрелищами. Политические права «свободных» граждан стали предметом торговли: они продавались тому, кто больше даст, т.-е. более богатым нобилям...

На чей же счет, на чей труд роскошествовала денежная и родовитая аристократия?

На счет рабского труда, который становился основой римского хозяйства.

Скопление огромных резервов земли в руках людей, которых впоследствии в Риме называли оптиматами — лучшими, требовало рабочей силы для ее обработки. Крестьянский труд был дорог, во всяком случае дороже рабского. К тому еще обезземеление крестьянства и лишение его политических прав происходили постепенно, захват же новых земель и расширение помещичьей площади (латифундий — обширных поместий) происходили быстро. Нужно было эту рабочую силу откуда-нибудь взять. И вся завоевательная политика Рима направляется по пути не только захвата земли и сокрушения торговых соперников, но и добычи рабочей силы — рабов.

Рабы были и раньше в римских семьях, но со времени пунических войн число рабов росло и увеличивалось, как

снежный ком. У Ганнибала [1]) было взято 10.000 человек военнопленных, которые были обращены в рабство; через год было взято новых 30.000 рабов. Затем каждая война приносила новые и огромные количества рабов. Во втором веке до Р. Х. их было уже не меньше 1.500.000 чел. (по другим сведениям, два миллиона). В Средиземном море завелся особый промысел: морские разбойники похищали людей по приморским деревням и продавали в рабство. Продавали и осужденных к каторге и всех, кто неосторожно попадался в руки ловцов. На невольничий рынок о-ва Делоса высаживали в один день до 10.000 рабов. По продаже их разным скупщикам и посредникам всю эту массу рабов отправляли в тот же день в разные стороны.

Цены на рабов падали с каждой новой войной. После сардинской войны 177 г. до Р. Х. существовала поговорка: «дешев, как сардинец». Расходы по содержанию раба были невелики, так как рабу давали только пропитание и не позволяли ему (в особенности в больших поместьях) обзаводиться семьей.

Рабов заставляли работать сверх сил. Их выгоняли (часто в цепях) на работу целыми отрядами, с погонщиками и надсмотрщиками, а во время краткого отдыха держали в казармах. Целый ряд законов определял свирепые меры обуздания всякого проявления протеста. Существовал даже закон, по которому рабы подвергались пытке и казни, если найден их господин убитым.

Какова же была форма хозяйства, основой которого был исключительно рабский труд?

Формой хозяйства стала во всей Италии плантаторская система, соединенная с скотоводством.

Дешевизна привозного хлеба не только разоряла крестьянина (см. ниже, § 35), но и побуждала крупного помещика переходить от полеводства к взращиванию таких продуктов, которые не привозились из провинции (чечевица, горох, фа-

[1]) Ганнибал—вождь финикийских войск, непримиримый враг римлян. С финикийским войском он, переправившись через Гибралтар, совершил небывалый по тем временам поход по югу Европы и переход через Альпы под самые стены Рима. В конечном счете его поход кончился неудачей.

соль, бобы, цикорий, редиска и т. д.). Он переходит к плантации, садоводству, скотоводству. Это требует огромных пространств земли. Он их получает отчасти войной, отчасти вытеснением крестьян с их земель и превращением их пашен в пастбища и плантации. Размеры отдельных помещичьих земель были огромны (латифундии); они возникли из слияния мелких участков и достигали 20 и 25 тыс. гектаров [1]), но хозяйство на них велось — с точки зрения общества и удовлетворения его потребностей — мало производительное. Кроме того, огромные пространства земли, которые раньше у крестьянина производили хлеб, теперь у помещика оставались совсем необработанными: при великолепных виллах владельцев запускались огромные пространства под парк для охоты, площади для игр и т. д

Хозяйство Рима, организованное рабовладельческой аристократией, носило в себе элементы упадка и гибели. Оно не создавало продуктов, которые могли бы удовлетворять жизненные потребности населения. Оно и не создавало предметов промышленности (промышленность в Италии была крайне слаба). И в тот момент, когда подвоз хлеба из провинции, вынуждавшийся военной мощью Рима, прекратился бы, Италия была бы обречена на голод. Вырождение рабского труда (о чем мы будем говорить ниже, в § 36) должно было довести римскую культуру до гибели.

Мы сейчас увидим, как все основные классы римского общества (свободное крестьянство, пролетариат, высший класс и рабы) должны были выродиться, и как вместе с ними погибла римская культура.

§ 35. **Падение римской культуры.** Крестьянство в Риме, положившее своим крепким трудовым хозяйством основание римскому государству, долго не хотело уйти со сцены. Римская история на протяжении около 4 веков (с V по I до Р. Х.) полна потрясений, столкновений и борьбы крестьянства за свое хозяйственное существование и политическое влияние.

Однако крестьянство потерпело поражение. Борьба римской демократии, как и греческой, оказалась неудачной по-

[1]) Гектар—мера поверхности=0,915 десятины.

тому, что она отстаивала интересы только одной части населения — «свободной» верхушки. Борьба за «общественное поле» (ager publicus) была борьбой за равное с патрициями владение землей ограбленных, покоренных народов. Борьба за «народную» власть была борьбой за власть над миллионами безвластного и порабощенного населения покоренных земель. Помогая господствующим классам в их завоевательной политике, крестьянин, думая получить приращение земли, терял свою собственную землю и готовил себе всесокрушающего соперника на рынке труда — раба.

Крестьянское хозяйство, — а вместе с тем и значение крестьянской демократии, — разлагалось не только под напором могущества земельной аристократии, но и под деморализующим действием, которое производила беспрерывная война на трудолюбивую натуру крестьянина — основателя Рима. Сделавшись легионером (солдатом), он грабил, убивал, разорял целые области, сжигал нивы, уводил в плен крестьян покоренных земель и т. д. Многие крестьяне редко возвращались к трудовой жизни и становились профессиональными воинами, готовыми вступить в ряды тех, кто лучше заплатит. Потеря физических сил ввергает крестьянина-легионера в состояние нищеты и бросает в город — в ряды пролетариев. Обезземеление многих крестьян, упадок крестьянского хозяйства и т. д. выбрасывают из деревни в город тысячи крестьян.

В результате всего этого крестьянство захирело: во многих областях совершенно исчезло, а там, где оно осталось на земле, оно влачило жалкое существование, часто в качестве мелких арендаторов. Впоследствии, начиная с III в. по Р. Х., «свободные» крестьяне сами отдавали себя под «высокую руку» земельного магната, вливаясь в ряды колоната (см. ниже, § 36) и превращаясь постепенно в крепостных...

Не менее, если не более, печальная участь постигла и другой свободный класс римского рабовладельческого общества — городской пролетариат. Римский пролетариат только в одном отношении походил на современный пролетариат: вышедши из рядов обезземеленного крестьянства, он не имел собственности на средства и орудия производства. Во всем остальном он составлял крайнюю противоположность современному про-

летариату. Современный пролетариат является участником крупного производства, более высокого типа хозяйства; он — основная сила развивающегося общественного хозяйства. На его труде покоится все общество: достаточно ему прекратить свой труд и общество будет потрясено в своих основаниях. Римский же пролетариат (как и вообще античный пролетариат) не только не участвовал в крупном производстве, в хозяйстве высшего типа, но не выполнял, или почти не выполнял, никакой работы.

Об'ясняется это теми же причинами, которые привели к деградации, к разложению крестьянского хозяйства — тем, что основой хозяйства стал рабский труд, и невысоким уровнем техники. Промышленность, даже там, где она достигала сравнительно высокого развития (в Греции), обслуживалась, главным образом, рабским трудом. В Риме индустриальная промышленность занимала в общем хозяйстве сравнительно скромное место. Ее немногочисленные отрасли (разработка серебряных рудников, строительные работы и производство предметов роскоши) обслуживались принудительным трудом рабов. Свободное ремесло плохо развивалось: оно не в состоянии было конкурировать с домашним рабским хозяйством, с трудом домашних рабов-ремесленников, число которых в городах становилось тем больше, чем дешевле были рабы. Только часть свободного пролетариата была занята в организации доставки хлеба огромному городу (грузчики, носильщики и т. д.).

Римский пролетариат, таким образом, был скорее не пролетариатом, а люмпен-пролетариатом (босяцким, бездельным пролетариатом). Не общество жило на его счет, а он должен был жить на счет общества. И чем больше увеличивались его ряды, тем грознее становилась опасность непроизводительного населения для общественного хозяйства, построенного на труде раба.

А его ряды все увеличивались. К массе обезземеленных крестьян и отставных легионеров прибавлялись впоследствии вольноотпущенники из рабов. Количество непроизводительного населения увеличивали и домашние рабы, которыми окружали себя богачи, прожигавшие в городах жизнь.

Рим делается средоточием огромных масс потребляющего населения, ибо пролетарии, как и оптиматы, только потребляли, но не производили, — первые недоедали, а последние переедались. Рим называли компендием мира — «гостиницей мира». В этом отношении древний город резко отличается от современного города, который является — в эпоху промышленного капитализма — центром промышленности, с ее производительным рабочим населением. Поэтому древний город, несмотря на многочисленность своего населения (Рим при Августе насчитывал до 1 миллиона, а по другим данным — до 1½ милл. жителей), не смог сыграть той роли в жизни и развитии общества, которую город играет сейчас. Значение каждого класса определяется его хозяйственной ролью, его ролью в производстве; хозяйственное же значение древнего города было ничтожно или даже отрицательно: он был центром потребляющим, но не производящим или организующим производство...

Пока существовала демократическая республика, созданная крестьянством, римский пролетариат не впадал в состояние безысходной нищеты. Политическая сила, принадлежавшая только «свободным» гражданам, давала пролетариату возможность вырывать у богатых классов средства к существованию. «Хлеба и зрелищ» было платой богатых классов за те политические услуги, которые разоренное, но свободное крестьянство и паразитический пролетариат оказывали им в управлении массами населения покоренных стран.

Тут мы опять видим резкое отличие римского пролетариата от современного: последний борется за политическую власть, он стремится к ее захвату с целью освобождения труда, организации общественного производства и неклассового общества; римский же пролетариат продавал свои политические права классу, использовавшему их в целях закабаления миллионов «чужого» населения, в целях все большего угнетения труда (рабов). Ненавидя оптиматов (класс богатых римлян), римский пролетариат в то же время стремился только урвать из награбленного ими, что можно. Ему, конечно, доставались только крохи (бесплатная или дешевая раздача хлеба, общественные увеселения и т. п.).

Пролетариат превращается в реакционную силу. В те моменты, когда Риму — эксплоататору, живущему на чужой счет, грозит опасность восстания, пролетариат использовывается римским сенатом, как сила, которую можно противопоставить освободительным стремлениям провинции.

Все попытки реформаторов — в последние столетия Римской республики — создать из пролетариата новое крепкое крестьянство—потерпели крушение. В тех случаях, когда удавалось создать из пролетариев новых крестьян, путем наделения пролетариев небольшими участками земли, эти участки продавались и скоро опять попадали в руки крупных землевладельцев.

Часто сами пролетарии, отвыкшие от труда, развращенные общей погоней за легкой наживой, дававшейся рабским трудом, оказывали противодействие таким реформаторским попыткам. Самая внушительная попытка такого рода была сделана под руководством Тиберия Гракха (род. в 163 г. до Р. Х., погиб от руки аристократов в 133 г.), и его младшего брата Гая (род. 153 г., убит владельцами латифундий в 121 г.). «Дикие звери Италии имеют свои пещеры и пристанища, а люди, которые боролись и умирали за господство Италии, имеют только воздух и свет... Без крова и пристанища блуждают они с женами и детьми по всей стране», и Гракхи стремились дать всем гражданам наделы на правах крепкой собственности. Они поплатились за это жизнью при равнодушии пролетариата, в интересах которого была предпринята эта реформа.

Как когда-то крестьянство вместо приобретения чужой земли лишилось своей собственной, так и теперь пролетариат (и крестьянство), помогая укреплению политической власти (и экономического господства) римской аристократии над всем покоренным миром, скоро сам лишился своей политической силы.

Когда главная сила республики — крестьянство — разложилась под напором рабского труда, для отдельных богатых честолюбцев открылась широкая возможность захвата власти при помощи непроизводительного класса, продающего всякому, кто платит, свои силы и права. Цезаризм (самодержа-

вие), опирающийся на солдатчину (воинственный и непроизводительный элемент общества), надолго укрепляется в Риме. С политической силой пролетариат утратил свой единственный источник заработков. И мы видим, как он впадает в состояние полной нищеты. Пауперизм (массовая нищета) делается одним из самых грозных явлений римской общественности.

Таким образом мы видим падение и вырождение другого «свободного» класса Рима — пролетариата. Но что представляет собой третий класс — носитель власти, хозяин производства, высший класс имущих?

Сначала этот класс сыграл известную роль в организации хозяйства. В больших поместьях хозяйство велось лучше, чем в мелких владениях крестьян (одна из причин вытеснения мелкого хозяйства). Мы там видим и разделение труда со специализацией отдельных отраслей хозяйства, и применение лучших орудий. Крупное производство создавало возможность более научно организованного хозяйственного руководства. На Востоке, во многих странах, мы встречаем и крупные земледельческие сооружения, и ирригационную систему (систему искусственного орошения), и т. д. У карфагенян, как и у римлян, сельско-хозяйственные знания достигли довольно высокого уровня (приблизительно уровня знаний XVIII в.). В горной промышленности организация крупного производства вызвала переход от первобытной техники к более высоким формам производства. На первых порах, значит, класс владельцев крупных хозяйств сыграл в экономическом отношении положительную роль.

Но, как мы видим выше (§ 33), конкуренция привозного хлеба побуждает землевладельческую аристократию перейти от производства хлеба к производству продуктов, имеющих второстепенную важность; кроме того, по мере роста числа рабов и удешевления их труда, у крупных землевладельцев пропадает стимул к повышению техники: повышение дохода они ждут от увеличения количества земли и жестокой эксплоатации рабов, а не от повышения техники и качества труда. Современный капиталист, чтобы повысить свои доходы, должен большую часть своей прибыли вкладывать в производство,

улучшать и расширять его; рабовладелец древности в этом не нуждался: основу его хозяйства составлял дешевый рабский труд, а не усовершенствованная техника. Поэтому техническая основа крупного производства становилась не выше, а ниже.

В течение многих веков наблюдается регресс (движение назад) в рабовладельческом хозяйстве. Рабы обрабатывают землю неуклюжими орудиями и способами, уступающими крестьянской технике. Раб отчасти по своей ненависти, отчасти по неразвитости только портит скот и легкие орудия.

Таким образом крупное производство древности ничего общего не имеет с современным крупным производством, смысл которого в повышении производительности труда каждого рабочего. В крупном производстве древности первую роль играло **увеличение количества дешевого труда, но не повышение качества его.**

Вместе с падением хозяйственного значения высшего класса (как организатора производства), понижалась и его политическая роль. На первых порах, когда Рим покорял себе отсталые роды, высший класс занимался управлением. Но со временем, когда римскому орлу покорились все культурные государства Востока, римляне извлекли оттуда не только богатства, но и рабов, превосходивших знаниями своих господ. Этим рабам и предоставлялось управление государственными делами (и частными хозяйствами), сами же хозяева предавались оргиям, разврату и обжорству. Таким образом и искусство управления ускользает из рук господствующего класса. Этот класс всю свою прибыль (которой ему некуда вкладывать) тратит на наслаждения. И он доходит в этом до пресыщения и отвращения к жизни...

Остается единственный производственный класс — рабы. Но этот класс вырождался с каждым столетием. Производительность рабского труда катастрофически падала. Собранные из разных стран рабы должны были работать в ужасных условиях на уровне голодного существования, создавая для своих смертельных врагов-притеснителей несметные богатства. Озверевшие и огрубевшие от побоев и истязаний, мстительные и озлобленные, они не имели никакой надежды перед собой:

их производительная роль при низкой технике (которая все понижалась, отчасти вследствие неумелого их обращения с орудиями) падала, их хозяйственное значение понижалось.

Наступает такой момент, когда содержать раба мало выгодно или даже совсем невыгодно. И мы встречаемся с все учащающимися случаями отпуска рабов на волю. Уже в эпоху, предшествовавшую христианству, считается почетным, чтобы гроб господина сопровождало по возможности больше вольноотпущенников.

Неизбежный упадок производительности рабского труда, сопровождавшийся упадком производительности земли, должен был привести к крушению рабовладельческого хозяйства. Это крушение отдалялось на протяжении нескольких веков беспрерывным впрыскиванием в одряхлевший организм римского хозяйства все новых и новых порций рабского труда, приобретавшегося путем беспрестанной войны. Но разложением крестьянства была ослаблена военная сила Рима (ибо лучшую армию всегда дает крестьянство). Уже не для завоевания, а только для защиты границ приходится прибегать к вербовке легионеров из варваров. Со временем военная сила попадает в руки солдатчины из варваров (т.-е. не римлян), которая распоряжается судьбами Рима. Приток рабов приостанавливается, прежние рабы неудержимо вымирают.

Сокращается не только производительность рабского труда, но и его количество. Этим подрывается самая основа римского хозяйства, которое строилось исключительно на количестве рабского труда. Во втором веке уже прекращается применение рабского труда в сельском хозяйстве; хиреет и опускается горное дело, как только прекратился приток военнопленных рабов. Горное дело еще больше, чем сельское хозяйство, велось отсталыми способами, — трудом рабов, которых не щадили по их дешевизне и которых подвергали всем ужасам подземной работы при отсутствии приспособлений и гигиены.

Таким образом мы видим, что все классы римского общества — в условиях рабовладельческого хозяйства — выродились и стали неспособны творить, двигать хозяйственную культуру вперед. Это привело к гибели рабского хозяйства, а вместе с тем и римской культуры.

§ 36. **Колонат.** Упадок рабского хозяйства не означал еще нового расцвета крестьянства. Этому мешала и малочисленность оставшихся крестьян, и скопление в руках крупных помещиков земли, от которой они вовсе не собирались отказаться. Они только сократили, за недостатком рабочей силы, свои предприятия, и часть земли разбили на мелкие участки, которые сдавали арендаторам (колонам).

Колонат возникает еще во втором веке после Р. Х., но распространенной формой обработки земли он делается лишь в III веке. Колоны черпались из сельских рабов, пролетариев, ремесленников, городской рабской челяди, не находившей в городе пропитания с тех пор, как доходы рабовладельцев и владельцев рудников стали сокращаться. Позже к колонам стали присоединяться жители пограничных областей, оставлявшие под напором варваров свои насиженные места и уходившие вглубь империи. В ряды колонов вливались и прежние крестьяне-арендаторы, и новые крестьяне, отдававшие себя под руку крупного помещика, чтобы уклониться от все возраставших налоговых требований государства.

Колонат не мог спасти римского хозяйства. И техника колоната, и производительность труда колонов были ниже, чем в крестьянском хозяйстве. Нищета колонов входила в поговорку: за выплатой аренды (натурой) колону оставались на жизнь жалкие крохи. И одновременно с опустением городов наблюдается и уменьшение сельского населения, так как колоны не в состоянии были прокормить свою семью. Плодородие почвы все падало и падало, вследствие отсутствия скота и удобрения.

Уменьшалась и покупательная сила римского государства; добывание драгоценных металлов сокращалось вследствие недостатка рабочих сил и их дороговизны, а остатки денежных запасов шли на содержание армии. Расходы на армию все возрастали, так как армия уже составлялась из наемников-варваров, и приходилось все увеличивать ее вследствие учащавшихся вторжений опасных соседей, которые и производили опустошения и грабежи. Чтобы умиротворить грозных соседей приходилось им платить дань, что тоже требовало расходов.

Содержание огромной армии ложилось непосильным бременем на все сокращавшееся население (в Италии насчитывалось едва 6 миллионов человек) и главным образом на колонов, которые были единственной силой, производящей ценности. О степени их нищеты говорят многочисленные бунты, которые продолжались столетия.

В то же время всякие производительные расходы были прекращены. Разрушались военные дороги, бывшие чудом инженерного искусства, и мосты, не уступавшие дорогам. Общественные сооружения, цирки и бани, музеи и статуи разваливались и растаскивались, как строительный материал. Рим опускался до состояния полного одичания. И переселение народов с наводнением Римской империи германскими полчищами только завершило разложение умирающей культуры.

§ 37. **Феодализм, его возникновение и сущность.** На смену потерпевшему крушение рабовладельческому хозяйству древности выработался, на основе земледельческого же хозяйства, другой порядок, носящий название феодализма.

Система феодализма заключается в том, что крупный землевладелец, выделившийся из земледельческой общины, являющейся хозяйственной единицей, присваивает себе военно-организаторскую роль и держит разными способами всю общину в экономической зависимости от себя. При этом вся свободная площадь земли принадлежит представителям высших правящих кругов (помещикам), а обрабатываемая площадь составляет частью хозяйство этих помещиков, а частью— крестьян-земледельцев, обрабатывающих не только свои участки, но и поместье сеньора-помещика, или же взамен обработки помещичьей земли вносящих помещику плату продуктами или деньгами.

Крестьяне, обрабатывающие землю, «прикреплены» к земле (крепки земле), т.-е. не имеют права переходить с земли одного помещика на землю другого или просто на свободную землю. Земля помещика обрабатывается принудительным трудом (а не наемным), и помещик заинтересован удерживать силой возможно больше работников на своей земле.

Земля вначале принадлежала помещикам на правах условного владения: поместье «жаловалось» королем или другим сюзереном (т.-е. крупным землевладельцем, жаловавшим землю в условное владение) за военную или (реже) гражданскую службу. Владение землей носило, таким образом, иерархический характер (т.-е. по нисходящей степени). Сюзерен раздавал землю своим подчиненным вассалам, но мог быть вассалом выше стоящего представителя власти и более крупного землевладельца. Получается лестница властей и условных владений землей.

Феодальные отношения на почве условного владения землей мы встречаем — в разных степенях развития — у многих внеевропейских народов: у многих земледельческих племен Африки, Новогебридских островов, Полинезии; земля, считающаяся собственностью племенных вождей, распределяется последними между представителями господствующего военного класса. Порядки земельного владения в Индии, Китае, Японии, в древнем Египте напоминают в общем феодальные порядки средневековой Европы.

В России феодальный строй господствовал в удельно-княжескую эпоху. Феодалы назывались «бояре», «удельные князья», «великие князья». Широко практиковалось пожалование землей в Московской Руси. Земля, считавшаяся царской, раздавалась «служилым» людям, которые должны были являться во время войны «конно, людно и оружно [1]).

Однако, в виду обширности земельных пространств в России, условное владение не нашло полного развития: в переходе земель из рук в руки тут не было необходимости.

Полное и всестороннее развитие феодальные отношения нашли в Западной Европе (время их расцвета — IX - XII стол.). Поэтому для уяснения характера и причин их возникновения остановимся именно на них.

Какие причины вызвали систему феодализма?

---

[1]) Военно-служилые люди получали во временное владение поместья, в которых они жили в мирное время, пользуясь с них доходами. В военное время они по первому призыву должны были отправляться на войну, при чем с каждых 150 десятин они должны были приводить одного конного и вооруженного человека.

Выше (§ 22) мы видели, что уже при патриархально-родовом и общинном хозяйстве существуют зародыши экономического неравенства. Организаторы производства и организаторы военных походов выходили из более крупных и экономически сильных семей, они же получали более крупную военную добычу и т. д. Со временем организаторы военных дружин избирались из определенных богатых семей — военная власть стала наследственной. Это дает начало крупному землевладению.

Древний Рим дает этому много примеров. С введением трехпольной системы стали необходимыми оседлость и систематический труд. В особенности настоятельными они стали для крупных землевладельцев: ведение крупного хозяйства без постоянной рабочей силы невозможно. Это вызывает со стороны крупных землевладельцев погоню за рабочей силой.

Древний Рим разрешил этот вопрос путем привлечения рабочей силы не из своих общин, а из чужих стран — трудом рабов (при значительном обеднении и вырождении местного крестьянства). Эпоха крепостного феодализма разрешила этот вопрос путем привлечения рабочей силы крестьян из собственных общин и превращения этих крестьян в крепостных.

Чем же и каким путем мог крупный землевладелец привлечь крестьянскую рабочую силу? Что побудило крестьянина итти под «высокую руку» помещика?

Главной экономической причиной были земельная теснота (результат размножения населения) и нужда в скоте и средствах обработки земли, все более остро ощущавшаяся с переходом к трехпольной системе. Беспрерывное дробление дворов (или «гуф» у древних германцев) породило много малоземельных или даже безземельных крестьян, которые охотно откликались на зов крупных землевладельцев и устраивались на их земле целыми деревнями. Они платили за это помещику оброк (census, налог). Многие крестьяне вынуждены были брать у богатого соседа-помещика ссуду, неуплата которой влекла лишение крестьянина независимости.

Экономическая зависимость крестьянства от крупных землевладельцев в древней Руси в значительной степени вызывалась отсутствием достаточного количества рабочего скота

у крестьян. «Закупы» — крестьяне, стоявшие на одном уровне с холопами (рабами) — были крестьянами, бравшими в долг главным образом скот.

В странах, подвластных Риму, крестьяне отказывались от свободы и переходили в зависимое состояние, чтобы уйти от разорительной военной или денежной повинности, падавшей на «свободное» население. При бурных столкновениях и вечных войнах избавление от тягости войны было для крестьян, жаждавших больше всего мирного труда, вопросом жизни и смерти.

При вырождении рабского труда и уменьшении количества рабов (о чем мы говорили выше в § 35) зависимый крестьянский труд начинает играть все более преобладающую роль в хозяйстве крупного землевладельца. С другой стороны, и рабский труд начал эксплоатироваться путем раздачи рабам отдельных участков. Вскоре между бывшими свободными крестьянами и бывшими рабами стирается грань, и они превращаются в один крепостной класс (известный под именем в и л л а н о в).

Понемногу не только «отставшие» от общины, но и вся община попадала в зависимость от соседнего помещика. «Нет земли без господина» стало общим правилом. И центром хозяйственной жизни делается не община, а поместье с е н ь о р а (в о т ч и н а в России, г о ф — в Германии, м а н о р — в Англии, с е н ь о р и я — во Франции).

Форм зависимости крестьян от помещиков было две: 1) барщина, — крестьяне отдавали прибавочный труд, обрабатывали помещичьи земли своим трудом или делали для него другие хозяйственные работы, и 2) о б р о к — крестьяне отдавали прибавочный продукт, платили известные суммы или отдавали известное количество продуктов. Первая форма ставила крестьян в более тяжелую зависимость от помещика, чем вторая.

Крепостные отношения достигли полного своего развития в Западной Европе в IX - X стол., в России — значительно позже, в XVI - XVII стол.: огромные пространства и отсталая техника, делавшая непужным обращение к крупному

землевладельцу за помощью, замедлили в России процесс прикрепления крестьян к помещикам.

§ 38. **Внутренняя организация феодального поместья.** Феодальное поместье составлялось из собственно помещичьего хозяйства и ряда мелких крестьянских хозяйств. Крупные владения, разбросанные в разных местах, делились на несколько поместий, управляемых доверенными лицами по большей части из крепостных же или даже бывших рабов. Такие слуги, которые снискали себе особое доверие своего господина, брались по большей части из дворни, окружавшей сеньора. Они получали особые поручения от своих господ и назывались поэтому министериалами [1]). Главным их делом был сбор оброка и надсмотр над барщинной работой.

В центре была помещичья усадьба (villa) с хозяйственными постройками и домами для многочисленной челяди, с целым рядом хозяйственных устройств, нужных для всего населения поместья (мельницы, пекальные печи, холодильники и т. д.).

К усадьбе прилегали по большей части земли, находившиеся в пользовании самого помещика. Они обрабатывались барщинным трудом крепостных или трудом холопов из бывших рабов, не имевших своего надела. Господская пашня, примыкавшая к усадьбе, называлась доманиальной землей (domanium). Остальная земля была поделена на мелкие чересполосные участки, составлявшие хозяйства крестьян

Феодальное хозяйство в чистом виде было натуральным. Сеньор с его челядью удовлетворяли свои потребности продуктами и изделиями, производившимися в их собственном хозяйстве — на барской пашне, обрабатывавшейся «своими» крестьянами, или в виде оброка, который взимался (в раннюю пору феодализма) натурою. Хлеб, лен, яйца, масло, разная

---

[1]) „Господа из слуг" угнетали своих братьев не менее, если не более, жестоко, чем их повелители. В России господа помещики тоже любили себя окружать многочисленной дворней и часто поручали „управление" своим крепостным „холуям". Тургенев в „Бурмистре", „Бирюке", „Конторе" и ряде других рассказов рисует потрясающую картину угнетения несчастных крепостных „своим же братом". Прислужники господствующих классов во все времена были язвой своего класса.

живность, деревенские изделия (холст, шерстяные ткани и т. д.) — все предметы сельского хозяйства, продукты труда крестьян данного поместного хозяйства — все это было данью труда крупному землевладению.

Помещику отдавалось в виде оброка столько, сколько он мог потребовать со всей своей дворней и челядью (оброк достигал одной пятой части ежегодного крестьянского дохода).

Барщина вначале определялась потребностью чисто помещичьего хозяйства. Впоследствии установилось определенное число барщинных дней в неделю (3 — 4 дня).

При дворе сеньора и вообще в поместьи часто находился целый штат ремесленников из крепостных (кузнецы, портные, сапожники, токари, плотники, оружейники, мыловары, птицеловы и т. д.).

Система обработки земли была по большей части трехпольная.

Феодальное поместье представляло замкнутую хозяйственную единицу: поместное хозяйство в общем выполняло собственными силами почти все хозяйственные задачи и требования. Меновые сношения между хозяйствами были поэтому крайне скромны: они ограничивались только теми предметами, которых не могло производить данное хозяйство по естественным условиям, и не шли дальше соседних хозяйств.

Эта хозяйственная раз'единенность, с одной стороны, и наличие воинственного класса людей, находившихся друг с другом в крайне запутанных имущественных (земельных) отношениях — с другой, создавали почву для постоянных столкновений между разными феодалами, столкновений, наполнявших историю средневековья.

§ 39. **Развитие феодализма.** Феодализм развился в эпоху средневековья (V - XIV в.в.), но как форма натурального хозяйства в законченном виде он сложился приблизительно к IX в.

Между положением крепостного и положением раба разница не только в степени угнетения: крепостное состояние не всегда более мягкая форма угнетения, чем рабство. В известные моменты (например, в эпоху домашнего рабства) раб был менее угнетен, чем крепостной в известные периоды истории,

напр., после крестовых походов (см. ниже). Главная экономическая разница была в том, что раб не имел своего хозяйства — ни участка земли, ни семьи; крепостной же имел свой участок земли и свое хозяйство. Кроме того, крепостной крестьянин оставался в своей среде, в общине, с которой он был солидарен и, опираясь на которую, часто оказывал сопротивление алчности господ. Средневековье изобилует фактами классовой борьбы крестьян с сеньорами, борьбы, которая при благоприятных обстоятельствах приводила к освобождению крестьян не только от феодальной зависимости. но и от повинностей.

Пока хозяйство оставалось натуральным, эксплоатация крестьян помещиками не носила того свирепого характера, который она приобрела позже, с появлением торговли и денежного хозяйства. При натуральном хозяйстве сеньор с его дружиной и челядью сами потребляют (с'едают, выпивают, изнашивают) то, что производится трудом крестьянина, а собственному потреблению может быть предел: больше определенного количества не с'есть и не выпить

Другое дело, когда продукты можно продавать (они делаются товарами), обменивать на деньги или драгоценности: тогда появляется стремление выжимать все до последней крайности.

А между тем деньги, — товар раньше редкий и мало распространенный в широких массах, — стали проникать в сферу натурального хозяйства с особенной силой после крестовых походов (XII стол.), когда завязались торговые сношения с Востоком.

Если раньше незначительные излишки продуктов вывозились на ближайшие местные рынки и обменивались на полезные и нужные для деревенского хозяйства и обихода продукты и изделия, то теперь они стали вывозиться на далекие заморские рынки и обменивались главным образом на деньги или предметы роскоши, нужные только сеньорам и разбогатевшим торговцам. Из деревенского хозяйства выкачивалось все, что только можно было выжать, между тем как обратного притока нужных и полезных для этого хозяйства предметов (орудий труда и предметов широкого потребления) не было.

Жадность помещиков к деньгам побуждала их выколачивать из крестьян все бо́льшие денежные оброки, чем они вовлекали крестьянское хозяйство в денежные операции: крестьяне начинают продавать все больше и больше продуктов своего хозяйства.

Деньги, выкачиваемые из крестьянского хозяйства, попадали в значительной части в карманы торговцев, — класса, получившего колоссальное значение в средневековом городе (о котором речь будет ниже, § 41). Торговый капитализм во многом содействовал освобождению города, но всемерно способствовал закабалению деревни. Торговому капиталу нужен был раньше всего товар (для прибыльной его продажи); главную массу товара могло дать — при сравнительной слабости городского производства — главным образом сельское крестьянское хозяйство. И торговый капитализм при посредстве помещичьей власти выжимает из деревни этот товар...

На плечи трудового крестьянства ложится возросшая тяжесть помещичьих требований и прибыль торгового капитала. Это приводит к разорению крестьянства и целому ряду крестьянских восстаний, потрясавших феодальную Европу, начиная с XIV в., несколько столетий (см. ниже, § 62).

Хотя крестьянству удавалось иной раз добиться некоторых уступок и отмены некоторых повинностей, но в общем и целом крестьянство впадало в состояние нищеты и крестьянское хозяйство все больше вырождалось. Оскудение почвы, неурожаи, эпидемии, уносившие миллионы жителей, и т. д.,— все это было грозными признаками разложения феодального хозяйства, разложения его основы — крестьянского труда, которое могло бы привести к такой же гибели европейскую культуру, к какой когда-то привело разложение рабовладельческого хозяйства римскую культуру (см. выше, § 35). Но в недрах средневекового общества развилась новая сила, которая должна была стать творцом нового общества; этой силой был средневековый город.

§ 40. **Средневековый город.** Сеть городов в германских государствах стала возникать с конца VIII в.; в других государствах Европы — несколько раньше или позже. Большинство городов развилось из феодальных деревень, превратив-

шихся по разным причинам (близость к резиденции крупных сеньоров с их свитами, дворней и т. д., особенно выгодное географическое положение и т. д.) в местные рынки, куда с'езжались купцы, ремесленники и всякий барский люд. По мере роста населения в этих поселках они укреплялись, обносились оградой и стенами и становились хорошо защищенными крепостями. Городами часто становились укрепленные места вроде замков, монастырей, обнесенных стенами, и т. д.

Город, значит, в начале отличался от других поселков только несколько бо́льшим количеством населения и большей защищенностью. В экономическом же отношении он мало чем отличался от других сельских общин: жители его занимались главным образом земледелием и находились с сеньором в таких же отношениях, как и другие крестьяне.

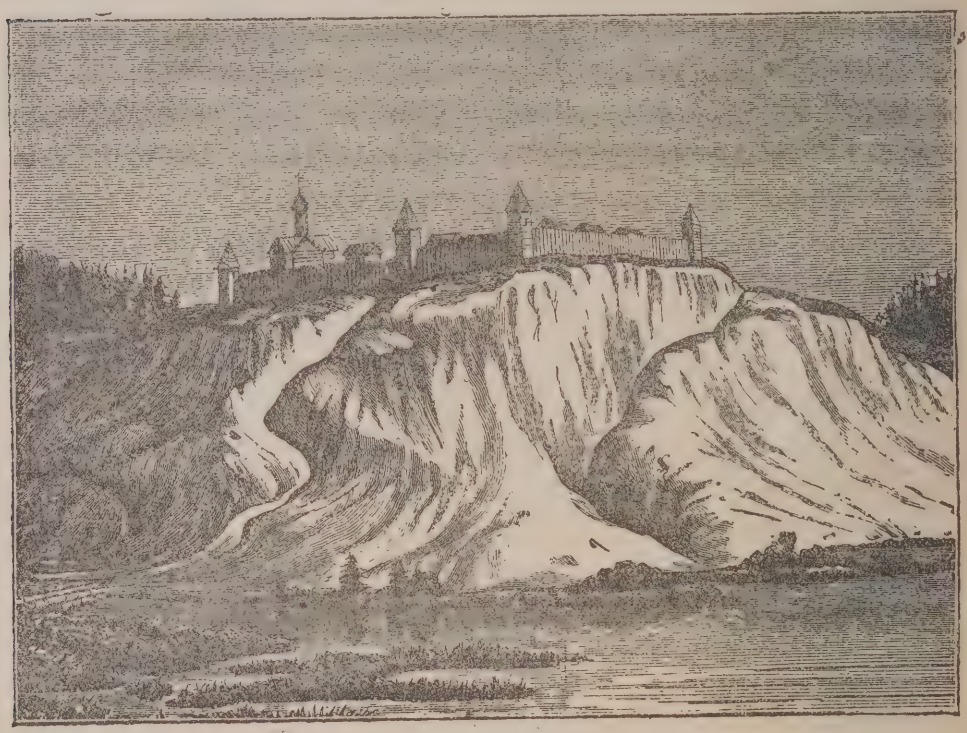
Город тогда еще не был центром торговых сношений, какими были многие города древнего Рима. При натуральном хозяйстве меновые сношения были крайне слабы и носили случайный характер. Наоборот, и города, игравшие когда-то роль торговых центров (в эпоху римского владычества и расцвета римской культуры), в раннюю пору феодализма опустились до степени сел. Крупные землевладельцы расселились по своим поместьям, а горожанам пришлось взяться за плуг: прежняя торговля пала и не давала больше средств к существованию. Обрабатывались не только окрестности города, но и городские площади.

Город э к о н о м и ч е с к и обособляется от других общин лишь после того, как центр тяжести его хозяйства переносится с земледелия на ремесло и торговлю.

Что вызвало это передвижение центра тяжести?

Еще до крестовых походов, вызвавших большие перемены в средневековом строе общества, потребности господствующего класса и его прислужников (сеньоров и их дворни) настолько расширились, что уже не могли удовлетворяться тем, что производилось в натуральном поместном хозяйстве. Возникала потребность в целом ряде изделий и предметов, которых не смог бы изготовить прежний полукрестьянин-полуремесленник. Нарождается специалист-ремесленник, который в начале работал исключительно на своего сеньора; впоследствии на

сго труд стали смотреть, как на доходную статью: хороший ремесленник ценился высоко всей округой, он мог заработать столько, чтобы уделить своему властелину больше прибавочного продукта (оброк), чем любой другой крестьянин. И ремесленников начинают отпускать на оброк, и они начинают работать на заказ. Найти себе заказчиков ремесленник легче всего мог в более населенном поселке-городе, куда время от времени стекается, как в защищенное место, разный люд.



Москва в XII веке.

Постепенно город делается средоточением ремесла, местом, где живут квалифицированные ремесленники и куда приезжают из окрестных местностей заказчики.

С переходом ремесленника в город ремесло обособляется от земледелия. Если раньше в своем поселке ремесленник имел свое хозяйство и был близок к земледельческому миру, то тут, в городе, он все свое время отдает работе на заказчиков, создает продукт не сельскохозяйственный и платит своему сеньору не натурой, а деньгами.

Это дало сильный толчок рыночной торговле, которая

раньше носила случайный характер. В лице ремесленников, численность которых росла, возникает значительная группа **покупателей продуктов сельского хозяйства**.

Ниже мы будем говорить о развитии торговли и торгового класса в городе и о значении этого класса для средневекового общества. Пока мы вернемся к ремесленникам.

Откупаясь известной суммой денег, они делаются сравни-

Средневековый город, обнесенный крепостными стенами и рвом (по старинной гравюре).

тельно свободными. «Городской воздух делает свободным»,— говорили во времена средневековья. Со временем появляется стремление совершенно освободиться от крепостной зависимости. Город становится убежищем для всех, кто уходит от барской воли, и начинает борьбу против сеньоров, борьбу, в которой ремесленники играют первую роль. В этой борьбе, кончившейся победой городов, значительно помогал, с одной стороны, рост богатства городов (торговый капитал), а с дру-

гой— цеховое устройство ремесленников. Цехи, как союзы или товарищества ремесленников для производства и управления, сложились еще в пору зависимости от сеньоров, но в пору борьбы за независимость эти товарищества принимали характер организации борьбы.

Свободные цехи в большинстве городов образовались уже в XII или XIII в.в., но во многих городах — позже.

Представители цехов.

При невысокой технике тогдашнего ремесла не нужно было для устройства мастерской ни больших капиталов, ни больших штатов подмастерьев и учеников; материал (сырье) для переработки доставлялся заказчиком. Ремесленником при таких условиях мог сделаться всякий. Правда, у мастеров были ученики-подмастерья, но они жили у него на положении членов семьи. Мастера и подмастерья были не классовыми группами (т.-е. такими, интересы которых противоположны), а

скорее возрастными: каждый ученик-подмастерье через определенное время делался мастером. В этом периоде своего развития цехи не только опрокинули господство сеньоров, но и гнет городской аристократии (господство старых городских родов).

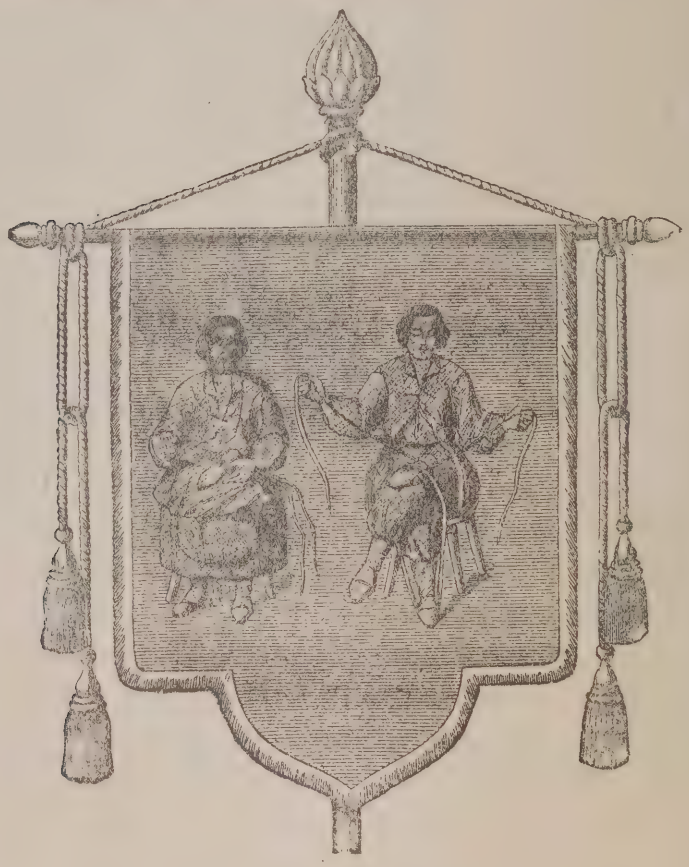
Рядом с цеховыми организациями существовали в городе и купеческие союзы «гильдии», ведшие обширную торговлю. Гильдии возникли даже несколько раньше, чем цехи, но в центре городской жизни стояли все же цехи. Хотя в основе цехов лежали экономические интересы, но их влияние распространялось на все стороны жизни. Об'единения шли по отдельным специальностям. Члены одного цеха селились на одной улице, участвовали совместно в разных процессиях, во время военных действий образовывали особые отряды городского ополчения и т. д. Они, таким образом, представляли как бы особые территориальные общинные организации. Добиваясь участия в городском управлении, они держались сплоченно и действовали согласно. Рост их экономического значения и сплоченная организованность вынудили городские роды постепенно отступать и допускать к управлению цеховых выборных старейшин. Вскоре цехи приобрели руководящее влияние на городские дела. В XII — XIV стол. интересы города отождествлялись с интересами ремесла.

Со временем ремесленники переходят от работы на заказчика к работе из собственного материала. Ремесленник таким образом сделался производителем товаров — он производил для продажи на рынок.

Рост числа ремесленников в одном ремесле привел к специализации ремесла по цехам, доведенной до крайней степени. Часто ремесленники, выделывавшие одни и те же изделия, но из разных материалов, относились к разным цехам. Техника ремесла от такой специализации выигрывала: получалась большая тщательность и искусность исполнения.

В первое время доступ в цехи был свободен для всех, даже для женщин. Ремесленники еще не были так многочисленны, не боялись взаимной конкуренции, а в своей упорной борьбе с городской аристократией, нуждались в притоке свежих сил. Тогда скорее существовало требование об о б я-

зательном вступлении в свой цех. В этот период цеховые организации ставили себе целью оказание отдельным членам помощи в их производстве: общую закупку и распределение сырых материалов, устройство необходимых технических предприятий, оборудование которых не было бы под силу одному ремесленному хозяйству (в суконном производстве, напр., — красильни, валяльни, мельницы, чесальни и т. д.).



Цеховое знамя.

Воспрещалась конкуренция, ограничивалось число часов работы, регламентировалось число подручных рабочих и отношения между ними и мастером и т. д. Цехи использовывали органы городского управления, на которые они имели большое влияние, в целях урегулирования городской промышленности: устраняется посредничество, ограждается ремесленная промышленность от иногородней конкуренции, устанавливается точная область производства каждого отдельного цеха.

Но с развитием торговли и ростом богатства городов цехи начинают превращаться в привилегированные классовые союзы мастеров. Города делаются притягательным центром, с одной стороны, для сильных мира сего — князей и дворянства, проматывающих там свои деньги (выжатые из крестьянского крепостного труда), а с другой — для разоренных деревенских жителей, искавших в городе занятий.

Ремесло делается самым прибыльным промыслом; приемы его и техника повышаются. Цехи богатеют и закрывают двери для разных групп: раньше для женщин, затем для лиц иногородних, незаконнорожденных и лиц «позорящих» профессий (цирюльников, банщиков, музыкантов, чистильщиков улиц, пастухов и т. д.). Для подмастерьев, которые теперь главным образом и вербуются из пришлого необеспеченного населения, ставятся такие ограничения к достижению ими звания мастера, что фактически доступ в цехи им преграждается. С другой стороны, для пришельца, для бедняка, не имеющего достаточно сумм на покупку инструментов и оборудование мастерской, остается только одна дорога — наниматься к мастеру. Постепенно мастера перестают сами работать, превращаясь в надсмотрщиков, а подмастерья — в эксплоатируемых наемных работников, не имеющих никакой надежды стать самостоятельными производителями-мастерами.

Между мастерами и подмастерьями закипела классовая борьба. Мастера не только совершенно преграждали для «деревенских» (т.-е. бедняков) доступ в цехи, а для всех других затрудняли его, но и использовали свое положение в управлении для сокращения заработной платы (таксы устанавливали максимум заработной платы), удлинения рабочего дня, ухудшения пищи и т. д. Подмастерья со своей стороны стремились оказать сопротивление эксплоататорским действиям хозяев. Случаи забастовок имеют место уже в XIV стол. (В 1385 г. в Данциге у забастовавших подмастерьев были отрезаны уши...).

На-ряду с цехами возникают союзы подмастерьев. Эти союзы, впрочем, преследовали главным образом цели взаимопомощи и крупной роли в борьбе не играли: при недостаточном еще расслоении ремесла и незавершившемся уравнении

подмастерьев эти союзы часто превращались в замкнутые организации, не чувствовавшие классовой солидарности со всей остальной массой эксплоатируемых подмастерьев. Подмастерья в будущем превратились в пролетариев (как многие мастера в капиталистов), но не они составляют главную массу будущего революционного пролетариата. Он составится впоследствии из элементов, выброшенных из деревни, весь строй которой был разрушен новым способом производства — капитализмом.

§ 41. **Развитие торговых сношений и торговые города.** Меновые сношения мы встречаем уже на первых ступенях хозяйственного развития. Первоначально не столько отдельные хозяйства, сколько целые племена или родовые группы участвуют в обмене излишних продуктов, изготовляемых у данного племени, на продукты, недостающие в хозяйстве, но изготовляемые другим племенем в избытке.

Меновые сношения часто возникали из обычая давать подарки во время мирных переговоров между племенами. Меновые сношения в свою очередь способствовали установлению дружеских отношений между племенами.

Обмен между племенами на невысокой ступени хозяйственного развития носил на первых порах характер случайный. Это первая так называемая случайная, или простая форма обмена: обмениваются продуктами, которые случайно могут быть нужны встретившимся родовым группам или их представителям.

Со временем — с развитием техники и высших форм хозяйства — обмен принимает менее случайный характер. Встречи между родовыми группами или племенами происходят на определенных местах, куда сходятся с определенными меновыми целями. Каждый выносивший избыток своего продукта обменивал его на ряд продуктов, недостававших в его хозяйстве. Это уже есть зачаток рынка. Форма обмена тут — развернутая, или полная. Родовая группа или племя предлагает другим те продукты, которыми особенно богата их область, но в которых другие ощущают недостаток. Приморские или приречные племена таким продуктом, который они выменивают на другие продукты, делают рыбу. Роды,

жившие в Америке близ озера Эри, выменивали медь, германские роды, населявшие берега Балтийского моря, — янтарь, жители далекой сибирской тайги и тундры — пушнину [1]).

До сих пор мы имели дело с непосредственным обменом: один продукт (излишек) обменивался прямо на тот продукт, в котором ощущается недостаток. На высших степенях хозяйственного развития мы встречаем уже денежную или развитую форму обмена. Один какой-нибудь товар в определенной области делался всеобщим товаром, на который выменивали все другие товары. И если у кого-нибудь бывал избыток своего продукта и он на этот избыток хотел приобрести себе разные продукты, изготовляемые разными племенами, он мог выменять свой избыток на этот всеобщий товар, а затем уже этот товар — в разное время и разных местах — на нужные ему продукты. Такой товар мы называли денежным.

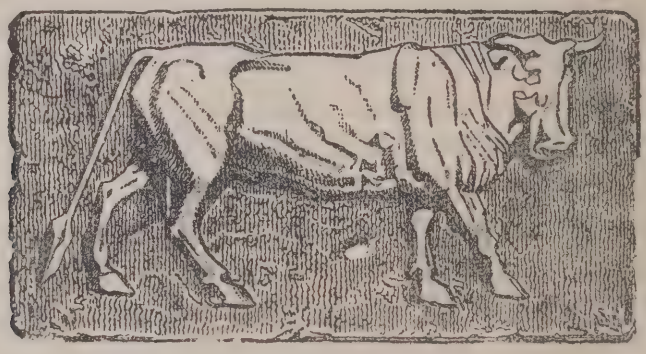
Древний рубль.

В роли денег выступали в разных странах и еще теперь выступают у многих диких племен разные товары. У кочевых скотоводческих народов такую роль играл скот. У Гомера оценка разных предметов производится по количеству быков. У древних латинов (предков римлян) скот играл роль денег, о чем свидетельствует название денег (пекуния), происходящее от слова pecus (пекус) — скот; имеются старинные римские бронзовые монеты с изображением коровы. Русский «рубль» и индейская «рупия» производятся от корня, обозначающего скот.

---

[1]) Форму такого обмена мне довелось наблюдать в начале этого столетия в Верхоянском и Колымском округах Якутской области. Кажется в начале сентября месяца 1901 г. я верхом проезжал из Якутска в Верхоянск. На всех становищах в пустынной тайге якуты выменивали шкурки белых зайцев на кирпичный чай, оленье сало, порох и т. д. В Колымском округе (между Средним и Верхним Колымском) таким товаром является пушнина вообще и в частности—горностай.

Почти во всех культурных странах роль денег играли и играют драгоценные металлы, золото и серебро, раньше в виде кусков определенного веса, а впоследствии в виде монет, металлических кусков определенной формы и веса, снабженных изображением и обозначением ценности.



Старинная римская монета из бронзы.

Денежная торговля у культурных народов свила себе гнездо в глубокой древности. В странах, расположенных вокруг Средиземного моря мы встречаем ряд крупных — по своему времени — торговых центров-городов.

Крупную торговлю вела Финикия (с торговым городом Карфаген). Древняя Греция с ее морскими гаванями одно время сделалась центром торговых сношений с малоазиатским Востоком и успешно соперничала с Финикией. Афины были своеобразной ярмаркой, на которой можно было найти все, что производилось на берегах Средиземного моря. Древний Рим знал огромные переброски хлеба из покоренных стран в метрополию и сравнительно широкую торговлю. Его войны с Карфагеном и вызывались главным образом интересами денежно-торговой аристократии. В средние века мы видим широкую торговлю в итальянских торговых республиках, в ганзейских городах Германии, а у нас — в Пскове и Новгороде.

Но это была преимущественно посредническая торговля. Из стран более высокой культуры вывозились готовые изделия и продавались в менее культурных странах, а оттуда вывозились природные богатства. Торговля не сопровождалась ростом производительных сил, увеличением продукции. Си-

стема рабства помогала выколачивать, при отсталой технике, из вырождавшегося труда порабощенного населения все, что можно было продать и обменять. Далее, «центры торговли» не были связаны с расцветом промышленности, с все расширяющимся производством благ в данной местности. Эти центры-города приобретали особое торговое значение только благодаря их географическому положению, близости к природным путям сообщения.

Таким природным центром мировых сношений было Средиземное море. Вот почему именно на его берегах возникло особенно большое число торговых городов. Открывающиеся перед жителями приморских местностей водные пути позволяли им сравнительно легко проникать в отдаленные страны.

В начале этими путями пользовались для целей грабежа приморских селений. Пиратские набеги в древности были обычным явлением. Набеги норманнов в IX — X веках наводили ужас на Европу. У нас этим делом занимались киевские князья, опустошавшие Византию, и новгородские ушкуйники. Но так как не все захваченное шло на личное потребление, то «излишек» [1]) шел в продажу. Из грабежа и возникли меновые сношения. Впоследствии же торговля развивалась не из роста производства, а из ограбления (в другой форме) труда порабощенных народов, сопровождавшегося не повышением производительности труда, а ее понижением [2]).

К чему это могло привести, мы видели выше (см. § 35). В результате истощения рабского труда погибла вся система

---

[1]) Мы взяли слово „излишек" в ковычки потому, что это не был излишек производства над потреблением, а награбленного над тем, что поедалось грабителями.

[2]) Некоторые „исследователи" и „историки" понимают расцвет натурального хозяйства эпохи феодализма как „перерыв" в историческом прогрессе, как „попятное движение". Передо мною книжка Лозинского „История труда" и вот что из нее я вычитываю: „Исчезла,—плачет автор, говоря об упадке Римской империи,—уверенность обширных хозяйственных расчетов, измельчали виды торгово-промышленной деятельности, приостановились крупные предприятия и достаточно явно обнаружилась попятное движение общества от сложной меновой хозяйственной системы к простым формам натурального хозяйства (курсив автора М. В.). Почему мы должны называть „попятным" движением движение от рабского хозяйства, истощавшего все производительные силы, к простым формам хозяйства, давшим начало развитию более высоких форм—это секрет автора, пленившегося, повидимому „блеском" паразитического древнего Рима

хозяйства, основой которого был этот труд, погибла и торговля. Непрочно было благосостояние торговых городов и до крушения рабовладельческой системы. Так как это благосостояние основывалось на благоприятном расположении города на существовавших торговых пунктах, то стоило этим последним измениться — в силу тех или других причин — и города утрачивали всякое торговое значение, а их благосостояние рассеивалось как пыль. Красноречивые примеры этому дает древняя Греция, итальянские торговые республики, Новгород и Псков, многие города после открытия Америки и т. д.

И мы можем сделать следующий вывод: торговое хозяйство, не опирающееся на расширяющееся производство, а существующее за счет эксплоатации покоренных областей, так же быстро падает, как легко оно возникло. Такое хозяйство не может быть рассматриваемо как успех экономического развития.

§ 42. **Торговые элементы средневекового города.** Возникновение феодальных городов, как мы видели выше, в значительной мере обязано торговле. Отдельное, замкнутое хозяйство с ростом землевладельческого населения и дробления земельных участков, не могло уже удовлетворять всех потребностей общины. Возникает надобность в приобретении произведений других, соседних, хозяйств. Начинается товарообмен, пока еще имеющий узкие границы. Со временем возникают центры меновых сношений — определенные пункты, куда сходились для обмена продуктов жители ближайших окрестностей. Это был рынок. Рынки возникали в наиболее защищенных местах, представлявших почему-либо благоприятные условия для рыночной торговли: в густо населенных поселках, вблизи монастырей и т. д. В целях охраны товарных запасов, которые приходилось держать некоторое время, рынки укреплялись или устраивались в уже укрепленных местах.

Так как рынки давали значительные доходы сеньору, на земле которого они устраивались (таможенные и всякие другие сборы), то сеньоры всячески благоприятствовали рыночной торговле. На время производства торговли провозгла-

шался «рыночный мир» и употребление оружия воспрещалось.

Развитие ремесла создало, как мы видели, почву для более широкого товарообмена. Рыночная торговля расширяется, делается более постоянной и принимает более правильные формы.

Торговля в «ремесленных» городах определяется ремеслом, его требованиями, его успехами. Поэтому в таких городах не всегда бывали купеческие гильдии, а там, где они были, они легко раньше оттеснили на задний план прежние городские земледельческие роды, но должны были уступить влиянию ремесленных цехов на управление и все формы жизни.

Городское хозяйство ремесленного города охватывало небольшой район — население города и его округа. Средневековая западная Европа была усеяна мелкими ремесленными городами, расстояние между которыми не превышало 4 — 5 часов конной езды

Ремесленные города были таким образом м е с т н ы м и торгово-промышленными центрами.

Но с возникновением меновых сношений выросли и города другого типа, обязанные своим появлением близостью к естественным путям сообщения. Торговые города, достигшие большего значения без развития ремесла, выросли раньше всего на берегах Средиземного моря, главным образом в Италии. Вначале главным предметом меновых сношений были природные богатства (рыба, соль и др.). Целые местности, напр., занимались только рыбной ловлей и променивали рыбу на другие разнообразные продукты. Со временем такие города превращаются в посреднические торговые пункты между отдаленными от морских путей местностями и Востоком.

Еще до крестовых походов многие итальянские города (и в первую очередь Венеция) имели более или менее постоянные и оживленные торговые сношения с восточными городами.

Такая торговля уже не носит местного характера — сбыта продуктов местной промышленности на недалекие рынки. Перед нею далекие заморские рынки, к у д а можно вывозить

продукты главным образом сельского хозяйства и откуда можно вывозить пряности, драгоценности и т. д. Такая торговля переходила за рамки местных рынков; она стремилась перекинуться за море и проникнуть в глубь европейских стран. И походы на Восток, так назыв. крестовые походы, прикрывавшиеся борьбой креста (христианства) с полумесяцем (магометанством), были на самом деле «порывом» торгового капитала к заморским рынкам.

В таких городах преобладающее значение имели не ремесленники, а купцы. Городские республики Италии в сущности управлялись (в особенности после крестовых походов, расширивших круг посреднических торговых сношений) купеческими родами, превратившимися в более свирепую денежно-торговую аристократию, чем аристократия землевладельческая.

§ 43. **Торговый капитализм.** Развитие торговых сношений и внутри феодальных стран и расширение этих сношений за рамки местных рынков (см. выше § 42) подготовили почву для могущества торгового класса. Крестовые походы открыли ему далекие рынки и он мог богатеть и расширять все больше и больше свои торговые операции.

В борьбе городов с властью сеньоров он принимал деятельное участие: многих из купцов тяготила зависимость от феодалов (среди купцов было много оброчных крепостных), кроме того, деятельность торгового класса стесняла феодальные междоусобицы, таможни, заставы и т. д. Поэтому торговый капитализм решительно становится на сторону тех, кто предпринимал об'единение разрозненных феодальных частей в единые большие государства.

Не довольствуясь одними восточными рынками, торговый капитал начал искать новых путей в далекие и смутно известные страны (в особенности, в легендарно богатую драгоценностями Индию). Эти искания приводят к великим географическим открытиям.

Вновь открытые земли и их туземное население делаются предметом алчной эксплоатации. Работорговля, спаивание и истребление населения, захват их земель и продуктов труда, беззастенчивый вывоз на европейские рынки всего ценного,

что обнаруживалось в покоренных землях, и т. д. — ко всему этому прибегал торговый капитализм для накопления денежных средств (период первоначального накопления).

Торговый капитал манипулирует с уже произведенным продуктом — товаром. Аппарат производства не в его руках: он покупает и продает, выжимая необходимые для торгового оборота продукты — товар из крестьянского хозяйства и городского ремесла, через посредство помещиков и зажиточных мастеров. По мере накопления больших денежных средств торговый капитал все больше стремится не ограничивать себя одними торговыми оборотами, а овладеть самим производством — самому организовать производство товаров, увеличив таким образом свою прибыль.

Но и в деревне, и в городе путь к овладению производством новому классу был прегражден средневековыми законами, статутами (уставами), обычаями; в деревне — земля и крестьянский труд целиком принадлежат помещику, в городе — цеховые статуты ревниво охраняют сословие мастеров от всякой конкуренции, определяя и кто может стать мастером, и число учеников и подмастерьев, и сколько можно выполнить заказов, и из какого материала и т. д. Торговый капитал идет поэтому на первых порах по линии наименьшего сопротивления: ссужая мастера или помещика деньгами на большие проценты, он делается участником прибыли, выжимаемой из труда крестьянина и городского ремесленника. Но это не удовлетворяет капитала: ему нужно для овладения производством и свободное распоряжение рабочей силой («свободный» труд) и свободная возможность безграничного производства товаров; ему нужны существенные изменения в организации производства, поэтому по мере превращения торгового капитала (или значительной части его) в промышленный капитал (капитал, вложенный в производство) класс капиталистов настраивается враждебно по отношению к средневековым установлениям — к помещичьей власти и цеховым стеснениям.

§ 44. **Промышленный капитал.** Для овладения производством промышленному капиталу нужны были: 1) большие

накопления денежного капитала — для найма возможно большего числа рабочих и расходов на оборудование предприятий, и 2) свободная рабочая сила, т.-е. неограниченное число работников, труд которых можно «свободно» купить. Только при этих условиях капитал мог, с одной стороны, безгранично расширять свои производственные операции, а с другой — безгранично эксплоатировать рабочих, получать возможно большую прибыль, уменьшая до крайних пределов заработную плату и удлиняя рабочий день.

Накопление денежного капитала происходило в пору торгового капитализма. «Свободную» рабочую силу промышленный капитал получил в результате многих причин, разлагавших феодальный строй средневекового общества. Жестокое обнищание крестьянских масс и упадок крестьянского хозяйства порождали огромные кадры выброшенных из деревни людей, искавших себе плохо оплачиваемых занятий, лишь бы не умереть с голоду. Тот же упадок крестьянского хозяйства делает часто для помещика более прибыльным переход прикрепленного крестьянина на денежный оброк — и он охотно отпускает крестьянина в город.

Часто для крупных помещиков было выгодно «освободить» крестьян от земли, т.-е. согнать крестьян с земли, обрабатывавшейся веками трудом их и их предков. Так, например, в Англии в начале XVI в. лорды (крупные землевладельцы) захватили до 50.000 крестьянских хозяйств, согнав безжалостно крестьян с их земельных участков; крестьянские пашни были превращены в пастбища, на которых паслись огромные стада овец, шерсть которых высоко ценилась на тогдашних рынках... Выручка от продажи шерсти (в виде сырья) составляла значительную часть доходов крупных землевладельцев. И Томас Мор (см. ниже § 63) мог с полной справедливостью сказать: «овцы пожирают людей». Реформация (отпадение от папы и католической церкви) поддерживалась князьями, баронами и крупными помещиками из довольно прозаических соображений: ими захватывались монастырские и церковные земли, а крестьяне часто сгонялись.

В результате всех этих и многих других причин число бездомного, безземельного, безработного пролетариата выросло

до небывалых размеров и продолжало увеличиваться в течение последующих столетий. О «нищих, ворах и мошенниках, не желающих трудиться», издавался ряд кровавых законов, дававших, с одной стороны, право помещику и капиталисту-предпринимателю хватать каждого безработного и ставить на какую-угодно работу и за какую-угодно нищенскую плату, и подвергавших, с другой стороны, «бродяг» чудовищным карам до смертной казни включительно. Это, конечно, не могло остановить роста количества ограбленных и обездоленных людей...

Из этой обездоленной массы промышленный капитал мог себе черпать столько рабочих сил, сколько ему нужно было, и на таких условиях, какие ему были выгодны. Среди этих людей не было квалифицированных работников (т.-е. искусных, опытных в какой-нибудь специальности). Никто из них не мог соперничать с ремесленником, достигшим большого совершенства в работе. Но промышленник находит из этого положения выход. Он устраивает м а н у ф а к т у р ы, пока еще небольшие предприятия, в которых предмет-товар делается не одним человеком с начала до конца, а десятками людей, выполняющих отдельные части предмета. Для того, чтобы сделать одну какую-нибудь незначительную часть, не надо быть обученным рабочим, знающим весь процесс работы; зато на этой части рабочий быстро специализировался. В общем это давало большую производительность труда, выгодную для капиталиста. Эти мануфактуры можно считать зародышем будущих фабрик и заводов, собирающих вокруг станков и машин тысячи рабочих. Это уже есть начало современного капитализма.

Но мануфактуры являлись такой формой производства, где главным образом использовывалась живая рабочая сила (ручной труд). Как ни поднять производительность труда, как ни удлинить рабочий день и т. д. — производство товаров могло быть расширено только до известного предела. А между тем капиталистическое хозяйство (т.-е. такое, в котором владельцем средств и орудий производства является класс капиталистов, организующий производство) стремится к беспредельному расширению производства (см. ниже § 49). Это побуждает промышленный капитал прибегнуть к использованию механической силы (машин и двигателей).

Законы пара и электричества были более или менее известны давно, но приложение этих законов к технике производства началось только в XVIII в. Изобретение машин рабочих (прядильная и ткацкая) и двигательных (паровая машина Уатта) положило начало умопомрачительным успехам машинной техники и производства — полный переворот в прежних отношениях производства (так называемый промышленный переворот в Англии).

Машинная техника убила преобладавшее раньше мелкое ремесло и разорила мелких ремесленников (одних ткачей в Англии больше миллиона), превратив их в пролетариев (т.-е. рабочих, не имеющих своих орудий и средств производства и живущих продажей капиталисту своей рабочей силы). Кадры наемных рабочих сразу возросли до небывалых размеров. Не все разоренные ремесленники могли попасть на фабрику; огромнейшая масса безработных была обречена на голодную смерть.

В богатейшей капиталистической стране — Англии — начинается среди рабочего населения неслыханная нищета (пауперизм), которая затмила пауперизм первых веков христианства. Капиталист же мог из этой массы несчастных черпать себе сколько ему нужно человеческих сил, выбирая из них дешевле оплачиваемые и, следовательно, более для него выгодные. Труд детей и женщин скоро стал вытеснять труд взрослых мужчин. Началось в «наш просвещенный век» (перв. половина XIX стол.) вырождение рабочего класса. Государство же — короли, парламенты, суд и т. д. — неизменно становились на сторону капиталиста, когда рабочие обращались за защитой.

Развитие промышленности, продолжавшееся все XIX столетие, привело бы к полному порабощению трудящихся масс и, может быть, к такому же крушению и вырождению пролетарского труда — основы современного крупного производства, — к какому привело когда-то рабский (см. выше § 35) и крестьянский труд (см. выше § 43) хозяйничанье рабовладельцев и помещиков-крепостников. От этой печальной участи и гибели человеческой культуры пролетариат и человечество спасает организованная борьба пролетариата — борьба за по-

литическую власть (диктатуру пролетариата), освобождение труда и неклассовое общество (т.-е. общество, не разделенное на трудящиеся и эксплоатирующие классы).

§ 45. **Буржуазия и пролетариат.** До эпохи промышленного капитализма мы на арене мировой истории видели разные классы и борьбу между ними. Но главные и диаметрально-противоположные классы были связаны с землей, с сельским хозяйством, и их борьба определяла все общественные отношения (рабовладельцы-землевладельцы и рабы-земледельцы в древности, феодалы-землевладельцы и крестьяне-земледельцы в средние века). Между ними как бы колебались другие классы. С развитием капиталистической промышленности центр тяжести борьбы классов переносится в город — она кипит между двумя диаметрально-противоположными классами, связанными, главным образом, с крупным городским производством — между буржуазией и промышленным пролетариатом.

Городская буржуазия выросла и даже окрепла (накопила огромные богатства) еще в средневековом обществе на почве торгового капитализма. Но вступив на путь производства, она столкнулась со стеснительными для нее властью дворянства и цеховой регламентацией производства. Последнюю она отчасти обходила (мануфактуры, например, часто устраивались за чертой города, там, где не действовала власть цехов и их статутов), отчасти игнорировала (не признавала): государственная власть с нее за эти нарушения старинных прав и вольностей не очень взыскивала... Овладев властью в XVIII и XIX стол., буржуазия смела все остатки этих ограничений.

С дворянством, со всей старой системой феодальной власти ей пришлось вступить в борьбу. На первых порах промышленный капитализм брался под защиту королевской власти короли даже сами насаждали мануфактуры, думая таким способом обогатить королевскую казну. Но развивавшийся капитализм требовал отмены всех феодальных привилегий, стеснявших производство, и буржуазной политической свободы (т.-е. раскрепощения крестьянских масс и свободы купли-продажи их труда). На этом пути она смогла увлечь

за собой и крестьянские трудовые массы, видевшие в противниках буржуазии (королевской власти и помещике) и своих врагов

Сокрушив с помощью восставших народных масс в пору революций XVII (в Англии) и XVIII в. (во Франции) власть дворянства, буржуазия стремилась утвердить свое безраздельное господство над миром, превращая рабочий класс и обездоленную крестьянскую массу в своих слуг, «свободно» гнущих свою шею под ее игом. Натолкнувшись на сопротивление пролетариата и идущих за ним трудящихся масс, буржуазия делается реакционной, т.-е. не прочь повернуть назад, итти на союз с прежними своими соперниками — дворянством, королевской властью и церковью, против пролетариата.

Пролетариат — в современном смысле — родился в эпоху великих экономических потрясений (обезземеление крестьянства, разорение ремесла и т. д.). В начале, ошеломленный этими потрясениями, он оставался игралищем экономической стихии. Но со временем он самоопределяется, начинает сознавать свое значение, как великой силы производства, хозяйства и общества: он — не римский бездельный люмпен-пролетариат, он — двигатель крупного машинного производства, высшей формы хозяйства. В то же время он не имеет под собой ни одного класса, который мог бы угнетать. Его стремление к освобождению есть поэтому стремление уничтожить всякое угнетение, всякую эксплоатацию (см. ниже § 53).

ОЧЕРК ЧЕТВЕРТЫЙ.

СТРУКТУРА КАПИТАЛИСТИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА.

§ 46. **Капитализм — явление всемирное.** Современные формы хозяйства, общества и государства, которые мы называли капиталистическими, сложились, как мы видели, в результате длительного развития хозяйственных и, следовательно, общественных отношений — классовой борьбы.

Капитализм возник не сразу; не сразу исчезли (да еще и до сих пор — даже в самых высоко развитых капиталистических странах — не исчезли целиком) предшествовавшие капитализму формы хозяйства (феодальные и даже рабовладельческие). Но вместе с уживающимися с капитализмом не окончательно изжитыми формами, которые можно назвать п е р е ж и т к а м и п р о ш л о г о, — в капитализме зарождались и развиваются силы, которые не только стремятся взорвать капиталистический строй, но и слагаются в образовательную ткань будущего, иного общества и создают организованную силу для коммунистического хозяйства, идущему на смену капиталистическому. Это — как бы з а р о д ы ш и б у д у щ е г о.

И когда мы говорим о капиталистическом строе, капиталистическом обществе, речь идет не о совершенно однородно-капиталистическом обществе, а о таком, в котором п р е о б л а д а ю т формы капиталистического хозяйства.

Степени такого преобладания в различных странах разные. Мы еще и теперь знаем страны, в которых феодальные формы очень мало затронуты, но мы не знаем ни одной страны, которая в той или другой степени не подверглась, как об'ект, могучему воздействию мирового капитализма.

Несколько столетий тому назад какие-нибудь вновь открытые острова и материки, очень далекие от преобладавших в Европе форм торгового капитализма, быстро подверглись, тем не менее, его разлагающему действию на все ранее сложившиеся там формы хозяйства и общежития. Вывоз корицы, каучука, табаку, картофеля и т. д. для продажи на европейских рынках произвел полный переворот в жизни туземцев (вплоть до их истребления во многих местах). Разведение плантаций с превращением туземцев в рабов (да и вывоз этих рабов в Европу), захват их земель, выкачивание драгоценных металлов и т. д. перетасовали все общественные отношения, сложившиеся в течение многовековой истории этих народов, и приводили часто к исчезновению целых туземных государств (Чили и Перу в Южной Америке). В эпоху расцвета промышленного капитализма это подчинение всего мира потребностям и алчным вожделениям капитализма (и той огромной части его, которая сама по себе не «доразвилась» до форм капиталистического хозяйства) пошло еще дальше. И можно сказать, что нет на земном шаре уголка, куда не проникло бы дыхание капитализма.

Теперь мы можем сказать, что, говоря о капитализме, мы имеем в виду не только преобладающую в «культурных» странах систему хозяйства и общества, но и — как всемирное явление — систему, вовлекшую в свой водоворот весь мир в разной степени и разных ролях

§ 47. **Что такое капитализм?** Что же такое капитализм? В чем его сущность? Часто на этот вопрос неопытные товарищи отвечают: это — такой строй, в котором есть богатые и бедные (властвующие и порабощенные). Это верно само по себе, но н е определяет понятия капитализма, не указывает его характерных свойств, т.-е. тех свойств, которыми он о т л и ч а е т с я от других предшествовавших ему систем; бедные и богатые были, как мы видели, в далекую, почти первобытную эпоху, бедные и богатые были в рабовладельческом обществе, они были и в эпоху феодального (крепостного) хозяйства. Ясно, что нужно указать свойства или определенную совокупность свойств, присущих т о л ь к о капитализму.

Такими свойствами капитализма являются [1]):

1) Характер капиталистического хозяйства, как т о в а р н о г о. Мы только тогда имеем перед собой капиталистическое хозяйство, когда все, что производится, производится не для собственного потребления (производителя или хозяина производства), а для рынка, для продажи. Ясно, что при этом продукт не меняет своей физической природы (мыло останется мылом и сохранит все свойства, независимо от того, будет ли оно удовлетворять потребности производителя, его изготовившего, или покупателя, заплатившего за него деньги), но общественная его природа меняется: поскольку он товар, он предполагает частную собственность и сложные отношения между производителем и потребителем, продавцом и покупателем.

Различие капитализма от другого строя, например, феодального, сразу бросается в глаза: при феодализме (в его раннюю эпоху) господствовали формы натурального хозяйства — крестьяне производили хлеб и всякие продукты для собственного потребления и потребления-наслаждения «своего» хозяина, теперь рабочие производят ценности, которые идут на рынок.

2) Собственность класса капиталистов на средства и орудия производства составляют второй характерный признак капитализма. При феодальном хозяйстве, как мы видели, часть земли принадлежала крестьянам-крепостным и обрабатывали они ее своими, почти примитивными орудиями; мелкое ремесло мыслимо (и существовало) при собственности мелких ремесленников на орудия своего производства — ремесла и т. д. При капитализме с его машинным производством, грандиозными фабричными зданиями, сложнейшими процессами работы, в которых участвуют тысячи и десятки тысяч людей, — все это не может принадлежать каждому отдельному производителю, — это принадлежит отдельным капиталистам, а в с е средства и орудия производства — классу капиталистов.

---

[1]) Для ознакомления с затронутым вопросом рекомендуем общую часть „Азбуки коммунизма“ Бухарина и Преображенского: эта книга, несмотря на свое скромное название «Азбуки», может быть полезна и политически грамотной и образованной аудитории по простоте изложения и замечательной научной ясности.

Все это не будет принадлежать отдельным производителям и при коммунизме (это при крупном и целесообразно организованном производстве невозможно и вредно), но это будет принадлежать всему трудящемуся обществу. Капитализм, значит, отличается от коммунизма не способом производства и не тем, что он лишает собственности отдельных производителей [1]), а тем, что орудия и средства производства монополизированы (т.-е. взяты в исключительное обладание) классом капиталистов, а не обществом.

3) Наемный труд, как исключительная форма использования рабочей силы, является третьим и важнейшим признаком капитализма. При феодальном строе крестьяне-работники работали как собственники орудий производства и как собственность помещика. Мелкий ремесленник живет часто хуже современного рабочего — рабочей силы капиталистического хозяйства, но он хозяин своих жалких орудий, он продает товар, но не свою рабочую силу. При капитализме же, произведшем (см. выше) в течение веков экспроприацию мелких собственников, ремесленников, разорившем мелких торговцев, приведшем к обезземелению миллионы крестьян, существует огромный класс неимеющих никакой собственности людей и вынужденных для поддержания своей жизни продавать свою рабочую силу капиталистам, превращаться в наемных рабочих.

Итак, капиталистическое хозяйство есть товарное хозяйство, субъектом которого (организатором производства, владельцем) является класс, владеющий орудиями и сред-

[1]) Следует резко разграничить понимание коммунистическое и анархистское: последнее (анархо-синдикалистский оттенок) требует передачи орудий и средств производства не обществу (как того требуют коммунисты), а „производителям". Это чисто мелко-буржуазное понимание: крестьянин—мелкий собственник земли, обездоленный капитализмом, согнанный с этого участка земли ростовщическими процентами, скупщиком земли или другим каким-нибудь крупным капиталистом, мечтает о возврате средств производства (в данном случае земли) производителям (т.-е. ему); ремесленник, разоренный фабрикой, мечтает о возврате орудий производства производителям и т. д. Но все это мечты о возврате к прошлому, к низшему мелко-собственническому типу хозяйства. Пролетариат, напр., рабочие путиловского завода, не будут мечтать о передаче завода производителям, а будут требовать передачи завода и всех заводов обществу (а в период диктатуры—пролетарскому государству).

ствами производства, а об'ектом (подчиненной силой) — класс наемных рабочих или пролетариат.

§ 48. **Классы в капиталистическом обществе.** Капиталистическое общество, как и все общество до него, есть общество классовое, и отношения между классами, как в предшествующих обществах, построены на эксплоатации, т.-е. на том, что один класс пользуется излишком труда другого, — прибавочным продуктом, созданным другим классом. Но формы отношений между главными классами несколько иные, чем в других обществах (напр., феодальном или натуральном хозяйстве). В феодальном обществе главными классами-антиподами были крупные землевладельцы-помещики и земледельцы-крестьяне. Первые владели, на-ряду с огромнейшей частью земли, личностью крестьянина, которого заставляли отдавать свой «излишек» в форме барщины или оброка. В капиталистическом обществе преобладает крупное машинное производство (средствами и орудиями которого владеет класс капиталистов) и наемный труд (носители его — рабочий класс). И тут стоят друг против друга два главных класса: капиталистическая буржуазия — владельцы средств и орудий производства (земли, фабричных зданий, машин, сырья) и класс наемных рабочих. Личностью рабочих капиталисты как будто не владеют, но, владея средствами и орудиями производства, они фактически заставляют то количество рабочих, которое им нужно, итти на их фабрики и работать: иначе рабочие, не имея ни фабрик, ни земли, ни машин, должны умереть с голоду, ибо без средств и орудий производства ничего не создашь, как бы ты ни трудился...

Капиталисты-фабриканты «кормят» рабочих (т.-е. дают им столько, сколько нужно, чтобы они не умерли с голоду и холоду) не из милосердия, а потому, что рабочие нужны как производители ценностей: никакие машины, сами по себе созданные человеческим трудом, не будут производить ценностей без человеческого труда; в тот момент, когда рабочие или известная часть их ему — капиталисту — перестают быть (по разным причинам) нужными, он их выбрасывает и обрекает на голодную смерть.

Капиталист, как говорят, платит рабочему (главным образом, в форме денег) за работу — заработную плату.

Для чего капиталист предоставляет в распоряжение рабочих свои средства и орудия производства и еще платит ему?

Для того, чтобы рабочий своим трудом прибавил к стоимости средств производства (напр., к материи, стоящей 10 руб.) новую стоимость, придав обрабатываемому материалу новую форму (напр., сюртука, стоющего уже 15 руб.). Рабочий в этом случае прибавил своим трудом стоимость в 5 руб. (или чуточку меньше, если учесть расходы по содержанию здания, изнашиваемости машин и т. д.).

Если бы капиталист в заработной плате, выдаваемой им рабочему, возместил ему всю прибавленную последним стоимость (т.-е. выплатил бы ему все 5 руб. или около того), то тут не было бы никакой эксплоатации: рабочий получил бы, как говорят, полный продукт труда — сколько создал ценностей, столько в другой форме (денежной) получил.

Но не для того класс капиталистов захватил орудия и средства производства и не для того он организует это производство, чтобы доставить рабочим возможность создавать ценности и потреблять их; капиталист несет «бремя власти» и прилагает свои «усилия» для того, чтобы из создаваемых рабочим классом ценностей брать львиную долю себе. Поэтому он в нашем примере платит рабочему не 5 руб., а, примерно, 2. Он продаст сюртук на рынке за 15 руб. и получит прибыли 3 рубля (или же он продаст его оптовому торговцу за 14 руб., а последний уже продаст потребителю за 15 руб.; в этом случае 3 руб., не доплаченные рабочему, поделят между собой два капиталиста — и промышленный, и «торговый»). Таким образом из произведенной рабочим ценности ему выдается только часть (в данном случае меньшая половина), другая же часть, которую Маркс назвал прибавочной стоимостью (или прибавочной ценностью, как еще переводят марксовское Mehrwert), капиталист удерживает для себя.

Прибавочная стоимость, выжимаемая классом капитали-

стов из труда всех наемных рабочих (пролетариата), и составляет доходы капиталистической буржуазии. Эксплоатация рабочего класса в капиталистическом обществе выражается таким образом в прибавочной стоимости, которой завладевает класс капиталистов. Часть этой прибавочной стоимости капиталист расходует на личные потребности, бо́льшую же часть вкладывает в производство — превращает в капитал.

Рядом с этими двумя классами, противоположными и враждебными по самому существу своему (чем больше прибавочная стоимость — доля капиталистов, тем меньше заработная плата — доля рабочих, и наоборот) в недостаточно развившемся капиталистическом обществе имеется ряд групп, которые называют промежуточными: они еще не влились окончательно в тот или другой класс.

Крестьянин — мелкий собственник, обрабатывающий личным трудом (и трудом своей семьи) свой мелкий участок земли, не является пролетарием (наемным рабочим): он имеет собственные орудия и средства производства (жалкие — клочок земли и недорогие орудия, — но свои) и не продает своей рабочей силы капиталисту. Но он и не капиталист: он не пользуется наемным трудом, не извлекает прибавочной ценности, которая могла бы быть превращена в капитал; его достояние, таким образом, не растет, как у капиталиста; наоборот, под напором неблагоприятных обстоятельств (увеличение семьи — числа едоков, неурожай, непосильная конкуренция и т. п.) он легко теряет свое достояние и превращается в пролетария — наемного рабочего.

Приблизительно в таком же положении находятся в городе мелкие ремесленники, зарабатывающие свой хлеб своим личным трудом, но располагающие своими собственными орудиями производства (своя мастерская, свои инструменты).

Мы уже видели (см. выше §§ 39, 43, 44, как личная трудовая собственность (крестьянина, ремесленника) вытеснялась крупной капиталистической собственностью. Но еще и теперь во многих странах, не достигших высокого уровня капиталистического развития, имеются значительные массы представителей мелкой трудовой собственности; это так на-

зываемая мелкая буржуазия. Какое место она занимает в великой борьбе классов капиталистического общества, мы увидим дальше (см. ниже § 56).

§ 49. **Противоречия капиталистического общества.** Первое, что бросается в глаза, когда пристальнее посмотришь на капиталистическое общество, это то, что господствующий капиталистический класс, организатор производства, не представляет чего-то единого и цельного. Этот класс об'единен только одним стремлением к захвату прибавочной ценности, он целиком поэтому противопоставлен и враждебен рабочему классу. Но внутри этот класс раздирается беспощадной борьбой отдельных групп и лиц, стремящихся захватить максимальную долю из прибавочной стоимости, прибавочного продукта. Каждый капиталист стремится разорить, уничтожить собрата по ограблению рабочего класса, чтобы овладеть большей долей в прибавочной стоимости.

Борьба между разными группами господствующего класса кипела всегда — и в предшествовавших капитализму обществах. Но там она выражалась, главным образом, в стремлении к захвату земли и власти «любезного брата» или «августейшего соседа» (беспрерывные феодальные войны и столкновения).

В капиталистическом обществе эта борьба имеет форму конкуренции — соперничества на рынке. Капиталистическое хозяйство есть раньше всего товарное хозяйство: каждый капиталист организует производство ценностей не для собственного потребления, а для продажи на рынок. Вырученные деньги он вкладывает в производство новых товаров, которые он опять продает на рынке и т. д., и так беспрерывно. Ему нужно беспрерывно продавать: иначе он лопнет, у него нехватит денег для нового и безостановочного производства. Но каждый отдельный капиталист не знает точно, сколько именно товаров нужно рынку, т.-е. какова потребность населения в таком-то товаре и, главное, какова покупательная способность того населения, которому он предлагает свой товар. Он не знает также точно, сколько таких же товаров будут предлагать покупателю его «собратья» — капи-

талисты по данному производству. Каждый капиталист, предлагающий свой товар покупателю, является поэтому его конкурентом, которого он стремится отстранить, уничтожить. Между разными капиталистами и отдельными группами их возникает таким образом смертельная борьба за покупателя или, как говорят, за рынок.

Что доставляет успех в этой борьбе одному капиталисту в ущерб другому?

Более дешевая цена его товаров.

Кто может продавать товар по более дешевой цене?

Крупный фабрикант, организатор крупного производства. В крупном производстве изготовление товара обходится дешевле: там лучшие машины, делающие труд каждого рабочего более производительным; там дешевле обходится сырье, закупаемое оптом; там — экономия на всяких накладных расходах (освещении, отоплении, администрации и т. д.); там — целый ряд преимуществ, на которых мы не будем останавливаться. Из борьбы поэтому победителем выходит крупный фабрикант.

Мы уже знаем (см. выше §§ 43 и 44), что самостоятельный ремесленник был сокрушен раньше торговым, а потом крупным промышленным капиталом; там, где ремесленники еще остались, они влачат жалкое существование, и с каждым годом увеличивается число сокрушенных ремесленников — мелких хозяйчиков, превращающихся в пролетариев. Но победа крупного капитала не останавливается на сокрушении ремесла или низведения его на степень жалкого прозябания: крупный капитал безостановочно сокрушает мелкий или менее крупный, менее сильный, и путь капиталистического развития усеян обломками капиталистических предприятий, потерпевших крушение в непосильной борьбе с более крупными хищниками.

Крупный капиталист стремится к росту, мелкий же осужден на убывание. В крупном капиталистическом предприятии значительно больше рабочих, чем в мелком; значит, получается значительно больше прибавочной ценности, которую капиталист вкладывает в производство, все расширяя его таким образом, все укрепляя и все усиливая в борьбе с конкурентами. Мелкий же капитал не растет, если даже он и

удерживается некоторое время: прибавочной ценности хватает на личное прокормление мелкого капиталиста с семьей, но не на расширение производства.

В капиталистическом обществе нет и не может быть гармонии (согласия) не только между классами эксплоатирующими и эксплоатируемыми, но и внутри самого капиталистического класса. Только в моменты революционных выступлений пролетариата капиталистический класс сплачивается в усилиях подавления революционного класса, в общем же капиталистический класс беспрерывно разлагается на элементы гибнущие и на элементы все более усиливающиеся

С ростом крупного капитала пропасть между капиталом и трудом, между крупной буржуазией и пролетариатом, делается все глубже и непроходимей. Каждому понятно, что расстояние между ремесленником-хозяйчиком и его подмастерьями ничтожно по сравнению с расстоянием между американским миллиардером — каким-нибудь «угольным королем» — и его рабочими, хотя бы последние получали немного больше, чем подмастерья у ремесленника.

Но главное противоречие капиталистического производства составляет не столько отсутствие единства и гармонии в среде класса—хозяина и организатора производства,—сколько последствие этой дисгармонии (несогласованности) — а н а р х и я п р о и з в о д с т в а, т.-е. неупорядоченность, несогласованность производства с хозяйственными целями общества, с его п о т р е б н о с т я м и и в о з м о ж н о с т я м и.

1. Капиталистическое производство совершенно не согласовано с п о т р е б н о с т я м и общества: организуя производство, капиталистический класс совершенно не стремится удовлетворять чьи-нибудь потребности; он создает товары, т.-е. то, что может быть продано за деньги, и стремится создавать то, что покупается людьми, имеющими на это деньги. Сапоги безусловно нужны всем (они удовлетворяют потребности широких масс, всего общества), а дорогие вина «нужны» только немногим. Но если в данный момент массы так обнищали, что не в состоянии покупать сапоги, и если в этот же момент в обществе имеется небольшая группа разбогатевших (от нездоровой спекуляции, казнокрадства и т. п.) людей,

которые могут удовлетворять свою прихоть, то капиталистический класс ограничит или сведет на-нет производство сапог и будет изготовлять дорогие вина, предметы роскоши и т. д.

2. Но капиталистическое производство не согласовано и с возможностями общества, т.-е. с покупательной способностью населения. Одни капиталисты производят товары, не имея точного представления ни о том количестве, которое может быть куплено населением, ни о том количестве, которое производится другим капиталистом. Побуждаемый конкуренцией, каждый капиталист стремится производить по возможности больше товаров, ибо только крупное и массовое производство товаров может дать ему победу: удешевление цен и привлечение покупателей. Неизбежным последствием этого беспрерывного и расширенного производства явится так наз. перепроизводство, т.-е. такое явление, когда произведено количество товаров, превышающее покупательную способность населения [1]). Наступает промышленный кризис — величайшее потрясение, отзывающееся первым долгом на спине рабочего: мелкие предприятия почти совсем закрываются, крупные сокращают производство, и сотни тысяч рабочих выбрасываются на улицу (наступает безработица). Кризис и безработица — близнецы, бичи рабочего класса, для которого наступает тяжелый и длительный период острой нужды, как раз в то время, когда склады и рынок завалены товарами и предметами массового потребления...

Но с течением времени запасы (не пополняемые вследствие сокращения производства) постепенно расходуются, и перед уцелевшими от бури капиталистами открывается возможность приступить к новому производству; начинается «расцвет» промышленности, безработица уменьшается, производство расширяется, пока не наступит новый кризис и т. д., и

---

[1]) Следует помнить, что перепроизводство не есть излишнее производство, т.-е. то, что превышает потребности общества: в капиталистическом обществе миллионы людей не удовлетворяют самых элементарных потребностей, между тем как в тех отраслях промышленности, которая может удовлетворять потребности, существует в данный момент «перепроизводство». Дело тут в том, что население хотя и нуждается в этих товарах, но не имеет столько денег, чтобы их купить...

так без конца. Расцвет, перепроизводство, кризис, сокращение производства и безработица, затишье и новый расцвет — вот путь капиталистического развития, усеянный потрясениями, страданиями рабочего класса, гибелями, неизбежными последствиями анархии производства, — производства не на потребности общества, а на рынок и ради капиталистической прибыли, черпающейся от прибавочной ценности. Одним из величайших и неизбежных в то же время противоречий капиталистического общества является безработица, как постоянное явление, в период кризисов только сильно обостряющееся. С одной стороны, капиталистический класс в погоне за прибылью — прибавочной ценностью — стремится занять в производстве максимальное количество рабочей силы, с другой же — более или менее значительная часть этой силы остается вне производства (промышленная резервная армия). Для рабочего класса это — страшный бич, для всего общества это — сокращение его производительных сил, неиспользование здоровой, могущей создавать ценности, силы. Безработица неизбежна потому, что количество разоряющихся мелких хозяйств и предприятий (крестьянских, ремесленнических, мелко-торговых и т. д.) всегда больше, чем их может впитать торжествующий крупный капитал. История изобилует фактами величайших катастроф в период новых изобретений и появлений новых машин, сразу вытесняющих сотни тысяч рабочих рук (см. выше § 44), «промышленная резервная армия» вырастает тогда в огромные армии пауперизма.

От безработицы страдает, конечно, раньше всего рабочий класс [1]), страдает все общество, но выигрывает капиталистический класс, для которого «резервная промышленная армия» — неисчерпаемый запас дешевой рабочей силы, который он может зачерпнуть в любой момент надобности. Если бы ему нужно было больше рабочих, чем их имеется на «рынке труда» (т.-е. спрос на рабочую силу превышает ее предложение), то

[1]) Каутский в его «Аграрном вопросе» совершенно правильно устанавливает, что положение рабочего класса не тем хуже положение крестьянства, что рабочий беднее, хуже живет крестьянина, а тем, что он—рабочий—не обеспечен от безработицы: имея работу, он может часто жить лучше крестьянина, но ему вечно грозит опасность безработицы, он в любой момент может попасть в «промышленную резервную армию».

ему пришлось бы платить рабочим дороже; когда же рабочих больше, чем их нужно капиталистическому производству, — из рабочих можно только веревки вить... Можно так мало платить рабочему, что для прокормления семьи он должен будет послать на фабрику и жену (дешевый женский труд!) и детей (еще более дешевый труд, чем женский!). В классической стране капитализма — в Англии — женщины и дети тупели, вырождались и погибали в душных стенах фабрик именно тогда, когда миллионы взрослых и сильных рабочих были выброшены из производства и томились в «работных домах» (см. ниже § 66).

Капиталистическое общество раздирается противоречиями, от которых страдает больше всего рабочий класс и все трудовые слои населения, т.-е. огромное большинство человечества. Неустойчиво и положение капиталистического класса в целом; только верхние его слои не только выживают в моменты кризисов и потрясений, но еще больше усиливаются, сосредоточивают в своих руках все более крупные богатства и аппарат производства. Этот процесс мы называем концентрацией капитала. Этот процесс, выражающийся в росте крупных предприятий и гибели мелких, дополняется другим процессом, называемым централизацией капитала. Централизация капитала заключается в соединении существующих капиталов в один, в капитал акционерных компаний, трестов, синдикатов и т. д. (см. ниже § 51). Централизованный капитал создает еще более крупные предприятия, чем это под силу отдельным капиталистам, и ускоряет таким образом гибель мелких предприятий.

С развитием капиталистического общества погибают средние классы и группы, и общество распадается на два резко враждебных класса: крупную капиталистическую буржуазию и промышленный пролетариат. И борьба между этими двумя классами, борьба не на живот, а на смерть, дает содержание великой исторической эпохе, в которую мы живем. Эта борьба уже привела в России к сокрушению буржуазии и ведет во всем мире к такому результату.

§ 50. **Кредитное дело и банки. Роль их для промышленного капитализма.** Для устройства и ведения капиталистиче-

ского предприятия капиталисту нужны раньше всего деньги (на покупку орудий и средств производства, заработную плату и т. д.).

Денежные средства для первой поры промышленного капитализма были доставлены периодом первоначального накопления (см. выше § 43). Но по мере роста капиталистического производства надобность в деньгах, в огромных их суммах, все возрастала: только крупные размеры производства сулят успех в борьбе. Для этого нужно вкладывать крупные денежные средства в производство, и сколько бы их ни было у отдельного капиталиста, он, из страха быть побитым более крупным капиталом, стремится вложить больше, чем он имеет.

При самом ведении дела даже у самых крупных предпринимателей сплошь да рядом бывает, что нехватает наличных сумм для единовременных крупных уплат. Зато бывают минуты, когда на руках оказываются и мелкие и сравнительно крупные «свободные» суммы, не находящие себе в данную минуту применения.

Ясно, что капиталистические предприятия не могут вестись регулярно без более или менее свободной возможности «прихватить» на время денег со стороны.

Такие суммы промышленный капиталист время от времени берет в долг под известное обеспечение на определенный срок, после которого он возвращает всю взятую сумму с надбавкой некоторой суммы, называемой процентом.

Берущий деньги в долг называется д е б и т о р о м (должником), дающий их — к р е д и т о р о м, а самый процесс ссужения называется к р е д и т о м (от латинского «кредо» — верю).

Ростовщические ссуды существовали еще в глубокой древности. И в Риме (см. выше § 34), и в Греции, и у древних евреев, и во многих других странах мы встречаемся с довольно распространенными ссудными операциями. Эти операции бывали часто орудием превращения неоплатного должника в раба или крепостного. В древнем Риме кредитору предоставлялось право «наложения руки» на должника. В древней Руси «закупы», стоявшие почти на одном уровне с рабами, были просто неоплатными должниками. И в Западной Европе

(в эпоху феодализма) и в России ссуда (деньгами или чаще скотом и орудиями) сыграли на-ряду с другими причинами огромную роль в закрепощении трудящихся масс. В средние века торговый капиталист свои денежные излишки часто пускал «в рост». Он ссужал помещика деньгами под проценты, а помещик ему по большей части возвращал не деньги, а продукты, выжатые из разоренного крестьянского хозяйства.

Одним из орудий закабаления (а потом и уничтожения, как самостоятельного производителя) мастера-ремесленника торговым капиталистом была ссуда под проценты.

Таким образом кредит до развитого капитализма был не только орудием обогащения ростовщика, но и орудием закрепощения свободного труда и уничтожения самостоятельности производителя.

Совершенно другую роль кредит играет в развитом капиталистическом обществе. Тут он является необходимым рычагом и двигателем всей капиталистической машины и служит не к уничтожению или порабощению «настоящего хозяина» — крупного капитала, — а к его торжеству и укреплению его господства. В высшей своей современной форме — в форме банков — кредитно-капиталистические предприятия делаются, как мы дальше увидим, фактическим организатором и хозяином производства.

Для того, чтобы убедиться в вышесказанном, нам нужно в общих чертах ознакомиться с техникой банковского — кредитного дела.

Банки возникли из меняльных контор, производивших размен и обмен монет, которые были чрезвычайно разнообразны в эпоху феодализма. Впоследствии меняльные предприятия, имея надежные и хорошо охраняемые помещения для своих денежных запасов, стали принимать от торговцев на хранение денежные суммы, взыскивая за это определенную плату. С развитием капитализма и появлением спроса на кредит прежние менялы, которых мы теперь будем называть банкирами, стали отдавать в кредит часть хранившихся у них вкладов разным лицам за определенный процент и под верное обеспечение. Банки таким образом стали совершать не только депозитные операции (прием вкладов), но и ссудные. С этого

времени банки стали платить вкладчикам (отныне кредиторам банка) некоторый процент, несколько меньше того процента, который банк берет с своих дебиторов

Денежные суммы банка составляются из вкладов срочных (т.-е. таких, которые могут быть затребованы обратно после известного срока) и бессрочных, или вкладов на текущий счет, т.-е. таких, которые целиком или частично могут быть затребованы обратно в любой момент. В последнем случае процент, уплачиваемый банком, несколько ниже, чем в первом.

Вклады срочные, имеющие главной целью процент, составляют меньшую часть всех сумм, хранящихся в современных банках, главную массу вкладов составляют сейчас бессрочные вклады, внесенные промышленными и торговыми предприятиями, у которых время от времени оказываются свободные суммы, вследствие технической невозможности беспрерывного использования в производстве всех сумм, выручаемых предприятиями (сумм, накопляемых для уплаты в известный день месяца заработной платы, для покупки сырья, для погашения долга, для производства ремонта и нового оборудования, для закупки в благоприятный момент целой партии товара и т. д.). Такие суммы современный капиталист почти никогда не хранит при себе; он их вносит в банк на текущий счет, а когда ему нужно расплатиться с кем-нибудь, он дает «чек» в банк, т.-е. записку с распоряжением о выдаче определенной суммы из денег, вложенных им в банк. По большей части получатель не берет прямо денег из банка, а переписывает их в свой текущий счет, если он находится в этом же банке. Если получатель имеет текущий счет в другом банке, то сумма, которая ему причитается по чеку, переводится в его банк.

Так как таких операций в определенный период времени совершается огромное множество, то и банки не переводят друг другу каждую такую сумму в отдельности, а производят время от времени расчет друг с другом по всем таким суммам. Для такого взаимного расчета между банками существовали особые учреждения — «расчетные палаты», которые сопоставляли сумму, которую данный банк должен получить от дру-

гого, с суммой, которую он должен заплатить; деньгами выплачивалась только разница. Расчет между банками в последнее время производится так же, как между отдельными капиталистами — путем текущих счетов.

Чековая система расплат сокращает таким образом спрос на наличные деньги, что делает возможным совершение множества торговых сделок при незначительном количестве денег, находящихся в обращении.

Банки таким образом делаются учреждениями, через которые проходят огромные массы денежных средств. При осторожном ведении дела они имеют всегда деньги и могут всегда в периоды, когда промышленный или торговый капиталист испытывают денежные затруднения, ссужать его необходимыми суммами. Помимо получаемых процентов, увеличивающих капитал банка, устанавливается зависимость капиталистов от банка: не снабди банк капиталиста в известный момент нужными деньгами, и его предприятие потерпит крах.

Банки делаются такой экономической силой, которая пользуется деловым доверием капиталистов и некапиталистов. На формальное обязательство банка об уплате известной суммы смотрят, как на нечто равносильное самой уплате. И банки пользуются этим для выпуска банковых билетов (банкнот) — разменных бумажных денег с обозначением на них суммы, которую всегда можно получить в банке при пред'явлении этих обязательств. Такая операция называется эмиссионной (эмиссия — выпуск).

Эмиссионные банки приобрели огромное значение в современном капиталистическом хозяйстве, удовлетворяя потребность в денежных знаках, спрос на которые, в бешеном водовороте торговых сношений, очень велик.

Ссудные операции банков крайне разнообразны и охватывают почти все стороны хозяйственной жизни: они выдают ссуды под недвижимое имущество (землю, дом и т. д., так называемая ипотечная ссуда), и движимое (драгоценные камни, золотые слитки и т. д.), под товары или скорее варранты (свидетельства складов о сдаче на хранение товаров определенной ценности), под дубликаты накладных (свидетельств транспортных учреждений о погрузке товаров), под ценные бумаги и т. д.

Рядом с ссудными операциями, предполагающими возврат взятых из банка сумм с прибавкой процентов лицами или учреждениями, взявшими эти суммы, банки производят у ч е т н ы е или д и с к о н т н ы е операции — покупку векселей, которым не истек срок уплаты, с удержанием для себя большего процента, чем тот, который векселедатель должен заплатить.

Эти дисконтные операции делают возможным еще более широкий круг товарообращения, торговых сделок. Поясним это примером. Положим, что Иванов продал товары Петрову, Сергееву и Сидорову на 10.000 руб., 5.000 руб. и 1.000 руб., и положим, что у покупателей нет сейчас свободных денег. Если покупатели «люди солидные», т.-е. имеют имущество движимое и недвижимое, то Иванов «оказывает им кредит» — вместо денег за товары он получает векселя — обязательства об уплате обозначенной в них суммы в определенный срок (положим, трехмесячный) с прибавкой процента. Но Иванову нужны деньги сейчас, или во всяком случае раньше трехмесячного срока; тогда он «дисконтирует» эти векселя (общей суммой на 16.000 руб.) в банке. Он немножко потеряет на проценте, но получит наличные деньги.

Банки таким образом сосредоточивают в своих руках кредитные операции, совершаемые и вне их стен. Банки делаются «королями кредита».

Какова же роль банковского кредита для промышленного капитализма и для разных классов капиталистического общества?

Кредит еще более ускоряет процесс концентрации производства и усиливает крупный капитал за счет мелкого. Крупный промышленный капиталист (являясь в то же время и постоянным вкладчиком банков), получая крупный кредит, придает своему производству еще более широкие размеры, обгоняющие с более значительным темпом размеры производства мелкого капиталиста, пользующегося мелким кредитом. Расширение же размеров производства приводит, как мы видели выше, к вящшей победе крупного капитала над мелким

Банковский кредит дает почву для массы так называемых

рантье (т.-е. живущих на доход, возникающий не из личного участия в производстве, а из факта обладания какой-нибудь собственностью). В капиталистическом обществе имеется известная масса людей, которые живут на проценты с банковских вкладов. Имеется масса людей из трудовых слоев населения, которые только частично являются рантье. Какой-нибудь французский крестьянин живет, конечно, главным образом, своим сельско-хозяйственным трудом, но жалкие гроши, которые он скапливает в результате упорного труда и всяческих лишений, он вносит в банк или сберегательную кассу: и денежки скопит и какой ни на есть, а все же доход... Это — вклады небольшие, но их много и в общей сложности они доставляют банкам огромные суммы, чем усиливают их деятельность и мощь.

Тут то же самое, что всюду в капиталистическом мире: крупный рантье получает настолько крупный «потребительный» доход, что может роскошно на него жить; он, значит, от банковско-кредитной деятельности выигрывает; мелкий же рантье получает ничтожные суммы, которых ему, что называется, на воду к каше нехватит, но зато он непомерно усиливает аппарат своего классового угнетателя — верхушки капитализма, крупного капитала.

До сих пор мы держались в рамках чисто кредитной деятельности банков, т.-е. когда банки только выдают ссуды под вексель на определенный срок. Мы видели, какое огромное в л и я н и е на процесс капиталистического производства банки имели уже одной этой своей деятельностью. Но пока банки ограничивались только кредитной деятельностью, они интересовались только одним, — чтобы выдаваемые ими ссуды возвращались с приращением...

В самый процесс производства они не вмешивались, они не являлись организаторами — хозяевами производства. Но с возникновением крупных капиталистических об'единений (знаменующих переход промышленного капитализма в стадию финансового; см. ниже § 51), банки начинают принимать непосредственное участие в управлении промышленностью и скоро делаются ее фактическими хозяевами.

§ 51. **Крупные капиталистические об'единения и финансовый капитал.** Наиболее распространенными капиталистическими об'единениями являются акционерные общества, на которые социал-соглашатели (какие были раньше и не переводятся до сих пор) возлагали надежды, как на организации, приводящие к «смягчению борьбы». Это — об'единения крупных и мелких капиталистов и даже просто людей, сумевших в результате долголетнего труда и лишений накопить сотню, другую франков, долларов или рублей; акционерное общество выпускает акции или паи, которые, по невысокой своей цене, могут быть куплены зажиточным крестьянином, мелким торговцем и т. д. Акция дает право на соответствующую долю в прибыли. И социал-соглашатели ликовали; «средние классы» не только, мол, не сокрушаются, но даже «заинтересовываются» в расцвете капиталистического общества!

На самом же деле, в такой форме об'единений заинтересован только крупный капиталист: благодаря вовлечению в акционерное предприятие мелких капиталов, ему — крупному капиталу — не приходится тратить ни сил, ни энергии, ни средств на сокрушение мелких собратьев; обрастая сотнями и тысячами мелких капиталов, он без боя делается еще крупнее, еще мощнее. Отдавая мелким пайщикам крохи прибыли (чем действительно наводится дурман на многочисленную массу мелкой буржуазии), он берет себе львиную долю прибыли, которая и растет-то благодаря концентрации капитала.

Мы в этом легко убедимся, когда познакомимся с тем, как распределяется доход с таких предприятий.

Доход предприятия распадается обыкновенно на: 1) процент на капитал и 2) предпринимательскую прибыль. В акционерных компаниях предпринимательская прибыль, которая может быть очень высокой, выдается только учредителям (так назыв. учредительская прибыль). Новые же пайщики получают только процент на капитал. Но так как учредителей немного по сравнению с все растущим числом новых пайщиков, то самая гуща барышей достается им.

Кто же такие эти учредители? Крупные капиталисты и банки или компании их: для того, чтобы «учредить» завод или фабрику, или чтобы поставить в широком размере эксплоатацию минеральных или других естественных богатств, нужны

такие огромные суммы денег, каких у мелких «накопителей» не может быть.

Акционерная форма предприятий дает таким образом крупному капиталу не только средство привлечения в крупное производство мелких капиталов, но и орудие выжимания доходов, обгоняющих размеры их собственного капитала.

Господство финансового капитала вовсе не означает порабощения или подавления промышленного или торгового капитала. Оно означает только устранение м е л к о г о капитала от организации производства и распределения; крупный же промышленный и торговый капитал только переплетается с банковским и усиливается. Часто в современном обществе, в тех странах, где капитализм достиг высшего пункта своего развития, трудно отличить «промышленника» от «финансиста»: сплошь да рядом коноводы крупнейших промышленных предприятий и об'единений входят в правления крупнейших банков, а руководители банков—в управляющие органы акционерных обществ, синдикатов и трестов.

Это в конце концов одна «милая компания», господствующая над миром и подчиняющая его своей безграничной алчности. Это одна компания, которая фактически управляет буржуазными государствами (см. ниже § 53), предписывает свои законы и устанавливает свои порядки, имеющие одну цель — подчинить весь трудящийся мир интересам одной кучки.

Акционерная форма предприятия есть форма об'единения и обезличения денежных к а п и т а л о в на почве о д н о г о производства, е д и н о г о предприятия. Но рядом с этим в капиталистическом обществе идет процесс об'единения п р е д п р я т и й в руках е д и н о г о капитала.

К этому об'единению капитал побуждается стремлением к повышению доходности предприятий. Конкуренция (о которой мы говорили выше в § 49) эту доходность понижает, устранить эту конкуренцию — вот к чему стремятся капиталистические об'единения [1]).

[1]) При безудержной конкуренции прибыль неизбежно понижалась: для того, чтобы сокрушить противника на рынке, необходимо было для завоевания покупателя понижать цены. При падении прибыли ниже средней нор-

Стремление капитала к об'единению есть таким образом стремление к установлению частно-капиталистических монополий — могущественных и единых капиталистических организаций, которые могут заставлять покупателя платить высокие цены.

Такими тесными капиталистическими об'единениями являются возникшие в последние десятилетия синдикаты

мы, типичной для данной страны и данного времени, капиталист раньше «передвигал» вложенный капитал в другую отрасль промышленности, дававшую больше прибыли. Однако с развитием техники и расширением размеров производства такие «миграции» (передвижения капитала) стали невозможны, так как повышалось органическое строение капитала (т.-е. повышалась часть капитала, идущая на средства и орудия производства, по сравнению с той частью, которая идет на заработную плату). Выбросить рабочих на улицу и взяться за другое дело—это для капиталиста не страшно, но выбросить здания, приспособленные для данного предприятия, станки, материалы—не так легко и просто... Кроме того норма прибыли (т.-е. процент прибыли на весь вложенный капитал) все понижается с ростом органического состава капитала. Если, примерно, на 100 рублей капитала 50 пойдет на материалы и орудия (постоянный капитал), а 50 на заработную плату и если предприниматель продает произведенный на эти затраты товар за 150 р., то норма прибавочной стоимости тут будет 100% (50 р. на 50), а норма прибыли 50% (50 на 100). Теперь представим себе, что капиталист уплачивает рабочим 50 руб. из 200, остальные 150 падают на постоянный капитал (материалы и орудия), и что прибавочная стоимость осталась та же, т.-е. что рабочие, получив 50 руб., прибавили стоимость 100 руб. Тогда капиталист получит 250 руб., норма прибавочной стоимости останется прежняя (100%), а норма прибыли упадет: она будет не 50%, а только 25%. С ростом техники и размеров предприятия часть капитала, затрачиваемая на здания, орудия и материалы, делается все больше, а на заработную плату все меньше и, при одинаковой эксплоатации, норма прибыли падает. Правда, крупный капитал так растет, что и меньший процент с него дает большую сумму, чем большой процент с мелкого капитала. Если, например, норма прибыли с предприятия, в которое вложено миллион золотых рублей, будет 50%, то получится 50.000 руб.; 10 же процентов, которые дает предприятие с капиталом 100.000 руб., составят всего 10 000 руб. Это подгоняет крупный капитал все больше и больше расширять производство, все больше и больше капиталов в него вовлечь. Но рядом с этим он стремится устранить или ослабить все факторы понижения прибыли, и он идет на объединение для того, что бы такой фактор—конкуренцию—ослабить.

И, действительно, этот процесс объединения капитала шел в последние десятилетия бешеным темпом. Колоссальных размеров он достиг в Северо-Американских Соединенных Штатах. Особенно полно он сказался в нефтяном деле. Еще в конце XIX стол. нефтяное дело было в руках 400 отдельных предприятий. В 1903 г. нефтяной трест слил все эти предприятия в одно дело и скоро он уже держал в своих руках 95% всей добываемой в Америке нефти! Далеко в этом направлении шагнула и Германия (до войны около 400 крупных объединений) и другие капиталистические страны (Англия, Франция, Бельгия и др.). Российский капитал тоже пошел по этому пути, и перед войной мы тут видели ряд могущественных трестов и синдикатов, прибиравших промышленность к своим рукам.

(или картели) и т р е с т ы. Первые об'единяют крупные промышленные предприятия, не утратившие своей хозяйственной самостоятельности, но подчиняющиеся устанавливаемым синдикатом нормам (количество выпускаемых на рынок товаров, цен и т. д.); тресты же являются об'единениями утрачивающих хозяйственную самостоятельность предприятий. Дальнейший шаг в об'единении капитала представляют к о м б и н и р о в а н н ы е (сложные) об'единения, т.-е. об'единения нескольких отраслей производства.

Все эти об'единения — акционерные компании, синдикаты, тресты и др. — должны располагать гигантскими денежными средствами, концентрирующимися (собирающимися) вокруг одного стержня — крепко об'единенного крупного капитала, делающегося фактическим организатором — хозяином об'единенного производства.

Этим стержнем, этим фактическим организатором-хозяином делается в последние десятилетия банковский капитал; только он, при своей колоссальности и мощности, в силах построить, учредить, охватить то, что не под силу отдельным капиталистам, даже самым крупным. Из могущественного кредитора (см. выше § 50) банки превращаются в учредителей. Они вновь учреждают акционерные компании, оставляя в своих руках главную «пачку» или «портфель» учредительских акций. Высасывая — наподобие насоса — все свободные денежные средства страны и даже разных стран, они подчиняют их своим целям — безграничному росту доходов. Они накладывают свою руку и на старые акционерные компании, скупая их акции. Образуют тресты и синдикаты, вливают мощной рукой свои капиталы в их кассы, распоряжаются их судьбами.

С другой стороны, сами банки, действовавшие раньше каждый на свой страх и риск, начинают об'единяться и даже сливаться в грандиозные банковские учреждения.

Об'единенный и об'единяемый банковский капитал сращивается, сливается, как мы видели, с торгово-промышленным капиталом и образует то, что мы называем теперь ф и н а н с о в ы м к а п и т а л о м.

Акционерная форма предприятий вызывает часто у со-

циал-соглашателей телячий восторг своим «демократизмом»: помилуйте, тут и мелкие и крупные капиталисты, и «большие» люди и маленькие людишки, и крупная капиталистическая щука и мелкая рыбешка — тут все «хозяева» производства. Какая демократическая прелесть!

На самом же деле это — сущий вздор. Никто, кроме крупного капитала, в акционерных компаниях не правит производством. Хотя правление таких компаний избирается общим собранием пайщиков, но фактическое влияние на выборы имеют крупные держатели акций, целые «пачки»: мелкие акционеры, разбросанные по всей стране, и не являются на собрания... Опыт показал, что крупным акционерам не надо иметь в совокупности больше половины капитала: если они имеют 30 — 35%, фактическое верховодство за ними обеспечено.

Устраняют ли эти об'единения противоречия современного капиталистического общества?

Нет, не устраняют, а только еще более обостряют: 1) Процесс полного уничтожения мелкой капиталистической братии еще нигде не закончился, и об'единенному крупному капиталу еще остается достаточно разрушительной работы. 2) Ни в одной стране еще не произошло п о л н о г о об'единения в с е х крупных предприятий и капиталов. Еще часто возникают грандиозные столкновения между однородными об'единениями. 3) Самое главное это то, что со стремлением к ослаблению или уничтожению конкуренции внутри отдельных капиталистических стран усиливаются столкновения м е ж д у разными буржуазными государствами — орудиями своих капиталистических классов. Столкновения приобретают характер беспрерывной борьбы, выливающейся в империализм — завоевательную политику, ведущуюся в целях постоянных экономических захватов.

§ 52. **Империализм и милитаризм.** Захваты чужих рессурсов (источников) хозяйственной деятельности нужны капиталистическому обществу для разных целей.

1) Из сказанного в §§ 49 и 50 видно, что больше всего капиталистическому товарному хозяйству нужны рынки, т.-е. массы покупателей товаров.

Внутренние рынки, т.-е. массы покупателей внутри своей страны, часто оказываются недостаточно емкими для все расширяющегося производства товаров; причиной тут является не только немногочисленность покупателей, но, главным образом, недостаточная покупательная способность населения, которая к тому же подвержена частому понижению (вследствие кризисов, безработицы, стихийных бедствий, обнищания и т. д.).

Об'единенный, трестированный капитал, представляющий колоссальные возможности расширенного воспроизводства, стремится поэтому к беспредельному расширению рынка, к завоеванию чужих рынков, которое может быть осуществлено при современных условиях путем простого захвата чужих земель. И вот почему. Когда крупный капитал хочет оградить себя от конкуренции иностранного капитала, он повелениями своего «собственного» государства проводит так называемую протекционистскую («покровительственную») политику (покровительственную крупному капиталу, а не широким массам потребителей), устанавливает высокие пошлины на товары, ввозимые из-за границы, запрещает ввоз некоторых товаров, выдает субсидии некоторым отраслям «отечественной промышленности», отпускает огромные средства на всякие сооружения, благоприятствующие капиталу и т. д. Но как ему ослабить или уничтожить конкуренцию иностранного капитала на рынке, находящемся вне «собственной» страны? Включением в границы собственного государства. Он стремится захватить этот рынок силой, завоевать землю у «благородного соседа».

2) Для крупного, все расширяющегося производства необходимость в сырье (лесе, угле, нефти, хлопке, рудах и т. д.) все более возрастает; при этом крупный капитал стремится получать дешевое сырье. В своей собственной стране ему сырья нехватает, или оно обходится дорого. Он стремится захватить такие территории, которые богаты разными видами сырья, но на которых «собственный» капитализм не свил себе гнезда — захватить целиком или в «сферу своего влияния», т.-е. превратить в «колонию». Но «благородный сосед» тоже к этому стремится или даже уже захватил то, что отечественный

капитал еще собирается захватить. И начинается борьба... Колониальная политика — стремление к захвату колоний, как источников сырья и рынков сбыта — давала главные стимулы (побудительные позывы) к кровопролитнейшим капиталистическим войнам. Это есть в одно и то же время стремление поработить слабые, капиталистически неразвившиеся страны и оттеснить сильных капиталистических соперников от возможностей грабежа.

3) В поисках приложения так называемым свободным капиталам (т.-е. которые не вложены в производство) или большей прибыли, крупно-капиталистические группы стремятся вывозить капитал в отсталые страны (где близость сырья и дешевые рабочие руки делают предприятие прибыльным), или же в такие страны, где протекционистская система поднимает доходность предприятий. Это тоже стимул к завоевательной политике.

4) Притягательную силу для крупного капитала представляют «колонии» еще потому, что там для эксплоатации труда не имеется никаких преград: в своих собственных, капиталистических странах капитал наталкивается на сопротивление организующегося для борьбы пролетариата; в странах же «черного континента» или «желтого востока» капитализм, неся разорение миллионам тружеников, превращает их в нужные ему дешевые рабочие руки. Современный капитализм в этом отношении идет по стопам господствующих классов древности, ведших беспрерывные войны в погоне за дешевым рабским трудом...

Все эти и многие другие причины толкают крупный капитал на путь завоеваний во имя экономического господства — на путь империализма, путь стремлений к всемирному господству. В беспрерывном ожидании войны (нападения на более слабого или обороны от более сильного) крупный капитал создает систему постоянных и все растущих вооружений. Милитаризм (от латинского слова milites — солдаты, значит — солдатчина) — неизбежное последствие империализма. И еще до войны Европа была превращена в вооруженный лагерь, еще до войны расходы капиталистических государств на беспрерывные вооружения занимали первое место в государственных расходных бюджетах (сметах расходов).

§ 53. **Буржуазное государство.** Капиталистический класс является господствующим благодаря тому, что он владеет орудиями и средствами производства. Он фактически управляет всем миром. Он устроил кавардак, называемый капиталистическим строем, выгодный только небольшой кучке крупных капиталистов, но вредный для большинства человечества. Ясно, что удержать подольше это господство он может только тогда, когда политическая власть будет в его руках, когда государство, как орудие подавления всех сопротивляющихся установленным порядкам, будет организацией его классового господства.

Государство есть насильственная организация, насильственное об'единение людей одной территории, заставляющее подчиняться определенным велениям.

Кто же устанавливает эти законы и эти веления? Господствующий класс.

Капиталистический класс и строит государство по образу и подобию своему — в интересах крупного капитала. Он об'являет собственность священной, потому что собственность на орудия и средства производства дает ему господство, и карает за всякое покушение на эту собственность; он издает каторжные законы против всяких покушений на «незыблемые основы общества», т.-е. капиталистического общества (ссылает на каторгу за стачку, воспрещает рабочие ассоциации и т. д.); он вводит покровительственную политику, выгодную кучке капиталистов, он возлагает бремя расходов на нужную в его интересах войну на плечи трудовых масс, он же их вооружает с ног до головы и посылает, как пушечное мясо, на фронты и т. д. Словом, он владеет машиной управления, которой он пользуется для организации своего господства и удержания своего преобладания. Современное государство является поэтому орудием угнетения трудящихся масс и ограбления более слабых народов (колоний).

Сил небольшой кучки капиталистов было бы недостаточно, чтобы удержать власть в их руках. Поэтому буржуазия — как класс, искушенный в делах управления массами и политического обмана — очень умело стремится поддерживать рознь между различными группами угнетаемого ею общества;

она натравливает рабочих на крестьян и, наоборот, распыляет часто ряды пролетариата, привлекая мало сознательные элементы мелкими подачками, набрасывает трудовые массы одной страны на трудовые массы другой, строит политическую машину так, что она имеет вид «народовластия», но на самом деле находится в руках ее слуг — адвокатов и политических шарлатанов и т. д., и т д.

Буржуазия держит в своих руках и школу, и церковь, и печать — все, что может иметь колоссальное влияние на массу. И она, с помощью этих могущественных орудий воздействия на понимание масс, обрабатывает их в желательном для нее направлении.

Поэтому о полном крушении капитализма, к которому его ведут внутренние противоречия и классовая борьба пролетариата, можно будет говорить только тогда, когда будет сметена с лица земли организация буржуазного господства — капиталистическое государство.

§ 54. **Рабочий класс и неизбежное крушение капитализма.** До сих пор мы говорили о развитии внутренних сил и противоречий капиталистического общества, носителем которых является класс капиталистов. Но мы видели, что нет ни одного такого шага в развитии капитализма, который бы не отразился на судьбе рабочего класса. Какова же роль этого класса в капиталистическом обществе и для будущего этого общества?

Рабочий класс является раньше всего производителем ценностей. Участник крупного машинного производства, он является творцом высокой хозяйственной культуры. Даже при сравнительной его малочисленности он в тех областях промышленности, которые захвачены капитализмом, созидает больше ценностей, чем многочисленная масса мелких трудовых хозяйств. С развитием же капитализма пролетариат увеличивается и количественно, и почти вся сумма создаваемых благ становится делом рук пролетариата.

Пролетариат капиталистической современности таким образом резко отличается от пролетариата древности: тогда пролетариат жил на счет общества, теперь общество живет на счет пролетариата.

Но представляя колоссальную творческую силу производства (и, следовательно, общества), пролетариат при господстве буржуазии играет роль не суб'екта производства (т.-е. его организатора и распорядителя), а об'екта (т.-е. подчиненной силы). Пролетариат творит не свою хозяйственную волю, а волю своего врага — господствующего и эксплоатирующего класса. Какие бы ценности он ни творил, проводит ли он железные дороги, возводит грандиозные здания, добывает из недр земли «черное золото» (каменный уголь), нефть и металлы, — все это он делает покорный велениям и хищным аппетитам крупного капитала.

Это несоответствие между значением пролетариата и его положением — ничем не искоренимое противоречие, толкающее пролетариат на путь борьбы с капиталистическим обществом, не с отдельными его сторонами, а с самой основой его.

С развитием капитализма происходит вот что: 1) рабочий класс, с одной стороны, количественно возрастает (так как в его ряды ввергаются разорившиеся мелкие хозяйчики и капиталисты, превращающиеся в наемных рабочих); 2) положение рабочего класса у х у д ш а е т с я.

На этом последнем положении следует несколько остановиться.

Дело в том, что всякие почти-социалисты и социал-соглашатели доказывали, что рабочие во многих капиталистических странах добились более или менее сносных условий существования, во всяком случае более сносных, чем у многих крестьян. Из этого оппортунисты (соглашатели), — вроде Эдуарда Бернштейна, теоретика германских социал-соглашателей из рядов социал-демократии (см. ниже § 72), — делали вывод, что «цель [1]) — ничто, а движение [2]) — все».

Но, во-первых, неверно фактически, что положение всего класса улучшилось: даже в те периоды, когда кое-какие улучшения достигались неимоверно тяжелой борьбой, стоившей

---

[1]) Т.-е. разрушение капиталистического общества и создание социалистического.

[2]) Т.-е. постепенное улучшение экономического положения рабочих в б у р ж у а з н о м о б щ е с т в е—путем мелких уступок и умеренной борьбы не за социализм, а «повседневные нужды».

пролетариату колоссальных жертв, эти улучшения распространялись на незначительную группу квалифицированных рабочих, огромная же масса пролетариата оставалась в положении, близком к отчаянию. Во-вторых (и это самое главное), мелкие улучшения не устраняли г л а в н о г о бедствия пролетариата — его необеспеченности, вечного призрака безработицы, которые становятся только грознее с развитием капитализма, ибо чем капитализм больше развивается, тем усиливаются его внутренние противоречия (анархия производства, кризисы и периодические безработицы).

О т н о с и т е л ь н о (т.-е. по сравнению с положением эксплоатирующего класса) положение рабочего класса — во всех его группах — катастрофически понижается с развитием капитализма. Положение подмастерья было немного хуже положения мастера-хозяина, положение же современного рабочего по сравнению с эксплоатирующим его капиталистом-фабрикантом ухудшилось в сотни тысяч раз.

Это количественное увеличение рабочего класса, с одной стороны, и ухудшение его положения, с другой, делают его непримиримым врагом капиталистического общества и побуждают его к ниспровержению этого общественного строя, к его разрушению до самого основания, и замене другим — коммунистическим.

Эта «цель» вовсе не устраняет «движения», а только усиливает его. Стремясь к ниспровержению капиталистического общества, рабочий класс никогда не оставлял своей борьбы за улучшение своего положения еще в н у т р и капиталистического общества (см. ниже § 66).

Иначе и не могло быть: 1) рабочий класс совершенно деградировал [1]) (выродился) бы, как деградировал рабский труд древности (см. выше § 35), если бы он не добивался улучшения своего положения еще внутри капиталистического общества; 2) интересы рабочего класса на каждом шагу — вну-

[1]) Опасность такой деградации существует почти постоянно. Достаточно вспомнить, до какого положения дошли рабочие Англии в первую треть XIX-го столетия (см. ниже § 66). Но и потом, когда положение рабочего класса несколько улучшилось, достаточно было малейшего потрясения, чтобы физические болезни, голод, вырождение сделались вопросом дня.

три капиталистического общества — неизбежно сталкиваются с интересами капиталистического класса. Когда рабочий стремится уменьшить рабочий день, увеличить заработную плату и улучшить условия труда, это сталкивается с интересами капиталиста, который стремится к обратному, ибо это должно уменьшить количество прибавочной ценности, отдаваемой капиталисту — уменьшить его прибыль. И когда соглашательские вожди некоторых рабочих организаций стремились подменить формулы борьбы рабочего класса за социализм бескровной формулой «улучшения экономического положения» [1]), они только затуманивали классовое самосознание пролетариата и старались успокоить страхи буржуазии [2]).

Итак, рабочий класс в силу своего значения и положения враждебен капиталистическому обществу в самой основе его и стремится беспрерывно к взрыву этого общества.

Но каким путем рабочий класс этого достигнет?

Своей непримиримой к л а с с о в о й б о р ь б о й, вылившейся в коммунистическое движение (см. ниже § 66, и очерки шестой и седьмой).

Мы уже видели, что классовое господство буржуазии организовано в политическую власть ее. Отсюда понятно, что классовая борьба пролетариата, направленная против классового господства, есть борьба п о л и т и ч е с к а я, т.-е. направленная к ниспровержению буржуазного г о с у д а р с т в а с его о р г а н и з а ц и е й в л а с т и в интересах капитала и замене его политическим строем в интересах труда — коммунистическим, т.-е. таким, когда все средства и орудия производства перейдут в руки трудящихся и когда организация производства (и, следовательно, общества) будет в руках трудящихся, когда будет уничтожена всякая эксплоатация од-

---

[1]) Английские трэд-юнионы (профессиональные союзы), в особенности союзы привилегированных квалифицированных рабочих, всячески избегали в уставах заявлений, направленных против существующего строя в целом; они предпочитали выдвигать ближайшие цели, которые выражались в туманной фразе об «улучшении экономического положения своих членов».

[2]) Которая, впрочем, лучше их понимала, что в с я к о е «улучшение» есть удар по капиталистическому господству; она потому реш тельно враждебно относилась к о в с я к о м у рабочему союзу, если даже его оппортунистические вожди прививали ему яд умеренности.

ного класса другим; политический идеал (конечное стремление) пролетариата есть неклассовое общество.

Что пролетариату живется плохо в капиталистическом обществе и что он поэтому борется против такого общества — всякому понятно. Но отчего он должен стремиться к устроению именно неклассового общества? Почему бы ему не стремиться, как к конечной цели, к своему классовому господству?

А потому, что только такой результат его героической и длительной классовой борьбы решает вопрос пролетариата, как класса. Если бы пролетариат достиг своей борьбой того, что он стал бы на место буржуазии, то произошла бы только перемена ролями, но роли бы остались — осталась бы эксплоатация, анархия производства и другие прелести капитализма. Тогда стал бы капиталистом рабочий, а капиталист — рабочим. Такие вещи случаются и сейчас при капитализме: разорившийся капиталист может скатиться в ряды пролетариата, отдельный пролетарий (получив, скажем, наследство от «американского дядюшки» или благодаря другим редким случайностям) может сделаться капиталистом. Ясно, что от этого выигрывают или проигрывают отдельные лица, но система общества остается та же. Пролетариат же стремится уничтожить самую систему классового общества. Впрочем, такое использование трудящимися их победы было бы фактически невозможно: капиталистический класс мог не только жить, но и роскошествовать на счет трудящихся только потому, что их огромнейшее большинство; сотни же миллионов трудящихся не смогут даже только жить на счет труда десятков и сотен прежних капиталистов.

Но достичь неклассового общества пролетариат может только своей классовой борьбой и сокрушением буржуазии. Для этого ему нужно и он стремится во всем мире захватить власть в свои руки, стать временно (т.-е. на то время, пока он сокрушает сопротивление буржуазии и перестраивает капиталистическое общество в коммунистическое, неклассовое) господствующим классом, господствующим в целях не эксплоатации, а сокрушения сопротивления буржуазии и, следовательно, уничтожения эксплоатации. Ра-

бочий класс всего мира стремился и стремится к диктатуре пролетариата (кроме Р. С. Ф. С. Р., где пролетарская революция уже отдала власть в руки трудящихся).

Итак, цель пролетариата — коммунизм, средство — классовая борьба, сокрушение капиталистического строя и — в момент перехода — диктатура пролетариата.

Но действительно ли классовая борьба пролетариата неизбежно ведет к победе?

Когда лионские ткачи в 1831 г., доведенные до отчаяния, выбросили знамя восстания с лозунгом: «жить работая или умереть в борьбе!», или парижские рабочие в 1848 г. — «хлеба или свинца», — в этих лозунгах слышались отчаяние и решимость бороться до конца (хотя бы до гибели), но не было уверенности в победе. Это было в пору еще неорганизованных рабочих движений. Но для успешности борьбы нужны организованность и уверенность в победе. И великие учителя и вожди мирового пролетариата — Карл Маркс и Фридрих Энгельс — в своем «Манифесте коммунистической партии» [1]) вдохновляли пролетариат на великую борьбу неопровержимыми доказательствами неизбежной победы пролетариата; рабочее движение и победа пролетариата в Р. С. Ф. С. Р. доказали на фактах верность этих предсказаний.

Первым условием неизбежности победы пролетариата является единство его интересов, как класса, в то время, как капиталистический класс — противник пролетариата — раздирается (как мы видели выше) противоречиями и внутренней борьбой. Если буржуа борются друг с другом за долю в добыче, то пролетариат, которому «нечего терять, кроме своих цепей», борется единым фронтом за свое освобождение. Пролетариат во всех странах страдает от одного ига — ига капитала (будь то немецкого, русского, французского или какого-

[1]) Написан в 1847 году. Несмотря на то, что прошло уже 75 лет со дня написания этого замечательного «Манифеста», он для нашей современности не утратил своего значения. Рекомендую желающим ознакомиться с волнующими великими социальными вопросами внимательно прочесть Коммунистический Манифест. Он имеется во многих русских переводах, но рекомендуем лучший из них—недавно появившийся в свет перевод под редакцией тов. Рязанова с его ценными комментариями. Этот труд, вышедший только что (в конце 1922 г.) в издании Госиздата, составляет ценный вклад в нашу коммунистическую литературу.

нибудь другого «национального» капитала); пролетариат «не имеет отечества» в капиталистическом обществе, он имеет перед собой одного общего врага, которого он может сбросить только о б щ и м и усилиями.

Борьба рабочего класса поэтому и н т е р н а ц и о н а л ь н а (международна). Она об'единяет все отряды мирового пролетариата в е д и н у ю силу, направленную против грызущихся «национальных» групп капитала. В этом залог успеха его борьбы. Ниже излагается (см. ниже § 70) краткая история интернационального об'единения пролетариата.

Дальше следует указать на количественный рост пролетариата, происходящий за счет «средних групп», которые беспощадной рукой капиталистической конкуренции бросаются в ряды пролетариата, где они перевариваются в пролетарском котле. Ряды пролетариата растут, ряды капиталистического класса редеют; капиталистический класс с развитием капитализма превращается в небольшую кучку, которую мощным ударом легко опрокинуть и уничтожить.

Мощным двигателем рабочего класса в его победной борьбе является его сплоченность в производстве. Чем крупнее производство, чем огромнее и сильнее делаются капиталистические предприятия, тем бо́льшие массы рабочих сосредоточиваются среди одних стен и за одними станками, и тем легче организуются ряды борющихся пролетариев.

Капиталистическое общество, как мы видели, само в себе таит начало его разрушения и могущественнейшим его разрушителем является промышленный пролетариат, созданный капиталистическим производством, как оплодотворяющая его рабочая сила, но в силу исторической необходимости несущая смерть капиталистическому обществу.

Однако успех борьбы пролетариата был бы не так полон или не так скор, если бы он не вел ее организованно, если бы он ее не направлял сознательно к одной цели — разрушению буржуазного общества и построению неклассового, коммунистического.

История дает примеры поражений рабочего класса, как следствие неорганизованной стихийной борьбы. Великие вспышки рабочего гнева и восстаний (см. ниже § 66) терпели

неудачу потому, что это были только вспышки, а не организованные действия, направленные к вполне понятной цели. Поэтому уже на заре рабочего движения пролетариат раньше смутно, а потом все яснее понимал необходимость организации своих сил для того, чтобы опрокинуть ненавистный строй, понимал и организовался — приближал неизбежное крушение капиталистического общества.

§ 55. **Рабочие организации, политические партии пролетариата, Интернационал.** Необходимость организованной борьбы вызвала к жизни организации рабочего класса в разные периоды рабочего движения. Но эти организации вылились в несколько форм, содействующих с исторической необходимостью успеху пролетарского дела.

Огромнейшие массы рабочего класса, смутно ненавидящие буржуазное общество, но недостаточно сознавшие цели пролетариата и средства его освобождения, об'единяются (по профессиям) в боевые экономические организации, ставящие своей целью борьбу за улучшение экономического положения рабочего класса. Это — профессиональные организации (профессиональные союзы), об'единяющие широкие слои рабочих и партийных и беспартийных.

Профессиональные об'единения — часто вопреки намерениям соглашательских вождей — ведут наступление на капитал тихим, но верным шагом. Соглашатели всегда проповедывали, что борьба рабочего класса должна быть только «экономической», т.-е. должна добиваться медленных и маленьких улучшений, не заглядывая слишком вперед и не ставя себе конечных целей (социализма); как на организации т а к о й борьбы они указывали на профсоюзы. Но это — пошлое извращени.. самой природы рабочей борьбы. Профсоюзы, не связывающие успеха борьбы с политическими стремлениями пролетариата, с его политической партией, превратились бы в жалкие придатки капиталистического общества, так как они не затрагивали бы самой системы капитализма, а «от нее все качества».

Поэтому подлинные вожди пролетарской борьбы понимали профсоюзы как более широкие организации, но боевые, по самой природе своей подчиняющиеся руководству п р о-

летарской партии. И действительно, в моменты великих столкновений с капиталом профсоюзы идут за политической партией, а в России они возникли, крепли и боролись под идейным руководством революционной партии пролетариата.

Что же такое политическая партия пролетариата и почему она должна и может руководить всей борьбой рабочего класса?

Партия, это — наиболее сознательная, активная (деятельная) и дальновидная часть класса, руководящая борьбой всего класса и ставящая себе определенную цель — завоевание (или в Р. С. Ф. С. Р. удержание, укрепление и организацию) власти пролетариатом.

В то время, как менее сознательные и активные рабочие идут в профсоюзы под влиянием безотчетного стремления к улучшению своего положения на сегодняшний день, сознательные рабочие, идущие в партию, ведут борьбу со всей системой капиталистического общества и за определенные политические цели.

Политические партии пролетариата возникали во всех странах и, поскольку они вели пролетариат по правильному пути, они принимали программу революционного марксизма; а в России такой партией является коммунистическая (см. ниже, §§ 88 — 96 и очерк седьмой).

Существование отдельных политических партий пролетариата в разных странах вызывается не разностью интересов мирового пролетариата, а разницей в обстановках борьбы, созданных буржуазными государствами, в которых живет и действует пролетариат. Интересы же пролетариата и успех его борьбы толкают его к единым действиям всего мирового пролетариата. Если бы на место бастующих рабочих одной страны стали бы рабочие другой, то стачка была бы сорвана, усилия борющихся рабочих пропали бы втуне. Когда грандиозные столкновения рабочих одной страны не встречают поддержки со стороны рабочих других стран, то ни жертвы, ни героизм борющегося пролетариата не могут сулить им полного успеха. Пролетарская Россия была бы теперь раздавлена могущественной капиталистической Европой, если бур-

жуазные классы европейских стран не встретили бы в этом гнусном деле сопротивления (открытого или скрытого) со стороны своих рабочих.

Из всего этого ясно, что для успеха борьбы необходима единая **мировая** организация пролетариата, направляющая действие в с е х политических партий пролетариата, стоящих на верном пути классовой борьбы и стремлений к коммунизму. Такую всемирную организацию — И н т е р н а ц и о н а л — рабочие всего мира стремились создать с первых шагов своей борьбы. Ниже (§ 70) излагается в общих чертах история такого об'единения. В настоящий момент такой мировой организацией является Третий Коммунистический Интернационал (см. очерк седьмой).

§ 56. **Мелкая буржуазия в капиталистическом обществе.** Мы до сих пор останавливались исключительно на развитии капитализма и главных его силах, созидающих и разрушающих. Так как противоположными социальными силами являются крупно-капиталистическая буржуазия и промышленный пролетариат, то мы, насколько позволяет размер этой книги, уделили им больше всего внимания. Но картина будет неполна и политические задачи современности недостаточно четко поняты, если мы будем игнорировать еще существующие (хотя и погибающие, но еще не погибшие) общественные группы.

Мы говорим о мелкой буржуазии.

Выше (§ 48) мы уже определили понятие этой группы. В общих чертах можно сказать, что в городе она составляется из мелких ремесленников-хозяйчиков, мелких лавочников и т. д.; в деревне — из средних слоев крестьянства (кулацкие элементы должны быть отнесены к буржуазии, к которой их и тянет; батраки и полупролетарские элементы — к пролетариату). Эти группы не меньше наемных рабочих эксплоатируются капиталом, опутывающим их сетями процентов, налогов, дешевой покупки продуктов их труда и дорогой продажи (в кредит) продуктов крупно-капиталистического производства и т. д. Во многих отношениях положение этих «самостоятельных» хозяйчиков и мелких земельных собственников хуже положения наемных рабочих (когда последние имеют работу и заработок); их труд неограничен, они работают и

живут в антисанитарных условиях, не пользуются и той охраной труда, которой рабочие своей неустанной борьбой добились от буржуазного законодательства и т. д. Положение наших «самостоятельных» кустарей сделалось примером приводящего к вырождению, ужасающего труда; тяжелый труд наших крестьян, их питание, граничащее с голоданием, высокая смертность детей, болезни и т. д., - дают картину жизни мелких трудовых земельных собственников...

Поэтому понятно, что мелко-буржуазные группы не питают особых симпатий к крупному капиталу и к развитию капитализма вообще. В истории общественных движений мы видим часто революционные выступления этих групп против господствующих верхушек. Но мелкая буржуазия не может стать на последовательную пролетарскую линию и не примыкает целиком к пролетарскому движению. Мелкая буржуазия обречена на гибель, как мелко-собственнические группы, и она изо всех сил отбивается от такого «падения». Цепляясь за свою жалкую собственность, она выступала против крупного капитала не во имя уничтожения капиталистической системы, построенной на собственности, а во имя возврата к какому-то мифическому счастливому прошлому, когда будто бы каждый труженик имел «свободную» собственность.

Доведенная до отчаяния, она часто примыкает к «бунтовщическим», а на самом деле глубоко реакционным течениям. Анархизм (см. ниже § 70) с его отдачей земли и орудий производства не обществу, а производителям (т.-е. мелким хозяйчикам) имел успех главным образом в мелко-буржуазных слоях общества. С пролетариатом мелкую буржуазию сближает гнет капитала, но когда пролетариат выступал против буржуазного общества и провозглашал коллективизм и уничтожение собственности, крестьянство («деревенщина»), напуганное призраком коммунизма, участвовало в подавлении пролетариата (в июньские дни 1848 г., подавление Коммуны; см. ниже §§ 68 и 71). В России крестьянство пошло за пролетариатом, когда последний опрокидывал власть помещиков и капиталистов: крестьяне не могли отнять у помещиков землю без пролетарской революции.

Итак, положение мелкой буржуазии в капиталистическом

обществе — ужасное, но настроения ее двойственны: они враждебны капиталистической верхушке, но неблагоприятны коммунистическим стремлениям пролетариата. Мелко-буржуазные группы (в особенности крестьянство, которое туже городских мелко-буржуазных групп исчезает со сцены «самостоятельного хозяйствования») еще составляют значительную трудовую массу, с которой пролетариат в своей борьбе считается не как с врагом, а как с возможным, но нерешительным и запуганным союзником. И пролетарская партия стремилась поэтому всегда вовлечь крестьянство в великую социальную борьбу.

В России нет такого класса, кроме пролетариата, который мог бы в малейшей степени решить вопрос об освобождении крестьян от ига помещиков, поборов, неволи и малоземелья. Поэтому крестьянство поддержало пролетарскую революцию.

Эти колебания в настроениях мелкой буржуазии (которым подпадают иногда и малосознательные и еще не окончательно переварившиеся в фабричном котле слои пролетариата) ставят перед пролетариатом и его партией две задачи: 1) точно и резко очертить свою классовую программу и революционные стремления, дабы не дать пролетарскому сознанию подпасть под влияние мелко-буржуазных стремлений (часто драпирующихся в тогу «социализма»); 2) в своей классовой борьбе как в тех странах, где капиталистический класс еще у власти, так и в Р. С. Ф. С. Р., привлекать крестьянство и городскую мелкоту путем раз'яснений и агитации, с одной стороны, и завоевания улучшений для трудового крестьянства — с другой.

ОЧЕРК ПЯТЫЙ.

ИСТОРИЯ СОЦИАЛИЗМА И СОЦИАЛЬНЫХ ДВИЖЕНИЙ.

§ 57. **Понятие социализма.** История общества, как мы видели, представляет длинную цепь борьбы классов и групп. Исключая туманную эпоху первобытного коммунизма (см. выше), мы видим человеческое общество раздираемым противоречиями между интересами угнетающих и эксплоатирующих классов и угнетенных и эксплоатируемых. Но в человеческом обществе никогда не угасало стремление к лучшему общественному устройству, к освобождению угнетенных классов от оков рабства, нищеты и несправедливости. Это стремление выливалось в форму могучих народных д в и ж е н и й, охватывавших работающую и порабощенную часть человечества, или же в форму учений о лучшем обществе, учений, являющихся плодом общественной мысли, направленной к уразумению причин несовершенств существующего общества и к исканию лучших форм общежития.

Умами пролетариата и его вождей в последнее столетие овладело стройное учение, которое Пьер Леру в 1834 г. назвал с о ц и а л и з м о м. Двигая пролетарскими массами, это учение сделалось одновременно и выразителем чаяний пролетариата, и могучим рычагом его действия и борьбы. Словом с о ц и а л и з м обозначали самые различные понятия, но общим для них всех является: 1) отрицание всего существующего классового общества, 2) установление общества с общественным производством (передачей орудий и средств производства обществу) и общественным распределением. Употребляют еще слово к о л л е к т и в и з м, но под этим понятием надо понимать только обобществленное производство безотно-

сительно к формам распределения: допускается, что при общественном производстве каждый может получать и потреблять сообразно той доле производительности (труда и таланта), которую он проявляет. Более полно выражает идеал пролетарского общественного устройства понятие коммунизм, которое предполагает право каждого трудящегося получать столько, сколько ему нужно, и обязанность каждого отдавать обществу все, что он может: «от всех по способностям, всем по потребностям». Такое требование (всем по потребностям) осуществимо только при колоссальной возможности производства благ, нуждающейся в максимальном использовании механической силы и научной организации производства (крупное машинное научно-организованное производство). Таким образом коммунизм является не только нравственным идеалом (т.-е. идеалом более справедливого общественного устройства), но и хозяйственным идеалом (т.-е. такой организации хозяйства, при которой минимум человеческого труда давал бы максимум результатов — материальных и духовных благ). Пролетарский социализм не есть только идеал пролетариата, т.-е. такое общественное устройство, которое пролетариат только желает, к которому он только стремится; он — научный социализм, т.-е. строящийся на основе науки об обществе и законах его развития, на выводах из изучения хозяйственной деятельности (главным образом производства) и т. д. Из изучения исторической действительности научный социализм приходит к выводу о неизбежном осуществлении пролетариатом социалистического строя (коммунизма).

Все учения о «царстве будущего» до пролетарского социализма строились не на действительном, а желательном: старое общество из рук вон плохо — и мысленно изобреталось новое общество, лучшее, более справедливое. Мыслители-человеколюбцы на перегонку друг с другом продумывали планы нового общества, не выводя их осуществления из действительности, из законов ее развития. Такой социализм называют утопическим (от слова Утопия — воображаемого коммунистического государства Томаса Мора, о котором речь будет ниже, в § 63).

Самым характерным отличием древних и средневековых учений (которые часто носят название коммунистических) и социальных движений от современного коммунизма является то, что главное внимание обращали не на организацию производства, а на организацию потребления. Они исходили, главным образом, из сознания несправедливости такого общества, в котором блага распределяются неравномерно, и они требовали справедливого равномерного распределения, права каждого на потребление благ. Организация производства оставалась вне поля их зрения, вне их социального кругозора. Об'ясняется это тем, что эти учения исповедывались классами, в производстве не участвовавшими (как римский пролетариат; см. выше § 15) или ожидавшими спасения не от общественной организации производства, а от справедливого распределения земли (крестьянство в древнем Риме и в средние века). При тогдашнем состоянии техники о благах крупного общественного производства и не могли иметь представления; наоборот, основанное на рабском труде крупное производство, которое тогда вытеснило мелкое крестьянское, вело к вырождению крестьянства и упадку хозяйства (см. выше § 35).

Поэтому идеалом лучшего хозяйства стало старое крепкое крестьянское хозяйство, имевшее место до захвата земли крупными землевладельцами-рабовладельцами и феодалами. И тогдашние социальные учения и движения звали не вперед, а назад — к старому доброму времени. И даже самые радикальные мечтатели (которые часто называли себя коммунистами), говорившие об «общем труде», не предполагали крупного общественного производства, а больше всего останавливались на общем пользовании благами.

Современный же коммунизм строит свои ожидания человеческого блага на общественной организации производства; общественное (и притом справедливое) распределение благ должно явиться следствием такой общественной организации, которая орудия и средства производства передает в руки всего трудящегося общества.

§ 58. **Крестьянские движения древности.** Мы видели (см. выше § 35), как мелкое крестьянское хозяйство вытеснялось

всюду крупным землевладением с применением рабского труда. Крестьянство не уступало своих позиций без боя. В истории Греции и Рима идет длительная и упорная борьба крестьянства за свои политические права и право на землю (в Риме за «общественное поле»; см. выше § 35). Но все эти движения не были коммунистическими: они выдвигали требование не об уничтожении частной собственности на средства и орудия производства, не об общественном крупном производстве, а о создании новых собственников — мелких хозяев. Братья Гракхи (см. выше § 35) дальше этого не шли: они мечтали из римских пролетариев (обезземеленных крестьян) сделать крестьян-собственников. Эти движения не были также социально-революционными в современном смысле слова: самой основы тогдашнего общества — рабства, рабского труда — они не затрагивали... И в Греции, и в Риме все движения были «спором славян между собой», борьбой отдельных слоев свободной верхушки за землю и власть. Эти движения поэтому, имея некоторый политический успех, фактически терпели крушение: политическое влияние, которое завоевывали низшие слои свободной верхушки, неизбежно шло на службу высшим классам (см. выше § 35).

§ 59. **Социальные утопии древности.** Некоторые историки начинают историю коммунистических учений с утопии древности. Многие писатели древности выдвигали вопрос об идеальном государстве, но их писания или совсем не сохранились, или дошли в обрывках. Дошедшая до нас «Политейя» (книга о государстве) Платона представляется как одно из первых законченных представлений о коммунистическом государстве. На самом же деле Платон (живший в IV в. до Р. Х.) нарисовал общество, разделенное на два класса: «стражей государства» — из воинов и философов (правящий класс) и все остальное — трудящееся население. Первые не имеют собственности, не участвуют в производстве и кормятся за счет населения; для всего остального населения (не считая рабов) собственность сохраняется. Оставляя все прежние общественные отношения (собственность на землю и рабов) нетронутыми, Платон распространяет «коммунизм» только на класс правителей.

§ 60. **Восстания и бунты рабов.** Несмотря на продолжительное существование рабства, мир рабов не выдвинул ни одного учения, которое бы можно назвать коммунистическим; неизвестно также случаев таких движений, которые были бы направлены к полному преобразованию общества на началах господства труда.

Об'ясняется это тем, что рабы хотя и были участниками крупного производства, но это производство было не выше по уровню техники и организации труда, чем мелкое крестьянское хозяйство, а ниже его. Раб поэтому не мог, как современный рабочий, видеть свое избавление в общественном крупном производстве; он так же, как и все тогда, мог мечтать о возврате к своей земле, к формам крепкого крестьянского хозяйства, с которыми разлучила его несчастная война. Он стремился поэтому не низвергнуть общество, а уйти из него. Восстание Спартака (73 г. до Р. Х.) увлекло многих рабов, но эти рабы больше всего стремились уйти из Рима. Попытки Спартака, — вождя, мечтавшего об освобождении всех обездоленных, — обернуть движение против римского общества — потерпели крушение не только вследствие военного поражения, но и вследствие того, что масса рабов, за ним пошедшая, этих общеосвободительных стремлений не понимала.

Множество бунтов, которые знал древний Рим, носили характер частичных и стихийных вспышек, легко подавляемых. Оторвавшись совершенно (после нескольких поколений рабства) от своей родины, раб часто уходил из общества в разбойничий мир: толпы преступников, которыми кишел Рим в период упадка, увеличивались, главным образом, беглыми рабами.

§ 61. **Христианский коммунизм.** Упадок римского общества и начавшееся вырождение всех его классов (см. выше, § 35) подготовили почву для ожидания чуда, т.-е. посторонней силы, которая одна может спасти мир (ибо ни один класс не ожидал спасения от себя, от своих сил). Спаситель мира (Христос) придет, чтобы уничтожить зло и нищету и насадить новое царство божие на земле. В первохристианстве сильно преобладали коммунистические тенденции, выразив-

шиеся в требовании уничтожения богатства, общего потребления и т. д. Но это был коммунизм потребления: о способах производства первохристианство мало заботилось, оно говорило только о равном пользовании, равном потреблении.

Причины этого те же, что вышеизложенные (отсутствие хозяйственных предпосылок для требования крупного общественного производства). Первые христианские общины придерживались коммунизма потребления, но по мере их роста их коммунизм превращался в простые заботы о бедных. Попытки устройства коммунистического общежития уступают место ожиданию тысячелетнего царства мира и блаженства, которое наступит со вторым приходом Христа (хилиазм).

Официальная церковь осудила и эти ожидания и признала соответствующим учению Христа расслоение христианского общества на классы: рост церковных доходов (из которых только одна четвертая часть шла на бедных, остальное — папскому духовенству и на богослужение), сосредоточение земель в руках правящей церковной иерархии и т. п. сделали из высшего духовенства господствующий класс средневековья.

То же самое произошло и с монастырями, вначале трудовыми братствами, превратившимися впоследствии в эксплоататорские хозяйства. Всякие коммунистические движения принимали поэтому в христианском обществе характер противоцерковный (еретический), хотя они шли под знаменем Христа, зовя обратно к коммунизму первохристианства.

§ 62. **Христианско-коммунистические секты и крестьянские движения средневековья.** Коммунизм еретических сект имел успех в XI столетии — к этой эпохе уже окончательно сложился феодальный строй (см. выше §§ 37 — 39) с его противоположностью интересов крупных землевладельцев и крепостных крестьян. Ереси, появившиеся как протест против эксплоататорского характера церковной иерархии, легко прививались крестьянам, восставшим против светских и церковных эксплоататоров. В XI и XII стол. в Италии, Южной Франции и друг. мы встречаем ряд еретических сект (под разными названиями), выступающих против «языческого» духовенства, захватившего блага мира, против собственности на

землю и т. д. Они все требовали возврата к первым дням христианства. Папа, духовенство и светские владетели преследовали эти секты и вызванные ими движения с жестокой свирепостью. С развитием (после крестовых походов) торговли, вызвавшем ухудшение положения крестьянства (см. выше § 43), началась эра крестьянских движений и восстаний, шедших часто под знаменем еретических учений.

Особенно сильное движение поднял Фра-Дольчино — беглый монах, примкнувший к коммунистической секте апостольских братьев. Его проповедь равенства имущества собрала вокруг него (в 1303 г.) дружину и крестьянскую массу Пиемонтских Альп, и он поднял восстание против церкви, государства и общества. Однако крестьяне, получив кое-какие уступки от напуганных помещиков, понемногу стали покидать его. В героической борьбе с крестоносным папским войском восстание было подавлено, а Дольчино со своей сподвижницей Маргаритой Тренкской были после страшных пыток сожжены на костре.

Во Франции, принимавшей наиболее видное участие в крестовых походах, крестьянство было особенно разорено поборами рыцарей. Крестьянство отвечало на это рядом движений и восстаний, из которых наиболее крупными были движения «пастушков» (середины XIII в.), подвергавших разгрому рыцарские замки и монастыри, и «Жакерия» (1358 г.)— более или менее организованное (под руководством Гильома Каля) восстание крестьян, вспыхнувшее после поразившей Европу страшной чумы и попыток — в виду недостатка рабочих рук — ввести барщину. Крестьяне учинили разгром замков и осадили город Мо, но были рассеяны рыцарскими отрядами.

В Англии те же попытки завести опять барщину вызвали в 1381 г. грандиозное восстание Уотта Тэйлора. В восстании участвовала секта лоллардов. Проповедником, певцом и вдохновителем этого восстания был странствующий монах Джон Болл, громивший в своих речах дворянство и требовавший возврата ко временам Адама и Евы (т.-е. к уничтожению крупной собственности на землю). Огромные массы крестьян с Уоттом Тэйлором во главе двинулись на Лондон, разоряя

по пути замки, монастыри и поместья, и взяли город в июне 1381 г. Крестьяне требовали уничтожения феодальных повинностей и освобождения крепостных. Напуганное дворянство пошло на уступки, обещав исполнить крестьянские требования, а король даже дал в этом грамоты за своей печатью. Но когда Уотт Тэйлор был изменнически убит (во время свидания с королем), а крестьяне, поверив в королевское слово, разошлись, грамоты были признаны парламентом недействительными... Это восстание, однако, имело большое значение, способствовав падению крепостничества в Англии.

Особенно сильным, продолжительным и порой победоносным было крестьянское движение в Богемии. Тут против церкви, завладевшей богатыми серебряными Куттенсбергскими рудниками (открытыми еще в XIII столетии), были враждебно настроены все классы общества (героем этого противоцерковного движения был Иоанн Гус). Но когда церковь была побеждена и земли ее отняты, выиграли от этого больше всего крупные феодалы, завладевшие церковной землей; положение же крестьянства значительно ухудшилось, так как оно теперь подвергалось более жестокой эксплоатации, чем раньше.

Крестьяне подняли восстание (в первую половину XV столетия) против помещиков. К восстанию присоединились мелкие дворяне, ничего не получившие от конфискации церковных земель, низшее городское мещанство и пролетариат. Во главе движения стали религиозные коммунисты-табориты (от города Табора, превращенного в крепость, где повстанцы жили на началах христианского коммунизма, проповедуя наступление тысячелетнего царства Христа). Создав крупную военную силу, табориты наносили ряд тяжелых поражений дворянским войскам. Табориты призывали всех угнетенных, независимо от национальности, приобщиться к «истине», т.-е. восстать против эксплоататорской церкви и помещичьего государства. Они посылали эмиссаров-проповедников в разные страны и распространяли прокламации («еретические письма»), которые доходили даже до Англии и Испании. Во многих местах вспыхивали под влиянием таборитских учений восстания. Вообще, таборитское движение можно считать первой крупной попыткой построить коммунистическое государство (и притом в интернациональном духе).

Но, несмотря на их обаяние непобедимости и на то сочувствие, которое они встречали среди угнетенных других стран, им не удалось вызвать настоящего международного движения, для этого не было предпосылок в хозяйственном строе тогдашней Европы, не было главной основы и силы коммунизма — крупного производства и международного пролетариата. Не мог долго продержаться и сам Табор: в его среде начался внутренний разлад, который вылился в раскол и вооруженную борьбу. Коммунистические последовательные элементы («николаиты» или «адамиты»), требовавшие полного уничтожения частной собственности и семьи, оказались в меньшинстве и после упорной борьбы были загнаны на остров, а потом уничтожены Жишкой. Умеренные же элементы—мелкие рыцари, городское мещанство и т. д. — и примкнувшие к движению авантюристы не могли вести борьбу с тем упорством, которое характеризует классовое движение. После поражения при Липане, в 1434 г., Табор продержался еще 18 лет, но он уже влачил жалкое существование. В 1452 г. он был окончательно разгромлен.

С гибелью Табора ухудшилось положение крестьянства, но не прекратилось действие таборитских идей. Влияние их на последующие крестьянские движения с особенной силой сказывалось в Германии, где восстания, заговоры, вспышки не прекращались с середины XV столетия до великого крестьянского движения 1525 г. (так называемой «Великой крестьянской войны»).

В движении против католической церкви, вызванном Лютером, участвовали самые различные классы германского общества, но движение пошло дальше проповеди Лютера, увлекши на путь борьбы против крупного дворянства крестьян, к которым примкнули мелкие рыцари с Ульрихом фон-Гуттеном и Францем фон-Зикингеном во главе и значительная часть городов; присоединились и горнорабочие.

Крупнейшей фигурой этого движения был Томас Мюнцер, замечательный оратор и решительный революционер, сторонник «цвикауских апостолов» — коммунистической секты в центре горной промышленности, Цвикау. Переходя вместе со своими товарищами Шторхом и Пфейфером из города в

город и из деревни в деревню, он увлекал своей пламенной проповедью коммунистического учения не только тогдашний пролетариат, но и крестьянство. Вместе с Пфейфером он завладел властью в Мюльгаузене и основал там общину на коммунистических началах.

Однако, несмотря на распространенность крестьянского движения, охватившего почти всю Германию, оно в конечном

Томас Мюнцер.

итоге потерпело крушение. Крестьянские восстания в разных местах не были связаны между собой, отдельные группы действовали вразброд, мелкое рыцарство легко изменяло; коммунизм же не мог восторжествовать по вышеизложенным причинам. Восстания были подавлены, Мюнцер и Пфейфер были жестоко замучены, а над крестьянами учинена кровавая расправа (погибло до 100.000 крестьян).

Последнее движение, прошедшее под знаменем христианского коммунизма, вспыхнуло в Вестфальской столице — Мюнстере. Опираясь на низы демократического мещанства,

свергшего господство аристократических сторонников католической церкви, анабаптисты (перекрещенцы — христианско-коммунистическая секта, зародившаяся в Швейцарии и распространившаяся в Германии и Нидерландах) захватили власть и установили в Мюнстере коммунистическую общину. Во главе движения стали Иоанн Лейденский и некоторые другие. Мюнстер, отрезанный от всего мира, не мог осуществить всех коммунистических реформ: короткий период существования коммуны поглотила борьба со всей Германской империей. 25-го июня 1535 г. истомленный голодом город, после героического сопротивления, был взят, а герои движения замучены.

С падением Мюнстера — этого последнего оплота революционного христанского коммунизма — кончилось и значение этого последнего, как действующей силы. Человечество порывает с хозяйством средневековья и вступает в полосу нового хозяйственного развития с образованием новых классов и новых идеологий.

§ 63. **Коммунистические утопии и крестьянские движения до французской революции.** Обезземеление крестьянства и образование бездомного пролетариата (см. выше § 44) вызвали в лучших умах великую тревогу. Неудача всех крестьянских движений (в том смысле, что они оказались неспособными привести к новому социальному порядку в духе коммунизма) как бы вырвала реальную почву из-под ног коммунистических учений, связывавших всегда свои реформаторские ожидания с крестьянством; пролетариат же только образовывался; он еще не вылился в ту социальную силу, какая могла бы стать опорой коммунизма (такой силой он стал только в XIX стол.). Поэтому коммунистическая мысль уходит в область прекрасных мечтаний, в область фантастических построений и ожиданий.

Только в эпоху английской революции (середина XVII в.) мы опять видим стремление реализовать коммунизм на почве народного движения (см. ниже), но это движение было подавлено богатыми классами, и коммунистическая мысль опять погрузилась в утопии, ряд блестящих и посредственных утопий — романов и подражаний. Это не значит, что за этот

период не было никаких крестьянских движений. Такие движения не прекращались в XVI — XVIII стол., но они уже не связывались с идеалами полного преобразования общества, они выдвигали требования сегодняшнего дня; в общем они дальше борьбы с остатками феодализма (крепостничества, феодальных повинностей) не шли.

Первой гениальной утопией периода новой истории была книга Томаса Мора «Утопия» (что значит «нигде» — по-грече-

Томас Мор.

ски: у — нет, топос — место). Мор (род. в Англии 1478 г., умер 1535 г.) дает описание воображаемого идеального общественного устройства на острове Утопия. Тут мы впервые встречаемся на-ряду с упразднением частной собственности (что было во многих еретических учениях средневековья) с обобществлением средств производства. Правда, основой труда и хозяйства является земледелие, а не крупное промышленное производство (его еще тогда не было). Труд обязателен для всех. Стол общий. Все продукты

производства поступают к государству (в государственные склады) и государством же распределяются (между городами и округами) сообразно потребностям населения. Управление демократическое: начальники (сифогранты или финархи) выбираются по одному от каждых 30 семейств. Эта утопия пошла, в смысле понимания коммунизма, дальше многих позднейших утопий и учений, но и Мор не мог отрешиться от взглядов и представлений своего времени: в его утопии отводится место королевской власти (правда, ограниченной) и даже рабству (для выполнения грязных и черных работ).

Итальянец Томазо Кампанелла (1568 — 1639 г.г.) в своем «Государстве солнца» (Civitas Solis) дал описание воображаемого идеального общественного порядка в виде теократической монархии (теократия — власть священников, духовенства) с просвещенным папой-философом во главе. Папа (солнце) вместе со своими тремя помощниками (силой, мудростью, любовью) распределяет продукты сообразно с потребностями населения. Труд обязателен для всех. Частная собственность отсутствует. Несмотря на свой теократический характер, утопия Кампанеллы проникнута той жизнерадостностью, тем бодрым настроением, которые проникают впоследствии пролетарский коммунизм. Мир и его радости для трудящегося человека — лозунг, отличающий современный коммунизм от христианского коммунизма, носившего аскетический характер, стремившегося к опрощению человека, к ограничению его потребностей, к равенству в бедности.

Из утопий XVII в. некоторый интерес представляет «История Севарамбов» Д. Верраса (1677 г.), рисующая идеальную монархию, соединенную с народным управлением при обязательном для всех труде. Тут мы встречаемся с идеей нормального рабочего дня, с его «тремя восьмерками» (8 часов труда, 8 часов сна, 8 часов отдыха).

Все эти утопии были плодом мысли отдельных умов. Как бы они ни отражали настроения своего века, но они не звали к действию, они не сообщали силы крестьянским движениям, которые вспыхивали в XVI и XVII стол.

В XVI и XVII стол. крестьянские протесты и даже восстания (Роберта Кета в Норфольке и Девоншире в 1549 г. и др.)

вызывали «огораживание», т.-е. захват помещиками крестьянских земель и пустошей, отводившихся под пастбища для овец. Продолжавшееся обезземеливание крестьян (они освобождались без земли) вызывало крестьянские волнения.

Во время английской революции (середина XVII стол.) среди врагов монархии самым радикальным крылом оказались руководимые Джоном Лильборном левеллеры (уравни-

Фома Кампанелла.

тели), требовавшие, чтобы «во всей стране не было ни заборов, ни изгородей, ни рвов» (лозунг, направленный против огораживания). Левеллеры говорили библейским языком того времени, но на самом деле они являлись мелко-буржуазной демократической партией, представлявшей интересы крестьянства и выдвигавшей широкую демократическую программу (всеобщее избирательное право, отделение церкви от государства, подоходный налог, отмена привилегий и исключительных положений, выборность чиновников, суд присяжных и т. д.).

Левое крыло левеллеров, так называемые истинные левеллеры или диггеры («копатели»: они революционным путем пытались вскопать пустоши для общественного пользования), было проникнуто коммунистическим настрое-

нием. Вождь диггеров, Вильям Уинстлей, требовал в своем «Законе свободы, как политическая программа», отмены частной собственности, обязательного труда, коммунистического распределения и т. д.

Но, выражая интересы безземельных крестьян, диггеры не были поддержаны остальной крестьянской массой, которая как раз была наделена мелкими земельными участками за счет конфискованной монастырской земли. Их стремление опереться на революционную крестьянскую массу постигло неудачу: наделы получили и солдаты, ставшие таким образом мелкими собственниками, которых идея коммунизма отпугивала. Попытки диггеров вызвать революционное движение среди сельско-хозяйственных рабочих были подавлены. Движение ливеллеров таким образом не удалось: крепостное право, сильно поколебленное в Англии, не было окончательно отменено. Во многих других странах оно было ликвидировано через полтора—два столетия. Политические требования левеллеров были выставлены впоследствии рабочим классом (чартистское движение; см. ниже, § 67) и в значительной части осуществлены.

§ 64. **Крестьянство и рабочий класс в великой французской революции.** Начало революции 1789 г. положило все «третье сословие», состоявшее из буржуазии, крестьянства и городских рабочих: все эти классы были враждебны помещичьему господству. Но они разно относились к задачам революции, и по мере того, как революция развертывалась, они стали на разные позиции. Буржуазия, опрокинув господство дворянства и захватив власть в свои руки (состав Генеральных Штатов или Национального Собрания был буржуазный), считала революцию законченной, когда она только началась, и при дальнейшем развитии революции становилась все контрреволюционнее.

Крестьянство ожидало от революции избавления от своего ужасающего материального и правового положения. Разоренность крестьянства и обремененность многочисленными повинностями в XVIII стол. были чуть ли не хуже, чем в эпоху Жакерии средневековья. Крестьянину приходилось платить помещику, попу и чиновнику на много больше, чем он в сред-

нем вырабатывал на своей скудной земле, терявшей свое плодородие с каждым годом. И когда были созваны Генеральные Штаты, крестьяне верили, что их нужды, выраженные в их наказах, будут удовлетворены, что старый порядок рухнет.

Прошло, однако, несколько месяцев, а в Национальном Собрании не было и речи о крестьянских делах. Взятие Бастилии (14 июля 1789 г.), бывшее ответом революционных низов Парижа на контр-революционные происки двора и высших классов, разбудило в деревне стремление к действию. Вспыхнули крестьянские восстания: сжигались замки, разрушались аббатства, уничтожались ненавистные крестьянам документы.

Грозные известия о крестьянском восстании вынудили Национальное Собрание в ночь 4-го августа провозгласить отмену целого ряда феодальных повинностей — при условии, впрочем, «справедливого» выкупа. Фактического раскрепощения крестьянства это, однако, не принесло: не было точно определено, какие именно повинности подлежат выкупу и какие нет, и помещики на местах продолжали требовать арендной платы и повинностей к великому негодованию крестьянства, которое устраивает еще ряд восстаний.

Только в 1793 г., когда власть перешла к радикальным, мелко-буржуазным элементам, были окончательно отменены Конвентом всякие повинности и без всякого выкупа. Крестьянское малоземелье было устранено раздачей (по ничтожным ценам) земель из фонда национальнных имуществ (земель контр-революционных эмигрантов). С этого момента крестьянство перестало толкать революцию вперед: оно получило свободу и землю, завоевания революции для него были закончены. И только когда этим завоеваниям грозила опасность, оно снова громило помещиков и давало народное ополчение, беззаветно боровшееся с иностранным нашествием (Пруссии и Австрии), от которого оно ожидало возврата старого порядка с ненавистными «аристократами». Оно защищало свою свободу и собственность. И так же, как оно защищало республику, оно потом поддерживало империю Наполеона, который закрепил эти завоевания и громил аристократическую Европу.

В течение всего XIX стол. крестьянских восстаний во

Франции не происходило. В последующих революциях крестьяне в лучшем случае держались пассивно, в худшем (в 1848 и 1871 г.г.) — оказывали сопротивление революционным стремлениям пролетариата, идущим против собственности и современного порядка.

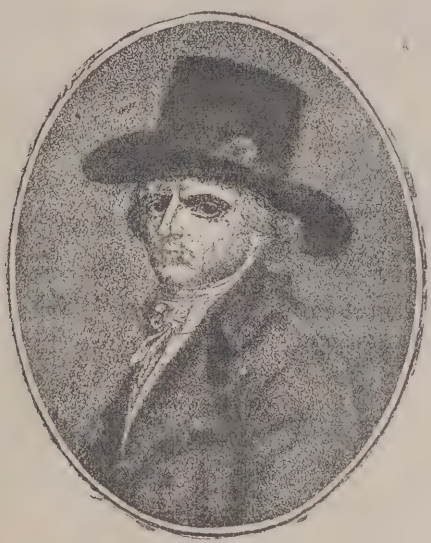
Рабочий класс не играл в великой французской революции самостоятельной и выдающейся роли. Промышленный переворот (с вытеснением ручного труда машинным производством и сосредоточением в фабричных центрах миллионов рабочих) произошел во Франции только после революции. Значительная масса рабочих состояла из цеховых ремесленников и деревенских кустарей, бравших у крупных мануфактуристов работу на дом. И те и другие еще не порвали окончательно с мелкой буржуазией — городским мелким мещанством и крестьянским хозяйством. Только в немногих крупных городах мы встречаем значительные группы «свободных» рабочих. Они участвовали (в общей массе революционной демократии) в разных революционных выступлениях (взятии Бастилии и др.).

Дороговизна продуктов питания, вызванная прекращением подвоза и другими причинами, значительно ухудшила экономическое положение рабочих. Рабочие на это ответили стачками (1789 — 1791 г.г); стачечное движение 1791 г. напугало буржуазное Национальное Собрание, которое, по докладу Ле-Шапелье, издало закон о воспрещении, под угрозой уголовных кар, стачек и других выступлений «скопом».

В дальнейшем положение рабочих все ухудшалось. Рабочие волновались. В период реакции, наступившей после падения Робеспьера, против рабочих принимались самые суровые меры. Директория в 1796 г. даже предлагала ввести телесное наказание для непокорных рабочих. Однако ни рабочей партии, ни широких организованных выступлений рабочего класса (как класса) во все время революции не было. Все революционные выступления парижских низов ничего пролетарского в себе не носили. Требования, выдвигаемые ими в бурный 1793 год, не посягали на самые основы буржуазного общества. Пролетарские тенденции, стремление к социальной революции, которая должна разрушить буржуазное общество

и установить коммунистическое, мы видим только в заговоре Бабефа (1796 г.).

Гракх Бабеф не удовлетворялся результатами происшедшей революции, которая поставила на место «шайки прежних мошенников банду новых плутов» (т.-е. на место дворян — буржуев). Революция не закончена: она не привела к полному «равенству» (т.-е к социальному равенству). И он первый



Гракх Бабеф.

провозглашал в своем учении принципы и методы современного коммунизма (классовую борьбу и идеал коммунистического общества, как обобществление орудий и средств производства и государственную организацию распределения). Его коммунизм был революционным: осуществление идеального государства, — думал он, — произойдет не в результате благожелательной реформы сверху (как думали его предшественники-утописты), а как результат борьбы «15/24 населения» (т.-е. революции трудящихся). Однако его заговор не был поддержан широкими массами. Даже в среде обществ, им организованных, не было единодушия по социальным вопросам: всех связывала скорее ненависть к политической термидоровской реакции. За «возбуждение народа против собственности» он и его друг Дарте заплатили жизнью; некоторые бабувисты (т.-е. приверженцы Бабефа) отделались

§ 65. **Крестьянские движения в XIX и начале XX стол.** С отменой феодальных повинностей и наделением крестьян мелкой земельной собственностью крестьянские волнения во Франции (см. выше) прекратились.

В других странах до революции 1848 г. крепостничество не было отменено или было отменено только на бумаге (как в Пруссии, где, несмотря на «освободительный» закон 1807 г., все прежние крепостнические порядки остались в неприкосновенности). Поэтому мы в XIX столетии видим крестьянские волнения во всех почти странах.

Революционный пожар 1848 г., об'явший почти всю Европу (Францию, Германские государства, Австро-Венгрию, Итальянские государства, подчиненные Австрии), зажигался во многих странах крестьянами, добивавшимися земли и отмены крепостного права. Революция принесла в течение 1848 — 1849 г.г. крестьянам свободу и мелкую земельную собственность, и крестьянские волнения в Западной Европе затихают.

Исключение составляет на Западе Ирландия, а на Востоке Европы — Россия. И там, и тут волнения крестьянства почти не прекращались до последнего времени.

Русскому крестьянству окончательное раскрепощение и всю землю принесла пролетарская октябрьская революция 1917 г. (историю социально-революционного движения в России см. ниже).

В Ирландии крестьянство, хотя и было «свободно», но вся почти земля, которую оно обрабатывало своим кровавым потом и трудом, принадлежала английским лэндлордам (крупным землевладельцам), которые обычно не ведут собственного хозяйства, а сдают крестьянам землю в аренду мелкими участками. Полная фактическая зависимость крестьян от их эксплоататоров, невероятная нищета ирландского крестьянства (что приводило к вымиранию населения и эмиграции миллионов населения в Америку), — все это вызывало острую классовую борьбу, выливавшуюся в форму революционного движения, восстаний, террористических покушений на помещиков и их управляющих, массовые случаи нанесения вреда помещичьему хозяйству и т. д. Лозунгом ирландского крестьян-

ства стало отделение от Англии с передачей земли трудовому народу. Вопросы эти не разрешены до сих пор, и Ирландия представляет пороховой погреб, который в любой момент может вспыхнуть от революционной искры.

Еще в 1916 г. восстание «синфайнеров», требовавших свободы и земли, было с трудом подавлено английским оружием.

§ 66. **Рабочее движение до революции 1848 года.** За последние 100 лет революционное движение, выдвигавшее требования о полном преобразовании общества, было рабочим движением.

В эпоху великой французской революции мы еще не видим самостоятельных выступлений пролетариата (см. выше, § 64). Но промышленный переворот в Англии (в последнюю треть XVIII стол.), во Франции (после революции) и в других странах (в разные десятилетия XIX стол.) привел к вытеснению мелкого ремесла и кустарничества крупным машинным производством. На фабриках и заводах капитал собрал миллионы рабочих, не имеющих ни земли, ни средств и орудий производства, располагающих только своей рабочей силой, которую они вынуждены продать за скудный кусок хлеба капиталисту.

Положение рабочих на этих фабриках и заводах было ужасное (в особенности в Англии в первые десятилетия XIX стол.): бесконечно длинный рабочий день, нищенская плата, изнурительный труд малолетних детей и женщин и т. д. Еще ужаснее было положение безработных, число которых росло по мере того, как машина вытесняла ручной труд, а расширение машинного производства не шло таким быстрым темпом, чтобы поглотить всю освободившуюся рабочую силу. Оставшись без заработка, рабочий — по тогдашним английским законам — мог быть обращен в фактическое рабство: его чуть ли не запирали в «работный дом», где он должен был работать за бесценок. Пауперизм (масса нищих или людей, не имеющих средств к существованию) принимал угрожающие размеры: в 20-х годах в Англии число людей, пользовавшихся общественной благотворительностью, достигло цифры около 3 миллионов.

Одинокий рабочий перед лицом всесильного капитала был совершенно бессилен, он был игралищем страшной для него экономической стихии. Только в союзе с другими рабочими, с товарищами по труду и положению, он мог противопоставить капиталисту силу, с которой последний должен считаться. Рабочие это инстинктивно понимали. Начались попытки — пока еще разрозненные — организации рабочего класса.

Уже с начала XVIII в. стали стихийно возникать — часто в связи с забастовками — полулегальные или тайные рабочие союзы, но они так же быстро распадались, как и возникали. Особенно быстрый рост они получили в Англии в конце XVIII в. — в период промышленной революции, постигшей Англию раньше других капиталистических стран.

Эти зачаточные формы рабочего движения были встречены самым свирепым сопротивлением буржуазии. Уже с начала XVIII в. на об'единения рабочих сыпался град запретительных законов, венцом которых стал закон 1799 — 1800 г.г., воспрещавший всякие соглашения рабочих, направленные к увеличению заработной платы, под угрозой каторжных работ. Рабочее движение было загнано в подполье.

Настроение рабочих того времени было проникнуто непримиримой злобой и стихийной ненавистью не только к классу капиталистов, но и к фабрике, к фабричному производству с его машинами, в которых они видели причину всех своих несчастий.

В эпоху французской революции английские рабочие присоединились к радикальным обществам, сочувствовавшим крайним французским революционерам и провозглашавшим политические требования, которые впоследствии встретим в «Народной хартии» (у чартистов; см. ниже, § 67), требования всеобщего избирательного права и ежегодных созывов парламента. Рабочих мы встречаем на Эдинбургском Конвенте 1793 года, разогнанном королевскими войсками, на митингах, демонстрациях и т. д.

Французская революция, как мы знаем, не улучшила положения рабочих, а с наступлением реакции у кормила правления стала крупная буржуазия. В Англии радикальные

движения терпели неудачу. Это еще больше озлобило рабочих: самым распространенным тостом среди них был тогда: «пусть последний король удавится кишкой последнего попа». Их ненависть выливалась в форму стихийного экономического террора — поджог фабрик, разрушение машин и т. д., — принявшего в 1811 — 1812 г.г. массовый характер. Образовалось даже общество разрушителей машин — л э д д и с т о в. Буржуазия ответила на лэддизм белым террором: законом о карании разрушителей смертной казнью и десятками казней рабочих, наградами за выдачу лэддистов и т. д. На время усмиренное лэддистское движение вспыхнуло опять в 1916 г.

Такую же форму рабочего протеста — разрушение машин — мы встречаем и в других странах (во Франции и Германии), где промышленный переворот произошел позже, чем в Англии, и где разрушительное действие машин на старые формы ремесленнического быта сказалось с такой же силой, как в Англии. Но это чисто стихийное движение не могло ни уничтожить эксплоатации, ни сплотить рабочих в единую организованную силу. На место разрушенных машин появлялись новые, еще более мощные, а толпы рабочих, быстро, под влиянием разрушительного порыва, возникавшие, рассеивались, не оставляя заметного следа.

Рабочие убеждались, что дело не в машине, которая сама по себе величайшее благо, так как она сберегает человеческий труд, а в том, кто владеет производством, кто держит в руках орудия и средства производства. Они скоро усвоили сознание, что для того, чтобы уничтожить эксплоатацию, нужно рабочему классу завладеть, в интересах трудящегося, аппаратом производства. Рабочие стали проникаться социалистическим сознанием.

Социалистические учения первых десятилетий XIX столетия (Роберта Оуэна в Англии, Сен-Симона и Шарля Фурье во Франции) не были революционны. Вскрывши с гениальным мастерством все противоречия буржуазного общества, обнаживши все социальные язвы, они в то же время рассчитывали на мирное преобразование общества путем воздействия на разум и совесть всех. Разочарованные во французской революции, они не признавали политической борьбы, считая, что

для разрешения экономического вопроса формы правления безразличны. Не понимали они также всего значения классовой борьбы пролетариата, как орудия достижения коммунизма, как единственного пути к уничтожению классового общества. Это был — как потом его окрестили — утопический социализм: тщательно разрабатывая план нового общества, эти учения не указывали р е а л ь н о г о пути его достижения.

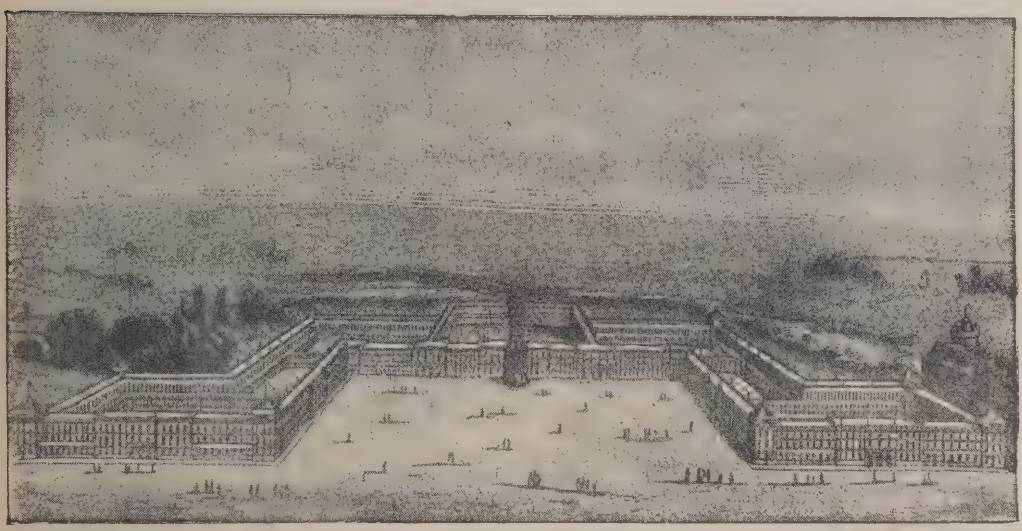
Роберт Оуэн.

Шарль Фурье.

Роберт Оуэн (1771 — 1858) — великий английский утопист, враг частной собственности и капитализма, сторонник полного социального равенства, мечтал преобразовать общество путем устройства коммунистических фабрик и колоний, а впоследствии организацией производительных и потребительных товариществ. И он, веря, что и миллионеры могут проникнуться идеями коммунизма, если убедить их в несправедливости существующего общества, звал их содействовать осуществлению коммунизма.

Французский утопист Фурье (1772 — 1837) дал сокрушительную критику капитализма, «цивилизации», — как он его называет, — этого «крайнего выражения нищеты и разврата», и звал порвать с этим обществом. Новое общество должно быть построено на любви человека к жизни, на его инстинктах

и страстях. Оно должно состоять из ф а л а н г (от греческого слова phalanx — замкнутый боевой строй македонцев) — трудовых товариществ, внутри которых отдельные работы выполняются неустойчивыми группами, связанными между собой взаимной симпатией и общностью вкусов. Фаланга состоит из 1500 — 1800 членов обоего пола и разных возрастов. Все члены такой общины помещаются в одном общем здании или дворе — ф а л а н с т е р е, — устроенном по всем требо-

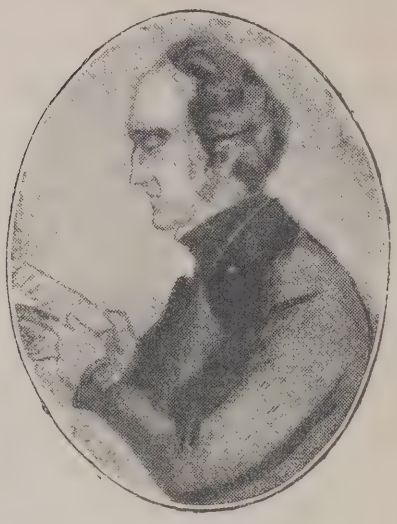


План фаланстера.

ваниям удобств и роскоши. Фурье подробно изображал все порядки нового общества, образ жизни, отношение между разными группами работников, даже те перемены в природе и климате, которых он ожидал от победы крупного производства над мелким, возможной лишь при ассоциации (сообществе). Но хотя его влияние на умы социалистов 40-х годов было огромно (первые русские социалисты были именно фурьеристами), но создать массового движения он не мог. Он обращался больше к верхам, ожидая прихода капиталиста-филантропа (человеколюбца), который возьмет на себя осуществление социального опыта. К низам, к рабочим он не обращался.

Еще менее способно было овладеть рабочим движением учение Сен-Симона (1760 — 1825) в двадцатых годах и его школы (Базар, Лафонтен и др.) в 30-х. Он мечтал о внутреннем преобразовании капитализма путем очищения его от остатков феодализма, подчиняя хозяйственную жизнь на на-

чалах «индустриального равенства» руководству просвещенных людей (промышленников, ученых, художников, инженеров, которых он относит к трудовому классу — «индустриалам», противопоставляемым паразитическому классу «буржуазии» — земледельцам, придворным, полиции и т. д.). У Сен-Симона мы уже встречаем идею регулирования производ-



Сен-Симон.

Этьенн Кабэ.

ства государством и зачатки теории «экономического материализма» (см. ниже), но ни классовой борьбы, ни каких-нибудь других практических путей к осуществлению нового общества его учение не содержит.

Утопический социализм не мог овладеть рабочим движением, а практические начинания оуэнистов и фурьеристов (по устройству коммунистических общин в Европе, а потом в Америке) потерпели неудачу. Полная неудача постигла и попытку «икарийцев» — последователей Этьенна Кабэ [1]) —

[1]) Этьенн Кабэ родился в 1788 г., умер в 1856 г. Получил прекрасное образование. Занимался адвокатской практикой и выступал с пламенной защитой обвиняемых в «государственных преступлениях». Еще до революции 1830 г. выступал решительным демократом. После революции 1830 г. в палате и в своем ярко демократическом журнале «Le Populaire» («Общедоступный») страстно нападал на правительство. За оскорбление величества был приговорен к тюремному заключению, но успел бежать в Англию. Ознакомившись там с «Утопией» Томаса Мора (см. выше, § 63) и утопическими учениями коммунизма, написал книгу «Voyage en Icarie» («Путешествие в Икарию»), в которой дает описание воображаемаго коммунистического общества—без собственности, без денег, без купли и продажи; в Икари

основать коммунистическое общежитие в ненаселенной местности Америки.

Несмотря, однако, на свои неудачи, утопический социализм оказал огромное влияние на рабочих в первую половину XIX стол. Проникаясь идеями социализма (т.-е. стремлением к уничтожению старого общества и замене его новым, коммунистическим), рабочие капиталистических стран (главным образом, Англии, Франции и отчасти Германии) воспринимали в то же время дух революции и политических стремлений, к которым утописты относились пренебрежительно.

Рабочие первых десятилетий XIX в. не выдвигали своих особых политических требований, они примыкали к революционным вспышкам и восстаниям, которые приводили к переходу власти от одной господствующей группы к другой. В Англии они деятельно участвовали в движении, приведшем к избирательной реформе 1832 г., отменившей старые привилегии аристократов и отдавшей власть буржуазии; во Франции руками парижских рабочих в 1830 г. (июльская революция) была свергнута власть землевладельческой аристократии, на место которой села промышленная буржуазия с «королем-буржуа» Луи-Филиппом во главе.

Но уж тогда политические требования рабочих шли гораздо дальше политической программы либеральной буржуазии. Рабочие разочаровались в возможности путем одной экономической борьбы освободиться от гнета капитала: промышленный кризис, последовавший вслед за отменой (1824 — 1835 г.г.) «каторжного закона» о коалициях, разбил их радужные надежды, которые они связывали с организованными союзами (трэд-юнионами) — почти все стачки для повышения заработной платы кончались неудачей. И вступив на путь

все продукты земледелия и ремесл идут в пользу коммуны и распределяются между всеми. Деятельной пропагандой Кабэ сгруппировал вокруг себя большое число восторженных поклонников. В 1848 г. на деньги, собранные от приверженцев его идей, он приобрел обширную незаселенную площадь земли на берегах Красной реки в Техасе (Америка). После целого ряда приключений и неудач ему с выселенцами—«икарийцами» удалось основать колонию, которая, по его мысли, должна была быть коммунистической. Однако раздоры в общине и неблагоприятные климатические условия привели к упадку колонии.

политической борьбы, рабочие стремились к преобразованию общества путем политической революции.

«Национальный Союз трудящихся классов и людей, держащихся с ними одинакового мнения», основанный приверженцами Оуэна (оуэнистами) в 1831 г., ставил своей целью не только устройство производительных товариществ, но и завоевание всеобщего избирательного права, которое, как думали рабочие, отдаст власть трудящимся. Несмотря на то, что во главе стояли оуэнисты, равнодушные к политике, союз быстро проникся революционным духом политической борьбы, интернационализма и классовой борьбы: он устраивал празднества в честь французской революции и польского восстания, высказывая устами сапожника Бенбоу идею всеобщей забастовки («стачечного месяца»), которая могла бы сломить буржуазию, и т. д.

И во Франции, и в Англии рабочие убедились (после июльской революции 1830 года и избирательной реформы 1832 г.), что от их политической борьбы выиграла пока одна буржуазия. И рабочее движение совершенно ставит крест над мирной проповедью утопистов; оно принимает все более революционные формы, выставляя все более яркие лозунги классовой борьбы.

Яркий классовый характер носит выступление лионских ткачей (1831 г.), восставших под лозунгом «жить работая или умереть в борьбе»(«Vivre en travaillant ou mourir en combattant») и державших в своих руках 10 дней второй по населению город во Франции. Взрыв был вызван понижением ткачам шелковых материй (ткачи составляли огромное большинство рабочего населения Лиона) заработной платы до 1 франка (33 коп.) за 18-часовой рабочий день! К восставшим ткачам присоединились национальные гвардейцы из бедняков. Богатые национальные гвардейцы — сыновья богатых буржуа Лиона — выступили батальоном против рабочих и потерпели поражение. Понадобилось нападение целой двадцатитысячной армии с маршалом Сультом во главе, чтобы сломить восстание людей, доведенных до отчаяния алчностью буржуазии. Восстание было подавлено с обычной для буржуазии жестокостью. Разные буржуазные партии, обычно-враждовавшие между собою, здесь обнаружили «трогательное» единение и

наперебой друг с другом требовали свирепых мер против «бунтовщиков»... Одним из вождей этого восстания был ра-

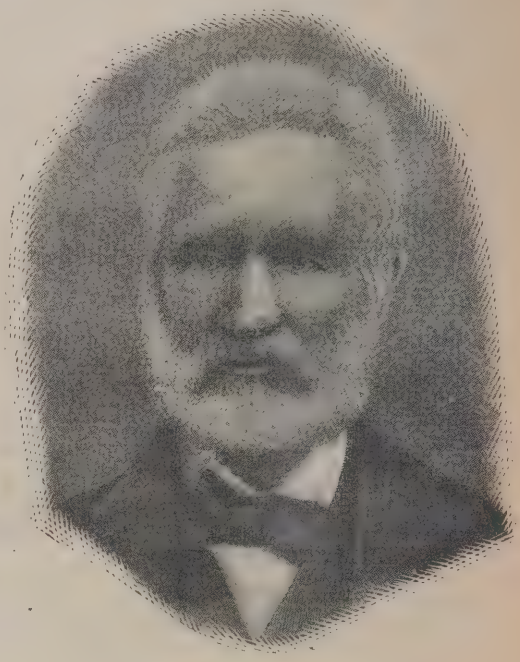
Восстание лионских ткачей.

бочий Альбер [1]). который и написал на черном знамени вышеприведенный лозунг.

[1]) Альбер (изв. под именем Александра Мартена) — рабочий, участвовавший в республиканском движении 30-х и 40-х годов, участник февральской революции 1848 г. (см. ниже, § 68). Он был членом временного правительства вместе с Луи Бланом. Впоследствии сидел 10 лет в тюрьме.

Вспышки рабочих волнений не прекращаются до революции 1848 г. Рабочие участвовали во всех заговорах, имевших целью уже не только политическую революцию, а и социальную. Мы видим рабочих в тайном союзе, основанном (под названием «Семья») в 1835 г. революционерами Барбесом [1]) и

Огюст Барбес.



Огюст Бланки.

Бланки [2]) и имевшем тайный пороховой и патронный завод. Рабочих мы видим в «Обществе времен года» и во всех других

[1]) Барбес—стойкий революционер, участник заговоров, восстаний и революции 1848 г. За участие в восстании 1839 г., поднятом «Обществом времен года», основанном им, Бланки и Бернаром, был приговорен к смертной казни, но под давлением общественного мнения был помилован (казнь заменена пожизненным заключением). Революция 1848 г. вернула ему свободу, и он ринулся в революционную борьбу. За участие в майской манифестации 1848 г., направленной против буржуазной республики, и руководство массами был заключен на долгие годы в тюрьму.

[2]) Огюст Бланки—«вечный инсургент» (повстанец), «вечный заключенный», один из самых замечательных и неутомимых революционеров-заговорщиков XIX столетия. Участвовал в революции 1830 г. и в заговорах и восстаниях. Был одним из самых любимых вождей народных масс после революции 1848 г. За руководство майской манифестацией заключен в тюрьму на долгие годы. Выпущенный в 1859 г. из тюрьмы, он в 1861 г. за участие в тайном заговоре был опять заключен в тюрьму на 4 года. В 1870 г., после падения Наполеона III примкнул к крайней левой. 26 марта 1871 г. избран членом Парижской коммуны (см. ниже, § 71). В 1872 г. сослан. Умер в 1881 г.

тайных организациях. С другой стороны, революционная демократия старается сблизиться с революционным классом, и речи о «ниспровержении тронов» сменились речами об истреблении «жиреющих на счет народа финансистов, банкиров и т. д.».

Особое влияние на парижский пролетариат оказывали идеи Луи Блана, проповедывавшего «право на труд» и пере-

Луи Блан.

устройство общества путем «организации труда» — организации национальных мастерских государством, которое после политической революции должно стать орудием в руках «народа» (государство должно оказывать всяческую помощь «ассоциациям» — трудовым сообществам). Подготовлялось столкновение пролетариата с буржуазией, какое имело место на улицах Парижа в кровавые «июньские дни» 1848 года (см. ниже).

В Германии рабочее движение делало свои первые робкие шаги. Как и во Франции и в Англии, социалистическая проповедь носила пока утопический характер. «Первый социалист» Людвиг Галль примыкал к французскому утопическому

социализму и предлагал заменить индивидуальные (одиночные) хозяйства ассоциациями. Он провозглашал «право на труд» и выступал с предложением ряда социальных реформ. Его практические попытки основать в Америке колонию, построенную на началах социальной справедливости (как он ее понимал), стоили ему его довольно крупного достояния, опасностей и лишений, но к практическим результатам не привели.

Вслед за Галлем появлялись и другие социальные реформаторы-мечтатели.

Попытки организации социально-революционных сил и трудящихся масс (преимущественно ремесленников) начинаются в 30-х годах, а в сороковых годах они принимают характер стремления к интернациональной организации рабочих. Под влиянием социалистических и коммунистических идей, занесенных из Франции и Швейцарии, рабочие организации, возникшие раньше для целей самообразования и взаимопомощи, проникались революционным духом. Немецкие революционные эмигранты, вынужденные бежать во Францию и в Англию, принимали там участие в разных революционных мероприятиях. Организация «Союза коммунистов», программа которого была изложена Марксом и Энгельсом в «Коммунистическом Манифесте», обязана, главным образом, немецким эмигрантам (см. ниже, § 69).

В Англии после реформы 1832 г. рабочий класс в первое время шарахнулся от политики и бросился в чисто экономическую борьбу, ожидая от нее не только улучшения экономического положения, но и полного освобождения от капитала. Но рабочие профессиональные союзы (трэд-юнионы) были пропитаны тогда революционным классовым духом: они стремились к социальной революции, но помимо политики и парламентаризма.

Влияние Оуэна, перешедшего в это время от коммунистических опытов к активному участию в рабочем движении, сказалось в смысле сознания необходимости об'единения разрозненных союзов в единый рабочий союз, но оно не в состоянии было умерить революционные настроения рабочей

массы. В 1833 г. Оуэн организовал «Союз национального возрождения», который должен был добиться к 1-му марта 1834 г. 8-часового рабочего дня (по мысли Оуэна мирным путем). Рабочие поняли это как борьбу путем всеобщей забастовки. В феврале 1834 г. на с'езде профсоюзов было положено начало об'единению рабочих разных профессий основанием «Великого национального союза профессий», который ставил себе задачу освобождения рабочего класса от гнета капитала. К союзу примкнуло до полумиллиона рабочих.

Однако свирепая борьба с великим союзом буржуазного государства, сыпавшего на головы рабочих бесчисленные и суровые кары, неудачные стачки, опустошившие кассы, неуспех грандиозных манифестаций (в которых участвовало от 100 до 200 тысяч рабочих), — все это привело к гибели Великого союза и к сознанию, что для успеха своего дела рабочий класс должен завоевать политические права (Маркс потом договорил до конца: политическую власть). В великом чартистском движении — первом великом движении рабочего класса — английский пролетариат выдвинул этот вопрос.

§ 67. **Чартизм.** Из распадения «Великого национального союза» старые вожди рабочих (Ловетт, Гетерингтон, Ватсон и др.) делали вывод о необходимости завоевания политических прав, как предварительного условия для освобождения рабочего класса. Рабочие, впавшие на некоторое время в состояние апатии, вскоре опять начали волноваться под влиянием страшной нужды и становившейся невыносимой тягости «хлебных законов» (сохранившихся со времени борьбы с французской революцией высоких пошлин на ввозной заграничный хлеб).

Поэтому, когда в 1836 г. Ловетт и др. возродили «Великий национальный союз профессий» под названием «Всеобщего рабочего союза» (или «Рабочей ассоциации»), к нему примкнула значительная масса рабочих в Лондоне и провинции. Союз соединился с парламентскими радикалами и вождями движения, направленного против закона о бедных, не менее ненавистного, чем «хлебные законы».

Избранным обеими группами комитетом была выработана «народная хартия» (отсюда название чартисты или хартисты), заключавшая 6 требований: 1) всеобщее избирательное право, 2) ежегодные парламенты, 3) тайное голосование, 4) вознаграждение депутатов (при тогдашней неоплачиваемости депутатов членом парламента мог быть только крупный землевладелец или капиталист), 5) отмена ценза, 6) равномерное распределение избирательных округов. На рабочем собрании, созванном в феврале 1837 г., эти требования были приняты и основана чартистская газета О'Коннора «Северная Звезда», в течение многих лет игравшая роль главного боевого органа чартизма (по тому времени она имела огромный тираж в 50.000). На этом собрании присутствовал цвет лондонских рабочих; надо было вовлечь в движение самую толщу рабочей массы. И с этого момента была предпринята широкая агитация, не имевшая примеров в прежней истории рабочего движения. Чартистские агитаторы раз'езжали по всей стране, в провинции организовывались чартистские комитеты, во многих промышленных пунктах возникали чартистские газеты. Была составлена петиция (обращение — просьба) парламенту с изложением всех требований хартий. Для сбора подписей и для того, чтобы показать, что хартия является выражением воли огромных масс, была предпринята грандиозная кампания митингов.

Кампания началась в мае 1838 г. грандиозным митингом в Глэзго, на котором присутствовало до 200.000 человек. Волна митингов разлилась по всей стране. Тон задавали промышленные города, в которых сосредоточились значительные массы пролетариата. На многих митингах присутствовали сотни тысяч рабочего народа, к которому присоединялись женщины и молодежь (на одной демонстрации ученики несли знамя с надписью: «Когда старый петух кричит, молодой учится»).

С конца 1838 г. начались ночные митинги при свете факелов — грозные сходбища, собиравшие десятки и сотни тысяч людей, наполнявших воздух приветствиями по адресу своих вождей и проклятиями по адресу буржуазии. Тон речей на собраниях был повышенный, а настроение рабочих крайне приподнятое.

Но уже с самого начала обнаружилось, что в среде чартистов нет единодушия: мелко-буржуазные элементы смотрели не дальше парламентской реформы и были склонны к мирным средствам («партия морального воздействия»); рабочие же в огромном своем большинстве смотрели на хартию, как на «вопрос вилки и ножа» для каждого рабочего, т.-е. как на средства достижения социального освобождения, и мерами борьбы они считали чисто пролетарские методы: забастовку и вооруженное восстание. Это расхождение между «партией морального воздействия» и «партией физического насилия» все время ослабляло впоследствии чартистское движение.

Не было единства и ясности и в среде революционной партии. Во главе ее стояли люди (как О'Коннор, крамольный священник Стеффенс, «революционер огня, ножа, крови и смерти», О'Брайен, рабочий Марсден), недостаточно уяснившие себе конечные цели движения. О'Коннор, например, представлял освобождение рабочего класса в виде «возврата его к земле» и проповедывал наделение рабочих мелкими участками. Теоретик движения О'Брайен держался самого крайнего социализма и мало освещал социальные вопросы, полагая, что «это само собой разумеется». Другие вожди обнаруживали не больше ясности. Не отдавали себе отчета и рабочие массы в конечных целях движения, в тех мероприятиях, которые нужно будет принять в случае победы.

Вся сила чартизма была, однако, именно в самом факте массового движения, им поднятого, движения, в общем и целом направленного против буржуазного господства и к овладению властью трудящимися.

Буржуазное правительство великолепно это понимало и с первых шагов чартистского движения стало оказывать ему сопротивление. Оно предлагало буржуазии оружие и советовало ей готовиться к бою. Оно разгоняло факельные митинги и арестовывало наиболее пылких вождей движения (Стеффенс после нескольких месяцев предварительного заключения был приговорен к 18 месяцам тюрьмы).

В феврале 1839 г. был созван Конвент — с'езд рабочих делегатов (53 человека) от разных городов. Конвент выработал петицию и поднял новую кампанию грандиозных митин-

гов. 14-го июня петиция с 1.280.000 подписей была подана (Атвудом) в парламент, а 12 июля палата приступила к ее обсуждению. Большинством 189 против 48 петиция была отклонена. Вспыхнувшие волнения рабочих были подавлены, вожди арестованы и подвергнуты в тюрьмах жестокому обращению.

Попытка горнорабочих Уэльса (числом до 10.000 человек) захватить город Ньюпорт кончилась неудачей, до 20 чартистов было расстреляно, а трое предводителей нападения (судья Форст, Джонс и Вильям) приговорены к смертной казни, замененной пожизненной ссылкой. Движение на некоторое время затихло.

После краткого периода затишья нахлынула новая волна чартистского движения. Убедившись из первого опыта движения, что одной из причин его неудачи является отсутствие прочной организации, чартисты на манчестерском с'езде (июль 1840 г.) обе'динили все местные общества в одну центральную организацию — «Национальную Чартистскую Ассоциацию» с Исполнительным Комитетом во главе. В организацию вошло до 40.000 рабочих (что по тем временам было колоссальной цифрой). Помимо широкой агитации, поднятой Ассоциацией, она созвала опять Конвент, который выработал новую петицию, звучащую уже совершенно по-пролетарски: в ней говорилось о нищете трудящихся масс, о чрезмерной длине рабочего дня, о налогах, обременяющих, главным образом, трудящихся, и т. д. 2-го мая 1842 г. петиция, собравшая более, чем 3.300.000 подписей, была подана в парламент; петиция опять была отклонена 287 голосами против 51. Вскоре— в начале августа — вспыхнули забастовки по поводу невысокой заработной платы. По мере расширения забастовок они принимали характер политической борьбы с лозунгами чартистов. В значительной мере под влиянием последних забастовка, исходившая от углекопов, охватила бо́льшую часть Англии. Хотя стачка была подавлена силой, но ее влияние было так велико, что она вынудила закон о десятичасовом рабочем дне (1844 г.).

До 1847 г. чартистское движение опять заглохло. Раздоры между различными элементами чартизма (сторонниками чи-

стой экономики и политики) обострились. Некоторые вожди, как О'Коннор и О'Брайен, стали возлагать все надежды на «возврат к земле» и измышляли утопические планы наделения рабочих землей. Рабочая масса переживала состояние усталости. Только в 1847 г. началось, в связи с выборами в парламент, оживление. Промышленный кризис, начавшийся с осени 1847 г., вызвал новое революционное брожение среди рабочих. Безработные ходили по Глэзго с криками: «хлеба или революцию». При таком настроении весть о февральской революции 1848 г. вызвала энтузиазм широких рабочих масс в Англии. Был созван опять Конвент, опять подана петиция с миллионными подписями, но палата даже не рассматривала ее в это время (она была отклонена через 15 месяцев, в 1849 г.). Опять начались митинги, процессии, кое-где произошли вспышки, но движение изжило себя: мирные пути не вели ни к чему, а для решительного боя с буржуазным обществом не было сил. Возобновившиеся в течение 50-х годов позднейшие попытки вернуть чартизму былую мощь, несмотря на старания и таланты новых вождей (как Эрнест Джонс), не имели успеха. С прекращением еженедельника Джонса «Народная Газета», (в которой писал и Маркс), чартизм совершенно сошел со сцены.

§ 68. **Революция 1848 г. и июньские дни.** Революция 1848 г. снесла в Западной Европе остатки крепостничества и вызвала в Англии оживление чартистского движения (см. выше, § 67). Высшее напряжение пролетарского движения она вызвала во Франции, где она привела к кровавым «июньским дням» — первому вооруженному столкновению между пролетариатом и буржуазией. В первый день революции, 24 февраля, образовалось два правительства: центра Парижа (буржуазное) и его предместий (из пролетарских и мелко-буржуазных элементов). Из «об'единения списков» возникло временное правительство, в которое революционные низы ввели социалиста Луи Блана и рабочего Альбера.

Если в великой французской революции рабочий класс не играл самостоятельной роли (см. выше, § 64), то сейчас он уже выступал самостоятельно, отмежевавши свой путь от буржуазной демократии, рассматривавшей республику, как

охрану личной свободы и равенства политических прав. Рабочие стремились сделать республику не только демократической, но и социальной, они вынудили правительство провозгласить «право на труд» (т.-е. что государство обязано гарантировать каждому трудоспособному человеку работу и заработок): на первом заседании правительства появилась мрачная фигура рабочего Марша, который, стукнув винтовкой, потребовал от имени рабочего Парижа провозглашения этого права. Они требовали красного знамени для республики, сокращения рабочего дня, защиты угнетенных национальностей и т. д

Пролетариат не имел еще ни политической партии, ни определенной программы действий и требований. Он находился под влиянием расплывчатого луи-блановского социализма, но он стихийно стремился к ниспровержению буржуазии, к превращению государства в орудие уничтожения эксплоатации.

Буржуазия, однако, оказалась классом более опытным, более искушенным в деле замазывания глаз. После некоторой растерянности и колебаний под напором масс она овладела аппаратом власти. Из временного правительства были фактически устранены представители рабочих, Луи-Блан и Альбер, которым было дано «почетное место» в Люксембургской Комиссии, разрабатывавшей академические, но ни к чему не обязывавшие проекты спасения рабочего класса. «Организация труда» («право на труд») превратилось в «национальные мастерские», — этим громким именем назывались земляные работы, на которые посылались безработные (число которых все росло), получавшие нищенскую плату при изнурительном труде.

Рабочие чувствовали, что их обманывают, они волновались и устраивали одну социалистическую манифестацию за другой.

Выборы в Учредительное Собрание (большинство было из монархистов и умеренных республиканцев) отняли всякую надежду на мирный исход борьбы. Пролетариат очутился один лицом к лицу с враждебным классом. И пролетариат вступил на путь решительной борьбы.

15-го мая толпы вооруженных рабочих ворвались в зал Собрания с намерением свергнуть правительство. Движение было подавлено, и вожди его во главе с «вечным инсургентом» Бланки были арестованы. Это был окончательный разрыв между пролетариатом и буржуазной демократией. Столкновение произошло скоро — в памятные июньские дни.

Правительство, отбив майский натиск пролетариата, подстрекаемое воплями буржуазной черни о «красном призраке коммунизма», угрожающем «цивилизации» (т.-е. собственности и эксплоатации), решило покончить с последними и жалкими остатками пролетарских завоеваний первых дней февральской революции — оно распустило 21-го июня национальные мастерские, выбросив десятки тысяч рабочих на улицу. Это послужило сигналом к восстанию рабочих. Это было восстание, в котором участвовал исключительно пролетариат, десятки тысяч вооруженных чем попало рабочих,— мужчин, женщин, стариков и детей, — дрались с мужеством отчаяния, не знавшим примеров в истории.

Но пролетариат был еще малочислен, еще слишком молод и слаб. Он вступил в бой из отчаяния, не веря в свои силы, не ожидая победы, он сражался без знамен, без определенных боевых лозунгов, без вождей. Крестьянство оказалось против него. Национальная гвардия, состоявшая из мелко-буржуазных элементов, действовала против пролетариата с кровавой свирепостью. Гражданская баррикадная война длилась 4 дня и окончилась полным разгромом рабочих.

История классовой борьбы пролетариата и вооруженных его столкновений с классом алчных буржуа знает много примеров свирепой жестокости и дикой мстительности «просвещенной» буржуазии по отношению к восставшему пролетариату [1]). Но кровавые июньские дни были первой крупной боевой встречей враждебных классов, из которых буржуазия вышла победительницей. Как же вела себя «благо-

[1]) Достаточно вспомнить подавление Парижской коммуны. Достаточно вспомнить ужасы белогвардейской расправы над пролетариями и трудящимся крестьянством во всех областях революционной России, где только царские генералы, контр-революционное офицерство и гнусная буржуазная чернь захватывали в свои руки власть. Достаточно вспомнить годину лихолетия для пролетарской революции 1919 г.

родная» буржуазная Франция по отношению к пролетариату?

Луи Эритье в своей «Истории Французской революции 1848 г. и второй республики» [1]) дает следующее описание первых дней крушения рабочей революции.

«...по всему городу шли массовые расстрелы. Расстреливали в казармах Пуассоньер, в Пантеоне, на площади Эстрапады, в городской ратуше, в монмартрских каменоломнях, в предместье Дю-Тампль, на Аркольском мосту и во многих других местах, которые были превращены теперь в людские бойни.

«Всегда, как только пролетариат пытался встать на ноги, чтобы сбросить наложенные на него цепи, — наши так называемые высшие классы испытывали безумный страх и, чтобы излечиться от него, прибегали к одному единственному средству — бесчеловечной кровавой бойне. Дикая свора, которую содержат эти классы для защиты и охранения своих привилегий, всюду сеяла смерть без всякой пощады. Мобильгвардейцам доставляло прямо удовольствие топить попавших в их руки рабочих. По словам Луи Менара (Louis Menard), один пролетарий был убит только потому, «что он достаточно стар для того, чтобы умереть». И нужно сказать, что убитые тут же, на месте, были счастливее тех, кто попал в темницы, как пленники. Этими несчастными были битком набиты погреба и подвалы городской ратуши. Им не позволялось спускаться туда, — их просто сбрасывали в эти глубокие ямы. Они падали в мрачные подземелья, которые были покрыты водой, смешанной с кровью и вонючей грязью. Когда переполнялись эти ужасные темницы, когда дальнейшая нагрузка людскими телами становилась уже невозможной, тогда стража, состоявшая из мобильных гвардейцев, выволакивала оттуда кучку повстанцев, чтобы представить перед балаганным судом. При-

[1]) Русский перевод под редакцией и с предисловием П. П. Румянцева, изд. С. Дороватовского и А. Чарушникова, 1907, стр. 451—454. Более или менее подробное описание июньской драмы дается в цитированной книге в главах XVI—XX, стр. 394—463. Государственное Издательство, насколько мне известно, предприняло издание этой книги. Это можно приветствовать: для ознакомления с историей французской революции 1848 г. это прекрасная книга.

говор этих новоиспеченных «судей», почти без исключения, гласил: «На чистый воздух его», что означало: «убейте их!». И этот варварский приговор немедленно приводился в исполнение. Наибольшей жестокостью отличались национальные гвардейцы, в особенности те из них, которые принимали активное участие в борьбе. Они приводили пленников целыми отрядами под расстрел мобильных гвардейцев, и последние выполняли это дело с каким-то зверским наслаждением.

Вход в подземные тюрьмы Тюльерийского сада.

«Над погребением трупов убитых не задумывались: волны Сены большое количество их доставили в море.

«Подобно подвалам городской ратуши, пленниками были наполнены и подземные галлереи, идущие от Тюльери до площади Согласия. Здесь несчастные умирали, как мухи. Лишенные воздуха, воды и пищи, они блуждали в совершенных потемках. Когда кто-либо из них подходил к решетке, вставленной в узком подвальном отверстии, чтобы хоть несколько подышать чистым воздухом и не задохнуться в этой отвратительной яме, — его встречали выстрелом снаружи. Одному из узников удалось поднять голову к этому отверстию

и попросить хлеба. «Вот тебе хлеб», — отвечал национальный гвардеец, пустив ему в голову пулю

«Победители, однако, не довольствовались тем, что сваливали пленников в кучу в глубоких, темных погребах и морили их голодом и жаждой, — они врывались еще и в госпитали, чтобы выследить там раненых повстанцев и поскорее покончить с ними. Однако у врачей хватило на столько честности, чтобы в силу своего долга взять под свою защиту больных [1]).

«Истязания пленников стали для мобильных и национальных гвардейцев своего рода любимым времяпрепровождением. Надо же было доставить хоть какое-нибудь удовольствие после борьбы и этим защитникам общества. Борьба продолжалась недолго, расстрелам же не видно было и конца. Повстанцев приводили на площадь Карусели и здесь, в отдаленном углу ее, отгороженном досками, всю ночь щелкали ружья. Всю ночь напролет не прекращалась стрельба и люди знали, что означает она: убийство.

«По площади проводили толпу пленников в четыреста человек; услышав выстрелы, они думали, что и их ведут на убой. В ужасе они решили бежать от своих палачей и, хватая их за ноги, старались свалить их на землю. Те начали стрелять в безоружных. Услышав стрельбу, стража Тюльери дала залп по толпе. Затем последовала страшная сумятица. Около сотни трупов осталось на площади, да столько же еще было перенесено в Тюльери. Трупы были убраны в ту же ночь».

§ 69. **Союз коммунистов и Коммунистический Манифест.** Поражение пролетариата в Англии и Франции об'яснялось, как мы видели, не только малочисленностью пролетариата, но и, главным образом, его неорганизованностью, отсутствием у него ясного политического сознания и политической партии.

Попытка создать пролетарскую политическую партию с социалистической программой была сделана представителями германского рабочего движения, возникшего в 40-х годах, в период, когда в Германии начался промышленный переворот.

---

[1]) После низвержения Коммуны 1871 года убийцы не встретили уже с этой стороны ни малейшего затруднения; тогдашние врачи выполняли все, что от них требовали. Прим. Эритье.

Уже в 1836 г. наиболее радикальными германскими эмигрантами, вышедшими из демократического республиканского «Союза гонимых» (основанного в 1834 г.), был основан «Союз спреведливых», проникнутый идеями французского рабочего коммунизма. «Союз справедливых» состоял в тесной связи с «Обществом времен года», руководимым Бланки и Барбесом

Отряд пленных повстанцев.

(см. выше, § 66). За участие в восстании 12 мая 1839 г. вожди Союза были подвергнуты тюремному заключению и высланы из Франции. Перебравшись в Англию, они сделали центром Союза Лондон, вербуя новых членов, главным образом, из легального просветительного общества рабочих, основанного в Лондоне в 1840 г. Коммунисты оказались наиболее деятельными и интеллигентными членами как этого общества, так и

других рабочих обществ—певческих, гимнастических и т. п.—и пользовались своим влиянием для распространения коммунистических идей.

Сильная организация и ряд рабочих союзов с коммунистическим настроением были созданы в Швейцарии. Тут

Вильгельм Вейтлинг.

главным вдохновителем движения был гениальный портной—подмастерье Вильгельм Вейтлинг [1]).

[1]) Вильгельм Вейтлинг родился в 1808 г. в Магдебурге. В детстве рос в такой нищете, что не мог потом без содрогания вспоминать об этом. Изучив портняжное ремесло, он во время странствований попал в Париж, где познакомился с коммунистами и вступил в «Союз справедливых», по поручению которого он написал «Die Menschheit wie sie ist und wie sie sein sollte» («Человечество, как оно есть и каким оно должно быть»—есть русский перевод, изд. «Просвещения»). В 1840 г. он еще жил в Париже и собрал остатки «Союза справедливых», сильно пострадавшего после неудачи восстания 1839 г. С мая 1841 г. он поселился в Женеве, где проявил кипучую пропагандистскую деятельность среди немецких ремесленников, работавших в Швейцарии. Создав «Коммунистический образовательный союз», для которого он написал статут, он одновременно вел широкую пропаганду во всех рабочих союзах Швейцарии. В основанном им ежемесячном журнале «Hülferuf der deutschen Jugend», который он позже переименовал в «Die junge Generation» («Молодое поколение»), он неустанно проповедывал свои идеи. В 1842 г. он написал «Гарантии гармонии и свободы»—сочинение, распадающееся на критику буржуазного общества и изображение идеального общества в красках утопическаго коммунизма. Это сочинение, распространявшееся его приверженцами во всех кантонах Швейцарии, снискало ему широкую популярность и привлекло много новых приверженцев. В 1843 г. он написал «Евангелие бедного грешника», где он изображал Христа, как провоз-

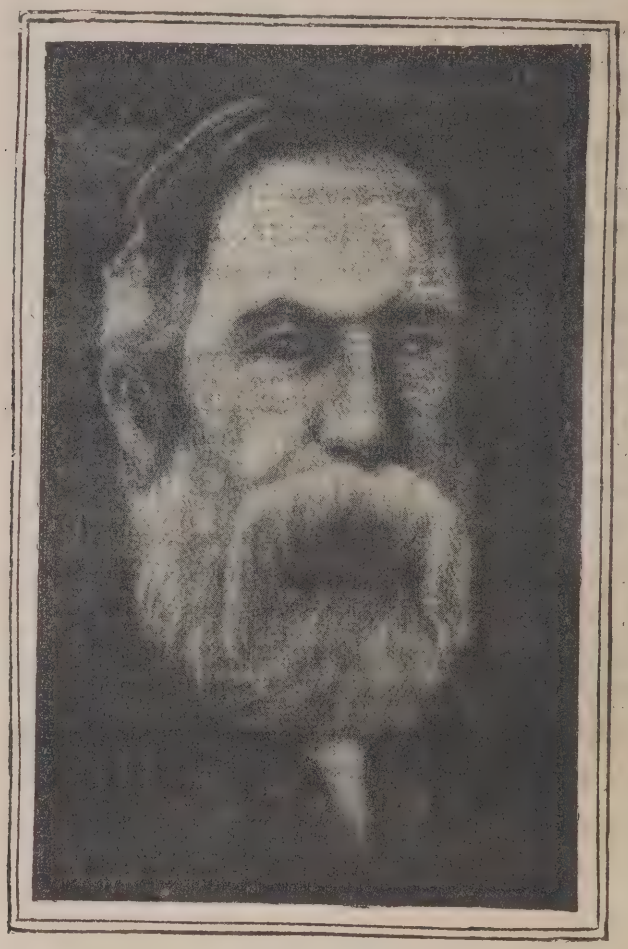
В Лондоне «Союз справедливых» состоял, главным образом, из немецких рабочих (преимущественно портных), но со временем в него стали входить рабочие других стран и вскоре он сделался международной организацией. Постепенно он освободился от заговорщицких форм и проникался идеями Маркса и Энгельса. В 1847 г. в Союз вступили Маркс и Энгельс, при чем Маркс организовал общину Союза в Брюсселе, а Энгельс посещал парижские общины. На с'езде, состоявшемся в Лондоне летом 1847 г., была произведена реорганизация Союза на началах демократизма и переименование его в «Союз коммунистов». В ноябре и декабре 1847 г. состоялся второй с'езд, на котором основные положения Маркса и Энгельса были приняты единогласно. Марксу и Энгельсу было поручено составить Манифест, который и был ими скоро составлен и носил название «Коммунистического Манифеста» (точнее — «Манифест Коммунистической партии»).

«Манифест» дает теорию революционного рабочего движения, обосновывая ее не на «идеях или принципах, придуманных каким-нибудь изобретателем мирового обновления» (слова Маркса), а на фактах и законах развития капиталистического хозяйства. Основой развития общества является борьба классов, а в капиталистическом обществе — борьба главных антиподов (противоположных классов) — капиталистической буржуазии и промышленного пролетариата. Развитие капиталистического общества идет в таком направлении, что оно придет к распадению общества на эти два главных класса: средние классы, не выдержав конкуренции крупного производства, неизбежно должны низвергнуться в ряды пролета-

---

вестника коммунистическаго учения. В этой книге было усмотрено властями кощунство, и он был арестован и приговорен к 6-летнему тюремному заключению и высылке из Швейцарии. К границе он был привезен в кандалах (он оказывал сопротивление). После недолгого пребывания в Пруссии он поехал в Лондон, а потом в Америку, где вел коммунистическую пропаганду в «Союзе освобождения». После революции 1848 г. в Пруссии он приехал в Берлин, где издавал коммунистическую газету. Изгнанный из Берлина в ноябре 1848 г., он отправился в Гамбург, где основал несколько секций «Союза освобождения» с революционно-коммунистической программой. В августе 1849 г. ему удалось бежать от преследований полиции в Америку. Там он проповедывал несколько лет основание коммунистической общины, но не имел успеха. Последние годы жизни провел в скромном уединении. Умер 1871 г.

риата. С другой стороны, буржуазное общество неспособно справиться с ростом своих производственных сил: оно становится «неспособным прокормить своих рабов». Пролетариат в своей классовой борьбе может освободиться от угнетающего его класса, буржуазии, только освободив все общество от эксплоатации, угнетения и классовой борьбы. Создать не-

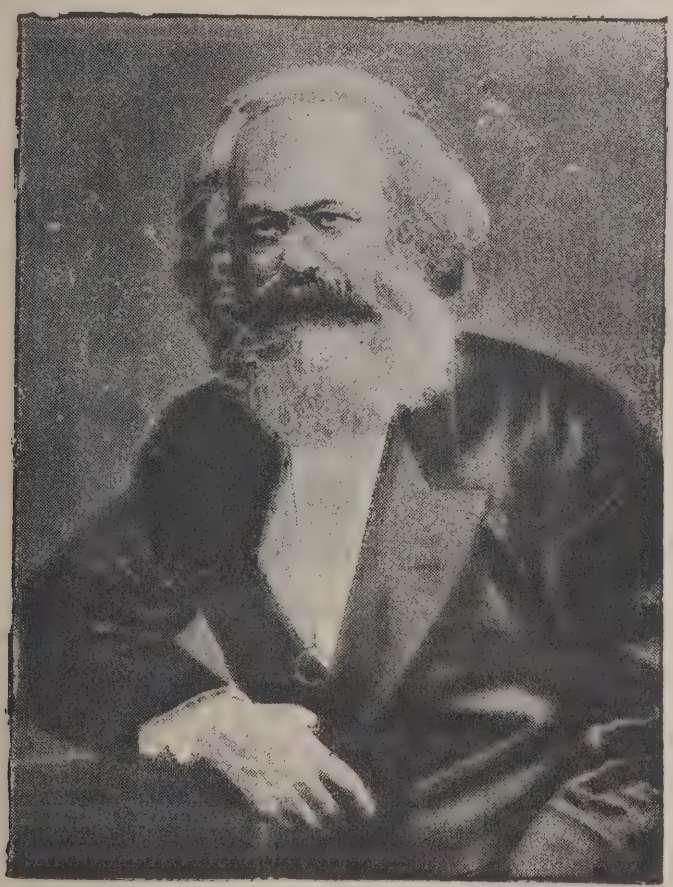


Фридрих Энгельс.

классовое общество пролетариат может только тогда, когда он возьмет в свои руки производство и даст выход бесполезно гибнущим в буржуазном обществе производительным силам. Для этого пролетариат должен захватить государственную власть. Политическая борьба пролетариата является таким образом необходимым условием его освобождения. Эта

борьба ведет к об'единению мирового пролетариата в один класс. «Пролетариат не имеет отечества...». Манифест заканчивается призывом: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!».

Идеи «Коммунистического Манифеста» не были усвоены пролетариатом в эпоху революции 1848 г. Только в 60-х годах — с пробуждением рабочего движения — они вошли в про-



Карл Маркс.

граммы политических партий пролетариата во всех странах.

§ 70. **Рабочее движение 60-х годов и I Интернационал.** Тяжелая реакция, наступившая после революции 1848 года, рассеялась только к 1860-м годам. Но с этого времени рабочее движение вступило на путь планомерной организации рабочих масс для будущих битв.

В Англии возникли местные, а несколько позднее и более широкие об'единения рабочих союзов (трэд-юнионов).

Во Франции рабочее движение пробудилось под знаменем мутуализма (от латинского слова mutuus — взаимный) — учения Прудона о преобразовании общества на началах взаимности и свободного договора. Взаимодеятельность рабочих должна была, по Прудону, практически сводиться к организации производительных товариществ — в областях «комбинированного» (соединенного) труда, т.-е. там, где требуется труд, превосходящий силы одного человека и семьи — и ме-

Пьер Жозеф Прудон.

новых банков, через которые производится взаимный обмен продуктами на основании их трудовой стоимости.

В Германии во главе рабочего движения стал великий трибун и организатор пролетариата Фердинанд Лассаль (1824 — 1864 г.г.). Он близко подходит к идеям «Коммунистического Манифеста» в понимании развития капиталистического общества, но видел «выход из пустыни» в ассоциациях (рабочих производительных товариществах), поддерживаемых государством. В целях влияния же на государство он рекомендовал пролетариату добиваться всеобщего избирательного права. Благодаря своей неутомимой организаторской энергии, он основал в 1863 г. «Всеобщий Германский Союз» (который

впоследствии, соединившись в 1875 г. с «Союзом германских рабочих обществ», дал начало германской социал-демократии).

Классовая борьба пролетариата развивалась в духе предуказанном Марксом, в духе интернациональном. Идея «Союза народов» проповедывалась еще в XVI стол., но реальным фактом она стала только с возникновением рабочего движения, и строиться она начала на об'единении пролетариев всех стран. И «Союз Коммунистов» (см. выше, § 69), и «Общество братских демократов» (в Англии, в 40-х годах, общество

Фердинанд Лассаль.

в числе членов которого было много чартистов), и «Международная ассоциация» (1850 г.) имели международный характер, но они не выходили из рамок эмигрантских кругов.

Настоящее об'единение международного рабочего движения осуществилось лишь в I Интернационале. В 1862 г. социалистические рабочие и делегация французских рабочих на лондонской выставке вступили в сношения с деятельными представителями английского рабочего движения, уговорившись в будущем поддерживать близкие связи. В 1863 г. они вернулись в Лондон, и на собрании для выражения симпатии польскому восстанию (см. ниже, §§ 84 и 85) они вместе с английскими рабочими образовали комитет, выпустивший воззвание о необходимости об'единения рабочих разных стран.

Мысль эта была подхвачена парижскими рабочими, и в 1864 г. в Лондон была послана для этой цели рабочая делегация.

28-го сентября 1864 г. на большом митинге в Мартинс-Холле было постановлено организовать «Международное общество рабочих» (интернационал — значит международный). Для составления устава и программы был избран комитет, который и принял устав (статут) и программную записку Маркса, отвергнув проект Мадзини [1]).

Этот статут провозглашал главнейшие принципы международной борьбы пролетариата в духе «Коммунистического Манифеста»: в программной его части указывалось, что «освобождение трудящихся классов должно быть делом самих трудящихся классов», что «борьба рабочих не есть борьба за привилегии и монополии, но... за уничтожение всякого классового господства», что «освобождение труда не есть местная, национальная задача, а социальная, охватывающая все страны».

Организация Интернационала была такова: ежегодные международные конгрессы (верховный орган) и постоянно действующий Генеральный Совет (Ц. К.) из представителей рабочих разных стран. Интернационал должен был стать связующим осведомительным и руководящим центром между рабочими организациями в разных странах, стремящимися к освобождению рабочего класса. Фактически он стремился сделаться международной партией рабочего класса, так как рабочих партий на местах (если не считать Лассальянского Союза, который еще был молод и слаб) не было. Такие партии возникли впоследствии в результате деятельности Интернацио-

---

[1]) Джузепе Мадзини — деятель революционного национально-освободительного движения в Италии. Род. в 1805 г., ум. в 1872 г. В 1830 г. за участие в тайном политическом обществе карбонариев (преследовавшем цели национального освобождения и политической свободы) заключен в тюрьму и по освобождении выслан в Марсель. Позже он основал союз «Молодая Италия», поставивший своей целью пропаганду свободы, равенства и об'единение итальянской республики (Италия тогда была разделена на несколько государственных единиц, находившихся под владычеством Австрии). Участвовал в ряде заговоров, в революции 1848 г. в Италии, затем во всех революционных попытках, направленных к освобождению Италии. Редактировал несколько газет национально-революционного направления. В газете, основанной им вместе с французскими и итальянскими мелкобуржуазными демократами, пропагандировал идею европейской республики. Его идеи равенства и свободы были в общем крайне туманны, а к его революционным стремлениям примешивался религиозный элемент.

нала — из секций (местных групп Интернационала) или федераций (об'единений секций внутри одной страны). Духовным руководителем Генерального Совета, а вместе с тем и душой I Интернационала сделался Маркс, стремившийся на место социалистических и полусоциалистических сект и группок в рабочем движении поставить настоящую боевую организацию пролетариата.

Интернационал просуществовал в Европе до 1873 г. и имел 5 конгрессов и две конференции. Его влияние на рабочие массы было огромно: уже один факт существования международного центра движения поднимал дух рабочих и внушал каждой борющейся рабочей группе уверенность, что за ней стоит мировой пролетариат. Очень много сделал I Интернационал в смысле уяснения положения рабочих в разных странах: рабочая статистика была поставлена им. Ряд вопросов тактики и программы, которые теперь кажутся азбучными истинами, был намечен I Интернационалом и на его конгрессах выяснен и разрешен.

Огромную роль Интернационал сыграл в революционном движении французских рабочих. Грандиозные по тому времени (60-е годы) стачки и рост профессиональных союзов проходили под влиянием французской секции Интернационала, связавшей экономические требования рабочих с политическими стремлениями, направленными против империи Наполеона III. «Мы должны стремиться, чтобы стать во главе политического движения», — говорили французские интернационалисты. Вооруженное восстание и захват власти революционной частью народа (диктатуру) они считали непосредственной целью движения. В 1870 г. (незадолго до Коммуны) в французской секции Интернационала числилось до 200.000 рабочих (в одном Париже до 70.000) — цифра ошеломляющая по тому времени. Парижская Коммуна 1871 г. (см. ниже, § 71) прошла под значительным идейным влиянием Интернационала и при активном участии французской секции и ее вождей (Варлена и др.).

Значительное влияние оказал Интернационал на стачечное движение в разных странах, протекавшее при активном участии Генерального Совета или секций. Это привлекало к Интернационалу огромные массы.

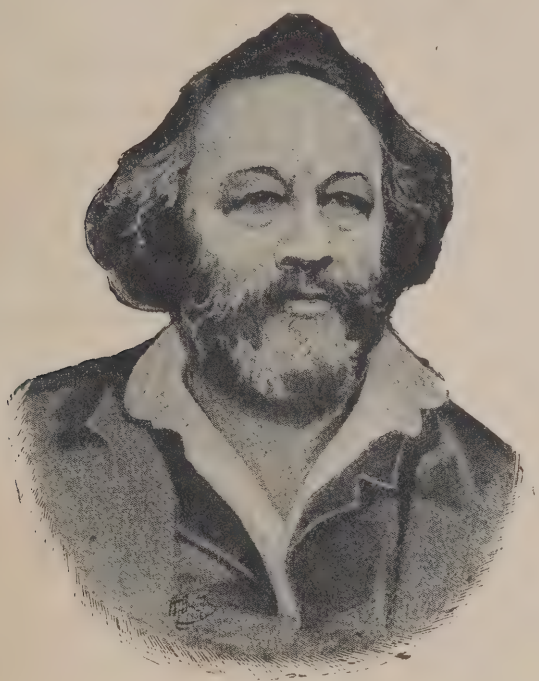
Чтобы оценить все значение I Интернационала, нужно помнить, что более или менее организованное рабочее движение только начиналось, что нигде еще не было сложившихся политических партий пролетариата, что пролетариат в разных странах и в разных исторических обстановках находился под влиянием разных идеологий. И нужно было дать тогдашнему пролетариату единую программу и тактику рабочего движения, сообщить ему уклон в сторону последовательного коммунизма. В значительной мере Интернационал выполнил эту задачу и, главным образом, силами Маркса и его группы, которым это стоило многих усилий.

На первых конгрессах (Женевском в 1866 г. и Лозаннском в 1867 г.) еще были сильны мелко-буржуазные тенденции и влияние прудонистов, вносивших в формулировку принципов пролетарской борьбы путанность и мелко-буржуазную двойственность. Вопрос о коллективной собственности не был ясно формулирован ввиду оппозиции этому вопросу прудонистов, тянувших к мелкой собственности (их «производительные товарищества» и «меновые банки» базировались на мелкой собственности «производителей»).

Затушевывался вопрос о политической борьбе пролетариата даже на втором конгрессе (Лозаннском), на котором влияние прудонистов было меньше, чем на первом, вопрос о «политике» формулировался в общих и расплывчатых выражениях о «благах политической свободы», но не указывалось пути пролетариата в современной политической борьбе и цели его политических стремлений (захват власти). Косо смотрели прудонисты на стачечное движение, которое отвлекало, по их мнению, «производителей» от мероприятий, построенных на «взаимности».

Только третий конгресс (Брюссельский в 1868 г.) вплотную приблизился к коммунистической позиции, освободившись от мелко-буржуазных предрассудков прудонизма. Главным образом, это выразилось в провозглашении коллективной собственности не только на железные дороги и прочие пути сообщения (с чем прудонисты кое-как еще мирились), но и на з е м л ю, что вызывало решительные протесты прудонистов, выражавших в этом отношении мелко-буржуазные чувства

французских крестьян. Конгресс высказался за стачку, как неизбежное средство борьбы, и рекомендовал повсеместную организацию профессиональных союзов, которые должны стать боевыми организациями рабочего класса. Впервые на этом конгрессе было точно определено отношение к войне: осуждая войну, Интернационал рекомендует пролетариату бороться с ней всеобщей стачкой. Прудонисты потер-



М. А. Бакунин.

пели крушение; правое их крыло ушло из Интернационала, примкнув к буржуазии; левое же крыло примкнуло скоро к анархистскому течению, руководимому Бакуниным (см. ниже).

На Базельском конгрессе в 1869 г. было подтверждено требование о переходе земли в общественную собственность, что было серьезной победой коммунизма. На этом же конгрессе уже появилась грозная тень новой опасности, новый враг, от которого через несколько лет Интернационал погиб. Этим врагом был анархизм, возглавляемый Бакуниным. И он был тем опаснее, что, скрывая в себе реакционную мелко-буржуазную сущность, он по внешности казался крайне революционным

и решительно враждебным буржуазному обществу, которое он хотел взять штурмом.

Михаил Александрович Бакунин, русский эмигрант, участник революционных движений 40-х годов в Европе, приговоренный два раза к смертной казни, долгие годы сидевший в русских тюрьмах и ссылке, только что бежал из Сибири и появился на европейском горизонте, как «апостол всемирного разрушения». Выходец из мелко-буржуазной страны — из крестьянской России, — он не понимал значения пролетариата как класса, он его рассматривал в том же свете, что вообще «угнетенный народ», он не понимал роли пролетариата как класса, который должен завоевать власть в целях овладения производством и устройства неклассового коммунистического общества. Он отрицал всякую политическую деятельность пролетариата, в том числе и диктатуру пролетариата. Вместо организации своих сил, к которой Маркс звал пролетариат всех стран, Бакунин звал к бунту, который одним ударом должен разрушить буржуазное общество и государство и поставить на их место вольное общество, федерацию групп и общин.

Бакунин сразу не вошел в Интернационал. Он организовал тайные общества в Италии, входил в буржуазную «лигу мира», с которой скоро порвал, и основал напоследок «Международный Союз социальной демократии» (или же «Альянс социальных революционеров»). Альянс решительно отрицал политическую борьбу. Большинство членов Альянса было выходцами из среды буржуазных революционеров, мало участвовавших в рабочем движении. И социальная революция им представлялась не как результат организованной борьбы масс, а как моментальный переворот — результат вспышки бунтов.

Уже на Базельском конгрессе бакунисты столкнулись с германскими интернационалистами (Вильгельмом Либкнехтом и др.) по вопросу об участии пролетариата в законодательстве. Но пока еще бакунисты не выступали открыто и решительно против Генерального Совета с Марксом во главе. В решительную оппозицию они стали к последним только после того, как им стало ясно, что они не могут овладеть Генеральным Сове-

том. Уже в конце 1868 г. бакунисты повели носившую враждебный характер агитацию против Генерального Совета и Маркса; после поражения Коммуны в 1871 г. эта агитация превратилась в открытую войну.

Главной идейной причиной начавшегося раскола были обострившиеся разногласия по «политическому» вопросу. Марксистам поражение Коммуны выяснило необходимость создания самостоятельной политической партии пролетариата. Поэтому на Лондонской конференции 17 — 23 сентября 1871 г. (созванной вместо предполагавшегося в 1870 году Парижского конгресса, не состоявшегося из-за войны) марксисты провели резолюцию, требующую от пролетариата образования самостоятельной политической партии, противопоставляющей себя всем партиям имущих классов.

Бакунисты, оставшиеся недовольными этой резолюцией, созвали в Сонвилье с'езд швейцарских секций анархического направления, на котором постановления Лондонской конференции были признаны недействительными, а политическая резолюция об'явлена «личной доктриной группы Маркса», домогающейся диктатуры, и т. д. Генеральный Совет обвинялся в присвоении себе власти, между тем как он должен был, по мнению бакунистов, быть только простым корреспондентско-статистическим бюро и т. д. В таком же духе был составлен циркуляр, который был разослан по всем секциям Интернационала.

Результаты этой агитации скоро отозвались в виде назревающего раскола во всех федерациях. Выражая настроение крестьянских масс, разоряемых капитализмом, и люмпен-пролетариата (босяцкого пролетариата), бакунизм привлекал революционеров экономически отсталых стран (Италии, Испании, России), где капитализм только начинал свое железное шествие. Из экономически развитых стран бакунизм смог навербовать (временно) сторонников только благодаря той реакции, которая наступила после поражения Коммуны (в особенности из среды французских коммунаров-эмигрантов).

Как бы то ни было, но Бакунину удалось поднять поход против Генерального Совета, привлекши на свою сторону итальянские и испанские секции, бельгийских прудонистов,

русских эмигрантов. Собравшийся в 1872 г. в Гааге 5-й конгресс постановил исключить Бакунина и Джемса Гильома и принял ряд решений в марксистском духе. Но вместе с Бакуниным из Интернационала вышли французские бланкисты и некоторые секции и представители разных стран.

Бакунисты вскоре (15 сентября 1872 г.) созвали антиавторитарный (т.-е. высказывающийся против всякой власти) с'езд в Сент-Ильве, где присутствовали испанская, итальянская и юрская федерации и несколько французских и американских секций. С'езд этот об'явил себя Интернационалом и провозгласил своей задачей уничтожение всякой власти. Таким образом Гаагский конгресс (5-й) был последним конгрессом об'единенного Интернационала.

С этого момента существовали два Интернационала: старый марксистский и новый анархистский.

Старый Интернационал перенес Генеральный Совет в Америку, где во главе его стал Зорге, друг Маркса и Энгельса. На созванный в Женеве (1873 г.) конгресс прибыли почти одни швейцарцы (преимущественно женевцы) да один германец и один австриец. Старый Интернационал в Европе умер. В Америке он прозябал до 1876 г., когда он на Филадельфийской конференции был об'явлен распущенным.

Анархистский Интернационал просуществовал несколько лет, устраивая с'езды и конференции. Но он с самого начала обнаружил полное бессилие и оторванность от рабочих масс. Когда с развитием рабочего движения в разных странах стали складываться политические партии пролетариата, анархистский лагерь стали покидать разные элементы один за другим. Отрицая политическую борьбу пролетариата, они взяли из арсенала средств I Интернационала всеобщую стачку, об'явив ее единственным средством борьбы. Но и всеобщая стачка была чем-то наносным и чуждым той среде, которая питала анархизм (мелко-буржуазной и босяцкой); более характерным для них являлось бунтарство, возведенное итальянцами в теорию «парлефетизма» — пропаганду действием, фактом. Но из затевавшихся бакунистами бунтов ничего не выходило (фиаско попытки вызвать голодные бунты в Болонье, полное поражение бунтарства в России в эпоху хождения в народ — см.

ниже, § 86 — и т. д.), С'езд в 1877 г. в Вервье был последним с'ездом анархистского Интернационала, предавшим анафеме не только буржуазный мир, но и социалистов, как «реакционную массу». В восьмидесятых годах анархизм выродился в индивидуальный террор, перестав играть всякую роль, как фактор массового рабочего движения.

§ 71. **Парижская Коммуна 1871 года.** Поражения французской армии во время франко-прусской войны 1870 г. привели к падению империи, которая и так трещала по всем швам. При поддержке рабочих была провозглашена республика

Но выборы в Национальное Собрание 8-го февраля 1871 года, после сдачи Парижа, дали большинство из крупных промышленных и финансовых капиталистов и землевладельцев. Отдельные члены Интернационала, вошедшие в состав Собрания, не могли влиять на характер деятельности Собрания, воплощавшего власть буржуазии.

Рабочий класс и городская мелкая буржуазия, в особенности революционное парижское население, недоверчиво и подозрительно смотрели на заседавшее раньше в Бордо, а потом в Версале Национальное Собрание, опасаясь с его стороны контр-революционных и реставрационных замыслов.

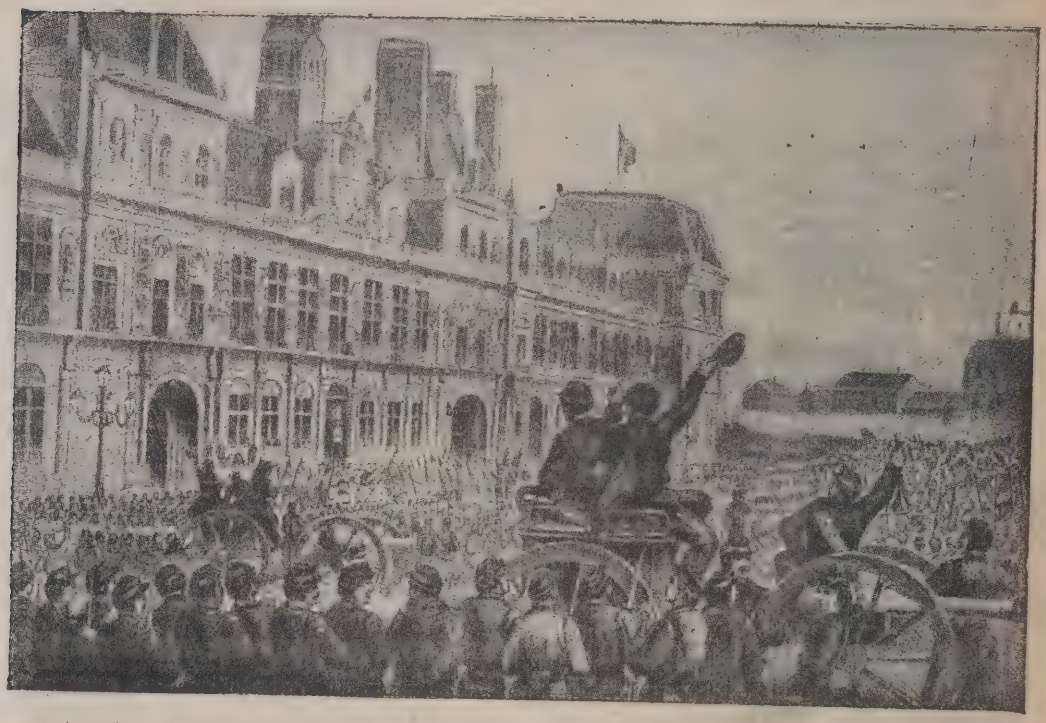
Со своей стороны Национальное Собрание ненавидело Париж. Рядом вызывающих мер — назначением начальником полиции и главнокомандующим национальной гвардией ненавистных парижанам лиц, приостановлением льгот по уплате векселей и внесению квартирной платы и т. д. — Собрание толкнуло мелкую буржуазию на революционный путь.

Между парижским пролетариатом, находившимся под сильным влиянием Интернационала, и парижской мелкой буржуазией нашелся общий тон — борьба с заседавшим в Версале скопищем крупных буржуа

Национальная гвардия, состоявшая из рабочих и мелких буржуа, только что оборонявшая Париж от нашествия пруссаков, не прочь была направить свои штыки против буржуазии, стоявшей за правительством Национального Собрания. Она учредила республиканский союз (из 215 батальонов) с

центральным комитетом, одним из членов которого стал активный деятель Интернационала Варлен [1]).

Буржуазия решила разоружить Национальную гвардию, разоружить Париж, несмотря на близость неприятеля, против



Провозглашение Коммуны 26 марта 1871 г.

которого она только что звала массы: вооруженный народ для буржуазии опаснее всяких вражеских наступлений... Но попытка разоружения Национальной гвардии закончилась

[1]) Эжен Варлен—деятель революционного рабочего движения во Франции. Будучи учеником переплетной мастерской, упорно в свободное время занимался самообразованием. Основал первый союз переплетчиков. Примкнув к Интернационалу, он принимал семое деятельное участие в основании французской секции Интернационала и в ее работах. Арестованный в 1868 г., он был приговорен к трехмесячному тюремному заключению. Заподозренный в 1870 г. в подготовлении покушения разрывными снарядами, он бежал в Брюссель, а затем в Антверпен. После падения Наполеона III вернулся во Францию и примкнул к революционным группам. Как член центрального комитета республиканского союза, он принимал самое деятельное участие в парижской революции. Был членом коммуны (финансовой комиссии). Погиб на баррикадах в последней ожесточенной борьбе коммунаров с версальцами. Его речь, произнесенная на суде, долго (вместе с речью Петра Алексеева) распространялась в России, как революционная и агитационная брошюра.

(18 марта, рано утром) восстанием гвардейцев и населения, отказом линейных войск стрелять в гвардейцев, бегством правительства в Версаль и захватом в Париже власти Центральным Комитетом Республиканского Союза.

26-го марта Ц. К. передал власть Городскому Совету, избранному в обстановке баррикадных сражений и состоявшему из рабочих и мелких буржуа. 28-го марта при общем ликовании была провозглашена Коммуна.

Месть версальцев.

Всего месяца два просуществовала Коммуна и действовала она под гул пушек, рокот ружейных выстрелов, в городе, истощенном прежней осадой и окруженном сейчас со всех сторон. Но как только Коммуна утвердилась у власти, она принялась за проведение реформ: были отменены наборы в регулярные войска и установлена народная милиция, была отсрочена плата за квартиры, были утверждены в должностях иностранцы, так как «знамя Коммуны — знамя всего мира» и т. д. Ряд отдельных социальных мероприятий (устройство

бюро для приискания работы, воспрещение ночной работы, передача неработающих предприятий, владельцы которых бежали в Версаль, производительным товариществам, и т. д.) носил пролетарский характер, но сложиться в стройную социальную программу они не успели: для этого было мало времени и все почти силы приходилось отдавать борьбе с Версалем.

1-го апреля Версальское правительство об'явило войну Парижу, с 3-го началась бомбардировка города. Вылазка па-

Галифе выбирает пленных для расстрела

рижан была отбита, а все коммунары, попавшиеся в руки палача коммунаров, генерала Галифе, расстреливались как «бандиты». В то время как силы версальцев увеличивались притоком французских пленных солдат, которых выклянчивали версальские буржуа у победителей-пруссаков, силы революционного Парижа убывали и подтачивались голодом и лишениями. Недостаток организованности, отсутствие боевой политической партии пролетариата, которая бы управляла борьбой и положительным строительством, ослабляли позицию борющегося пролетариата.

21-го мая версальские войска вступили в ближайшие кварталы Парижа; до 28-го продолжалась «кровавая неделя» подавления Коммуны. С диким отчаянием, но без организации и единого плана действий, защищали парижане каждую баррикаду, каждую улицу, каждую позицию. 28-го мая пали последние защитники Коммуны.

Началась кровавая оргия — беспримерная по жестокости расправа над десятками тысяч людей (расстреляно до 35.000 и арестовано до 40.000 мужчин, женщин и детей). Только незначительной части коммунаров удалось спастись за границу, остальные были подвергнуты массовому избиению, замучены, заточены в тюрьмы и сосланы на каторгу, откуда немногие уцелевшие вернулись по амнистии 1880 г.

Коммуны, подобные Парижской, возникли в некоторых других городах Франции (Марселе, Лионе, Нарбонне, Тулузе, Крезо и Сент-Этьене), но они всюду просуществовали недолго и, разрозненные, быстро подавлялись версальскими войсками.

§ 72. **Национальные политические партии пролетариата до войны 1914 г. в разных странах.** Поражение Парижской Коммуны, как мы видели, привело к временной реакции в европейском рабочем движении: к распаду I Интернационала и к отходу рабочих масс от «политики». Это «политическое равнодушие» побудило одни массы (как в Англии) замкнуться в чисто-профессиональные организации, ставившие исключительной непосредственной целью улучшение экономического положения на сегодняшний день — без всяких социальных перспектив, без яркой конечной цели — полного освобождения труда; другие (преимущественно в отсталых странах) пошли за бакунистским анархизмом (см. выше, § 70). Но рабочее движение, отделавшись от разочарования, развивалось и крепло во всех странах вместе с ростом капитализма, совершавшего свой победоносный поход с 70-х годов по всем странам Европы и Америки. И по мере роста рабочего движения оно, естественно, должно было себе ставить политические цели, должно было проникаться марксистским сознанием, не только желающим, но и объясняющим и указывающим пути к осуществлению целей пролетариата. И во всех почти странах, во вторую половину 70-х годов и в начале 80-х

годов, стали возникать политические партии пролетариата, которые с этого времени неуклонно росли, крепли и совершенствовались в организационном отношении.

В Англии после падения Коммуны о самостоятельном социалистическом рабочем движении до начала 80-х г.г. ничего не слышно. Попытка образовать рабочую партию из английских секций Интернационала (на их Ноттингемском с'езде 1872 г.) не удалась. После нескольких лет бессильного прозябания замерли оба крыла Интернационала: марксистское и бакунистское. Вступление в парламент первых рабочих (рудокопов Берта и Макдональда) произошло в 1874 г. благодаря соглашению с либералами.

Но в начале 80-х годов, под влиянием промышленного застоя, разочарования в либералах после выборов 1880 г., и т. д., социалистическая агитация начала иметь успех. В 1881 г. образовалась «Демократическая федерация» с социалистической программой, расширенная в 1883 г. в «Социал-демократическую федерацию». Это была первая социалистическая организация в английском масштабе. Она скоро (в 1885 г.) раскололась, выделив «Социалистическую лигу». После мы видим возникновение разных социалистических групп, партий и рабочих об'единений с политической платформой самых различных оттенков.

Рядом с социал-демократической федерацией, имевшей определенную социалистическую программу марксистского направления, но сравнительно мало приверженцев, следует остановиться на Рабочей партии, возникшей в 1900 г. из об'единения разных социалистических групп (кроме Социал-демократической федерации) и профессиональных союзов на парламентской платформе (с целью проведения на выборах наибольшего количества депутатов рабочей группы в парламент). Партия эта имела значительный успех. Она привлекла уже в 1901 г. до 40 профсоюзов (с 353.000 членов), на выборах проводила все увеличивающееся число депутатов (до 42). Число ее членов все росло, достигнув в 1913 г. цифры в 1.880.000 чел. Но программа ее оставалась неясной и колебалась между идеями социализма и трэд-юнионизма (борьба за экономические улучшения без формулировки конечной цели и

соглашательство с буржуазным либерализмом на почве «уступок»). В 1907 г. она на своем с'езде в Бельфасте отклонила из «тактических соображений» резолюцию о конечной цели и выработке программы, а в 1908 г. она на следующем с'езде признала «национализацию средств производства и т. д. демократическим государством, полное освобождение труда от капитала и равенство полов».

Внутри Рабочей партии всегда замечались два течения: социалистическое и трэд-юнионистское, но в последнем счете ее политика сообразовалась с настроениями умеренных трэд-юнионов. Однако незадолго до войны (приблизительно с 1913 года) число противников старого курса партии в ее собственной среде сильно возросло: ухудшение экономического положения рабочих, рост дороговизны и поход буржуазии против мирных профсоюзов — все это убеждало рабочих в никчемности соглашательской политики.

Новые настроения рабочих масс проявились в грандиозных забастовках в 1910 — 1913 г.г., охвативших почти всю Англию. Накануне войны английское рабочее движение все более удалялось от старого типа и проникалось принципами классовой борьбы и социалистическими идеями. Приблизительно к этому же времени относится появление на английской почве революционного синдикализма (род соединения трэд-юнионизма с анархизмом), признающего необходимость непосредственной борьбы за конечную цель, но помимо политических средств (главным образом путем всеобщей забастовки).

Во Франции в настроении рабочих масс после падения Коммуны, в течение 70-х годов, чувствовались усталость и уныние. Рабочее движение замкнулось в рамки профессиональной борьбы и дальше требований права союзов и скромного рабочего законодательства оно не шло.

На Национальном конгрессе рабочих 1878 г. (в Лионе) голоса социалистов еще заглушались, но на Марсельском конгрессе 1879 г. большинство высказалось за коллективную собственность на средства производства и за образование самостоятельной политической партии.

На Гаврском с'езде 1880 г. была обсуждена программа-минимум (т.-е. программа политических требований пролетариата, осуществимых еще в буржуазном обществе), выраженная Гэдом и Лафаргом при участии Маркса и Энгельса. На этой почве произошел раскол между социалистами и приверженцами чистого профессионализма; социалисты образовали свою партию — «Социалист. рабоч. партию». Возвращение коммунаров — по амнистии 1880 г. — и вступление их в партию обогатило молодую партию силами, но в то же время привело к разногласиям и расколам, так как многие из вернувшихся коммунаров сохранили старые заблуждения анархизма и бланкизма. В 1882 г. партия раскололась на поссибилистов (ироническая кличка от французского слова possible — возможный), социалистов-соглашателей, с Полем Брусом во главе, и марксистов (Гэд, Лафарг, Девиль). Рядом существовали бланкисты, анархисты, умеренные рабочие союзы, основавшие «Союз синдикатских камер».

Раскол внутри существующих социалистических партий и образование новых групп разных оттенков сопровождали социалистическое рабочее движение целые десятилетия. И тем не менее социализм во Франции делал успехи, а потребность в единении в рабочих массах росла.

Уже в 1893 г., когда в парламент прошло около 50 депутатов от разных социалистических групп, они составили одну социалистическую фракцию. Более тесное сближение между враждующими толками наступило в 1898 г. — во время дела Дрейфуса, — когда обнаружилась опасность для республики со стороны реакционных элементов. За это сближение особенно ратовал блестящий вождь «независимых социалистов» Жорес. Был составлен Комитет соглашения, который некоторое время энергично действовал от имени почти всей социалистической фракции.

Вскоре, однако, выяснилось, что рабочему классу единение нужно не во что бы то ни стало, а на такой платформе, которая бы отвечала духу и целям пролетарской борьбы. Уже в 1899 г. назрел раскол из-за вхождения «социалиста» Мильерана в кабинет (правительство) Вальдека-Руссо вместе с палачом коммуны Галифе (см. выше, § 71). Парижский конгресс

(в декабре 1899 г.), собравший представителей всех социалистических организаций (на этом конгрессе произошло даже временное об'единение в «Социалистическую партию»), большинством 818 голосов против 634 вынес резолюцию, осуждающую вступление социалиста в буржуазное министерство, но с такими оговорками, что смысл резолюции затушевывался. Лионский же конгресс 1901 г. отверг предложение об исключении Мильерана. Тогда Гэд и его сторонники вышли из «Социалистической партии» и образовали «Социалистическую партию Франции», умеренные же (с Жоресом во главе) составили «Французскую социалистическую партию».

Рабочая масса в огромном большинстве пошла за первой партией (гэдистами). Тогда после международного Амстердамского конгресса, осудившего мильерановщину (сотрудничество с буржуазией) и потребовавшего об'единения социалистических сил, вожди жоресистской партии были вынуждены под давлением масс присоединиться к левым элементам.

В 1905 г. все социалистические группы, кроме реформистской группы «независимых» (Мильеран, Вивиани, Бриан — теперешние коноводы черносотенного французского похода против Советской России), об'единились в «Социалистическую партию» с программой, подчеркивающей революционный характер классовой борьбы. Рабочие массы откликнулись на это отдачей своих голосов об'единенной партии (в 1910 г. «об'единенных» депутатов прошло 77, в 1914 — 102).

Следует указать, что профессиональное движение во Франции было чуждо и даже несколько враждебно Социалистической партии. Профсоюзы (синдикаты) усвоили некоторые идеи старого анархизма и стоят на почве революционного синдикализма (см. выше). Всеобщая конфедерация труда, об'единяющая французское профдвижение, отказывалась действовать совместно с Социалистической партией даже в тех случаях, когда это было возможно. Об'ясняется это тем, что, с одной стороны, во Франции чрезвычайно живы в рабочей среде революционные традиции, и умеренность французского социализма не могла снискать симпатий масс; с другой стороны, отвращение или, в лучшем случае, равнодушие (рабочих) к «политике» вызывалось тем, что «демократия», «демо-

кратическая республика» не только им ничего не дали, но решительно подавляли всякие пролетарские притязания: ведь сама «демократическая республика» зачата во грехе подавления Коммуны и разгрома пролетариата. Конечно, из этих положений французский пролетариат мог бы сделать другой вывод: захватить самому власть. Но французский социализм (как вообще социализм эпохи II Интернационала) всячески умерял социальный пыл пролетариата — и пролетариат отошел в сторону.

Нет сомнения, что недалек день, когда мощный призыв разбудит революционную страсть французского пролетариата и направит его на подлинное его дело — захват власти и организацию коммунистического производства..

В Германии рабочее движение стало выливаться в форму организованной политической партии еще в начале 60-х годов. Всеобщий германский рабочий союз (см. выше) привлек много сторонников.

В 60-х годах действовал «Союз германских рабочих союзов», организованный буржуазными радикалами в 1863 г. в противовес Лассалевской агитации. Но социалистическая пропаганда, внесенная в ряды этого союза (Либкнехт, Бебель, филос. Ланге, Вальтейх и др.), привела к тому, что на 5-м с'езде в Нюрнберге (1868 г.) союз присоединился к I Интернационалу и принял его программу. Буржуазное меньшинство ушло, и союз таким образом стал чисто социалистической организацией. Между тем, «Всеобщий германский рабочий союз» раздирался разногласиями и борьбой между разными группами.

В 1869 г. в Эйзенахе на с'езде представителей рабочих союзов нюрнбергского направления, секций Интернационала и отколовшихся членов «Всеобщего германского рабочего союза» была образована «Социал-демократическая рабочая партия» с программой, названной Эйзенахской, близкой к требованиям Интернационала.

Партия устами Бебеля и Либкнехта (отца Карла Либкнехта) протестовала против франко-прусской войны и выпустила манифест против присоединения Эльзаса и Лотарингии. Бебель и Либкнехт были за это приговорены к двум годам

крепости, а Ц. К. партии целиком арестован и в цепях отправлен в крепость Летцен.

Преследования помешали партии выразить свое сочувствие Коммуне, но не только не ослабили партии, но способствовали ее росту. На выборах в палату депутатов проходили представители как эйзенахцев, так и лассальянцев (Всеобщ. герм. и т. д.). В парламенте между обеими социалистическими фракциями не обнаруживалось разногласий. Правительство не делало никакого различия между эйзенахцами и лассальянцами: в 1874 году центральная организация Всеобщего германского рабочего союза была закрыта, а члены ее подвергнуты преследованию.

В 1875 г. на об'единенном с'езде в Готе (73 лассальянца, 56 эйзенахцев) после долгих обсуждений была принята общая программа; об'единенная партия названа «Социалистической Рабочей партией Германии» (переименована на с'езде 1890 г. в Галле в «Социал-демократическую партию Германии»).

С этого времени в Германии стала действовать одна социалистическая партия, и расцвет ее быстро упрочился.

Правительство усилило свои репрессии (в Пруссии новая организация была закрыта); ответом рабочей массы было около 500.000 голосов, поданных за партию в 1877 г. (по тем временам цифра огромная). Воспользовавшись покушением Геделя на императора (11 мая 1878 г.), Бисмарк внес в палату исключительный закон против социалистов, отклоненный последней. 2-го июня раздался выстрел д-ра Нобилинга, ранивший императора. Рейхстаг (германский парламент) был распущен и созван новый. На выборах в крупных рабочих центрах травля на социалистов только увеличила число поданных за них голосов. Но это не помешало Бисмарку провести через палату драконовский «закон против опасных стремлений социалистов», поставивший германских социалистов вне закона. Запрещая всякого рода социалистические союзы, произведения печати, собрания и т. д., этот закон предоставлял правительству неограниченные полномочия для преследования социалистов. Аресты, высылки, разгон рабочих союзов, в которых чувствовался социалистический дух и т. д., были первыми последствиями закона.

Партия перешла на нелегальное положение. Но влияние партии росло, число ее членов становилось все больше, а число депутатов в парламенте за время исключительных законов (до 1890 г.) утроилось (в 1878 г. — 12 деп., в 1890 г. — 35 деп.).

В 1890 г. закон против социалистов не был возобновлен, прекратив таким образом свое действие. С тех пор социалистическая партия действовала легально. На с'езде в Галле (в октябре 1890 г.) партия переименовалась в «Социал-демократическую партию». В 1891 г. на Эрфуртском с'езде (партейтаге) была принята детально разработанная программа, которая оставалась без изменений все время до войны. Партия все время росла безостановочно, превратившись в самую крупную и наиболее организованную партию в социалистическом мире. Ее влияние на германские профсоюзы (число членов которых тоже росло безостановочно) было огромно.

Но рядом с этими явлениями роста уже в середине 90-х годов начало чувствоваться ослабление революционного духа партии. Парламентская деятельность социалистической партии, мыслившаяся как одно из средств пролетарской борьбы, как орудие агитации и подготовления пролетариата к социальной революции, на деле начала поглощать почти все силы партии и подрывать ее идейные устои. В погоне за ближайшими практическими целями партия постепенно проникается реформизмом (т.-е. идеей мелких преобразований, а не социальной революции).

В середине 90-х годов это сказывалось в особенности в том партийном кризисе, который возник на почве аграрного (земельного) вопроса. Вместо агитации в деревне и привлечения тех крестьянских элементов, которые могут пойти за рабочим классом в его освободительной борьбе, некоторыми вождями и теоретиками партии предлагалось приспособить программу к крестьянскому уровню, в целях привлечения крестьянских голосов и из тех соображений, что учение Маркса о поглощении мелкого хозяйства крупным в области сельского хозяйства оказывается будто бы неверным.

В конце 90-х годов в среде германской социал-демократии уже раздаются голоса (Эдуард Бернштейн и его приверженцы — «бернштейнианцы») о необходимости пересмотра (ревизии)

всего учения Маркса (отсюда «ревизионизм»). Бернштейнианцы подвергли критике самые основы марксизма (материалистическое понимание истории и самый ход развития хозяйственных форм и общественных отношений). Вывод они делали такой, что «движение — все, а цель — ничто». На практике это означало, что все силы пролетариата должны быть отданы «синице в руки» — парламентской работе и мелким успехам законодательства, а не «журавлю в небе» — социальной революции, диктатуре пролетариата, социализму.

Хотя бернштейнианство на Ганноверском с'езде 1899 г. было осуждено, но бернштейнианцы в партии остались и все время давали себя чувствовать. А между тем раньше, в начале 90-х годов, «молодые» (группа недовольных умеренностью партии) должны были покинуть ее.

До войны 1914-го года мы наблюдаем в германской социал-демократии все большее разжижение ее революционного духа, все большее преклонение перед «законностью» (в буржуазном обществе), все больший отход от прежних славных революционных позиций. Позорное голосование за военный бюджет германских социал-демократических депутатов только венчало процесс, который начался давно.

В других странах (Италии, Австрии, Венгрии, Дании, Швеции и т. д., почти во всех углах старой Европы и новой Америки) пропаганда социализма и рабочее движение прошли — с некоторыми вариациями — один и тот же путь — от вспышек пролетарского энтузиазма к планомерной политической организации сил пролетариата.

§ 73. **Второй Интернационал, его возникновение и деятельность.** После падения Парижской Коммуны и распада I Интернационала (см. выше § 71) попытки к об'единению международного пролетариата не прекращались. За Всемирным Социалистическим Конгрессом в Женеве (в 1877 г.) последовала международная социалистическая конференция в Хуре (1881 г.), международные рабочие конференции в Париже (1883 и 1886 г.г.) и международный конгресс профессиональных союзов в 1888 г.

Однако, восстановление Интернационала, как более прочного об'единения международного пролетариата, произошло

только в 1889 г. в Париже во время всемирной выставки. В 1889 г. заседали даже два конгресса, организованных двумя французскими социалистическими партиями (см. выше § 72): «Международный конгресс об'единенных социалистов» (марксистского направления) и «Международный конгресс поссибилистов». На этих конгрессах было постановлено учредить постоянное Международное Социалистическое Бюро и сделать день 1-го мая международным праздником пролетариата — днем рабочих манифестаций за основные требования рабочего класса и, главным образом, за 8-часовой рабочий день.

От этого Международного социалистического рабочего конгресса 1889 г. (на котором были представлены 20 государств) и ведет свое начало II Интернационал.

С тех пор международные социалистические конгрессы стали собираться регулярно через каждые 2 — 3 года (брюссельский конгресс 1891 г., цюрихский 1893 г., лондонский «Международный социалистический конгресс рабочих и профессиональных союзов» 1896 г. и т. д.). Эти конгрессы являлись высшими руководителями международного пролетарского движения и в своих резолюциях, принимавшихся часто после горячих прений, выносили решения по всем вопросам социалистической программы, равно как и тактическим вопросам, которые часто возникали перед отдельными социалистическими партиями в разных странах.

Уже Парижский конгресс 1889 г. признал недостаточной одну экономическую борьбу и высказался за организацию во всех странах самостоятельных политических партий пролетариата, не идущих на компромиссы (соглашения) с буржуазными партиями, и стремящихся к завоеванию политической власти пролетариатом. В то же время конгресс признал, что насущной задачей социалистических партий является политическая борьба — еще в рамках буржуазного общества — за улучшение положения рабочего класса (за сокращение рабочего дня, за законы, охраняющие труд, и т. д.). И ходом политической жизни и борьбы перед национальными партиями выдвигались разные вопросы, которые и решали конгрессы.

На Брюссельском конгрессе 1891 г. II Интернационал определенно отмежевался от анархистов, не допустив их на

заседания конгресса, мотивируя это тем, что анархисты отвергали «необходимость организации рабочих и законодательное вмешательство государства в интересах рабочего класса». Цюрихский (1893 г.) и Лондонский (1896 г.) конгрессы подтвердили это решение, и на Парижский конгресс 1900 г. были уже допущены только те политические партии и группы, которые «считают необходимым средством к достижению цели (ниспровержения капиталистического строя) участие в законодательстве и парламентской деятельности»; из профессиональных организаций допускались только те, которые признавали «необходимость политической и парламентской деятельности».

Анархисты, таким образом, были изолированы от международного рабочего движения.

На Парижском конгрессе 1900 г. (на котором присутствовало уже около 700 делегатов) большое внимание было уделено вопросу о борьбе с оппортунистами (соглашателями) и ревизионистами (стремившимися к «пересмотру Маркса» с целью лишения международного социализма его революционного характера; см. выше § 72). Боевым вопросом было отношение к буржуазным партиям и к вхождению в буржуазное министерство Вальдека-Руссо так называемого социалиста Мильерана (министром труда), не погнушавшегося сесть рядом с палачом Коммуны генералом Галифе.

После горячих прений между последовательными сторонниками научного социализма (революционного) и оппортунистами разных стран конгресс принял половинчатую резолюцию. С одной стороны, утверждалось, что «классовая борьба запрещает всякого рода союзы с какою бы то ни было фракцией капиталистического класса, но с другой — признавалось, что «исключительные обстоятельства делают иногда такого рода союзы необходимыми» [1]).

---

[1]) Русские меньшевики и эс-эры и социал-соглашатели всех стран показали на опыте всю гниль такого половинчатого понимания. К чему привел такой союз в момент народных революций („исключительные обстоятельства") в России, Германии и других странах, мы теперь хорошо знаем. В России гибель всех завоеваний революции, уготовлявшуюся буржуазной чернью при снисходительной близорукости (в лучшем случае) социал-соглашательских „союзников"—предотвратила пролетарская Октябрьская революция. В Германии и других странах „союзные" буржуа великолепно прибрали революцию к рукам и поставили крест над всеми завоеваниями первых дней революции

Вступление социалиста в буржуазное министерство конгресс признал «рискованным» (какая вежливая осторожность выражения!), но... «в известных условиях могущим дать результаты, выгодные для борющегося пролетариата».

Таким образом, уже на пороге XX столетия в рядах II Интернационала наметился раскол, свидетелями которого мы являемся в годы войны и революции. Но эта трещина, от которой раньше или позже должен был распасться мир вождей II Интернационала, пока замазывалась двусмысленными, ничего не говорящими и ни к чему не обязывающими резолюциями.

Тем не менее, в вопросах международной и колониальной политики (см. выше, § 52) Парижский конгресс (как и прежние конгрессы 1889, 1891 и 1896 г.г.) стал решительно за борьбу с «алчными стремлениями капитализма — алчного и наглого». Он признал, что «только установление социалистического строя положит конец милитаризму и утвердит окончательный мир» и призывал все социалистические партии и всех трудящихся решительно протестовать против всяких попыток войн и союзов, ведущих к войнам.

Этим же конгрессом был разработан ряд организационных вопросов и положено начало Международному Социалистическому Бюро, которое должно было составиться из представителей (от 1 до 3) партий разных стран. На Бюро возлагалась обязанность поддерживать связь между различными организациями, собирать и давать справки по рабочему вопросу в разных странах и т. д.

Амстердамский конгресс 1904 г. огромным большинством голосов (25 против 5) вождей германского, русского и английского социализма осудили ревизионизм и «участие в правительственной власти в пределах буржуазного общества». По поводу русско-японской войны конгресс призывал социалистов и рабочих всех стран бороться против возможного распространения войны. Этот же с'езд отклонил идею всеобщей забастовки

Изменники из II Интернационала—всякие Шейдеманы, Носке и др. оказались к тому же в изрядных дураках или во всяком случае в соседстве с дураками из своей партии, если в ней были и такие господа, которые верили, что союз с буржуазией даст „кое-что“ пролетариату, а не все буржуазии.

(предложение анархистски настроенной группы) как средства социальной революции.

В Европе чувствовалось дыхание войны, и вопрос о способах сопротивления войне ставился на всех последних конгрессах. На Штутгартском конгрессе 1907 г. Эрве (теперешний пошлейший социал-патриот) внес предложение о военной забастовке в случае войны. Конгресс под влиянием германских социалистов это предложение отклонил, но принял резолюцию, рекомендующую отказать буржуазным правительствам в военных кредитах. Копенгагенский конгресс 1910 г. рассматривал этот же вопрос и опять отклонил идею «военной забастовки» (предложение на этот раз было внесено французскими делегатами Жоресом и Вальяном и английским делегатом Кэйр-Гарди).

Балканская война 1912 г. побудила международное социалистическое Бюро организовать во всей Европе международную кампанию в пользу мира. В ноябре 1912 года был созван чрезвычайный базельский конгресс специально по вопросу о грозящей войне, явившись внушительной демонстрацией, конгресс все же оказался неспособным выработать конкретный план борьбы с надвигающейся опасностью мировой войны. Он только опять подчеркнул обязанность пролетариата всех стран бороться против войны.

В 1914 г. должен был состояться очередной конгресс в Вене, но вспыхнувшая в июле 1914 г. империалистическая война не только сделала невозможным созыв этого конгресса, но разбила II Интернационал: в большинстве стран «социалисты» в парламентах голосовали за отпуск средств на войну и приняли участие в мероприятиях, направленных к поддержанию той войны, которую они на всех своих конгрессах осуждали...

§ 74. **Распад II Интернационала.** В состав II Интернационала входили большие и мощные политические партии пролетариата и крупные профессиональные организации. Размах его был гораздо шире, чем размах I Интернационала; он имел под собой и более широкую почву организованного во всех странах пролетариата. И тем не менее I Интернационал выдержал испытание франко-прусской войны, продержался

после этого еще несколько лет и погиб, но не пал, не вывалял в грязи буржуазной бойни пролетарского знамени, он погиб, но заветы его (идеи классовой борьбы за захват власти пролетариатом и за уничтожение капиталистической системы) остались священными для рабочего класса и по сей день, когда они начинают осуществляться. Второй же Интернационал бесславно погиб, он пал и развалился при первом грозном испытании. Второй Интернационал не только не оказался способен руководить национальными партиями, но в грозный момент мировой войны пошел на явную измену всем, провозглашенным им раньше лозунгам.

Еще за несколько дней до империалистической бойни вожди, сделавшиеся вскоре изменниками рабочего дела (как, например, Эрве, впавший теперь в самый пошлый шовинизм), звали рабочих протестовать против надвигающейся войны. Но когда война вспыхнула, «социалистические» вожди забыли все свои решения и стали звать рабочий класс и трудовое крестьянство к оружию «за отечество», и напрягали все свои силы, чтобы установить «гражданский мир», т.-е. единый фронт с «своей» буржуазией против «чужой» (а фактически вели свои трудовые массы резать и убивать трудовые массы другой страны). Они в парламентах голосовали вместе с буржуазными ставленниками и шарлатанами за военный бюджет; они входили в буржуазные «министерства обороны» (как Вандервельде и др.), словом, делали все, что раньше ими порицалось, как измена пролетарскому делу. Трудно разобраться сейчас во всех причинах этого распада, но главные причины таковы:

1) Верхушки рабочего класса в предшествовавший период расцвета колониальной политики были заражены духом наживы, который буржуазия им старательно прививала. Рабочие Англии, Соединенных Штатов, Германии и других капиталистических стран получали крохи из колониального грабежа, но буржуазия, прикармливая квалифицированные верхи рабочего класса, смогла (на то она искушенный в деле управления и политического обмана класс) внушить им, что они заинтересованы в процветании «отечественной» промышленности.

2) Раз'единенность рабочего движения в разных странах: отдельные политические партии действительно росли и крепли, но связь между ними была чрезвычайно слаба. Второй Интернационал фактически ограничивался декларациями единства мирового пролетариата, но не только не управлял действиями отдельных «национальных» партий, но даже не пытался управлять. Международное Социалистическое Бюро дальше справок, архива и библиотеки, и «Бюллетеня», который стал выходить только в 1910 г.,—не шло. Не было организующего центра, не было спайки между многочисленными организациями пролетариата. Это отсутствие живой связи с массами мирового пролетариата лишало интернациональную организацию действенности и живого духа.

3) Проникновение в ряды отдельных партий (как, например, в Германии, Франции, Англии и др.) мелко-буржуазных и соглашательских элементов, не извергавшихся оттуда с достаточной решимостью (как бернштейнианцы в германской партии, мильеранисты—во французской и т. д.), разложило революционный и последовательно-пролетарский дух этих партий.

4) В самом Интернационале были представлены самые разнородные партии и организации от крайне революционных, оставшихся на платформе последовательного марксизма, до экономических организаций, чуждавшихся всякой политической борьбы. Эта политика «широких дверей» привела к тому, что II Интернационал перестал быть выразителем единой воли пролетариата и организатором единого действия.

ОЧЕРК ШЕСТОЙ.

СОЦИАЛЬНО-РЕВОЛЮЦИОННОЕ ДВИЖЕНИЕ В РОССИИ.

§ 75. **Крестьянское движение в России в XVI в.** Россия, по многим причинам, вступила на путь хозяйственного и политического развития позже западно-европейских государств. Но хозяйственные и общественные отношения в общих чертах складывались в России так же, как и в Европе.

В конце XV и начале XVI в. крестьянство в Московском государстве уже становилось «крепким земле» и личности помещика, которому выплачивало повинности и выполняло барщину. Рост и влияние торгового капитала (который в союзе с мелким дворянством, жадным до денег и земли, опрокинул крупное боярство и захватил власть) имели такие же последствия, как и в Европе (см. выше, § 39): вовлечение крестьянского хозяйства в сферу денежного обращения, разорение крестьянства денежными поборами, окончательное прикрепление крестьянства к земле.

Крестьянство на это отвечало в течение всего XVI стол. бегством на юг в вольные окраины с их степью и никем не заселенными местами, где образовывало казацкие поселения, из которых выросло целое государство (Украйна). Значительная же масса крестьянства, оставшаяся на землях Московского государства, глухо волновалась и в моменты исторических потрясений и столкновений разных общественных групп поднималась, присоединялась к той стороне, от которой ожидала избавления от туго затягивавшейся веревки крепостничества. Главную силу Лжедмитрию (или названному Дмитрию) дало казачество из южных окраин; вступление Лжедмитрия в Москву и сокрушение Годунова стало возможным только благодаря

тому, что народная масса ожидала прихода Лжедмитрия и казаков, как спасения. Первыми указами Лжедмитрия было сокращено «кабальное холопство» (т.-е. обращение в крепостных неоплатных должников) и отменены прежние свирепые указы о беглых: им разрешалось не возвращаться к своим помещикам, а оставаться на местах. Эти меры должны были привлечь к нему симпатии крестьянской массы, казачества (беглых) и значительной массы местного крестьянства, впадавшего в кабальное состояние, в значительной мере благодаря невозможности выполнить долговые обязательства, к которым понуждали его все усиливавшиеся денежные поборы. Но это не могло нравиться помещикам и даже тем слоям дворянско-купеческого общества, которые шли за Лжедмитрием из разных соображений. И Дмитрий пал жертвой заговора.

Эпопея Лжедмитрия открывала эпоху «смутного времени», которое было, в сущности, восстанием народной массы против своих угнетателей. Вскоре мы видим почти поголовное восстание казачества и крестьянства, об'единенного на юге беглым холопом Болотниковым, звавшим крестьянство к восстанию против помещичьего гнета. Болотников собрал большую рать и быстро продвинулся к Москве, но он потерпел поражение, в значительной мере благодаря измене дворянского ополчения, примкнувшего к движению из вражды к крупному боярству и предавшего это движение, как только запылали помещичьи усадьбы и дворянские поместья стали подвергаться разграблению. Болотников отступил к Туле, где после долгой осады города войсками царя Василия Шуйского мятежники должны были сдаться; казаки отступили опять к южной окраине.

Вскоре, однако, казаки оправились и опять двинулись к Москве, увлекая за собой крестьянские толпы. Казацко-крестьянское войско имело своего «холопского царя», другого Лжедмитрия, прозванного «Тушинским вором» вследствие того, что он утвердился в Тушине (близ Москвы). Около двух лет существовали две столицы: крестьянско-казацкая (Тушино) и помещичье-купеческая (Москва).

Но крестьянское движение в России, как и в Европе (см. выше, § 62), страдало отсутствием того классового единства,

которое характеризовало впоследствии пролетарские движения и требования. С одной стороны, к крестьянству временно примыкали чуждые элементы, ожидавшие от демократической крестьянской революции осуществления своих не-крестьянских групповых целей. Эти элементы очень легко предавали крестьянское движение его врагам. Само крестьянство, с другой стороны, не представляло однородной крестьянской массы: на верху ее стояли казацкие старшины, атаманы, землевладельцы и т. д. (то, что теперь называли бы кулачеством). И когда возникли такие политические комбинации, которые могли удовлетворять интересы этих чуждых групп помимо крестьянских устремлений или даже за счет их, крестьянская масса покидалась и даже предавалась; оставшаяся без вождей масса не в состоянии была, не имея ни организации, ни ясных требований, овладеть положением—властью и землей. В данном случае от тушинцев отступились раньше всего дворянские элементы, как только выяснилась возможность в союзе с помещиками и купцами Москвы наладить «порядок» хотя бы при помощи иностранного вмешательства—призыва поляков. Шуйский был низложен, «Тушинский вор» прогнан из Тушина, в Польшу отправлено посольство... Тушинское движение было ослаблено, дезорганизовано, отодвинуто от Москвы.

Вскоре, когда угроза конкуренции польского торгового капитала сделала для русских купцов «польскую комбинацию» невыгодной, дворянско-купеческий союз смог вызвать патриотическое движение против поляков, им же самим призванных. От казацко-крестьянского движения отошла теперь и верхушка крестьянства, зажиточный слой, которому выгоднее казалось итти с имущими классами, чем с крестьянской «голытьбой». Весь Тушинский лагерь перешел на сторону Минина, который смог собрать ополчение не только призывами к освобождению Москвы от иноверцев, но, главным образом, обещанием высоких жалований ратным людям, льгот верхушке казачества.

За этим ополчением, которому главнокомандующий был дан купечеством (Пожарский), пошла и часть крестьянства, соблазненная заманчивыми обещаниями, которые дворянство

делало устами главы рязанских дворян: «А которые люди дворянские и крепостные и старинные, и те бы шли без сумления и боязни—всем им воля и жалованье».

Крестьянско-казацкое движение было таким образом расколото. Меньшинство казачества, оставшееся на прежней непримиримой позиции в отношении дворянско-купеческой Москвы, было загнано за Волгу и дальше. Дворянско-купеческое ополчение же получило такую силу, что смогло прогнать опасных конкурентов-поляков. Какую цену имел дворянско-купеческий патриотизм (который триста лет воспевался на все лады дворянскими и буржуазными историками), показывает то, что, как только были прогнаны поляки, купцы и помещики нашли для себя выгодным иметь царя из иноземцев (Пожарский стоял за шведского принца). Но перешедшие на сторону дворянско-купеческой Москвы тушинцы имели своего кандидата — сына тушинского патриарха Филарета, придурковатого юношу Михаила Романова. Купцы и дворяне уступили, справедливо рассчитывая, что они смогут прибрать к рукам нового царя, оставив крестьянские верхи ни при чем. И действительно, Романовы с первых же дней своего «счастливого царствования» отдали страну в цепкие руки купцов и крупных помещиков.

§ 76. **Крестьянское движение XVII в.** Неудача крестьянских движений конца XVI и начала XVII стол. привела к значительному ухудшению положения крестьянства при первых Романовых. Казацкая вольница все более сокращалась, а прикрепление крестьян все более расширялось.

Государственные расходы значительно увеличились против XVI стол.: на двор, полицию, содержание организованных по европейскому образцу войск, необходимость которых для правящей клики вызывалась, с одной стороны, стремлением удерживать народную массу от новой «смуты», а с другой—завоевательной политикой торгового капитала, рвавшегося к берегам Черного и Каспийского морей (а царь был не только первый землевладелец, но и первый купец в своем государстве: торговля ценными товарами — шелками из Персии, мехами из Сибири и т. д.—была царской монополией...). На плечи крестьянства и мелкого люда свалилось тяжелое ярмо

все возраставших податей и налогов, поборов всяких «воевод», не получавших «государева жалованья» и обильно кормившихся на счет населения, алчных аппетитов всяких «гостей»-откупщиков, без жалости выколачивавших из крестьянства последние крохи. Вместо налога со вспаханной земли был введен подворный налог. Новые и особенно тягостные налоги («соляная подать») и мошеннические проделки с деньгами, выпускавшимися в население (выпуск поддельных медных монет), вызывали в городах бунты, которые усмирялись военной силой; бунты вспыхивали в Москве, Новгороде, Пскове и др. и на почве вымогательства и лихоимства.

Самым крупным восстанием было казацко-крестьянское восстание, которому дали толчок донские казаки с атаманом Степаном Разиным во главе (1670 — 1671 г.г.). Движение, вышедшее с Дона, быстро завладело Поволжьем — великим торговым путем в богатую ценными восточными товарами Персию, вдоль которого скопилась масса безземельного люда, бурлаков, грузчиков, мелких служащих и т. д. К восстанию легко примкнули крестьяне Поволжья, которые в этих местах — вследствие малочисленности рабочего населения при значительном помещичьем многоземелье — подвергались более жестокой эксплоатации, чем в центральной России (непосильная барщина). С семитысячным войском Разин взял Царицын, откуда разослал по всему Поволжью грамоты с призывом к истреблению бояр, помещиков и воевод и к устройству казацкой вольницы. Со стекавшимися к нему со всех сторон крестьянскими толпами он продвинулся дальше и взял Астрахань, Саратов, Самару, подвергая помещичьи усадьбы разорению, а «слуг царских» избиению.

Но вскоре, как в эпоху смутного времени (см. выше § 75), обнаружилась слабая сторона крестьянских движений того времени: отсутствие классового единства, с одной стороны, и определенной программы нового социального устройства — с другой. Если голытьба беззаветно шла за Разиным, как за освободителем угнетенных, то «домовитые» казаки и зажиточное крестьянство тормозили движение, а впоследствии предали Разина и зачинщиков движения в руки царских воевод. Идеал же, вдохновлявший крестьянство, представлял к этому вре-

мени не новый порядок, а отсталое, разложившееся общественное устройство: «вольное казачество» стало властью зажиточных верхов... И при первом столкновении с обученными на европейский образец московскими войсками (под Симбирском) казаки были разбиты.

Расправа была ужасна: Разин был предан всенародной и мучительной казни, повстанцы избивались десятками тысяч (погибло до 100.000 чел.).

§ 77. **Крестьянские движения XVIII в.** После разинщины в течение целого столетия не было крупных крестьянских восстаний. Положение крестьянства, однако, все ухудшалось. В особенности тяжелым оно стало при Петре I, введшем подушную повинность вместо дворовой, рекрутчину для свободных раньше от воинской службы крестьян и т. д. Вся тяжесть расходов на всякие нововведения ложилась почти исключительно на крестьянство, которое должно было давать продукты, деньги, живую силу для новой армии, рабочую силу для новых сооружений и фабрик-мануфактур, заведенных в интересах крепостнического государства (главным образом в целях снабжения армии).

На-ряду со смутными волнениями в народной массе поднимается опять волна бегства крестьян от податей и рекрутчины. На том же Дону скапливается огромная масса казацкой голытьбы. Приказ Петра о переписи казаков и водворении на места беглых вызвал казацкий бунт, поднятый атаманом Кондратием Булавиным (1707 г.). В этом бунте участвовала главным образом казацкая голытьба и беглые, требовавшие восстановления казацких вольностей и «побратимства» между всеми казаками. Зажиточное крестьянство Дона в бунте не участвовало. Отзвуки движение нашло далеко за пределами Дона — в нижнем Поволжье и Тамбовской губернии. Не вылившись, однако, во всенародное движение, булавинское восстание было быстро подавлено (сам Булавин, не желая отдаться в руки палачей, застрелился).

Положение крестьян продолжало ухудшаться. После смерти Петра дворяне освободились от всяких служебных и военных обязанностей, превратившись в паразитический класс, живущий на счет крепостного труда; крестьянство же—

ко временам Екатерины II — превратилось окончательно в рабов, в рабочий скот

Сравнительное спокойствие крестьян (кроме булавинского восстания, не захватившего, впрочем, больших кругов крестьянства, больших крестьянских восстаний не было в течение столетия) об'ясняется не только неудачами прежних восстаний («смуты» и «разинщины»), но и тем, что, благодаря значительному разрежению населения (следствие смуты, истребления крестьянства во время разинщины, бегства крестьян на Дон и Северной войны), каждый крестьянин располагал бо́льшим участком земли, чем до смутного времени (до смуты 2 десят. на двор, в конце XVII ст. — 9 десятин).

Во вторую половину XVIII века население опять увеличилось (при Петре 5½ милл., в середине XVIII ст. — 8½ милл.). Земельная теснота опять начала чувствоваться. Но причина ухудшения крестьянского положения лежала не только в одной земельной тесноте, но главным образом во все возрастающей эксплоатации барином-крепостником крестьянского труда, вызванной расцветом русской хлебной торговли: помещик мог значительные количества хлеба (главным образом пшеницы, которой дорога на различных рынках пробивалась войнами с турками) продавать купцу, который вывозил ее за море с большим для себя барышом. Помещик стремился выколотить из крестьянского труда возможно больше хлеба и всяких продуктов. Торговый капитал тут, как и в Европе (см. выше. § 43), содействовал отягчению эксплоатации крестьянина помещиком. В особенности это чувствовалось в приволжских и приуральских губерниях (см. выше), где барщина на расширенной помещичьей распашке доходила до 6 — 7 дней в неделю (в центральных губерниях до 3 — 4). В местностях Приуралья скопилось еще довольно много горнорабочих и горнозаводских крестьян, прикрепленных к заводам, которые они должны были снабжать рабочей силой (крепостной) и материалами (лесом, дровами и т. д.).

Все это сделало Приуралье и Приволжье очагом грандиозного восстания, поднятого донским казаком Емельяном Пугачевым (1773 — 1774 г.г.). Об'явив себя императором Петром III, спасшимся будто бы от подосланных Екатериной II убийц, он

жаловал крестьян «вечными казаками» и обещал им «вольность без всякого требования в казну подушных и прочих податей и рекрутов набору» и «владение землями, лесными, сенокосными угодьями, рыбными ловлями, соляными озерами без покупки и оброку». Это была широкая программа освобождения крестьян со всей землею. Как средство к достижению цели, крестьянам предлагалось расправляться с помещиками собственными средствами: «разорителей крестьян ловить, казнить и вешать».

Все Поволжье стало на его сторону; всеобщее волнение охватило и уральские заводы с их крепостным населением, крестьянским и рабочим (заводы снабжали его порохом и ядрами); к восстанию присоединились и кочевые народы Приуралья, в особенности башкиры, которых царская администрация мучила и истребляла тысячами.

В центральных губерниях, даже в самой Москве, крестьяне и фабричные «почти явно оказывали буйственное свое расположение к самозванцу».

Пугачев свободно прошел по левому берегу Волги, всюду восторженно встречаемый крестьянами, и взял Казань. Разбитый трижды под Казанью Екатерининскими войсками, он бросился на правую сторону Волги и пошел на юг, подвергая помещичьи усадьбы полному разрушению, а самих помещиков — истреблению. Южнее Царицына его войско было настигнуто и рассеяно. Сам он бежал на Волгу к уральским (яицким — Урал тогда назывался Яик) казакам, но был схвачен и предан палачам. Вместе со своими сподвижниками он был казнен в Москве (10-го января 1775 г.). Крестьяне, к нему примкнувшие, были подвергнуты избиению и неимоверным истязаниям (целые деревни были снесены и т. д.).

Причину неудачи Пугачева некоторые историки усматривают в том, что он не пошел сразу на Москву и не поднял всенародного восстания, ограничившись местными операциями и давши время крепостническому государству собраться с силами. Это было не только ошибкой, но и неизбежностью; те социальные силы, которые его поддерживали (казаки), не поднялись до сознания всенародной (т.-е. крестьянской) борьбы — Пугачев долго удерживался казаками под Оренбургом,

где сидел главный, по их мнению, враг — губернатор... Да и в самом казачестве, как при прежних восстаниях, не было единодушия: зажиточные элементы отмежевались от голытьбы...

§ 78. **Крестьянские волнения и революционные движения до освобождения крестьян 1861 г.** Окрыленное неудачей народного восстания (пугачевщины) крепостническое государство, управляемое помещиками и купцами, совершенно потеряло всякую меру в угнетении крестьян. «Либеральная» Екатерина уничтожила последние остатки вольности, где она только сохранилась (крепостное право было распространено на Украйну), раздаривала крестьян своим любовникам десятками и сотнями тысяч, допускала и прикрывала нечеловеческие истязания крестьян совершенно одуревшими от праздности и своеволия «дикими барами». Помещик мог судить и наказывать своих крестьян и даже ссылать на каторгу; жаловаться же на помещика возбранялось под страхом кнута и ссылки «в вечную работу».

Крестьянин превратился в раба, в вещь, которую покупали и продавали, разлучая при этом мужа с женой, родителей с детьми и т. д. Правда, по закону помещики должны были кормить своих крестьян в неурожайные годы, но этот закон не исполнялся: помещики часто посылали голодающих крестьян нищенствовать или просто выгоняли.

Но при всем этом помещики и правительство чувствовали, что они пируют на вулкане: волнения крестьян не прекращались до самого освобождения (и после него). При Павле I (конец XVIII ст.) крестьянские волнения в некоторых местах принимали такие размеры, что их приходилось усмирять пушками; происходили волнения при Александре I (1801 — 1825 г.г.), а при Николае I (Николае Палкине) насчитывалось не менее 556 бунтов. Это заставляло правительство всех царствований искать решения крестьянского вопроса — такого решения, которое бы не дало все же в обиду помещиков и буржуа. Было издано несколько мелких законов, которые оставляли в силе крепостное право и ничего не дали крестьянам.

«Падение крепостного права» (как гордо буржуазные историки называют «великую» реформу 1861 г., оставившую кресть-

янина в фактической зависимости от помещика) было ускорено причинами экономическими: упадком производительности крепостного труда, с одной стороны, и заинтересованностью помещика (крупного) и купца (в связи с развивавшейся торговлей хлебом и вывозом его за границу) в большом посеве и больших урожаях — с другой.

Крестьянский труд постигла та же участь, что когда-то рабский (см. выше § 35). Да и в конце XVIII стол. положение крепостного мало чем отличалось от положения раба не только в политическом отношении (полное бесправие), но и в экономическом: главная экономическая разница между крепостным и рабом — свой участок земли, свое хозяйство на-ряду с помещиком — стиралась ввиду невозможности для крепостного, обремененного барщиной, использовать свою землю, свое хозяйство. В самом деле, если бы у крестьянина был и бо́льший надел, когда бы он успел на нем хозяйничать, когда он должен был отдавать помещичьему хозяйству 3 — 4 дня в центральных губерниях и до 6 — 7 дней на Поволжьи?

На-ряду с полным упадком крестьянского хозяйства помещичье хозяйство не только не улучшалось, но все больше разлагалось и падало с каждым десятилетием: крепостной раб плохо и неохотно обрабатывал помещичью землю, делал недопашки, когда пахал, делал обсевки, когда сеял и т. д. Неудивительно поэтому, что голодовки и неурожаи сделались бытовым явлением в России.

При упадке производительности крестьянского труда — основы крепостного хозяйства — рост крепостного населения (к 30-м годам XIX стол. оно увеличилось на 1½ миллиона) уже перестал быть выгодным для помещика. Появилось много лишних крепостных рук, которых некуда было девать. Часть этого населения увозилась на новопоселенные места (в Новороссию), часть отдавалась в наймы, отпускалась в город на оброк, определялась на фабрики и заводы. Крепостные, однако, оказывались плохими фабричными рабочими; фабрики, пользовавшиеся крепостным трудом, не приносили дохода и часто закрывались.

Все эти обстоятельства привели к тому, что в настроениях господствующих групп — дворянства, купечества, промыш-

ленного капитала, начавшего только что свое победное шествие — по отношению к крепостному праву не было единодушия.

Крупные помещики, больше всего стремившиеся к увеличению количества хлеба, который можно бы пустить на внутренний и внешний рынки, не прочь были «освободить» крестьян при условии большого выкупа: это дало бы им, с одной стороны, возможность завести крупное хозяйство с наемным трудом, а с другой — крупные суммы денег.

Мелкий помещик, выжимавший из своих немногочисленных крестьян последние соки, пуще смерти боялся лишиться этого источника своего сравнительно небольшого, но верного дохода. Мелкий помещик смутно сознавал, что вольнонаемный труд и сравнительно небольшая выкупная сумма, которую он может получить, его не устраивают, что он не выдержит конкуренции с крупным хозяйством. Мелкий помещик поэтому был ярым крепостником, он трепетал даже перед мыслью об освобождении крестьян.

Торговый капитал, в лице купца, имевшего такое огромное влияние на правящие сферы и вместе с помещиком создавшего крепостническое государство, — питал к вопросу об освобождении крестьян двойственное чувство: с одной стороны, упадок производительности крестьянского труда сокращал то количество товаров, которыми купец мог оперировать, и это побуждало его относиться к освобождению крестьян без того ужаса, который обуревал его друга — помещика; но его пугала мысль о «дороговизне» свободного труда (что, по его мнению, должно сократить купеческую прибыль и уменьшить шансы конкуренции дешевым хлебом на внешнем рынке), он неохотно расставался с привычными и не требующими напряжения и изобретательности формами эксплоатации мелкого хозяйства.

Единственно, кто желал освобождения крестьян, это был промышленный капитал, начавший пробивать себе путь к крупному производству и экономической и политической власти в XVIII ст. Промышленному капиталу — фабриканту, заводчику — нужен был, во-первых, «свободный» рабочий, т.-е. такой, который мог бы «свободно» продавать свой труд,

не связанный с помещиком, свободный рабочий, который был бы заинтересован в том, чтобы работать получше и с р а б о т а т ь к а к м о ж н о б о л ь ш е. Поэтому фабрикант еще при крепостном праве стал пользоваться вольнонаемным трудом (в 20-х годах XIX ст. половина рабочих на фабриках была — вольнонаемные, а в 30-х годах большая половина «поссессионных» рабочих, т.-е. крепостных, прикрепленных к фабрикам, стала свободна). Промышленному капиталу, во-вторых, нужен был внутренний рынок, т.-е. российские покупатели произведений русских фабрик. Наша промышленность еще не была так сильна, чтобы она могла конкурировать с английской на внешнем рынке, но она уже в своем росте стала обгонять рост нашего внутреннего рынка. Кто же мог дать этот внутренний рынок? Городское население было еще малочислено (в XVIII веке 4%, в первую половину XIX в. — 6%), крестьянское же население при крепостном праве не могло быть покупателем фабричных произведений: помещик и купец отнимали у крестьянина все «лишнее», превращая его в нищего. Промышленному капиталу нужен был свободный крестьянин-покупатель. И промышленный капитал хотел освобождения крестьян, стремясь одновременно к «покровительственной» («протекционной») политике, т.-е. к введению высоких пошлин на заграничные товары с целью ослабления конкуренции иностранной промышленности и господства на внутреннем рынке «отечественного» промышленного капитала.

Таковы были пестрые настроения господствующих классов; но из среды этих классов не вышло ни одного д в и ж е н и я, с которым могли бы слиться — хотя бы на один исторический миг — крестьянские движения и чаяния. Как и в XVII и XVIII в.в., крестьянские движения первой половины XIX столетия оставались одинокими, обособленными от «общества», от «общественных течений». Ибо единственный элемент «общества», питавший «освободительные идеи» — промышленный капитал — был еще малочислен, сравнительно слаб и политически неактивен: порождение в значительной мере крепостнического государства (самая промышленность-то насаждалась у нас сверху, поддерживалась в интересах крепостнического государства), промышленная буржуазия только

«желала» освобождения крестьян (без земли впрочем), но не только не думала бороться за это, но раньше всего искала соглашения с крепостническим государством (и поддерживающими его реакционными классами). Она была «не прочь» от освобождения крестьян и «политической свободы», но она больше всего боялась народа и трепетала перед всякими «народными волнениями»... Это проходило красной нитью через всю «политику» промышленной буржуазии до последней пролетарской революции. Это накладывало свою печать и на те немногочисленные выступления буржуазной интеллигенции в период до освобождения крестьян; после освобождения интеллигенция, поскольку она оставалась революционной, порвала с крупной буржуазией (см. ниже § 84).

§ 79. **Радищев.** Первым буржуазным революционером-республиканцем был Александр Николаевич Радищев, автор книги «Путешествие из Петербурга в Москву». В этой книге он описывал ужасы крестьянского бесправия и барщины, отнимавшей у крестьянина почти всю неделю и приводившей поэтому к полному разорению крестьянское хозяйство. В стихотворении «К вольности», вставленном в одну из глав этой книги, он зовет к восстанию против самодержавия, против «венчанного мучителя», «злодея, злодеев всех лютейшего» и т. д. За это он попал в тюрьму и ссылку. Но он остался совершенно одиноким и в этой среде — буржуазной интеллигенции, — для которой он писал эту книгу; о связи с крестьянскими массами, с народным движением в его книге нет и помину. Он был поклонником промышленного капитализма и ратовал за протекционную политику. Возвращенный из ссылки в начале царствования Александра I, он вскоре застрелился.

§ 80. **Декабристы.** Розовые мечты, которые связывались у некоторых буржуазных и дворянских либералов начала XIX столетия с новым царствованием Александра I, потерпели полное крушение. Аракчеевщина, шпицрутены, разгул реакции были ответом на ожидания царского «снисхождения».

Дворянско-буржуазное «общество» довольно легко мирилось с этим: царская политика в общем и целом действовала в его интересах. Но лучшая, наиболее смелая часть буржуаз-

ной интеллигенции, среди которых было немало военных (в отечественную войну 1812 г. почти вся интеллигентская молодежь надела военный мундир), не мирилась с военными порядками. Побывавши во время военных походов в Европе и видевши там иные политические порядки, она мечтала об ограничении царской власти, о политической свободе, о развитии промышленности.

Декабристы (получившие это название от попытки переворота 14 декабря 1825 г.) принадлежали к наиболее энергичным и решительным из этих мечтателей. Дворцовые перевороты, сменявшие друг друга на всем протяжении XVIII в., пронунциаменто (военные перевороты) в Испании и Италии внушали им уверенность в возможности политического переворота, учиненного группой решительных людей, которые поведут за собой армию не как граждан, кость от кости народной массы, а как слепое орудие.

Декабристы не пытались вызвать народное движение (и даже боялись его), они даже не распространяли революционных идей среди солдат (за исключением Сергея Муравьева-Апостола, пытавшегося распропагандировать свой полк на юге).

Программа требований, об'единявшая огромное большинство декабристов (петербургских участников заговора, — преимущественно из зажиточных гвардейцев, основавших умеренный «Союз благоденствия»), сводилась к цензовой конституции (т.-е. ограничению царской власти представителями богатых слоев населения) и отмене крепостного права (с отдачей крестьянам только части земли).

На юге, где преобладало небогатое офицерство, составившее общество «соединенных славян», господствовали более радикальные настроения: южные заговорщики (в их числе был упомянутый выше Муравьев-Апостол) были республиканцами, и их вождь, полковник Пестель, мечтал о перевороте, который должен совершенно ликвидировать старый строй и заменить его республикой, на сторону которой можно привлечь народную (крестьянскую и солдатскую) массу *отдачей всей земли народу*. Он лелеял грандиозный план армейского восстания на юге (во время маневров, которые ожидались

к лету 1826 г.), убийства Александра I, похода на Москву и Петербург, образования временного революционного правительства и т. д. План этот провалился вследствие ареста Пестеля (вследствие предательства) в ноябре 1825 г.

Неожиданная смерть Александра I и начавшаяся при дворе сумятица с престолонаследием (у Александра не было детей, и он прочил в императоры младшего брата Николая,

Пестель, Рылеев, Бестужев, Муравьев-Апостол, Каховский.

заставив старшего брата, польского наместника Константина, отречься от своих прав на престол, о чем никто не знал, даже сенат) побудили петербургских декабристов поднять восстание 14 декабря во время присяги Николаю.

В этот день вожди заговора вывели солдат на Сенатскую площадь и выстроили их в каре. Огромная толпа народа, залившая ближайшие улицы, выказывала свое сочувственное отношение к восставшим и враждебное — к николаевским генералам. Восстание близилось к народной революции, но декабристы выказывали неуверенность, нерешительность, отсутствие организованности и, главным образом, полную растерянность, граничившую со страхом, перед поднимавшейся волной народного восстания. Дело кончилось подавле-

нием заговора, казнью 5 вождей (Пестеля, поэта Рылеева, Муравьева-Апостола, Бестужева-Рюмина и Каховского), массовыми арестами, ссылкой на каторгу и в Сибирь больше ста человек, ссылкой на Кавказ многих тысяч солдат, где они погибли от болезней и пуль воинственных горцев.

§ 81. **Тридцатые и сорковые годы.** Восстание декабристов было первым и последним революционным выступлением буржуазии (в лице активных элементов буржуазной интеллигенции). Промышленная буржуазия отныне, не переставая «мечтать» о буржуазной политической свободе, все свои надежды возлагает на «царское снисхождение», на «уступки» со стороны других классов — дворянства и купечества торгового капитала, с которыми она соперничала в деле овладения властью над трудящимися массами.

Но интеллигенция (более близкая в 30-х и 40-х годах к крупной буржуазии, чем к мелкой) менее мирилась с порядками мрачной николаевщины, чем класс крупной буржуазии в ее целом.

Интеллигенция (слои «понимающих», образованных людей) при крепостничестве и торговом капитале не играла никакой роли; она стала увеличиваться количественно и приобретать значение и вес в обществе только с развитием промышленного капитализма, которому нужны люди науки и просто образованные люди, как организаторы крупного производства и сложных отношений, возникающих на почве этого производства (инженеры, юристы, журналисты и т. д.). С другой стороны, интеллигенция больше всего выигрывает от политической свободы, дающей простор всем ее силам, доставляющей ей значительное влияние (печать, кафедра, парламентская трибуна и т. д.).

Вот почему интеллигенция была враждебна крепостническо-торговому государству, принявшему в эпоху николаевщины мрачный характер всестороннего прижима и подавления.

Вслед за поражением декабристов часть интеллигенции, как более близкая к бюрократическому аппарату, впала в полное холопство. Примером может служить Сперанский, считавшийся при Александре I «либералом», писавший даже

проекты конституции — правда, цензовой, дававшей избирательные права только имущим классам — и ставший при Николае участником суда над декабристами (которые включали его в предполагавшееся временное революционное правительство). Другая часть, наиболее честная, впала в мрачное отчаяние: это настроение ярко выражено в «философическом письме» Чаадаева, где он утверждает, что у России нет будущего и что она обречена на полное одичание.

Но младшее поколение интеллигенции, выросшее на трагических воспоминаниях о пяти виселицах и сотнях и тысячах замученных декабристов и солдат участников восстания, ненавидело николаевщину всеми фибрами своей души. В особенности это сказалось в литературе 40-х и 50-х годов, выражавшей, несмотря на все скорпионы цензуры и гонения на слово, в замечательных, не превзойденных в мировой литературе, творениях всю ненависть интеллигенции к крепостническому государству с его политическими порядками и крепостным правом. Ненависть к крепостному праву и стремление к его упразднению («аннибалова клятва») об'единяли огромное большинство тогдашней интеллигенции, и это вполне понятно: ведь крепостное право, крепостной труд были основой ненавистного интеллигенции (по ее социальным интересам) крепостнического общества.

Но в среде интеллигенции еще до освобождения крестьян уже были разные элементы: 1) наиболее близкие и по социальному положению и по психологии к крупной буржуазии; 2) начавшие уже выступать на сцену «разночинцы» — пестрая масса поповских и чиновничьих детей, студентов, мелких чиновников, выходцы из среды мелкой буржуазии — более близкие к народной массе — мелко-буржуазная интеллигенция. До освобождения крестьян, однако, это расслоение интеллигенции не сказывается явственно. Действительно, связи между интеллигенцией — даже в самых демократических слоях — и народной (крестьянской) массой не было. Непрекращавшиеся крестьянские волнения проходили вне всякого воздействия или идейного влияния интеллигенции. И у самых крайних элементов интеллигенции еще нельзя было обнаружить стремления призвать самую народную массу к

действию, к «бунту»; увлечение некоторой части интеллигенции социалистическими учениями (главным образом фурьеризмом (см. § 65) носило характер вполне мирный и безобидный. Это сказалось в деле петрашевцев.

§ 82. **Петрашевцы.** В 1849 г. на квартире литератора Буташевича-Петрашевского образовалось что-то вроде клуба, где собиралась молодежь, увлекавшаяся идеями Фурье (см. выше § 42). На-ряду с разговорами об освобождении крестьян и судебной реформе на «пятницах» произносились тосты (Ханыковым и др.) за благо человечества и устройство его на началах фурьеристской ассоциации. Ни признаков какой бы то ни было организации, ни стремления или призывов к «бунту» не было. Одних мирных разговоров было, однако, достаточно, чтобы посетители пятниц во главе с самим Петрашевским были арестованы, преданы суду и приговорены к смертной казни, замененной им (в виде царской милости) каторгой и поселением. Среди петрашевцев уже преобладал новый слой интеллигенции: учителя, мелкие чиновники, мелкие художники, неокончившие курс студенты и т. д

§ 83. **Освобождение крестьян 1861 г. и крестьянские движения после освобождения.** Вынужденное распадом крестьянского хозяйства и крестьянскими волнениями, освобождение крестьян на самом деле было жалкой уступкой крепостнического государства, которая не разрешала крестьянского вопроса ни в хозяйственном, ни в политическом отношениях.

Крестьяне не только не получили в с е й земли, но и с в о ю землю (т.-е. ту, которая при крепостном праве была под крестьянским хозяйством) они получили в обрез. В большинстве случаев от крестьянских обществ «отрезалась» такая земля, без которой крестьянское хозяйство немыслимо (луга, угодья, водопой и т. д.); это оставляло их хозяйство в фактической зависимости от помещика. За свою же землю крестьяне должны еще были заплатить помещикам (выкуп) 867 милл. рублей, что, по тогдашним ценам на землю, превышало на 35% сумму, которую должен бы заплатить «вольный покупатель» (в Московской губернии крестьяне платили вдвое: 51 руб. 33 коп. вместо 26 руб.). Эту огромную по тогдашним временам сумму заплатило помещикам правительство кото-

рому крестьяне должны были ее выплачивать в течение многих лет (до 1905 г., когда под влиянием революционного движения и крестьянских волнений так называемые выкупные платежи были отменены). Освобождение крестьян оказалось, таким образом, их ограблением.

Так же дело обстояло и с крестьянской «свободой». Крестьянин фактически оставался прикрепленным к своему жалкому клочку земли, так как уйти из деревни он не мог без согласия «мира», который — связанный круговой порукой в деле уплаты податей — неохотно выпускал лишнего плательщика. К тому же ряд законов и постановлений гарантировал «опеку» дворянства над бывшими своими рабами.

«Великие реформы» не принесли и того, чего «хотелось» промышленной буржуазии (и, главным образом, буржуазной интеллигенции) — «конституции» и политической свободы, но буржуазия совершенно удовлетворилась реформой, открывавшей ей доступ к «свободным рабочим рукам», подготовлявшей, при всех путах, оставленных на крестьянстве, возможность создания нужной капитализму «резервной армии труда».

Крестьянство увидело себя обманутым в своих ожиданиях (а оно еще продолжало из поколения в поколение смутно ожидать от царя земли и воли) и встретило реформу рядом новых бунтов, подавленных с обычной жестокостью (в особенности в селе Бездне, Пензенской губ., где войсками ген. Апраксина был учинен расстрел крестьянской толпы с массой убитых и раненых).

Крестьянство смирилось, но причины крестьянского обеднения и экономического закрепощения остались и даже усилились. Если небольшая часть крестьянства (кулачество) экономически выиграла от реформы, округлив свое хозяйство за счет помещичьей земли, которую многие помещики продавали с молотка, то огромное большинство крестьян, численно увеличившись, стало страдать от малоземелья. В этом отношении положение крестьянства во вторую половину XIX в. значительно ухудшилось по сравнению с XVIII стол., когда малоземелье меньше чувствовалось (см. выше § 52). И крестьянство по-прежнему попадало в кабалу к помещику и к новому барину — «своему же брату»-кулаку. На-ряду с этим про-

грессировало ухудшение крестьянского хозяйства и упадок плодородия почвы: обнищавший хлебороб, придавленный гнетом помещика, кулака, земского начальника — этого агента крепостнического государства, зорко оберегавшего все крестьянские путы, — обремененный непосильными налогами, выкупными платежами и задолженностью ростовщикам и банкам, — такой хлебороб не мог на своем жалком участке улучшить производство, совершенствовать формы хозяйства. Неурожаи и голодовки делаются хроническим явлением. Еще многим памятен голод 1891 г., поразивший огромную массу крестьянства. И злоба и ненависть против помещиков и кулаков-мироедов закипают в крестьянских душах и в начале XX столетия проявляются в ряде крестьянских волнений.

В рабочем классе, поднявшем с 90-х годов знамя последовательной и беспощадной борьбы с буржуазией и всеми эксплоататорскими классами, крестьянство нашло вождя и бойца за освобождение труда. В течение многих столетий крестьянство и в Европе и в России действовало или одиноко (и терпело поражение), или же в союзе с группами из господствующих классов (против других господствующих групп)—и в этом случае или совсем проигрывало, предоставляя все плоды победы более привилегированным группам, или выигрывало крохи. И историческая обстановка сложилась (в особенности в России) так, что рядовому крестьянству было не с кем заключать союз борьбы, как только с пролетариатом. По другую сторону, как мы уже видели, стоят группы или реакционные, тянущие назад — к крепостническому строю, — или же неспособные к борьбе, ко всякой борьбе, а тем менее к такой, которая бы разрешила насущный вопрос крестьянства — земельный.

Это особенно ясно стало крестьянству в 1905 г., когда немного зашевелились в великой стихии рабочей борьбы и либеральные буржуазные элементы. Но что услышало крестьянство из уст этих либералов-капиталистов? Торговый капитал (в лице октябристов) и слышать не хотел о каких-то реформах, промышленный же капитал — устами кадетов—предлагал повторить опыт ограбления крестьян — дать им землю

по «справедливой оценке», т.-е. новый выкуп земли, новое бремя на многие годы.

Крестьянство стихийно пошло за пролетариатом, приняв деятельное участие в революции 1905 года. В 1906 г. крестьянские движения охватывают почти всю Россию, выразившись в разгроме помещичьих усадеб, порубках леса и т. д. Подавленное с обычной свирепостью крестьянство продолжало глухо волноваться, и в 1917 г., одетое в солдатские мундиры и вооруженное винтовками и штыками, оно — под предводительством пролетариата — смело крепостнический строй. Но мартовская революция 1917 г. поставила у власти промышленную и торговую буржуазию, которая не могла решить крестьянского вопроса.

Понадобилась новая революция — славная октябрьская революция, — понадобился захват власти пролетариатом, чтобы крестьянский вопрос, нерешенный веками, разрешился в один день: от пролетарской революции крестьянство (не кулацкое, конечно) получило и свободу, и — вместе с пролетариатом — политическую власть, и всю землю.

§ 84. **Народнические движения после освобождения крестьян.** Идеи революционного народничества (т.-е. такого социально-политического понимания, которое ожидало политического раскрепощения и «социальной революции» от «народа» — крестьянства) владели умами революционной интеллигенции (главным образом молодежи) около 30 лет.

Зародившись, как революционная идея, в начале 60-х годов, после освобождения крестьян (до освобождения, как мы видели, оно носило характер неопределенного народолюбия), народничество в чистом своем виде (т.-е. рассчитанное только на крестьянство) отжило свой век в 80-х годах.

В 90-х годах оно в настроениях наиболее революционной части интеллигенции окончательно сменилось марксизмом, — учением, вдохновлявшим борьбу рабочего класса; та часть интеллигенции, которая продолжала оставаться на почве народничества и в период массового рабочего движения и борьбы рабочего класса с самодержавием, вынуждена была перемешать идеи чистого народничества с лозунгами рабочего клас-

са, перемешать в винигрет, который стал основой программы социалистов-революционеров.

В период пролетарской диктатуры, нами переживаемой, народники этого типа превратились в контр-революционную интеллигентскую группу, вдохновляемую реакционной частью крестьянства — кулацкими элементами — и вдохновляющую эти последние на борьбу с Советской властью, на борьбу с пролетарской диктатурой.

Именно в тот период (60 — 80 г.г.), когда идеи народничества безраздельно господствовали над умами, они почти не проникали в народную толщу: народнические движения в России не были народными движениями. Все крестьянские движения, о которых мы говорили, проходили помимо всякого влияния революционной интеллигенции; в период же 60-х — 80-х годов широких крестьянских волнений почти не было (если не считать отдельных вспышек, которыми крестьянство встретило реформу в разных местах, и которые произошли без всякого идейного руководства народнической интеллигенции).

Народническое движение может быть по полной справедливости названо интеллигентским движением. Но в нем участвовала не вся интеллигенция, а только революционная ее часть, по социальному своему составу мало похожая на ту интеллигенцию, которая выступала в 1825 г. (декабристы). Если в 40-х и 50-х годах мы еще видим об'единенные одной ненавистью к николаевщине разные социальные элементы интеллигенции, то сейчас же после освобождения крестьян эти элементы распались, и в лагере революции мы уже видим преимущественно выходцев из рядов мелкой буржуазии (или так называемых «разночинцев»).

Наиболее близкая к буржуазии часть интеллигенции быстро примирилась с реформой, влившись в ряды «правительственных либералов» и ожидая дальнейших улучшений (т.-е. буржуазной политической свободы) от «благих начинаний» правительства. Те немногочисленные в среде интеллигенции буржуазные демократы, которые, с одной стороны, не шли дальше Учредительного Собрания, а с другой — ожидали «великих реформ» не только от царя, но и от «народа», сосредо-

точились около «Великорусса», небольшой тайной организации, грозившей народным восстанием, но подававшей в то же время царю адрес о созыве народных представителей.

Вспыхнувшая в 1863 г. польская революция, раздавленная монгольско-византийским сапожищем российского самодержавия, только пробудила шовинистические чувства в сердцах этих демократов. Истерические, полные бешеной ненависти к восставшим за свою свободу полякам крики первого черносотенного публициста Каткова заглушили призывы на помощь восставшим популярного прежде вождя общесвенного освободительного мнения — Герцена [1]). В это время редактор-издатель «Московских Ведомостей» (Катков) умел еще переплетать либерализм с патриотизмом. Таким образом, социальная верхушка интеллигенции — зажиточные слои ее — уже в начале «эпохи великих реформ» покинули «оппозицию», легко забыв и о «конституции», и о «свободах».

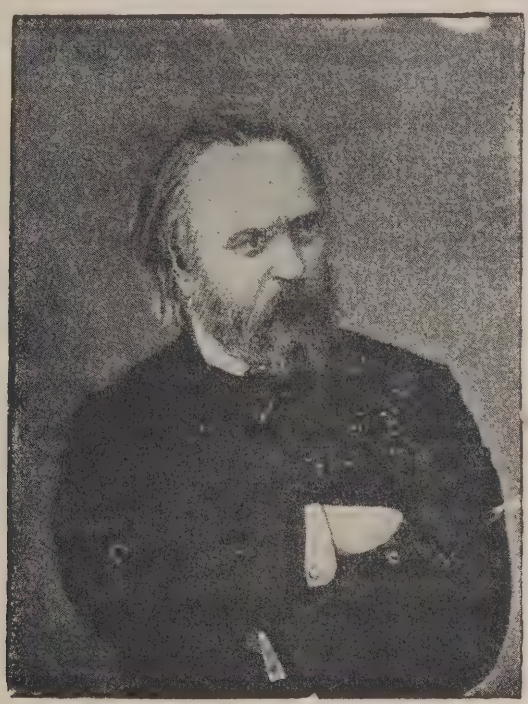
Только та часть интеллигенции, которая была по своему социальному положению ближе к «народу», т.-е. к мелкой буржуазии, к крестьянству, только эта часть сохранила (и еще больше заострила) свою вражду к самодержавию и фактиче-

---

[1]) Александр Иванович Герцен—крупнейшая фигура освободительнаго движения в России и великий писатель. Родился в Москве в 1812 г. в аристократической семье, умер в 1870 г. Под влиянием идей, занесенных—несмотря на все препоны и преграды жестокой николаевщины—с запада, и изучения произведений Сен-Симона (см. выше § 66) он проникся в 40-х годах XIX ст. духом революции и утопическаго социализма и образовал вокруг себя кружок молодых людей, поставивший своей задачей изучение французского социализма. Сосланный в Пермь, а затем в Вятку, он вернулся в Москву спустя несколько лет. В 1847 г. он уехал за-границу, где сблизился со многими революционерами из интернациональной эмиграции; это ему преградило обратный доступ в Россию до конца его дней. После революции 1848 г. он разочаровался в буржуазной революции и в ряде блестящих памфлетов заклеймил тупость и жестокость буржуазии и ограниченность мещанства. До пролетарского социализма он, однако, никогда не мог подняться; он его не понимал... Высказывая верную мысль, что основной принцип будущего общественного строя—в устранении эксплоатации, он видел панацею всех зол в великорусской общине, которая спасет не только Россию, но и «дряхлую Европу». В 1857 г. он вместе с Огаревым начал издание первого свободного русского органа за-границей—«Колокол», вдохновенно пропагандировавший идею освобождения крестьян и имевший огромное влияние на русское общество. Его выступление в пользу восставших в 1863 г. поляков охладило к нему симпатии «либерального» общества. Революционные волнения 60-х годов, увлекшие массу «разночинной» молодежи, не захватили его и оставили одиноким; не он, а Чернышевский, Лавров и Бакунин были идолами этой молодежи.

ски подняла войну против форм крепостнического государства.

Порвавши с господствующими классами общества, оставшиеся на революционном посту интеллигентские группы, не представляя самостоятельной силы, должны были связать свои чаяния с судьбой и стремлениями трудящихся масс. Про-



А. И. Герцен.

летариат к тому времени был еще в зародышевом состоянии, он во всяком случае еще не организовался в самостоятельную классовую силу, и революционная интеллигенция связывает свои освободительные стремления с социальными ожиданиями трудового «народа» — крестьянства.

Она усвоивает себе идеал социализма, но социализма мелко-буржуазного. Не к захвату власти пролетариатом и организации коммунистического производства (т.-е. крупного, научно-организованного производства с обобществлением орудий и средств производства) зовет она, а к перераспределению земельной собственности, видя в сельской общине — жалком

остатке старинных земельных отношений, восходящих к первобытным временам — ядро социализма. В общине не было крепкой собственности на землю: при примитивной обработке земли полосы могли время от времени переделяться, хозяин какой-нибудь полосы мог стать через сколько-то лет хозяином другой полосы, а его полоса переходила к другому; но там не было ни общего хозяйства, ни общего производства.

Н. К. Михайловский, идейный вождь народнической интеллигенции в 80-х годах, определял социальное мировоззрение народников, как консервативное: народники требуют не новшеств, а возврата к старому, к тому, чтобы земля и орудия принадлежали тому, кому они раньше принадлежали, т.-е. «народу», трудящимся. Он был решительным противником крупного производства и сторонником мелкого крестьянского хозяйства.

И вот эту-то общину народники считали формой «естественного» социализма, которую только извращают высшие классы своей собственностью на значительную часть земли, своими законами и т. д.; «народ» же (крестьянство), по их мнению, является носителем идеи социализма, тем пороховым погребом, куда стоит только бросить искру пропаганды, чтобы он вспыхнул огнем социальной революции. Эту искру пропаганды должен бросить коллективный Стенька Разин — революционная интеллигенция. А потому: «в народ!» (лозунг, брошенный Герценом еще в начале 60-х годов и развитый в «программу» действия Бакуниным). Стоит только заговорить о социализме в деревне — и бунты, ряд бунтов, которые выльются во всенародную социальную революцию, неизбежны.

§ 85. **Революционные кружки 60-х годов.** Народнические воззрения более или менее полно сложились к началу 70-х годов, завоевав симпатии почти всей революционной интеллигенции и молодежи и двинув активные силы ее в деревню. В 60-х годах встречаются только разрушенные кружки и отдельные попытки (слабые и наивные) вызвать всенародное восстание.

В 1861 г. вспыхивают студенческие волнения на академической почве, закончившиеся арестами и исключением

участников волнений. Герцен призывает молодежь слиться с народом и бросает знаменитое «в народ!».

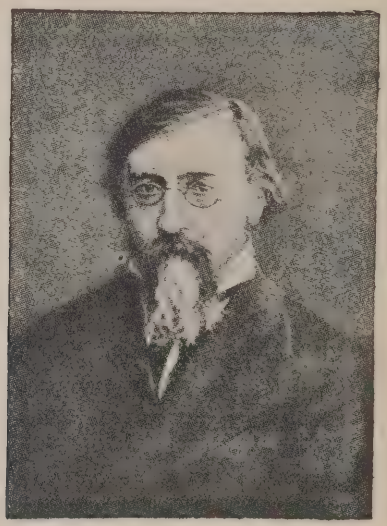
В 1862 г. из студенческого кружка Зайчневского появляется прокламационный листок «Молодая Россия», заявляющий о том, что Россия вступает на путь «немедленной» революции, революции кровавой и неумолимой, революции, которая должна изменить радикально все, все без исключения основы общества, и требующий на-ряду с демократическими свободами уничтожения частной торговли и социализации земли. России первой выпало на долю осуществить великое дело социализма. Поэтому народ, молодежь, войско и офицеры призываются ринуться на защитников старого порядка, как только раздастся крик: «в топоры!» Прокламация вызвала бешеную ярость реакционеров, а молодые люди поплатились каторгой, тюрьмой и ссылками...

После крестьянских волнений 1861 г. знаменитый публицист и экономист Чернышевский [1]) составил «прокламацию» к крестьянам, в которой он призывает их организоваться для восстания в будущем, в благоприятную минуту. Чернышевский направлял деятельность многих политических кружков, которых в одном Петербурге было четыре (университетский, лицейский, «Великорусс» и литературный). Есть основание думать, что он был основателем и руководителем «Земли и Воли» (политического кружка 1862 — 1863 г.г., ближайшей своей задачей ставившего ниспровержение самодержавия и политической свободы). Чернышевский поплатился арестом (июнь 1862 г.), двухлетним заключением в Петропавловскую крепость и ссылкой на каторжные работы сроком на 7 лет (приговорен к 14 годам, но по конфирмации срок сокращен до 7 лет). По окончании срока каторги он был сослан в Вилюйск, Якутской области, где он находился в специально по-

[1]) Чернышевский был, после Герцена, самым популярным идейным вождем революционной интеллигенции 60-х—80-х годов. Он обосновал философскими и научными доводами символ веры иародников: человечество начало коммунизмом и кончит им же; Россия, вступившая на путь экономического развития позже других стран, не будет знать промежуточного периода (т.-е. капитализма) между первобытной общиной и социалистической коммуной— она может перепрыгнуть через капиталистический период и попасть сразу в социалистический.

строенном для него доме-тюрьме под надзором нескольких казаков. В 1883 г. он получил разрешение вернуться в Россию — в гор. Астрахань. Лишь в 1889 г. ему было разрешено вернуться на свою родину — в Саратов, где он вскоре скончался (октябрь 1889 г.).

Несколько особняком стоит дело поэта Мих. Иларион. Михайлова, распространившего в 1861 г. прокламацию «К молодому поколению» (составленную Шелгуновым). Сосланный на каторжные работы в Нерчинские рудники, он через четыре года там скончался.



Н. Г. Чернышевский.

В 1863 г. в Москве образовался из бывших членов «Земли и Воли» и другой революционный кружок учащейся молодежи, носивший название «Организация». Одним из руководителей кружка был Ишутин, двоюродный брат Каракозова. Кружок ставил себе целью распространение идей социализма среди студентов и в народе. Но внутри «Организации» наметилось крайнее течение, составившее новое общество под названием «Ад», жаждавшее немедленного действия, которое понималось как террористические акты — вплоть до цареубийства. Член этого кружка Дмитр. Влад. Каракозов неудачно стрелял 4-го

апреля 1866 г. в Александра II в Петербурге. Каракозов после пытки был осужден к смертной казни, приведенной в исполнение 3-го сентября, а остальные члены «Организации» («каракозовцы») сосланы на каторгу и на поселение.

Правительство ответило на эти проявления революционного недовольства свирепым белым террором. Свирепый Му-

М. И. Михайлов перед отправлением на каторгу.

равьев-вешатель (палач польской революции 1863 г.) был назначен петербургским диктатором. Немногие журналы либерального направления — закрыты. Сотни людей ссылались только по подозрению в сочувствии идеям свободы — в том числе и профессор военной академии П. Л. Лавров, сделавшийся впоследствии (после бегства за границу) одним из вождей народнической интеллигенции 70-х годов.

В понимании Лаврова (лавризм) историю «делают» критически-мыслящие личности. Из нравственных побуждений, из чувства ответственности перед народом эти личности должны понести в народ социалистический идеал, порожденный в

их головах. Социальная революция представлялась ему как результат длительной пропаганды. Под влиянием идей Лаврова, талантливым учеником и провозвестником идей которого сделался Н. К. Михайловский, «властитель дум» народнической интеллигенции 70-х и 80-х годов, возникли в начале 70-х годов в Петербурге и провинции кружки пропаганды Долгушина, Чайковского и друг.

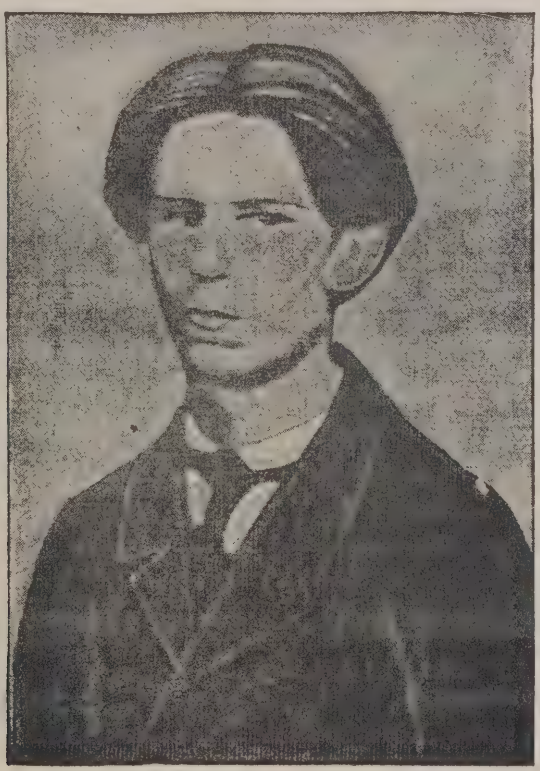
Д. В. Каракозов.

Однако настоящим вдохновителем действий молодежи сделался не Лавров, а Бакунин (см. выше, § 46), начавший заниматься русскими делами в конце 60-х годов (в 1869 г.). Корень социальной революции он усматривал не в сознании критически-мыслящих личностей, а в инстинктах народной массы, в ее безотчетном социализме. Дело революционной интеллигенции («коллективного Стеньки Разина») — разбудить эти инстинкты, т.-е. «бунтовать народ», внести организацию в разрозненные бунты (бунтарство).

Наступившая во вторую половину 60-х годов правительственная реакция способствовала влиянию бакунизма. С 1866

года почти не прекращаются студенческие волнения. Масса молодежи уезжала за границу, где вступала в общение с вождями. В столкновениях лавристов с бакунистами победа склонилась на сторону последних.

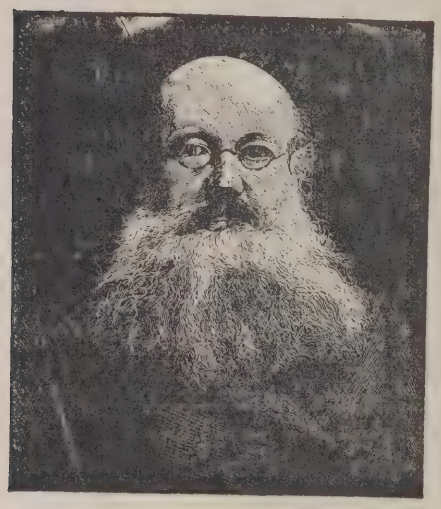
60-е годы заканчиваются стоявшей несколько особняком «нечаевщиной». Фанатический агитатор, учитель Серг. Генн.



С. Г. Нечаев.

Нечаев, человек неукротимой воли и непреклонной революционной энергии, вернувшись из-за границы, где общался с Бакуниным и другими, сорганизовал вокруг себя «Общество народной расправы» или «Общество топора» для подготовления неизбежного народного восстания. Общество было построено на принципе слепого подчинения центральному кружку (т.-е. фактически Нечаеву). В «Катехизисе революционера», написанном Нечаевым, требовалось от революционера полное отречение от государства, буржуазного общества, морали и всех связей старого мира. Для цели революции все позволитель-

но — обман, ложь, сплетня, убийство и т. д. Убийство студента Иванова, не желавшего подчиняться всем распоряжениям Нечаева, привело к раскрытию общества, арестам и ссылке (в 1871 г.) на каторгу многих участников общества. Сам Нечаев успел скрыться за границу, но был выдан швейцарским правительством русскому, как уголовный преступник. Заключенный в Петропавловскую крепость, он не утратил революционного пыла и сносился через команду с деятелями поздней революционной эпохи. В 1883 г. он умер в тюрьме.



П. А. Крапоткин [1]).

С. И. Бардина [2]).

[1]) Петр Александрович Крапоткин—известный ученый и виднейший деятель революционного движения в России и в Европе, где выступал, как теоретик анархизма. В пажском корпусе, где он учился, он уже составлял рукописную газету—революционную газету и распространял ее среди товарищей. Окончив корпус, он 5 лет пробыл в Сибири, где занимался общественной деятельностью (по проведению крестьянской реформы) и научными географическими исследованиями в Манчжурии. Вернувшись в Россию, он скоро поехал за границу и в Цюрихе вступил в одну из секций интернационала и усердно изучал европейский социализм. Возвратившись в Россию, он вступил в пропагандистский кружок Чайковского. В период хождения в народ, пошел на фабрику под именем Бородина, читал рабочим лекции по истории Интернационала и западноевропейско-рабочего движения. Арестованный в 1874 г., он просидел около двух лет в тюрьме, где закончил одну из крупных своих научных работ. Переведенный в 1876 г. в тюремный госпиталь, он совершил оттуда при помощи друзей замечательнейший побег и скрылся за границу. Там он принимал самое деятельное участие в анархистском движении и в анархистском Интернационале в качестве агитатора, сотрудника анархист-

§ 86. **Революционное народничество 70-х годов: хождение в народ, «Земля и Воля», «Народная Воля».** 70-е годы открылись неизгладимым впечатлением, которое произвела на русскую революционную интеллигенцию Парижская Коммуна (см. выше, § 47). Поражение Коммуны на буржуазном Западе еще более укрепило народническую интеллигенцию в сознании, что социальную революцию может сделать только русский народ (крестьянство), не зараженный тленом капитализма. Надо только пойти в народ и разбудить — по рецепту Бакунина — его социалистические инстинкты.

И масса молодежи, накопившейся в высших учебных заведениях, покидает пропагандистские кружки, в которых им уже не сиделось, и «идет в народ» (эпоха хождения в народ). Вернувшиеся из-за границы, по требованию правительства, молодые люди — в большинстве приверженцы Бакунина — только усилили кадры пропагандистов и бунтарей. «Хожденцы» рассчитывали, что, вкрапившись в деревенскую и отчасти городскую рабочую массу (которую они не различали, впрочем, от крестьянской, считая даже рабочих социалистами второго ранга, так как городские рабочие уже заражены буржуазным

ских газет, автора многих трудов, в которых обосновывал теорию анархизма, участника многих конгрессов и т. д. Арестованный во Франции в 1882 г., он просидел в тюрьме до 1886 г. После освобождения он переехал в Лондон, где с неослабным рвением предавался анархистской агитации. После революции вернулся в Россию. Умер в 1920 в г. Дмитрове.

[2]) Софья Илларионовна Бардина—одна из первых русских революционерок-пропагандисток. Родилась в Моршанске в 1853 г. Окончив институт, она поехала в Москву, где сблизилась с революционной молодежью и познакомилась с социально-революционными идеями. Для пополнения своих знаний поехала в Цюрих, где в то время сосредоточилось много русской революционной молодежи. Там она стала во главе женского кружка самообразования. Вследствие заявления русского правительства, лишавшего всякого права деятельности лиц, окончивших цюрихский университет, она, наспех прошедши курс акушерства, вернулась в Россию. В Москве она составила тайное общество и несколько пропагандистских кружков—в рабочих районах. Поступив работницей на фабрику, она занималась там пропагандой, распространяла нелегальную литературу и т. д. Арестованная в 1875 г. она после двухлетнего тюремного заключения предстала перед судом (по процессу 50). На суде она произнесла речь, произведшую огромное впечатление на тогдашнюю молодежь. Приговоренная к 10-летним каторжным работам, она—после смягчения приговора—была сослана на поселение в Ишим. Оттуда ей удалось бежать за границу. Однако, пережитые испытания и упадок народовольчества, начавшийся в начале 80-х годов, надломили ее энергию. В апреле 1883 г. она застрелилась.

духом), они вызовут немедленно тени Разина и Пугачева — народные бунты.

Впрочем, пропаганда велась и среди городских рабочих (и там она имела успех). На фабрики и заводы идут такие видные деятели революционного движения, как Кропоткин, Бардина, Любатович и др. Но все же не рабочие были прямой непосредственной целью пропаганды, а крестьянская деревня. Туда устремлялись все помыслы и все силы.

Им, однако, не удалось вызвать ни одного бунта, ни одной крестьянской организации или движения. Они не имели для крестьянства реальной программы: «политику», политическую свободу, захват политической власти, они отвергали, в полном согласии со своим учителем Бакуниным, как буржуазную затею, к непосредственному нападению на помещиков они не призывали, а их туманный социализм остался непонятным для «народа».

Единственным результатом движения были грандиозные аресты и судебные процессы (дело 193, дело 50 и т. д.), вызвавшие к мужественной молодежи симпатии «общества», как раз того общества, которое народническая молодежь презирала, как буржуазию. Промышленная буржуазия осталась недовольна «правительственным курсом», не давшим ей политической власти, но сама она неспособна была на борьбу и только злорадно потирала руки при виде «неприятностей», которые революционная молодежь причиняет правительству.

Таким образом, опыт неорганизованного и необ'единенного общим планом «хождения в народ» оказался неудачным. Не более удачным оказался опыт организованного воздействия на крестьянскую массу революционеров-народников, оставшихся на прежних идейных позициях и об'единившихся в социально-революционную партию «Земли и Воли» (1876 — 1879 г.г.).

В центре этой партии стояла уцелевшая от разгрома группа «деревенщиков» (или, как их шутливо называли, «троглодитов»), старых народников-бунтарей. «Земля и Воля» по-прежнему отрицательно относилась к «политике» (считая даже, что конституционные свободы выдвинут на первое место

привилегированные сословия, первым делом которых будет крестовый поход против социалистов); она по-прежнему считала крестьянство главной силой социальной революции, а общину — очагом социализма. Поэтому центральным пунктом своей деятельности она считала пропаганду в крестьянской массе. На рабочих она продолжала смотреть, как на второстепенную силу, как на разновидность крестьянства, легко поддающуюся революционному воздействию. Политическую роль пролетариата она совершенно игнорировала и, приветствуя образование «Северно-русского рабочего союза» [1]), она отрицательно отнеслась к тому пункту его программы, в котором признана необходимость завоевания рабочим классом политической власти.

Но деятельность землевольцев среди крестьянства — их поселения, пропаганда и агитация — также не давала никаких непосредственных результатов, как прежняя деятельность бунтарей. Вынужденные бежать из деревень и поселений, они скоро делают город своей главной ареной деятельности. Впрочем, если деревня воспринимала бы их пропаганду, одних репрессий недостаточно было бы, чтобы оторвать их от той почвы, которую они считали главной базой социальной революции — от деревни...

Постепенно их деятельность фактически принимает характер политической борьбы, но не массовой организованной борьбы, а борьбы героической кучки против агентов власти. Несмотря на официальные старые лозунги, на усилия «староверов» удержать партию на старой позиции, террор — политические убийства и попытки цареубийства — делается преобладающей формой революционной борьбы.

Выстрел Веры Засулич [1]) в Трепова, убийство шефа жан-

---

[1]) Подробнее мы остановимся на Союзе ниже, когда будем говорить о рабочем движении в России.

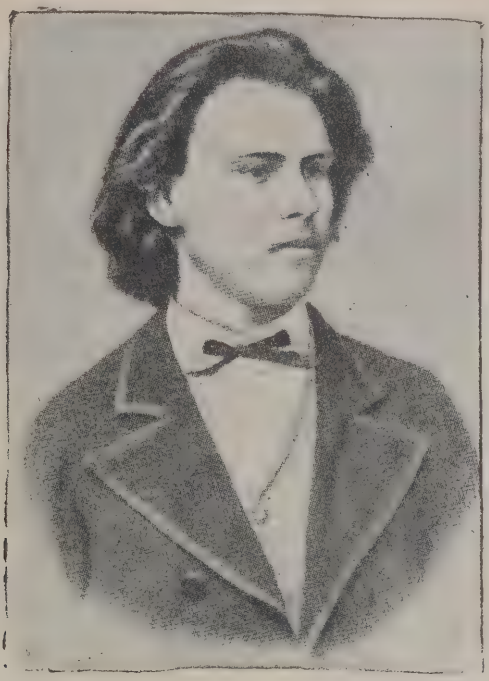
[1]) Вера Ивановна Засулич—деятельница революционного народнического движения 70-х годов, впоследствии (в 1883 г.) основавшая—вместе с Плехановым и др.—группу «Освобождение труда» и тесно связавшая свою жизнь и деятельность с развитием рабочего движения в России и Р. С.-Д. Р. П. Род. в 1851 г., ум.—в 1921 г. В 1868 г. близка была к кружку Нечаева. Арестованная в 1869 г., просидела в Литовском замке (женская тюрьма в Петербурге) до 1871 г. До 1875 г. ее в административном порядке перебрасывали с места на место (Крестцы, Тверь,

дармов Мезенцева (Кравчинским-Степняком), жандармского офицера Гейкинга и харьковского губернатора Кропоткина, покушение на прокурора Котляревского и шефа жандармов Дрентельна и т. д., ряд актов, знаменовавших фактический переход старых бунтарей к политическому террору, переход неизбежный при невозможности поднять массовое народное

Вера Засулич.

восстание. «Земля и Воля» разлагалась. В ее среде образовалась группа крайних революционеров (с Осинским во главе на юге и Н. Морозовым — на севере), принявшая название «Ис-

Солигалич и т. д.). В середине 1870-х годов сблизилась с южно-русскими бунтарями и прониклась их боевым настроением. Летом 1877 г. она, в Пензенской губ., прочла о наказании Боголюбова-Емельянова (находившегося в тюремном заключении за участие в политической демонстрации на Казанской площади в Петербурге 6 дек. 1876 г.) 25 ударами розог по распоряжению петербургского градоначальника. 24 января 1878 г. она явилась к Трепову на прием и тяжело ранила его выстрелом из револьвера. 31 марта она судом присяжных была оправдана и немедленно освобождена. На улице жандармы ее хотели арестовать, но это вызвало вмешательство публики и свалку, во время которой она успела скрыться и бежать за границу. Там—преимущественно в Швейцарии—она принимала участие в организации Красного Креста «Народной Воли», в основании группы «Освобождения труда», в марксистской и социал-демократической, литературно-пропагандистской работе 80-х и 90-х годов, в основании «Искры» и т. д. В 1905 г. вернулась в Россию.



А. И. Желябов [1]).

[1]) Андрей Иванович Желябов—один из самых крупных революционных деятелей 70-х годов и вождей «Народной Воли». Род. в 1851 г. в семье крепостного крестьянина. Обратив на себя внимание помещика своей даровитостью, он был обучен грамоте и впоследствии определен в Симферопольскую гимназию. По окончании гимназии он поступил в университет, из которого был исключен в 1872 г. за участие в студенческих беспорядках и выслан на родину. Принятый обратно в университет, он вел революционную пропаганду среди студенческой молодежи, обнаруживая блестящий ораторский талант. Вскоре он ушел «в народ», в деревни, где занимался тяжелым крестьянским трудом, ведя пропаганду среди крестьян. Арестованный в 1874 г., он судился по процессу 193 в 1887 г. Оправданный за отсутствием улик, он все же был выслан в административном порядке, но вскоре бежал из ссылки в Одессу, где занялся успешной пропагандой среди рабочих. Примыкая к «Земле и Воле», он одним из первых отказался от народнического предубеждения против «политики» и стал самым горячим проповедником идеи необходимости завоевания политической свободы. С этого времени он делается участником, вдохновителем и организатором наиболее крупных террористических покушений. На Липецком и Воронежском с'ездах он играл крупнейшую роль, и при разделе «Земли и Воли» на «Черный передел» и «Народную Волю» он сделался признанным вождем последней. Принимал участие в подготовлении цареубийства. Одновременно он вел работу среди интеллигенции и рабочих в организованной им в 1880 г. «Рабочей Газете». Арестованный за два дня до 1 марта 1881 г.—дня убийства Александра II—он сделался на суде центральной фигурой процесса. В своей блестящей речи на суде он изложил программу «Народной Воли» и подверг политику царского правительства сокрушительному осуждению. Приговоренный вместе с другими первомартовцами (Перовской, Кибальчичем, Рысаковым и др.) к смертной казни, он 3 апреля 1881 г. был повешен.

полнительного Комитета», ставшая на путь систематического террора, как орудия завоевания политической свободы. Зарождается идея центрального террора (цареубийства), отвергавшаяся официальными центрами «Земли и Воли». Выстрел Соловьева, 3-го апреля 1879 г., в царя сделал раскол неминуемым.

В 1879 г. «Земля и Воля», после липецкого совещания

С. Л. Перовская [1].

[1]) Софья Львовна Перовская—крупнейшая фигура социально-революционного движения 70-х годов. Род. в 1854 г. в родовитой дворянской семье, насчитывавшей целый ряд крупных сановников (дед—министр народного просвещения, отец—псковский, а потом петербургский губернатор и т. д.). Проникшись освободительными идеями своей эпохи, она уже в 1870 г.—16 лет от роду—начала заниматься пропагандой среди студенческой молодежи и рабочих, а потом и среди крестьян. Арестованная в 1873 г., она, после кратковременного заключения в Петропавловской крепости, была освобождена, но отдана под надзор полиции. Она уехала в Крым. Окончив в Симферополе фельдшерскую школу, она попала в 1877 г. на процесс 193, на котором она себя держала непримиримой протестанткой. Однако, за отсутствием улик была освобождена. Опасаясь административного ареста и высылки, она скрылась и перешла на нелегальное положение. Занималась организацией побегов. В борьбе течений внутри «Земли и Воли» она долго была на стороне противников «политики». Однако, под влиянием Желябова она все более проникалась настроениями «Народной Воли» и принимала участие во взрыве императорского поезда 19 ноября 1879 г. на железной дороге близ Москвы. Вступив в конце 1879 г. в «Народную Волю», она заняла выдающееся положение в ее рядах. В деле 1 марта она сыграла выдающуюся роль, руководя бомбометателями. Арестованная 10 марта 1881 г., она вместе с другими четырьмя первомартовцами была казнена 4 апреля 1881 г.

сторонников «нового направления» и Воронежского с'езда представителей обоих направлений, распалась на «Народную Волю» и «Черный Передел».

Група «Черного Передела» об'единяла сторонников старого направления (Плеханов, Дейч, Засулич, Гартман, Аксельрод, Стефанович и друг.). Она не имела успеха ни в деревне, ни в городе. Ее призывы к деятельности «в народе» утратили прежнее магическое действие. Провал ее типографии (по предательству Жирнова) и от'езд за границу (в начале 1880 г.)

А. Д. Михайлов [1]).

Н. И. Кибальчич [2]).

[1]) Александр Дмитриевич Михайлов—видный революционный деятель периода 1876—1880 г.г. Член «Земли и Воли», а затем «Народной Воли», он отличался своей замечательной осторожностью и умением обманывать бдительность полиции, жандармов и шпионов. Участвовал в организации революционных поселений и террористических покушений. Арестованный в 1880 г., он в 1882 г. был приговорен к смертной казни, замененной вечной каторгой. Заключенный в Алексеевский равелин, а потом в Шлиссельбургскую крепость, он скончался там в 1887 году.

[2]) Николай Иванович Кибальчич — видный деятель революционного движения 70-х годов, активный работник „Народной Воли" которой он отдал свои глубокие познания в химии (заведывал динамитной лабораторией Исполнительного Комитета). За участие в мартовском деле повешен 3 апреля 1881 г.

Плеханова, Дейча, Засулич и Стефановича положили конец существованию группы.

Зато «Народная Воля» сделалась надолго почти единственной революционной организацией, действовавшей в России. Ее вождями были Желябов, Перовская, Михайлов и друг., а литературными лидерами—Н. Морозов [1]) и Лев Тихомиров. Придерживаясь старого народнического взгляда на крестьянство, как на главную силу революции, народовольцы резко расходились со старым народничеством в двух вопросах: 1) они считали своей непосредственной задачей завоевание политической свободы, завоевание каким бы то ни было путем (фактически путем террора); 2) они допускали (как это полагал замечательный вождь народовольчества Желябов) возможность вовлечения в борьбу либералов (т.-е. буржуазии), которых поэтому нужно «подталкивать».

В период 1879 — 1881 г.г. народовольцы — при сравнительной их малочисленности — развили террористическую деятельность, изумлявшую мир и ввергшую правительство в величайшее смятение. Множество террористических актов и покушений на высших чинов администрации, несколько попыток цареубийства, взрыв в Зимнем дворце (учиненный Степаном Халтуриным), довольно широкая по тому времени литературная деятельность,—все это ознаменовало период расцвета «Народной Воли».

---

[1]) Николай Александрович Морозов—видный деятель «Народной Воли», литературный ее вдохновитель, организатор многих ее предприятий. После провала народовольческой типографии в 1880 г. он уехал за границу, где вместе с Лавровым и Гартманом редактировал «Русскую Социально-Революционную Библиотеку». Там же он выпустил брошюру «Террористическая борьба», восхваляющую политику террористических покушений. Вернувшись в Россию, он был в 1881 г. задержан на границе и в 1882 г. судим по процессу 20 народовольцев. Приговоренный к каторжным работам без срока, он просидел в Шлиссельбургской крепости больше 23 лет (а вместе с предварительным заключением 25 лет). В крепости он занимался — при самых неблагоприятных условиях—чтением научных книг и напряженной умственной деятельностью. Он написал там книгу «О строении вещества», рукопись которой долго пролежала в тайнике департамента полиции. Только по выходе в 1905 г. из тюрьмы, он издал эту работу и ряд других. Занимается до сих пор научной и литературной деятельностью. Сонварком недавно назначил ему — в воздаяние его революционным и научно-литературным заслугам—государственную пенсию.

1-го марта 1881 г. бомбой, брошенной Гриневицким, был убит Александр II (и вместе с ним сам бомбометальщик).

§ 87. **80-ые годы. Упадок народовольства.** Цареубийство, на которое народовольцами возлагалось много политических надежд, совершилось. Но ожидаемых результатов (народного

А. И. Ульянов [1])

восстания или крупных уступок со стороны правительства) не последовало; партия же была сильно ослаблена. 5 человек (в том числе крупные руководители «Народной Воли»: Желябов, Перовская, Кибальчич) казнены; масса народа арестована. Последовавшие аресты 1882 г. разгромили партию.

---

[1]) Александр Ильич Ульянов род. в 1866 г. С VI класса гимназии занимался естествознанием, обнаружив выдающиеся способности и интерес к науки. На 3-м курсе естественного факультета написал научный труд о кольчатых червях. Сблизившись с радикальным студенчеством, он вскоре сделался членом совета землячеств, подготовившего добровольческую демонстрацию 17 ноября 1886 г,. сопровождавшуюся столкновением с полицией. Вступив в террористическую группу, подготовлявшую покушение на Александра III, взял на себя организацию динамитной лаборатории. За неделю до 1 марта 1887 г. (к которому приурочивалось покушение) арестован по оговору одного из участников дела. 8 мая 1887 г. повешен в Шлиссельбургской крепости.

На протяжении всех 80-х годов возникали народовольческие кружки и попытки их об'единения в одну крепкую организацию, но силы «Народной Воли» шли на убыль. С арестом Германа Лопатина (в 1884 г.), предпринявшего успешно начатую попытку возрождения организации «Народной Воли», и разгромом всех разветвлений организации в провинции, «Народная Воля» совершенно ослабела. Последняя попытка в этом направлении Оржиха и Богораза потерпела такую же неудачу: после выпуска № 11 — 12 «Н. В.» их группа была арестована (1885 г.). Партия «Н. В.», как единое и крупное целое, сошла со сцены. Группа Александра Ульянова (брата Ленина), Осипанова и других, хотя и действовала в духе «Народной Воли», но она организовалась исключительно для покушений на Александра III (1887 г.). Казнь этих последних могикан народовольчества вырвала из поредевших рядов революционной интеллигенции почти последние силы.

Самодержавие праздновало свою победу гнусным, доведенным до садизма, истязательством своих жертв, пленных героев-революционеров. В Шлиссельбургской и Петропавловской крепостях, в каторжных тюрьмах, в далеких снежных тундрах Сибири нашли себе мучительную смерть многие из революционеров, уцелевших от виселицы.

§ 88. **Зарождение рабочего класса в России и первые попытки организации его сил.** Разгром «Народной Воли» — последней организованной силы революционного народничества — вверг интеллигентную молодежь в отчаяние. Восьмидесятые годы — эпоха Александра III — остались в памяти русской интеллигенции, как полоса уныния, общественного бездорожья, тусклой безнадежности. А между тем именно в эту эпоху произошел в русском революционном движении спасительный перелом: формируется крупная сила, становящаяся на место кучки революционной интеллигенции, не смогшей увлечь за собой широких народных масс, — формируется промышленный пролетариат. Революционное народничество все больше увядает, рабочее движение и его идеология — его революционное учение, марксизм — все растут, крепнут и завоевывают гегемонию в революции вплоть до полной победы.

Падение хлебных цен на всемирном рынке, начавшееся с 70-х годов, привело к разорению крестьянского хозяйства, усилению платежного бремени, уходу из деревни в город (несмотря на все рогатки и стеснительные меры) значительных масс крестьянства. С другой стороны, в целях привлечения золота (приток которого падал с падением цен на вывозимый из России хлеб), правительство установило крупные пошлины за ввозимые из-за границы фабрикаты (покровительственная система). Это привело к росту «отечественной» промышленности—увеличению числа фабрик, заводов и всяких промышленных предприятий, в которые вкладывали капиталы не только русские, но, главным образом, иностранные капиталисты. За двадцатилетие (с 1877 до 1897 г.г.) русская промышленность возросла почти вчетверо (с 541 милл. зол. руб. до 1.816 милл.); возрос сильно и промышленный пролетариат.

Условия, в коих жил последний в этот период расцвета промышленного капитализма, были ужасны (как и в Европе, в первый период расцвета; см. выше, § 66). Низкая заработная плата, длинный рабочий день, ужасные жилищные условия, полное отсутствие предохранительных мер и приспособлений, следствием чего являлись массовые увечья, скверное питание, обходившееся рабочему дороже, чем вольному потребителю, и многое другое, что делало существование рабочего невыносимо тяжелым, — такова картина жизни промышленного пролетариата в период, когда капиталистическая буржуазия накопляла огромные богатства и становилась в ряды «первых персон» в государстве. Это должно было привести к быстрому революционизированию рабочего класса, подпадению его под влияние идей современного социализма (марксизма) и организации его в боевую силу под руководством политической партии пролетариата.

Это не значит, что раньше не было в России рабочего класса или что он оставался совершенно пассивной силой. Хотя и революционными народниками и официальными кругами рабочий класс долго рассматривался, как разновидность крестьянства, но на самом деле он существовал, и с первых же дней своего существования проявлял свою революционную природу.

В начале он (как во многих других странах) не выступал

самостоятельно, но придавал революционный характер тем движениям, в которых он участвовал. Мы видели горнорабочих в пугачевском (крестьянском) движении; мы видим питерских рабочих на Сенатской площади в день 14 декабря 1825 г. (декабрьское восстание): рабочие строившегося тогда Исаакиевского собора прогнали поленьями появившегося на площади Николая I со свитой.

Чисто рабочие волнения встречаются в 40-х годах, хотя эти волнения часто носили характер протеста против крепостничества (против прикрепления их, в корыстных целях помещика, к фабрике). С освобождением крестьян и превращением прикрепленных к заводам крестьян в наемных рабочих обнаруживается склонность рабочего класса к чисто-пролетарским методам борьбы, одним из которых является стачка.

Революционная пропаганда народников 60-х и 70-х годов, рассчитанная, главным образом, на крестьянскую массу, наибольший успех имела именно в рабочей среде. С 1865 до 1877 г. волна экономических стачек охватила в разных концах России больше 20.000 рабочих. Пропаганда народников Крапоткина, Бардиной, Любатович и др. среди рабочих оказывала свое действие на наиболее развитых из них; в процессе 50-ти (1877 г.) мы уже видим рабочего Петра Алексеева, произнесшего свою знаменитую речь, давшую ему широкую известность в революционных кругах. К этому времени в Петербурге было довольно много революционеров-рабочих; в демонстрации у Казанского собора (1876 г.) участвовало больше 200 человек рабочих.

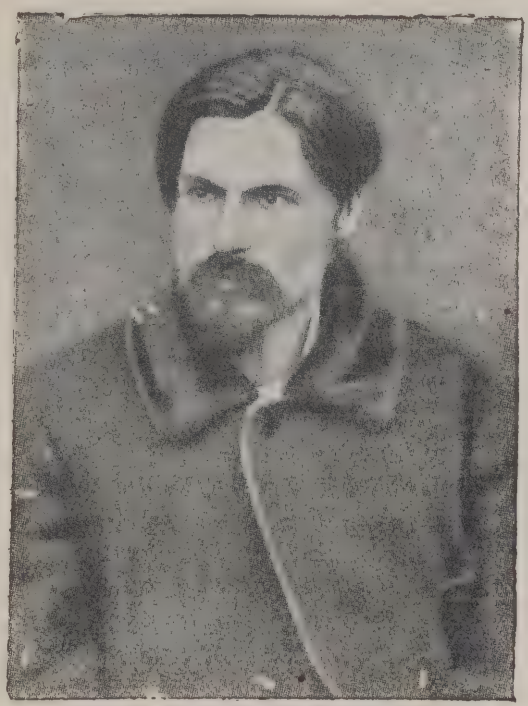
С 1878 г. стачечное движение принимает особенно широкие размеры (за 2 года 29 стачек, в которых участвовало до 35.000 рабочих).

Попытку организации рабочих мы встречаем уже в середине 70-х годов: в 1875 г., по инициативе Е. О. Заславского, возникает «Южно-российский рабочий союз» для «борьбы с экономическим и политическим гнетом». Союз получил быстрое распространение в Одессе и других южных городах, но вскоре был разгромлен полицией. Первая попытка организации рабочих стоила ее участникам многих лет тюрьмы и

каторги, а главному инициатору (Заславскому) — мучительной смерти в каторжной тюрьме.

Более крупная попытка организации рабочих (и при том исходившая из среды самих рабочих и на почве пролетарского движения конца 70-х годов) была сделана рабочими Степаном

Петр Алексеев.



Степан Халтурин.

Халтуриным [1]) и Виктором Обнорским [2]), основавшими в 1878 г.

---

[1]) Степан Николаевич Халтурин—видный пропагандист-рабочий, действовавший, главным образом, в рабочей среде. Род. в крестьянской семье. Работая по фабрикам и заводам, он завязал обширные (для тогдашнего времени) связи с рабочими, среди которых уже были элементы, распропагандированные революционными народниками 70-х годов. В начале своей деятельности Халтурин относился отрицательно к политическому террору и стремился создать чисто классовую организацию из одних рабочих на почве экономических требований рабочего класса. Но, относясь отрицательно к политическому террору, он не был против «политики» вообще: в программе основанного им союза имеются политические требования, но эти политические требования могли быть осуществлены усилиями самих рабочих. Это уже было чисто пролетарское понимание... Однако, преследования, которым подвергался союз (уже через 3 месяца после его образования было арестовано 60 человек), разгром его и созданной Халтуриным нелегальной типографии толкали его на путь террора. Осенью 1879 г. он предложил Исполнительному Комитету взорвать Зимний дворец с царской семьей. Пред-

«Северно-русский рабочий союз». Программа союза, провозглашенная на общих собраниях членов (23 и 30 декабря) заключала в себе пункт с чисто политическими требованиями (свобода слова, печати и собраний, замена армии народным вооружением и т. д.). В союзе насчитывалось до 200 человек (цифра по тем временам внушительная). Несмотря на преследования и аресты, союзу удалось просуществовать до 1880 г. и даже выпустить (2 февраля 1880 г.) один номер «Рабочей Газеты».

Промышленный кризис первой половины 80-х годов и связанные с ним безработица и значительное ухудшение положения рабочих вызвали целый ряд крупных стачек, в которых участвовало до 80.000 человек.

Наступивший после кризиса расцвет промышленности, благодаря причинам, о которых говорилось выше, вызвал к жизни огромную массу новых промышленных предприятий со значительным числом рабочих; безработица прекратилась, но увеличение заработной платы было достигнуто путем широкой стачечной борьбы, принявшей за вторую половину 80-х

ложение было принято. Искусный столяр и лакировщик, он попал на императорскую яхту, а оттуда в Зимний дворец. Накопив по частям около 3 пуд. динамита, он произвел 5 февраля 1880 г. взрыв (помещение столяров находилось под царской столовой), не причинивший, однако, вреда царской семье: количество динамита оказался недостаточным. Когда Исполнительный Комитет постановил убить одесского военного прокурора Стрельникова, Халтурин взял на себя это поручение и привел его в исполнение (вместе с Желваковым) в марте 1882 г. Арестованный на месте, он через несколько дней—22 марта—был повешен вместе с Желваковым.

[2]) Виктор Павлович Обнорский—слесарь, один из первых рабочих, распропагандированных в начале 70-х годов, и видный деятель революционного рабочего движения конца 70-х годов. Род. в крестьянской семье в 1854 г. В начале 70-х годов имел сношения с чайковцами и слушал лекции, читанные Кравчинским в рабочем кружке. Побывав за границей, он познакомился с рабочими организациями на Западе и сошелся с «набатовцами» (по названию органа русских якобинцев «Набат», выходившего под редакцией Ткачева с 1875 г. по 1881 г.), выдвигавшими на первый план необходимость политической борьбы. В 1878 г. Обнорский вернулся в Россию и вместе с Халтуриным основал «Северно-русский рабочий союз». Около двух лет он, живя на нелегальном положении, вел деятельную пропаганду среди рабочих. Арестованный вследствие предательства члена союза Рейнштейна (вскоре убитого революционерами), он вместе с другими рабочими (Петерсоном и Смирновым) был предан суду и в 1880 г. приговорен к 10 годам каторжных работ.

годов еще более грандиозные размеры, чем в первую (около 435.000 чел.). Таким образом 80-е годы, годы великого уныния для народнической интеллигенции, были как раз эпохой зарождения массового рабочего движения.

Это движение носило пока чисто экономический характер (борьба за непосредственное улучшение экономического положения), но уже в 80-х годах возникло марксистское течение, которое вскоре должно было стать знаменем революционной борьбы российского пролетариата. Бывшие революционные народники, составлявшие в 1879 г. ядро «Черного Передела» (Плеханов, Дейч, Засулич и Аксельрод), под влиянием основательного знакомства с европейским социализмом, отошли от народничества с его несбыточной мечтой о социализме общины, и примкнули к пролетарскому социализму, «социализму фабрики». В 1883 г. они (вместе с рабочим Игнатовым, который вскоре умер) основали в Женеве «Группу Освобождения труда», явившуюся первой ячейкой социал-демократической партии (марксистской) в России. Деятельность этой группы носила, главным образом, литературно-издательский характер — научной пропаганды идей марксизма на русской почве. В 1883 г. вышла книжка Плеханова «Социализм и политическая борьба», а в следующем — «Наши разногласия», с резкой критикой народничества и с изложением идей марксистской группы, сводящихся к тому, что в России — стране отсталой, но догоняющей европейские страны — развитие капитализма неизбежно, а с ним и развитие пролетариата, класса, на который должна опереться русская революция. Хотя литература этой группы проникла в Россию с большим трудом и хотя новые для тогдашнего времени идеи встречались крайне недружелюбно революционной интеллигенцией, еще находившейся под влиянием уже умиравших идей народничества, — тем не менее марксизм все более и более завоевывал себе почву в революционной России.

Внутри России мы уже в 1885 г. видим организованную Благоевым группу «Рабочий», находившуюся в непосредственной связи с Плехановым.

Одиночки социал-демократы встречаются во многих местах уже в 80-х годах; в начале же 90-х годов появляются

первые социал-демократические организации (в Питере, Москве, Одессе, Нижнем и др.).

§ 89. **Массовое рабочее движение и организация политической партии пролетариата, давшей начало Р. К. П.** Промышленный кризис, наступивший после голода 1891 г., подготовил почву для широких рабочих волнений и стачек. В особенности грандиозна была стачка рабочих текстильного производства в 1896 г., охватившая более 30 тысяч человек. Во многих городах возникли «Союзы борьбы за освобождение рабочего класса», крепко связанные с рабочими массами. Рост рабочего движения и влияние на него марксистских организаций выяснили вскоре необходимость единой организации, единой партии пролетариата

1-го марта 1898 г. был созван в Минске с'езд, на котором положено было основание Российской социал-демократической рабочей партии. Хотя почти все участники с'езда были арестованы и центральная организация партии фактически еще долго не существовала, но все деятели рабочего движения себя чувствовали членами одной партии.

Еще до первого с'езда Р. С.-Д. Р. П. в социал-демократическом лагере наметилось два течения, разногласия между которыми особенно обострились в самом конце 90-х годов и в начале нашего столетия.

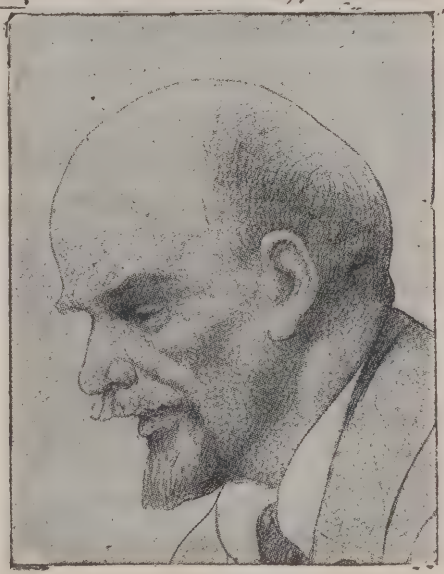
Одно течение было представлено так называемым «экономизмом», проповедывавшим организации рабочих масс т о л ь к о на почве борьбы за повседневные рабочие нужды, за чисто экономические интересы рабочих.

Другое течение, представленное старыми борцами за рабочее дело, основателями «Группы Освобождения труда», и присоединившимися к ним Лениным, Мартовым и Старовером (Потресовым) и некоторыми другими, рассматривало всякую классовую борьбу, как борьбу политическую; рабочая партия поэтому должна вести рабочие массы на политическую борьбу, не делая их, однако, простым орудием оппозиционной буржуазии, а, наоборот, поставив рабочий класс в о г л а в е революционного движения, направленного против самодержавия, против всех остатков крепостнического государства. Эта борьба должна неизменно вестись под знаменем борьбы за

социализм: завоевание политических свобод и демократического управления (то, что назвали «программой-минимум») для рабочего класса имеет значение не цели, а средства его классовой борьбы за социализм «программа-максимум».

С целью борьбы с экономизмом была основана за границей газета «Искра» группой (носящей это название), органи-

Г. В. Плеханов.



В. И. Ленин.

зовавшейся в конце 1900 г. (из вышеназванных лиц). В первом номере «Искры», вышедшем в декабре 1900 г., уже ясно формулировался взгляд группы на задачи русской социал-демократии, как на стремление «внедрить социалистические идеи и политическое самосознание в массу пролетариата и организовать революционную партию, неразрывно связанную со стихийным рабочим движением». Первоначально «Искре» пришлось выдержать тяжелую борьбу со многими местными социал-демократическими организациями, пропитанными духом экономизма.

Самым непримиримым и неутомимым вождем в этой борьбе был Владимир Ильич Ленин (Ульянов, фигурировал в легальной литературе под псевдонимом Тулин, Ильин), своими статьями в «Искре» и в особенности своей замечательной брошюрой «Что делать» наносивший сокрушительные удары экономизму.

Рост рабочего движения, принявший с начала нашего столетия колоссальные размеры, и характер, который это движение приняло (массовое участие рабочих во всех политических выступлениях и беспрерывные столкновения с правительством) доставили «искровцам» решительную победу. Влияние «искровцев» на рабочие массы и социал-демократические организации все росло, между тем как экономизм, стремившийся обкарнать рабочее движение, умерить политический порыв рабочего класса, все шел на убыль.

Позорное поражение потерпела, исходившая из жандармско-полицейских кругов, попытка приспособить рабочее движение к целям самодержавия — так называемая «Зубатовщина». Сергей Зубатов [1]), начальник Московского охранного отделения, пытался отвлечь рабочее движение от политического русла путем организации рабочих на почве ближайших экономических интересов. Под покровительством московского генерал-губернатора, вел. князя Сергея Александровича, и обер-полицеймейстера Трепова, он через своих агентов повел агитацию среди московских рабочих с устройством собраний для выяснения и рабочим «истинных» их интересов (т.-е. чисто экономических требований, в борьбе за которые Зубатов обещал содействие царского правительства, если они не будут связаны с политическими требованиями).

Тут же читались патриотические лекции, устраивались молебны и т. д.

14-го февраля 1902 года деятельность Зубатова была оформлена утверждением устава «Общества взаимного вспомоществования рабочих механического производства», с предоставлением необычайной власти по отношению к обществу обер-полицеймейстеру. Вслед за этим обществом организовалось такое же общество ткачей и других производств. Ему удалось даже вызвать патриотическую манифестацию рабочих (до 50.000 чел.), возложивших 19 февраля 1903 г. венок на памятник царя-«освободителя» [2]).

[1]) В начале 80-х годов принимал участие в революционном движении, в середине 80-х годов начал карьеру провокатора (выдал народовольческие группы Пика-Гуревича и Гоца Фундаминского), в 1889 г.—помощник начальника Московского охранного отделения.

[2]) В память освобождения крестьян 19 февраля 1861 г. Какое это было освобождение— см. выше.

Из других городов, где зубатовская деятельность имела некоторый успех, следует отметить Минск (где при помощи жандармского полковника Васильева и под руководством работницы Марии Вильбушевич была основана чуждая политике «Еврейская независимая рабочая партия») и Одессу, где действовал ставленник Зубатова, д-р Шаевич.

Но вся эта затея не могла долго иметь успеха. Рост стачечного движения, которое агенты Зубатова должны были, чтобы не лишиться популярности в рабочей массе, поддерживать, привел к резким столкновениям с фабрикантами и финансистами. Правительство, конечно, стало на сторону последних. Зубатовские организации распались, а стихия рабочего движения увлекла организованных зубатовцами рабочих на путь политической борьбы. Решительная борьба последовательных революционных социал-демократов, возглавленных «Искрой», об'явленная с самого начала зубатовской провокации, увенчалась полной победой.

Блестящей победой революционного марксизма над соглашательством завершилась и идейная борьба «искровцев» (главным образом, на страницах научного органа «Заря») с русским ревизионизмом [1]), возглавляемым бывшими марксистами Струве, Булгаковым, Бердяевым, Прокоповичем и др. Рабочее движение пошло не по пути соглашательства с буржуазией, на который его звали «бывшие люди» а по руслу решительной и беспощадной борьбы с самодержавием и поддерживавшей его торговой и дряблой промышленной буржуазией.

Направление «Искры» одержало полную победу на втором с'езде Р. С.-Д. Р. П. (август 1903 г.), на котором принята была с ничтожными поправками программа, выработанная редакцией «Искры» и «Зари» (центральным органом партии признана была «Искра»).

---

[1]) Ревизионизм—течение в германской социал-демократической партии, требовавшее „пересмотра“ (ревизии) марксистского учения и выдвигавшее на место революционой классовой борьбы и стремления к конечной цели—через диктатуру пролетариата к коммунизму—ряд мелких улучшений. Вождь этого течения Эдуард Бернштейн выразил это в словах: „движение все, а цель ничто“ (под движением он понимал последовательный ряд мелких улучшений, под целью—социализм).

Но уже на этом с'езде наметился раскол между двумя фракциями [1]), последовавший официально после с'езда. При обсуждении § 1 устава партии выдвинуты были разные точки зрения на то, чем должна определяться принадлежность к партии. Большевики (за которыми укрепилось это название от большинства с'езда, которое собрало предложение Ленина) требовали от членов партии не только признания программы, «поддержки и содействия», но и у ч а с т и я в п а р т и й н о й о р г а н и з а ц и и; меньшевики (от меньшинства, собранного предложением Мартова) — только признания поддержки и содействия. Тут в зародыше уже крылось принципиальное и глубокое расхождение, приводившее впоследствии к розни и п р и н ц и п и а л ь н о м у и тактическому расколу по всем вопросам, возникавшим в процессе революции.

Если, как всегда думали большевики, рабочий класс является главной и единственно последовательной (идущей до конца) силой революции, возглавляющей демократические массы (трудовое крестьянство) в борьбе, от которой пролетариат ожидает п о л н о г о осуществления своих требований, то политическая партия этого класса должна быть партией революционного д е й с т в и я, отмежевывающейся от мелко-буржуазных элементов, ограничивающихся только «сочувствием и содействием»; если же пролетариат является только о д н о й (хотя и самой значительной) из борющихся сил, которая в с о ю з е с оппозиционной буржуазией может достигнуть некоторых результатов борьбы (удовлетворяющих и союзников), то партия может и даже должна остаться союзом действующих и сочувствующих элементов, союзом различных по революционной активности сил. Коренное расхождение между большевиками и меньшевиками обнаружилось и в решении на с'езде другого вопроса — организационного. Большевики отстаивали принцип централизованной организации, дей-

[1]) Фракции—части одной партии, расходящиеся по целому ряду вопросов; до октябрьской революции большевики и меньшевики одинаково называли себя социал-демократами, причисляя себя таким образом к одной партии (хотя фактически работали порознь). Большевики окончательно порвали даже с именем социал-демократов, когда расхождение оказалось совершенно исключающим возможность пребывания под одной партийной крышей: расхождение стало коренное, основное, программное.

ствующей по директивам Центрального Комитета партии; меньшевики — «демократическую» организацию, т.-е. фактически (в условиях революционной борьбы) расплывчатую массу местных организаций.

После с'езда разногласия между большевиками и меньшевиками еще более углубились. Официальный орган партии «Искра» перешел к меньшевикам (между тем как Ц. К. имел большевистское большинство); большевики основали свой орган «Вперед». Между тем растущая революционная волна, захватившая огромные массы рабочих, вовлекшая в водоворот революции и крестьянство и разбудившая от политического сна и некоторые слои «общества» — буржуазии — выдвигала ряд вопросов, на которые нужно было откликнуться немедленно. И большевики и меньшевики откликались на них совершенно различно.

В особенности глубоко раз'единяющими моментами являлись оценка ожидаемой революции и отношение к либеральной (буржуазной) оппозиции, усилившейся во время русско-японской войны.

Меньшевики полагали, что революция будет буржуазной, т.-е. что она неизбежно упрочит господство буржуазии за счет дворянско-крепостнических элементов; поэтому они роль пролетариата усматривали в толкании буржуазии на путь революции.

Большевики же, не утверждая, что революция будет социалистической, исключительно пролетарской по своим достижениям, полагали, однако, что наша революция не будет похожа на прежние буржуазные революции Европы, что она будет не столько продуктом несовместимости самодержавия с господством буржуазии, сколько продуктом противоречий внутри буржуазного строя, пропасти между капиталом и трудом. Буржуазия, по мнению большевиков (блестяще оправдавшемуся в ходе революции), скорее пойдет на соглашение с царизмом, чем на общий путь борьбы за политическое освобождение с пролетариатом. Это диктовало тактику самостоятельной классовой войны в союзе с трудовым крестьянством, ожидающим от революции удовлетворения своих социальных требований (земли), направленных, в общем, против крупной бур-

жуазии. Поэтому большевики высказывались против каких бы то ни было соглашений с буржуазными либералами и звали к неустанным революционным действиям, которые отпугивали буржуазию, но сплачивали лагерь революции, увлекая за пролетариатом трудовое крестьянство.

Русско-японская война, об'явленная в январе 1904 года с целью отвлечения общественного мнения от внутренних дел и для выгоды кучки концессионеров и авантюристов, с первых же шагов выяснила для всех полную несостоятельность царского правительства. Неподготовленность армии, хищения, казнокрадство — все это превратило «победоносную» войну (какой ожидал Плеве) в ряд тяжелых поражений. Брожение не только не углеглось, но еще с каждым днем, с каждым поражением увеличивалось, захватывая разные слои населения.

§ 90. **Возникновение партии социалистов-революционеров.** Рабочее движение и революционное наступление пролетариата разбудили и крестьянство. Глухое брожение в крестьянстве, начавшееся еще в 1902 г., сильно возростало. Зашевилились и народники, попытавшиеся дать свое «обоснование» крестьянскому и рабочему движению и создать для этого движения новую форму, в которую можно бы влить старое, уже перекисшее народническое вино.

На-ряду с партией пролетариата — Р. С.-Д. Р. П. —в начале нашего столетия (1902 г.) организовалась партия социалистов-революционеров (эс-эров); как социально-политическая организация с местными партийными учреждениями, она возникла из «Северного союза русских с.-р.», основанного еще в 1896 г. В основу своей программы партия эта положила мешанину из идей старого народничества и нового пролетарского социализма. На место народнического «социалистического крестьянства» и революционного пролетариата (вождя революции, по пониманию тогдашних с.-д.), теоретики с.-р-ов выдвигают так называемый «трудовой народ» — социальную категорию, об'единяющую большинство крестьянства и пролетариат. Поэтому программа с.-р-ов была, в общем, повторением программы Исполнительного Комитета Народной Воли с некоторыми изменениями. В области практической работы

(тактики) и организации эс-эры стремились одинаково захватить и крестьянство, и рабочих, и интеллигенцию. Из старого арсенала народовольцев они приняли систематический террор, как средство борьбы. Результатом этой деятельности было убийство реакционного диктатора Плеве в 1904 г. и ряд других террористических действий.

§ 91. **Революция 1905 г. Роль в ней партии пролетариата.** Этот исторический год открылся кровавым воскресеньем 9-го января. Гапон, популярный среди бедного рабочего люда священник, утвержденный в 1903 г. с благословения министра внутренних дел Плеве председателем незадолго перед тем основанного «Общества русских фабричных и заводских рабочих», смог развить большую деятельность в этом обществе и его отделах. Деятельность эта сводилась вначале к беседам об обычных нуждах рабочих, взаимопомощи и устройству развлечений (что, по мысли сановных покровителей Гапона, должно было отвлечь рабочих от революции). Но в атмосфере революционного возбуждения она вскоре приняла характер политической агитации и пропаганды. В начавшейся в январе 1905 года стачке Гапоновское общество оказывало деятельную помощь стачечному комитету, а «отделы» широко открыли двери рабочему населению окраин. 6 января Гапон вместе с представителями 22 отделов составил петицию к царю с целым рядом экономических и политических просьб. С этой петицией (несколько измененной 8 января) Гапон призывал рабочих отправиться к Зимнему дворцу для личной передачи царю.

Утром, 9-го января, многотысячная толпа рабочих с женами и детьми, с хоругвями и портретами царя, направилась, под предводительством Гапона, к Зимнему дворцу. Несмотря на мирный характер, шествие было встречено ружейной пальбой, повлекшей множество жертв.

Это кровавое воскресенье произвело крутой перелом в сознании даже самых отсталых слоев рабочего класса. С этого дня отношение рабочего класса к царской власти получило яркую революционную окраску. Уже в первые дни после 9-го января, когда слух о злодейском избиении мирной рабочей манифестации распространился по всей России повсюду

вспыхнули политические забастовки и демонстрации с лозунгом: «Долой самодержавие». Весь 1905 год — до великой октябрьской забастовки — прошел в ряде бурных событий; грандиозные забастовки рабочих в разных местах России, крестьянские волнения (с порубками помещичьих и казенных лесов) и стачки сельских рабочих в Царстве Польском и Юго-

9-го января 1905 г. у Троицкого моста.

Западном крае, ряд террористических актов (в том числе убийство Каляевым московского генерал-губернатора, великого князя Сергея Александровича), военные бунты (в особенности восстание матросов броненосца «Потемкин», 14 — 15 июня) и т. д. Жалкая попытка царя успокоить общественное мнение так называемой «Булыгинской Думой» [1]) потерпела полное фиаско, — «куцая конституция» никого не удовлетворяла, даже буржуазных либералов, настолько осмелевших за могучей спиной борющегося пролетариата, что стали устраивать

[1]) Булыгинская Дума—проектированное по манифесту 6 августа 1905 г. законосовещательное учреждение с представительством исключительно богатейших землевладельцев и капиталистов. Проект этой Думы был разработан министром внутренних дел Булыгиным.

с'езды (земско-городские с'езды), на которых говорили о созыве народного представительства на основе всеобщего, прямого, равного и тайного избирательного права.

Революционное движение достигло своего предела в октябрьские дни 1905 г. Впервые в мировой истории русский пролетариат прибег к могущественному чисто пролетарскому методу — всеобщей забастовке, охватившей почти все рабочее население России. К этому присоединились грандиозные манифестации, массовые митинги в открывшихся учебных заведениях и на площадях, стычки с жандармами и казаками. 13 октября в Петербурге образовался Совет Рабочих Депутатов, ставший вскоре центром развернувшейся борьбы. Вслед за ним возникли Советы и во многих других городах (в Киеве, Москве, Харькове и др.).

После треповской угрозы, — «патронов не жалеть». — царь был вынужден издать знаменитый манифест 17 октября, обещавший конституционные свободы и созыв законодательной Государственной Думы и встреченный всеобщим ликованием, как первая крупная уступка. Однако уже в день об'явления манифеста (18 октября) во многих городах начались черносотенные погромы, устроенные агентами правительства и возникшими черносотенными организациями. Началась реакция. Правительство переходило от обороны к нападению.

Замечательным фактом революции 1905 г. было образование в Петербурге и некоторых других городах Советов Рабочих Депутатов. В Петербурге Совет из представителей заводов и фабрик возник во время октябрьской забастовки для руководства ею. Но и после того, как октябрьская забастовка кончилась, Совет Рабочих Депутатов продолжал действовать, организуя все выступления пролетариата и представляя как бы рабочее правительство. Все призывы Совета Рабочих Депутатов исполнялись рабочими не только без сопротивления, но с величайшим энтузиазмом. В первые месяцы революции Совет был такой силой, что официальному правительству приходилось с ним считаться и терпеть его открытое существование.

Совет Рабочих Депутатов организовал крупнейшую манифестацию 18 октября. Он издавал «Известия Совета Рабочих

Депутатов», в которых он призывал пролетариат к упорной борьбе с самодержавием и буржуазией. «Известия» обыкновенно печатались в какой-нибудь типографии, которая захватывалась вооруженными рабочими при полном, впрочем, несопротивлении со стороны администрации типографии и при полном содействии ее рабочих.

Когда донеслись слухи о предстоящей казни кронштадтских матросов и об об'явлении военного положения в Польше, Совет организовал ноябрьскую забастовку протеста.

В декабре 1905 года Совет организовал третью всеобщую забастовку. В Москве вспыхнуло вооруженное восстание. Это было первое вооруженное столкновение пролетариата с царизмом и буржуазной реакцией. «Либеральное» общество не только не поддержало этого выступления пролетариата, но осуждало его и обливало грязью. Когда вооруженное восстание было подавлено, началась кровавая расправа над рабочими. Карательные экспедиции расправлялись с жестокостью, не уступавшей кровавым подвигам при подавлении рабочих выступлений в других странах.

После подавления московского вооруженного восстания царское правительство настолько осмелело, что решило разгромить Совет Рабочих Депутатов. Во время одного из заседаний Совета правительственная свора арестовала бо́льшую часть депутатов; в 1906 г. они все были приговорены к ссылке в Сибирь. О том, каким признанием рабочих масс пользовался Совет, свидетельствует тот факт, что в суд поступали за подписями десятков тысяч рабочих заявления, что все арестованные депутаты действовали не своевольно, а по уполномочию и желанию пролетариата.

Правительственные репрессии не ограничивались вышеизложенным. Подавление севастопольского восстания моряков и казнь его руководителя, лейтенанта Шмидта, подавление крестьянских волнений, гонения на рабочие союзы, аресты и высылки и т. д. — все это украшало «либеральный» курс Витте — Дурново (Витте — председатель совета министров, Дурново — министр внутренних дел), все это окрыляло правительство и вдохновлявшие его черносотенные организации

(«Союз русского народа» и др.). Буржуазные либералы отпрянули от революции, которая, по их мнению, «слишком далеко зашла». Буржуазия в целом мстила рабочему классу за пережитый страх массовыми увольнениями и угрозой голода. При таком настроении должна была собраться первая Дума.

Социал-демократия—тогда единственная партия пролетариата— играла крупную и выдающуюся роль в великом

Л. Троцкий.

движении 1905 года: и руководство забастовками, манифестациями и другими массовыми выступлениями, и лозунги революции, и направляющая деятельность в Совете Рабочих Депутатов (где во главе Исполнительного Комитета фактически стоял Троцкий под псевдонимом Яновского), — все это было делом Российской социал-демократии. Но внутри, в среде ее не было единства и согласия. Расхождение обеих фракций (меньшевиков и большевиков) принимало характер фактического раскола. На III с'езде партии (Лондонском), созванном в мае 1905 года и представлявшем 29 организаций, меньшевиков оказалось всего 9 человек; они ушли со с'езда, санкционируя таким образом разделение партии. Уже тогда выяснилось, что, помимо организационного вопроса, раз'единяющим моментом является вопрос об отношении к либеральной бур-

жуазии: меньшевики с Плехановым во главе говорили об общей с ней работе, между тем как большевики, руководимые Лениным, резко осуждали такой соглашательский путь и выдвигали идею диктатуры пролетариата и крестьянства и подготовки вооруженного восстания. Они признавали в резолюции III с'езда необходимость организации революционного временного правительства. После III с'езда рядом с меньшевистской «Искрой» стал выходить большевистский «Пролетарий», отстаивавший революционные методы борьбы. В октябрьском движении обе фракции принимали крупное участие. В «дни свободы» (после манифеста 17 октября) наметилась тенденция к обе'динению. В некоторых городах возникли об'единенные организации (в Питере «Федеративный комитет Р. С.-Д. Р. П.»). Но полного об'единения все же не произошло. Разногласия опять обострились по вопросу о выборах в Государственную Думу: большевики высказывались за бойкот выборов и за сосредоточение всего внимания и деятельности партии на подготовке революционных сил; меньшевики же высказывались за выборы. На петербургской конференции мнение большевиков одержало верх.

§ 92. **Государственные Думы и Р. С.-Д. Р. П.** Тактика бойкота, поддержанная еврейским Бундом и партией с.-р., была в общем проведена во многих местах. Лишь после об'единительного с'езда 1906 г. (Стокгольмского), где меньшевики одержали верх, бойкот был признан неправильным. После этого в Думу прошла от Кавказа, где выборы производились с опозданием, группа социалистических депутатов, образовавших в Думе так называемую рабочую группу.

Стокгольмский с'езд, несмотря на свое название «об'единительного», не внес в партию единства действия и мнения. Во время первой думской сессии сказывались глубокие различия в понимании большевиков и меньшевиков. Вторые ликовали по поводу того, что первая Дума оказалась кадетской (т.-е. либерально-буржуазной, что вполне отвечало их представлениям о революции, как исключительно буржуазной); большевики же продолжали настаивать на необходимости революционных выступлений.

Первая Дума (оказавшаяся для крепостнического самодержавного правительства слишком «революционной») была разогнана после 2½-месячного своего существования.

На осенней конференции по поводу выборов во вторую Думу большевики высказывались против каких бы то ни было блоков (союзов) с буржуазными партиями и выдвигали идею об'единения на выборах (там, где социал-демократические депутаты не могли рассчитывать на успех) с трудовиками, представителями трудового крестьянства. Утверждения большевиков, что революция продолжается, имели свое основание в ряде крестьянских волнений, вспыхнувших в промежуток между первой и второй Думами. Если Выборгское воззвание не встретило в трудовом населении действенного отклика, то голод, возникший вследствие неурожая, вызвал крестьянские волнения в 27 губерниях (140 уездах) только в одной России, не считая Кавказа, Польши и Прибалтийского края; было «разобрано» до 2.000 усадеб. Рабочий же класс, несмотря на всю свою усталость, оставался грозно враждебным самодержавию.

Во вторую Думу прошло, с одной стороны, довольно много (около 200) представителей крайне-левых (по тогдашнему времени) партий, а с другой, благодаря всяким избирательным ухищрениям кровавого Столыпина — правых и черносотенных. Кадетская середка оказалась слабой. Эти буржуазные либералы давно уже растратили все остатки своей былой «революционности» и стремились к одному — поддерживать хорошие отношения с правительством Столыпина, установившего после разгона первой Думы кровавый режим военно-полевых судов, отправлявших в «24 часа» тысячи людей на виселицу. Они — буржуазные либералы — бросили лозунг: «беречь Думу», хотя было ясно, что эта Дума безвластна и жалка и что, не опираясь на народное движение, она сможет существовать лишь как послушное орудие правительства. Меньшевики тоже говорили «берегите Думу», но в самой Думе вся социал-демократическая фракция, а вместе с нею и другие крайние левые группы, стали на точку зрения решительного отпора правительству. Внесенный этими группами законопроект о социализации земли вызвал угрозу правительства

роспуском Думы. Борьба закончилась разгоном думы, арестом 55 членов социал-демократической фракции [1]) и «3-июньским переворотом», т.-е. незаконным изменением (без участия Госуд. Думы и Государственного Совета) избирательного закона, делавшим Думу представительством исключительно цензовых элементов — крупных землевладельцев и капиталистов.

Лондонский с'езд Р. С.-Д. Р. П. весной 1907 года, во время заседаний второй Думы, был последним об'единительным с'ездом партии и последней попыткой совместного действия большевиков и меньшевиков. После этого, в годы наступившей реакции, после разгона второй Думы, и на местах и в центре между обеими фракциями почти не существовало общего языка.

§ 93. **Годы реакции (до войны 1914 года). Рабочее движение в эту эпоху и работа партии.** В третьей и четвертой Думах господствовало право-октябристское большинство. Кадеты шли на поводу у черносотенного большинства и старались замести все следы своей прежней оппозиционности. Социал-демократическая фракция в Думах была слишком малочисленна и совершенно не могла влиять на ход законодательной деятельности в нужном для рабочих и народных масс направлении. Дума могла для нее служить трибуной, откуда она могла говорить с народом относительно свободно. В стране господствовал режим белого террора и сенатских раз'яснений, беспрерывно ущемлявших трудящиеся массы и травивших «инородцев». Все пролетарские организации были разгромлены, а партийные работники томились на каторге, в тюрьмах и ссылке, или в заграничной эмиграции. Интеллигенция была «разочарована» и ушла в «дела», мистику и богоискательство. Партийная работа среди рабочих масс почти не велась.

Меньшевики из этого положения делали вывод, что революция «закончилась» и предлагали поэтому приспособиться к «легальным возможностям», предоставляемым третье-июнь-

[1]) По обвинению в «государственном заговоре» все думские социал-демократы, кроме скрывшихся, были приговорены к каторжным работам, которые они отбывали до февральской (1917 г.) революции.

ским режимом, упразднив (ликвидировав) подпольную партийную организацию.

В противовес меньшевикам-«ликвидаторам» большевики рассматривали упадок революционной волны как временное затишье и утверждали, что новый взрыв революции неизбежен. Подготовить массы к этому взрыву, полагали они, может только революционная (при условиях самодержавия, подпольная) организация, пользуясь при этом и всеми легальными возможностями — клубами профсоюзами, Государственной Думой и т. д.

И, несмотря на аресты и преследования, большевики вели свою нелегальную работу, организуя небольшие, но крепко спаянные кружки, из которых впоследствии вышло много бойцов и вождей октябрьской революции.

Ленские расстрелы [1]) 1911 г. вызвали бурю во всей стране и всколыхнули рабочие массы от далекой холодной Сибири до знойного Кавказа. На беззастенчивый вызов министра внутренних дел Макарова, бросившего в Государственной Думе свое крылатое «так было и так будет», пролетариат ответил рядом внушительных забастовок, напоминавших январские дни 1905 года. Оживилась и революционная работа среди рабочих масс. Рабочее движение возрождалось. Центрами оживившейся революционной пропаганды сделались большевистские газеты «Звезда» и «Правда». Рабочее движение продолжало развиваться и крепнуть до 1914 года. В начале июня вспыхнули крупные забастовки в Петербурге и Баку, готовились серьезные революционные выступления.

§ 94. **Эпоха империалистической войны (до февральской революции 1917 г.).** Вспыхнувшая в июле 1914 г. бойня народов нанесла тяжелый удар революционному движению в

[1]) В далекой тайге Олекминско-Бодайбинской системы на Ленских приисках вспыхнула забастовка: «золотые короли» так эксплоатировали приисковых рабочих (отчасти из местных ссыльно-поселенцев, но, главным, образом заброшенных туда из глубины России пролетариев), что последние жили на грани голода и в чудовищных жилищных условиях. Забастовщики были расстреляны; погибло много рабочих, их жен и детей. Расследование, предпринятое по инициативе петербургской адвокатуры, обнаружило полный произвол приисковой администрации, хищничество, невероятную эксплоатацию и заинтересованность «высоких особ».

Европе и почти смела на некоторое время рабочее движение в России. Наступил момент, который социалисты-марксисты предсказывали и предвидели — кровавое столкновение разных групп буржуазного общества, раздираемого внутренними противоречиями. И тем не менее огромное большинство социалистов разных стран, вместо того, чтобы звать рабочий класс и трудовые массы к сопротивлению варварской бойне, заговорили об интересах «отечества», голосовали за отпуск средств своим бурзуазным правительствам и даже вступали в эти правительства — в «министерства обороны». Русские социал-демократы не голосовали за военный бюджет, но они только «воздержались». Среди меньшевиков же (с Плехановым во главе) и всяких народнических групп возникли сильные оборонческие течения. Оборонцы призывали рабочий класс воздерживаться от классовых выступлений и к об'единению с другими классами для защиты отечества и разгрома Германии. Только одни большевики резко восставали против охватившего всех национализма. В издававшихся Лениным за границей «Социал-Демократе» и «Коммунисте» большевики резко восставали против империалистической бойни и призывали пролетариат всех стран обратить штыки против своих классовых угнетателей. На Циммервальдской конференции (см. ниже, § 109), заседавшей 5 — 8 сентября 1915 г., представители большевиков Ленин и Зиновьев вошли в революционное меньшинство («семерку»), требовавшее решительного призыва к революции. На этой позиции большевики стояли во все время войны. Но их усилий было недостаточно, чтобы приостановить войну. И мировая бойня, унесшая в Европе миллионы жертв и сеявшая всюду смерть и разрушение, довела Россию до полного упадка и разорения. Но она же обнаружила полную неподготовленность царского правительства к войне. Расстройство транспорта, отсутствие снарядов и обмундирования, измена и предательство генералов и высших чинов армии, реакционная политика внутри страны, — все это привело к ряду поражений и полному государственному распаду и подготовило почву для всенародной революции, которая вспыхнула в последних числах февраля.

§ 95. **От февральской революции до октябрьской. Подготовление большевиками пролетарской революции.** В первый момент революции к ней примкнули почти все классы общества. Рабочий класс и трудовое крестьянство и вся армия, состоявшая из крестьян и рабочих, стала сразу на сторону революции. Стали на ее сторону и буржуазные слои. Дом Романовых был сметен в два дня, как карточный домик. Но в первый же день революции обнаружилась пропасть между требованиями рабочего класса и трудового крестьянства, с одной стороны, и эксплоатирующих групп — с другой. Буржуазия хотела оставить власть за собой, и больше всего ее стремлениям отвечала ограниченная монархическая власть; поэтому она устами своего «либерального» лидера (вождя) в первый же день революции, когда волна революции клокотала вокруг стен Таврического дворца (Государственной Думы), призывала «на трон своих предков» Михаила Романова вместо Николая...

Когда выяснилось, что монархия смыта волной революции, буржуазия «примирилась» с республикой, но стремилась изо всех сил ограничить социальный размах революции, оттянуть по возможности решение социальных вопросов (земельный вопрос, рабочий). Временное Правительство, составленное из крупных фабрикантов, землевладельцев, купцов и их прихвостней [1]), должно было стать организованной властью буржуазии, и она кричала на всех перекрестках о поддержке этой «народной» власти, о самозванстве создавшегося из среды революционных народных масс Совета Рабочих и Солдатских Депутатов. Она стремилась продолжать захватническую войну в согласии с империалистическими «союзниками» (Францией, Англией, Италией и т. д.) до победоносного конца, т.-е. до ограбления Турции и захвата у нее Армении, Дарданелл и Константинопольского пролива.

Рабочие и крестьяне уже с первого дня революции рвались скинуть иго власти господствующих классов.

Они — вместе с армией, вышедшей из их среды, — пока еще смутно, инстинктивно, признавали за с в о ю власть Со-

[1]) А. Гучков (купец), Коновалов (крупный фабрикант), Терещенко (богатейший сахарозаводчик), князь Львов (землевладелец), Милюков (буржуазный профессор), Керенский (соглашатель-эс-эр) и т. д.

веты Рабочих и Солдатских Депутатов [1]) и относились к Временному Правительству, навязанному им более опытными в деле политического обмана буржуазными политиками, недоверчиво и даже враждебно. Трудовые классы не хотели продолжения разбойничьей войны, принесшей уже столько несчастий, гибелей и разорения трудящимся и ведшейся в интересах империалистической буржуазии всех стран. Крестьяне больше всего ожидали от революции разрешения проклятого земельного вопроса, т.-е. отнятия земли у помещиков и передачи их в руки трудового крестьянства, а рабочие, сделавшие уже одну революцию и 30 лет ведшие упорную революционную борьбу против царизма и ига капитала, рвались свести свои счеты с капитализмом, державшим их под вековым ярмом.

Если бы Советы Рабочих и Солдатских (а позднее и Крестьянских) Депутатов захотели взять власть в свои руки в первые же дни революции, то Временное Правительство, а с ним все буржуазные органы власти, были бы сметены, как паутина. Но вследствие политической неопытности и слабой организованности трудящихся масс Советы попали в руки соглашателей, людей, говоривших социалистические слова, но не имевших ни воли, ни желания творить социалистическую революцию. Говоря от имени пролетариата и трудового крестьянства, они с печальным усердием звали трудящиеся массы «не увлекаться», воздержаться от власти, поддерживать буржуазное Временное Правительство и продолжать войну.

Восемь месяцев, легших между февральской революцией и октябрьской, были периодом великого брожения и борьбы между могучим социальным инстинктом трудовых масс, звавших их к полному свержению ига капиталистов и помещиков,

[1]) Пишущий эти строки был в первые дни революции председателем Совета Солдатских Депутатов одного полка в Финляндии. На заседаниях Совета, которые происходили при огромном стечении солдатского народа, на солдатских митингах, он слышал всегда один вопрос: „Ну, а Петербургский Совет—как он решил?" Всякие распоряжения, исходившие от Временного Правительства, встречали в лучшем случае полное равнодушие со стороны солдатской массы: она признавала только авторитет Совета Рабочих и Солдатских Депутатов.

и политикой социал-соглашательства, облеченной часто в яркие слова, красивые жесты и напыщенные призывы.

Это была также эпоха великой борьбы между двумя системами действия — буржуазии и пролетариата.

Буржуазия усилиями своего Временного Правительства затягивала созыв Учредительного Собрания (рассчитывая, по примеру 1848 г., овладеть положением и прибрать к рукам уставшие массы); власть буржуазии — Временное Правительство, оттягивая созыв Учредительного Собрания, не запрещала в то же время спекуляции, не останавливала купли-продажи земли (чем воспользовались деревенские кулаки, скупившие у перепугавшихся помещиков земли), не облагала налогами богатых и состоятельных людей (в интересах которых велась война), а возлагала все тяжести войны на плечи трудящихся масс, которых война разоряла и обескровливала. Она продолжала бросать, с одобрения «доблестных союзников», на фронт все новое и новое пушечное мясо. На рабочих, устанавливавших явочным порядком 8-часовой рабочий день, добивавшихся улучшения своего невыносимого положения, во много раз ухудшившегося за время войны, буржуазная власть и бурзуазная печать натравливали солдат (вы де-проливаете кровь на фронте, а рабочие здесь, в тылу, хотят пайствовать, отдыхать...) с тайным расчетом набросить друг на друга разные слои трудящихся масс, что ослабило бы их напор на твердыню капиталистического господства.

Рабочий класс в начале революции был еще слабо организован. Его партия — прежняя Росс. С.-Д. Р. П. — уже давно рассыпалась, а во время войны значительная часть прежних вождей ушла в лагерь оборончества. Только пока небольшая группа вождей и партийных работников (большевиков) остались верны славному знамени интернациональной борьбы рабочего класса (см. выше, § 94). Теперь единственно они поняли могучие устремления взволновавшихся трудовых масс, и с первого дня революции провозгласили лозунги: «Долой войну!» и «Вся власть Советам!». Рабочий класс вскоре—в Советах, профсоюзах, на выборах и манифестациях — пошел за знаменем этой группы, превратившейся в скором времени в могучую пролетарскую партию социальной борьбы и действия.

Крестьянство в деревне и солдаты на фронте тоже начинали терять терпение и массами пошли за теми, кто звал их к решительным действиям, к прекращению войны, к экспроприации (отнятию у помещиков) земли и захвату власти трудящимися. Братанье на фронтах, выступления рабочих масс в городах с требованиями «власти Советам!», скорейшего созыва Учредительного Собрания и прекращения войны, крестьянские волнения, возраставшее революционное настроение в Советах с переходом их рабочих элементов на сторону большевиков, — все это потрясало слабое здание новой буржуазной власти.

Июльское выступление петроградского пролетариата опрокинуло первое Временное Правительство и открыло эру министерской чехарды — ряда сменившись друг друга «коалиционных правительств» из представителей буржуазии и «социалистов»-соглашателей.

Если пролетариат являлся классом-вождем в развертывавшейся социальной революции, то партия его должна была стать руководительницей этого класса; выразителем — в ясных формулах классовой борьбы — его стремлений. Она должна была стать и вскоре стала силой, направляющей организованные действия пролетариата и идущих за ним трудовых слоев населения. На VI с'езде Р. С.-Д. Р. П. (большевиков), созванном (полулегально) вскоре после революции, присутствовало 157 делегатов от 200.000 членов партии; на этом с'езде определилось мнение партии о февральской революции, как о первом и решительном шаге к ней. Лозунгом партии стало — подготовлять пролетарские массы к захвату власти (диктатуре пролетариата). Из этого делался вывод о необходимости беспощадной борьбы с Временным Правительством и поддерживавшими его буржуазными и соглашательскими элементами.

Партия энергично повела такую работу во всех организациях пролетариата и во всех слоях трудящегося населения. Она и подготовила вооруженное восстание пролетариата и захват им власти 25 октября 1917 г. Растущее влияние партии увенчалось почти безраздельным господством над умами и настроениями пролетариата и трудовых слоев населения после попытки верховного главнокомандующего Корнилова проиг

вести государственный переворот, который должен был лишить Советы всякого влияния на ход политических дел. Эта контр-революционная авантюра показала трудящимся массам, что нельзя медлить, а бешеный восторг буржуазии, которым было встречено известие о попытке переворота, и ее растущие агрессивные действия по отношению к пролетариату, ее угрозы и намерения «удушить революцию костлявой рукой голода», локауты (т.-е. массовые увольнения рабочих), борьба с рабочими организациями и т. п., — все это толкало на путь, на который звала партия пролетариата — на путь октябрьской революции.

§ 96. **Октябрьская революция 1917 г.** Пролетарская революция начала подготавливаться большевиками в сентябре

Октябрьские дни в Петербурге. У Смольного.

1917 г. на целом ряде совещаний ответственных партийных работников. Настроения организованных рабочих (профсоюзов, ставших потом в момент октябрьского переворота штабами пролетарской революции), Петроградского Совета, все более и более проникавшегося большевизмом, широких солдатских и крестьянских масс, все сулило победу пролетарскому восстанию. 16-го октября (ст. ст.) пленумом Петербургского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов был образован, по предло-

жению большевиков, Военно-Революционный Комитет из представителей военной организации большевиков, солдатской секции Совета и военной организации левых эс-эров, стоявших тогда за октябрьский переворот. По учету этого комитета, петербургский гарнизон был почти целиком за власть Совета (не считая юнкеров и «ударников»). Социал-соглашательский краснобай («главноуговаривающий»), глава Временного Правительства, Керенский, чуя беду для буржуазной власти, отдал приказ об аресте Военно-Революционного Комитета. Ответом на это было восстание в ночь на 25 октября, отдавшее власть в руки происходившего в это время Всероссийского С'езда Советов, большинство представителей которого принадлежало к партии большевиков (Петербургский Совет незадолго до этого почти целиком перешел на сторону большевиков, сбросил руководительство социал-соглашателей Чхеидзе и др. и избрал своим председателем тов. Троцкого). С'ездом было образовано Рабоче-Крестьянское Правительство («Совет Народных Комиссаров») с председателем В. И. Лениным-Ульяновым. Попытка скрывшегося от ареста Керенского повести борьбу с помощью казачьих частей, вызванных им с фронта, потерпела плачевное фиаско: петербургские рабочие, кронштадтские матросы, солдаты, — все встали на защиту своей власти и отразили контр-революционный поход. Несколькими днями позже, после жестокого боя, власть была захвачена трудящимися и в Москве, а затем почти без боя во многих других городах и во всех областях России. Фронт целиком перешел на сторону Советской власти.

ОЧЕРК СЕДЬМОЙ.

БОРЬБА ПРОЛЕТАРСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ ЗА СУЩЕСТВОВАНИЕ И ЕЕ ПОБЕДА.

§ 97. **Мировое значение пролетарской революции в России и роль Советской Федерации для мирового пролетариата.** Пролетарская борьба, видели мы выше (см. §§ 54, 70), интернациональна по самому существу своему, ибо причины этой борьбы всюду одинаковы, одинаковы и цели, которые ставит себе пролетариат во всем мире. Успех борьбы в одной стране зависит не только от условий борьбы в данной стране, но и от условий пролетарской борьбы и сознательности, и организованности трудящихся масс в других странах. Отсюда уже наперед ясно, что победа пролетариата в России — одной из величайших стран мира — и установление политического строя, отвечающего стремлениям пролетариата и достижению коммунизма, — событие мирового исторического значения для международного пролетариата и его борьбы за коммунизм. Этого не могут отрицать даже злейшие враги русской революции и международного пролетарского дела.

Однако недостаточно установить факт мирового значения русской революции — надо еще выяснить, в чем именно это значение. Значение это определяется двумя главными ролями, которые сыграла октябрьская революция: 1) самый факт пролетарской революции и захват власти пролетариатом показали, что мы уже вступили в период пролетарских социальных революций, что пробудило революционную энергию пролетариата во всем мире; 2) организация Советской власти — как государства диктатуры пролетариата — дает не только новую форму государства, в которую должна вылиться диктатура

пролетариата во всем мире, но и политическую силу, которая оказывает громадное и реальное действие на ход исторического развития в других странах, еще не совершивших, по разным причинам, своей социальной революции.

1. Пролетарская революция в России опять поставила мировое рабочее движение на рельсы революции [1]), т.-е. на тот единственный путь, по которому пролетариат может дойти до своей цели. Это — возврат на тот путь, который был указан великими вождями-теоретиками рабочего движения и классовой борьбы пролетариата — Марксом и Энгельсом.

После поражения Коммуны и распада первого Интернационала наступило уныние, которое потом сменилось проповедью малых дел. Призыв к длительной и крепкой организации политических партий пролетариата был безусловно плодотворным: прежний героический период рабочего движения показал (см. выше, §§ 66, 68 и 70), что грандиозные движения, охватывающие огромные массы пролетариата и трудовые слои

---

[1]) Влияние рабочей революции на ход европейского революционного движения сказалось не только в том, что всю среднюю и Восточную Европу охватил пожар революций, но и в характере их, в стремлении принять формы русской революции и итти по ее пути. В Германии революция началась в ноябре 1918 г. с восстания кильских моряков (2 ноября), которые арестовали своих офицеров и избрали Совет депутатов. Революционное движение быстро охватило все трудящиеся массы Германии и привело к всеобщей забастовке. 9 ноября была свергнута монархия, а 16-го открылся Всегерманский Съезд Рабочих и Солдатских Депутатов. Но в Германии (как и в России сейчас же после февральской революции) значительное влияние получили соглашательские элементы — социал-демократы большинства. Меньшинство прежней социал-демократии, образовавшие еще раньше партию „независимых“—более левое течение,—имело своих представителей в правительстве, но фактическая власть была в руках соглашателей во главе с Шейдеманном и Эбертом, социал-демократами большинства, продавшими интересы революции буржуазии. Съезд высказался за созыв Учредительного Собрания на 19 января 1919 г. Правительство правых социалистов делало все не только, чтобы удержать рабочих от выступлений, но и чтобы подавить их. Оно стремилось сосредоточить в руках „своих“ людей всю полицейскую власть и отстранило 4 января 1919 г. начальника полиции из „независимых“. Грандиозная рабочая демонстрация в Берлине 6 января, явившаяся ответом на эти попытки социал-соглашательской контр-революции—вылилась в форму столкновения с правительственными вооруженными силами. Рабочие приступили к захвату города и образовали революционный комитет во главе с Карлом Либкнехтом и Ледебуром, Но правительство социал-предателей набросило на рабочих отряды белогвардейского офицерства и буржуазной черни. Рабочие были разбиты, вожди их коммунисты-спартаковцы Карл Либкнехт и Роза Люксембург зверски убиты офицерами-монархистами при содействии социалистов большинства, а рабочие массы подверглись кровавому террору со стороны восторжествовавшей военной диктатуры буржуазии

населения, кончаются в лучшем случае в ничью, если они не находятся под руководством организованной политической партии. Правильно было и то, что рабочие массы призывались к участию в политической жизни страны еще внутри капиталистического общества: участие в «законодательствовании», парламентской жизни, в муниципалитетах (самоуправление) и т. д. (т.-е. то, что отвергалось старыми революционерами) имело свое воспитательное действие на рабочие массы, приучило их разбираться в политических вопросах, давало рабочим вождям трибуну, откуда они могли провозглашать требования пролетариата и его протест против захватнической и хищнической политики господствующих классов. Правильно было, что пролетариат призывался к борьбе за его повседневные интересы и нужды всеми путями — «легальными» и нелегальными и всеми средствами, если они не противоречили интересам будущего, стремлениям пролетариата к коммунизму. Самые великие завоевания, до-

---

(военным диктатором был назначен „социалист" Носке). В учредительном собрании большинство получила буржуазия и она получила победу, предуготованную ей социал соглашателями.

Борьба против социал-соглашательского правительства и за власть советов происходила во многих государствах и городах Германии (Бремен, Веймар, Брауншвейг и т. д.). Особенно сильной она была в Баварии (гл. гор. Мюнхен). Революционное движение, охватившее с особенной силой трудящиеся массы после убийства 21 февраля 1919 г. монархистом графом Арко главы баварского правительства, независимого Курта Эйснера, привело к установлению советской власти. Но и тут революция была подавлена (в первых числах мая) добровольческими отрядами из буржуазной черни, собранными Носке.

Новое выступление германского пролетариата 6 марта 1921 г. тоже было подавлено властью буржуазии и ее „социалистических" лакеев.

Революция в Венгрии пошла по „русскому" пути. В марте 1919 г. буржуазное правительство барона Каролыи, установившееся после падения монархии, было свергнуто и власть передана в руки советов. Во главе Совнаркома стал тов. Бела-Кун. За короткое время своего существования (132 дня) советская Венгрия проявила большую энергию в социалистическом строительстве (национализация банков, крупных промышленных предприятий и банков, регламентация торговли, работы по электрификации народного хозяйства и т. д.). Создана красная армия, которая усиливалась с каждым днем. Советской республикой была об'явлена и Словакия. Но маленькая Венгрия не могла долго устоять против напора антантовского империализма и внутренней контр-революции. Данница Антанты, боярская Румыния, двинула свои войска против революционной Венгрии, которые разбили красную армию. После этого произошел контр-революционный переворот и установилось кровавое владычество Хорти.

Знамя пролетарской революции развевалось и над Финляндией, Латвией, Эстонией (см. ниже § 100), революция там была подавлена штыками германского империализма или Антанты.

стигнутые путем стачек, бойкота, участия в парламентской деятельности, — сокращение рабочего дня, увеличение заработной платы, законодательная, хотя и куцая, охрана труда и т. д. — давали рабочему классу средство предохранения от полной физической и умственной деградации (вырождения), давали ему силы и возможность продержаться до последнего и решительного боя. Эти повседневные завоевания и победы питали уверенность рабочего класса в его силах, в побежденности организованного действия, в неизбежности победного конца усили и борьбы многих пролетарских поколений. Поэтому подлинно-революционные партии пролетариата, как российские большевики и европейские представители революционного социализма, звали рабочих к повседневной борьбе и политике.

Но революционные теоретики и вожди рабочего класса понимали парламентскую борьбу не как единственное средство, а как о д н о из средств борьбы и организации рабочего класса. Они никогда н е п о д м е н и в а л и главной цели пролетариата — достижения коммунизма и неклассового общества — мелкими и повседневными завоеваниями. Они говорили — боритесь, не гнушайтесь и мелкими победами, но ни на минуту не упускайте из виду конечной цели — полного разгрома вражеской армии и полной и окончательной победы.

Другое дело с значительной массой вождей и теоретиков из II Интернационала. Во всех почти странах, как мы видели выше (см. §§ 72, 73), начали приобретать влияние такие «социалисты», такие вожди, которые отодвигали социалистический идеал в туманную даль и считали парламентскую работу и вообще мирную органическую деятельность не одним из средств подготовления пролетарской революции, а панацеей (единоспасающим средством) всех социальных зол. Революционному знамени, революционному действию остались верными в подлинном смысле слова очень немногие; большинство сохранило революционную фразеологию для больших парадов, а всякие соглашатели разных толков (бернштейнцы, брусисты, мильеранисты и т. д.) открыто отвергали всякую идею революции и смеялись над диктатурой пролетариата, как над бредовой фантазией. Доходили до того, что отрицали и самую теорию неизбежности крушения капитализма (Zusammen-

bruchstheorie), к которому должны привести заложенные в капиталистическом обществе противоречия (см. выше, § 49). Теория классовой борьбы подменивалась теорией общественной гармонии и сотрудничества классов. И этот яд соглашательства многие годы прививался рабочей массе...

И уже русская революция 1905 года дала толчок оживлению рабочего движения на Западе. Мировая империалистическая бойня показала, что все разговоры о «мирном развитии», «гармонии» и пр. — вздор, что «сотрудничество классов» — вода на мельнице буржуазии, а для пролетариата — гибель миллионов и полное разорение; октябрьская же революция красноречиво засвидетельствовала, что стремление пролетариата к захвату власти — не бредовая идея, а реальный факт пролетарской борьбы, и пролетарская революция в России стала призывным сигналом мировой социальной революции. Она показала, что мы живем в такой период мирового исторического развития, когда осуществление коммунизма становится вопросом современности [1]).

---

[1]) Меньшевики любящие без конца повторять имя Маркса (о них-то и говорилось: не всякий глаголящий Господи, Господи внидет в царство небесное), называют пролетарскую революцию в России выкидышем: она, мол, родилась преждевременно, в результате преждевременных родов и т. д. Почему эти гинекологи считают роды преждевременными? Потому, заявляют они с ученым видом знатока-марксиста, что объективные условия в России не „созрели" для пролетарской революции: крестьянская страна, недостаточно развитой капитализм, малочисленный пролетариат и т. д. и т. д. Но эти господа—сознательно или бессознательно—упускают из виду одно: что когда марксисты говорят об об'ективных условиях, они говорят об условиях развития капитализма в мировом масштабе, а не в одной какой-нибудь стране. И вопрос должен быть поставлен так: находимся ли мы в фазе всемирно-исторического развития, когда захват власти пролетариатом становится вопросом современности? Да, находимся, скажем мы, ибо мировой капитализм разлагается, а мировой пролетариат достиг такого значения в мировом хозяйстве, что может и должен взять власть. Но почему именно в России—отсталой стране—вспыхнула пролетарская революция, а не в капиталистически развитой Германии или Англии? Они тут обнаруживают такой глубокомысленный и просвещенный взгляд на мировой процесс исторического развития, как один мой знакомый якут по давней ссылке, который уверял меня, что у человека болит желудок потому, что в этом самом желудке сидит птица и делает тук-тук. Что желудок может болеть в результате общего расстройства организма, мой бедный якут не догадывался. Давно потерявшие свои революционные марксистские документы меньшевики никак не могут догадаться, что революция в одной стране может вспыхнуть в результате общего расстройства мирового капитализма. Больше того, она должна была вспыхнуть именно в такой стране, где противоречие между существующими фор-

Маниловы, мещане и соглашатели всех стран обращали взоры трудящихся к далекому розовому будущему (что-то вроде царства небесного, которое сулилось обездоленным вместо реальных земных благ); пролетарская революция обратила эти взоры на грешную землю, на современность с ее тяжелой и кровавой действительностью и сказала: действуй.

2. Советское государство, созданное революцией, страдает еще многими несовершенствами, аппарат власти и управления еще недостаточно налажен, еще беспрерывно переделывается, совершенствуется, но это — первое государство трудящихся в мировой истории. Это — первое государство, представляющее аппарат власти трудящихся и поставившее своею целью осуществление коммунизма. Это значит, что государство и внутри сферы своего управления и вне ее (в других странах) поддерживает и организует только то, что по его разумению и силам ведет к наискорейшему осуществлению конечных стремлений трудящихся. Государству приходится, к несчастью, уступать, иной раз отступать, уступать жестокой необходимости и силе тяжких обстоятельств, но, что бы оно ни делало, оно ставит одну цель — удержать власть в руках трудящихся для построения лучшего коммунистического общества.

Это делает советское государство центром притяжения для пролетарских масс всех стран и предметом свирепой ненависти для всемирной буржуазии. Существование советского государства, как реальной силы пролетариата, внесло в великую мировую борьбу между двумя мирами такую силу, на которую один мир — мир пролетариев и угнетенных народов —

мами (крепостническое самодержавие) и исторически-назревшими потребностями (разрушение капитализма и построение социалистического общества) стало особенно вопиющим. А великая французская революция, завершившая победу капиталистической буржуазии, вспыхнула именно в классической стране капитализма хотя бы в Англии, напр.? Это меньшевиков почему-то не удивляет. Забывают еще, что в России были резко выражены черты крупного трестированного капитала и что пролетариат тут представлял в больших городах крупную компактную революционную массу, за которой должно было пойти крестьянство, ибо крестьянству не за кем другим было итти в своих освободительных и социальных стремлениях (к захвату помещичьей земли).

стремится опереться и которую другой мир — мир буржуазной контр-революции — стремится уничтожить.

§ 98. **Причины гражданской войны и неизбежность победы пролетарской революции.** Социальная революция, совершенная могучим порывом пролетариата в союзе с трудовыми крестьянскими массами, в один день отстранила от политической власти и многовекового экономического господства класс капиталистов и помещиков с их прислужниками и наемниками. Это не «случайное явление» (как еще долго после октябрьской революции трубили враги пролетарского дела), не плод «слепой стихии», не «бессмысленный бунт» и т. п. Нет, эта революция была не только неизбежна, но и полна глубокого исторического смысла.

Ибо революция, всякая революция, есть насильственный переход власти от одного класса к другому. Без этого перемещения власти нет революции, нет оформленного переворота в общественных отношениях. И именно та «революция», которую предлагали и отстаивали «глубокомысленные» и умеренные социал-соглашатели всех мастей, — февральская революция, не завершенная красным октябрем, — была бы «бессмысленным бунтом», только «слепым стихийным взрывом» и т. д.: власть осталась бы в руках прежних господ... И в самом деле, какой был бы смысл в великих потрясениях, в неимоверных усилиях трудящихся масс, в колоссальных жертвах, если бы все осталось на деле по-старому?

Некогда, в пору буржуазных революций (как, например, Великой Французской Революции, см. выше, § 64), во главе революции стояла буржуазия и она, пользуясь фактическими усилиями трудовых масс, которые она могла повести за собою, исторгала власть из рук соперника — дворянской и помещичьей клики — и захватывала ее в свои руки. Такая революция имела исторический смысл. Но в пору, когда вождем революции является пролетариат, а у власти находится буржуазия (действующая в трогательном союзе с помещиками), буржуазная революция (за которую ратовали меньшевики и эс-эры), — полная бессмыслица, историческая нелепость.

Так же неизбежна и в то же время глубоко осмысленна была гражданская война, последовавшая на второй день после социальной революции. Гражданская война есть ожесточенная форма классовой борьбы, форма открытого вооруженного столкновения между враждебными классами. И те, которые, подобно меньшевикам, говорят, что они за классовую борьбу, но против гражданской войны, напоминают (в лучшем случае) дурачка, который подносит горячий факел к пороху и говорит: «не взрывай». Классовая борьба есть беспрерывный ряд классовых столкновений мелких и крупных, охватывающих более или менее широкие массы, удачные или неудачные, в тот или иной момент; этот ряд столкновений, накапливая энергию борьбы и классовой ожесточенности, неизбежно д о л ж е н привести к одному великому, открытому, вооруженному столкновению, называемому гражданской войной и вспыхивающему в момент социальной революции, когда новый класс захватывает власть, а старый бросает все на весы истории, чтобы этой власти не отдать или взять ее обратно.

И вполне понятно, что буржуазия, оглушенная ударом октябрьской революции и отстраненная от кормила правления могучим пинком пролетарской ноги, уже на следующий день стала собираться с силами, чтобы, улучив момент, нанести смертельный удар еще молодой, не окрепшей пролетарской власти и захватить обратно руль господства в свои руки. Понятно также, что пролетариат и трудовые массы должны были напрячь все свои силы, чтобы свою власть защитить, удержать, укрепить: потеряв власть, они потеряли бы в с е, и попали бы под ярмо рассвирепевшей буржуазии, — еще более тягостное и ужасное положение, чем до революции. Для достижения своей цели — устроения неклассового общества, общества без классов и классовой борьбы — ему необходимо во что бы то ни стало утвердить свою диктатуру, классовую пролетарскую власть, которая, с одной стороны, будет подавлять всякие происки и реставрационные [1]) поползновения, а с другой — твердой рукой строить пролетарское хозяйство — необходимое условие осуществления коммунизма. Борьба за

[1]) Р е с т а в р а ц и я—восстановление старого строя.

пролетарскую власть есть борьба за временную власть, за средство осуществления коммунизма, но самое главное и решающее средство, ведущее наиболее коротким и верным путем к цели. Власть для пролетариата не есть плод «властолюбия» или стремления к господству; она для него — вопрос жизни, вопрос осуществления его освободительных стремлений, вопрос освобождения труда и уничтожения всякого классового гнета. И было бы величайшим преступлением и безумием не защищать до последней крайности той власти, которую пролетариат завоевал в результате великой борьбы и великих жертв и усилий.

И пролетариат в союзе с трудовыми массами со всем революционным пылом, свойственным молодому революционному классу, борющемуся за правое дело, ринулся в бой, навязанный ему контр-революционными и наглыми прежними хозяевами жизни.

Гражданская война велась на трех главных фронтах контр-революции:

1) На фронте внутренней контр-революции, буржуазной и социал-соглашательской. Коноводом этой контр-революции была крупная буржуазия: бывшие фабриканты и помещики, высшие чины армии, вербовавшиеся до революции из помещиков и богатеев, и т. д. Эти элементы сами по себе представляли бы совершенно ничтожную силу, мало опасную для пролетарской революции, если бы в их интересах не действовали деревенское кулачество, колеблющиеся и малосознательные слои мелкой буржуазии и соглашательские элементы интеллигенции. Эти последние не говорили прямо: «мы хотим торжества крупной буржуазии» или «мы — против революции». Это было бы менее опасно: перед пролетариатом и трудящимися были бы открытые враги, с которыми легче справиться, чем со скрытыми врагами, прикрывающими свои контр-революционные действия революционными (а иной раз даже «страшно» революционными) словами. На деле они вызывали кулацкие восстания, увлекали на путь борьбы с советской властью несознательные элементы деревни, запутавшиеся в сложной обстановке революции; на деле они действовали заодно с лютыми врагами трудящихся.

2) Довольно грозным фронтом для пролетарского государства оказались сепаратистские [1]) устремления мелко-буржуазных элементов и интеллигенции окраин, переплетавшиеся с контр-революционными моментами, стремлениями окраинной и даже «великорусской» буржуазии. Опасность была не в самом стремлении к самостоятельному национальному существованию. Уже II С'езд Советов, поставивший у власти рабоче-крестьянское правительство, провогласил «право народов России на свободное самоопределение вплоть до отделения и образования самостоятельного государства». И в своей практике советская власть была совершенно чужда стремлению к обезличению национальностей и насильственному удержанию их в границах прежней Российской империи.

Опасность заключалась в том, что контр-революционная буржуазия и мелко-бурзуазная стихия сделали из этих стремлений, питавшихся раньше десятилетиями и веками национального угнетения и губительной для народов России великодержавной царской политики, — орудие разложения фронта трудящихся. Трудящиеся окраины неизменно стремились к единому фронту, единому, вместе с трудящимися России, действию и выступлению против капиталистического мира, мелко-буржуазные же вожди-соглашатели и стоявшие за их спиной крупные буржуа по большей части из злостнейших руссификаторов [1]) сбивали народные массы на путь соединения с силами империалистических хищников и борьбы с трудящимися России и их властью. Это обнаружилось уже на Брестских переговорах: украинские шовинисты [2]) предпочли союзу с Советской Россией союз Украйны с империалистической Германией — той кайзеровской Германии, которая да-

---

[1]) Сепаратизм — стремление к отделению к обособлению.

[2]) Руссификатор — стремящийся к обрусению нерусских народностей. Политика царского самодержавия на окраинах, угнетавшая в интересах господствующих классов народные массы завоеванных областей, сделала из руссификации одно из самых мучительных орудий пытки для угнетенных национальностей.

[3]) Шовинизм — доведенное до крайней степени нерасположение или даже презрение к другим народностям при преувеличенном признании превосходства своей национальности. „Квасной патриотизм" — понятие близкое к шовинизму.

вила военным сапогом в колониях и у себя дома все маленькие народности. Господам «националистам» не было по пути с Россией трудящихся, разрубившей одним ударом революционного меча все путы национального угнетения. Позже мы видим, как господа шовинисты якшаются с «великими державами» Антанты, доведшей во всем мире угнетение слабых народов до полного физического и духовного истощения. Ясно, что эти сепаратистские стремления не носили в себе ничего освободительного (в этом случае они имели бы единственный путь — соединение этих стремлений со стремлениями и усилиями Советской России), что они были по существу стремлением к буржуазной реставрации. Трудящиеся России — в союзе с трудящимися окраин — должны были положить не мало сил, чтобы разгромить э т о т фронт контр-революции.

3) Наиболее грозным фронтом был фронт всего капиталистического мира, ополчившегося на русскую революцию. Революционная Россия очутилась лицом к лицу с могущественными капиталистическими державами, не только совершившими на нее бесчисленный ряд нападений и стремившимися удушить ее прекращением притока жизненных средств, но и питавшими и провоцировавшими внутреннюю и окраинную контр-революцию.

Все эти силы буржуазной контр-революции переплетались и соединялись в одном стремлении — удушить пролетарскую революцию, уничтожить пролетарскую власть и взять народ «восставших рабов» под ярмо буржуазного владычества.

В этой титанической борьбе революции за жизнь бывали моменты, когда, казалось, рабоче-крестьянская страна цепенела в последних судорожных усилиях. Бывали моменты, когда границы пролетарского государства все суживались и приближались чуть ли не к самому сердцу революционной России — к Москве и Петербургу, к воротам которого уже подходили враги трудящихся. Голод, холод, болезни довершали, казалось, гибель пролетарской революции.

Но могучий энтузиазм трудящихся масс не только превозмог все трудности, но и создал вооруженную силу революции — Красную Армию (см. ниже, § 102) и руководящую ве-

ликой борьбой и строительством партию (Р. К. П.). С невиданным в истории порывом трудящиеся массы разбили окружение капиталистического мира и внутреннюю контр-революцию.

Это кажется почти чудом, каким-то неожиданным волшебством. Но победа пролетарской революции коренилась в самой природе классовой борьбы пролетариата. Интересы пролетариата едины. В его рядах нет групп, интересы и стремления которых противоречили бы друг другу. Интересы же разных групп буржуазии и разбойничьих империалистических клик различны, противоречивы и вступают в постоянные столкновения. Пролетариат шел одним фронтом, трудовое крестьянство шло за ним главной своей массой, даже колеблящиеся элементы мелкой буржуазии хотя иногда и отстаивали, но, после каждой «приятной» встречи с конт-революцией опять бросались в об'ятия революции. Буржуазный же и соглашательский мир раздирался внутренними противоречиями. Об'единенные свирепой ненавистью к пролетарской революции, они, однако, не могли об'единиться в тактике борьбы: каждый боялся, как бы «благородный сосед» не награбил больше, чем он.

Единство пролетарской борьбы разбило атаку мировых и отечественных хищников.

§ 99. **Внутренняя контр-революция и победа советской власти.** Уже на второй день после октябрьской революции власть, поставленная советами труда, приступила к своей работе — к устранению от власти и обладания богатствами страны нетрудовых элементов и передаче этой власти и богатств в руки трудящихся. Первым шагом к этому должно было быть прекращение империалистической войны. После целого ряда шагов, предпринятых в целях заключения справедливого мира, Советская Россия была вынуждена подписать 3 марта 1918 г. тяжелый Брестский мир (см. ниже, § 101), давший тем не менее рабочим и крестьянам передышку — возможность вернуться к мирному созидательному труду и укреплению своей власти. Рабоче-крестьянской власти в силу необходимости, разорения, усталости масс и т. д. оставалось надеяться на неизбежную революцию в Германии (надежды, вполне оправдавшиеся).

Крестьянам была отдана вся земля, конфискованная у помещиков, без выкупа; эту величайшую и первую в мировой истории реформу провел тот же II с'езд Советов, который поставил во главе страны рабоче-крестьянское правительство (закон о социализации земли был принят III с'ездом Советов в январе 1918 г.).

Рабочим был сначала предоставлен контроль (надзор) за производством, что должно было положить, прежде всего, предел хищничеству и саботажу хозяев — фабрикантов и заводчиков; в скором времени к рабочим стало переходить и управление предприятиями (декрет о переходе в собственность Российской республики наиболее крупных и важных отраслей торговли и промышленности был опубликован 30-го июня 1918 г.).

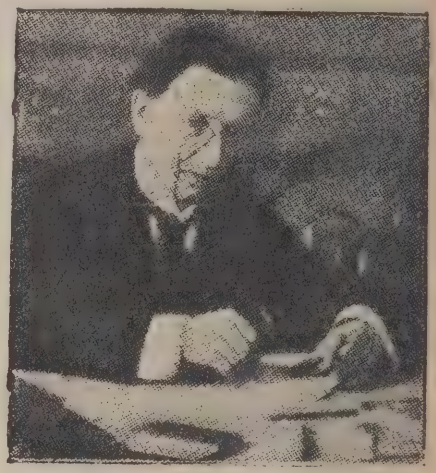
Целый ряд политических реформ, которые проводились в жизнь без всяких колебаний и оглядываний назад, смел без остатка все ограничения крепостнического порядка, все сословные, национальные, половые, групповые утеснения. То, чего «демократия», на все лады повторявшая слова «свобода и равенство», фактически не сумела осуществить в течение столетий, пролетариат совершил в один исторический миг.

Советская власть, как мы видим, сразу же вступила на путь хозяйственного и политического строительства. Но с первых же дней октябрьской революции против нее ополчились все силы буржуазной контр-революции и социал-соглашательской измены.

Первые наскоки контр-революции (поход Керенского, юнкерское восстание) были отражены, но уже первые шаги, первые усилия пролетарского государства, направленные к урегулированию настоящей трудовой жизни, были встречены бойкотом и саботажем так называемой интеллигенции. Чиновники, конторщики, служащие, учителя и т. д., которые охотно или неохотно служили буржуазному владычеству, отказались служить пролетарской власти... Когда, обманутые в своих надеждах на скорое падение Советской власти, они вернулись к своим конторкам, письменным столам и пюпитрам, они еще долго работали, как военнопленные или арестанты. Новый класс, взявший власть, не может в достаточном количестве и

степени иметь нужных всякому управлению специалистов (они нарождаются и воспитываются в сравнительно долгие периоды времени). Поэтому бойкот «трудовой интеллигенции» был первым чувствительным ударом буржуазной контр-революции по рабоче-крестьянскому делу.

М. М. Володарский [1]).



М. С Урицкий [2]).

[1]) Володарский (Моисей Маркович Гольдштейн)—деятель революционного рабочего движения в России и Америке, участник октябрьской революции. Род. в еврейской семье на Волыни в 1891 г. 14-летним мальчиком уже участвовал в крестьянском движении 1905 г. Исключенный за „политическую неблагонадежность" из 6-го класса гимназии, он целиком отдался революционной работе. Арестованный в 1908 г. и вскоре освобожденный, он перешел на нелегальное положение, исполняя обязанности агитатора (он уже тогда выделялся своим ораторским талантом) среди крестьян и еврейских ремесленников Волыни и Подолии. Арестованный в 1911 г., он был сослан в Архангельскую губернию на 3 года. По возвращении из ссылки он—преследуемый полицией и жандармерией—уехал в Северную Америку. Там он принимал деятельное участие в рабочем движении, а во время империалистической войны вместе с тов. Бухариным и Чудновским участвовал в издании интернационалистской газеты „Новый Мир" (в Нью-Йорке). Вернувшись после февральской революции 1917 г. в Россию, в Петербург, он вступил в ряды интернационалистов, а вскоре в партию большевиков. Начав с роли районного агитатора (в Петергофско-Нарвском районе), он вскоре сделался (благодаря своим выдающимся ораторским способностям и пламенной преданности идее пролетарской революции) членом Петербургского большевистского комитета и одним из главных его агитаторов. После июльского выступления петербургского пролетариата (см. выше § 95),—когда тов. Ленин и Зиновьев вынуждены были уйти в подполье, а Троцкий, Каменев и Луначарский были арестованы,—Володарский сделался одним из самых ответственных работников партии. Когда в С. Р. и С. Д. большинство было завоевано большевиками, он был избран в президиум ВЦИК. Участвовал на II, III и IV с'ездах советов. Редактировал народную „Красную газету". С образованием в 1918 г. Петербургской Коммуны он был избран

Внутри Р. С. Ф. С. Р. почти не прекращались козни буржуазной и социал-соглашательской контр-революции. Вот длинный ряд этих козней: заговоры против Советской власти, убийство из-за угла испытанных борцов и вождей рабочего класса — Володарского (20 июня 1918 года), Урицкого (30 августа 1918 года), покушение на убийство вождя пролетарской революции тов. Ленина, убийство по приговору левых с.-р. германского посла графа Мирбаха, что по тяжелым обстоятельствам времени могло вызвать величайшие осложнения для неокрепшей еще Р. С. Ф. С. Р., нелепый мятеж левых с.-р. 6 — 7 июня, восстание в Ярославле, провоцированное авантюристами из лагеря правых с.-р., плясавших под дудку антантовских дипломатов, и т. д., и т.п.

Помещики, фабриканты, купцы, высшие чины царской армии, высшее духовенство, деревенские кулаки, — все об'единились для борьбы с трудящимися. Внутри России они вдохновляли и субсидировали все заговоры и восстания, а на «мирных» своих постах, на которых они пока были оставлены, «в

на пост комиссара по делам печати, пропаганды и агитации. Это снискало ему особую ненависть врагов пролетарской революции и 20 июня 1918 г. он—по дороге на митинг—был предательски убит правым эс-эром в селе Фарфоровом под Петербургом.

[2]) Моисей Соломонович Урицкий—один из первых деятелей рабочего движения в России, участник Октябрьской революции. Род. в 1873 г., Еще на школьной скамье организовал соц. демократ. кружок. В Киевском университете (который он кончил в 1897 г.) примыкал к кружкам марксистской революционной молодежи, Через 8 дней после поступления на военную службу был арестован за принадлежность к соц.-демократической организации и с тех пор начались его скитания по тюрьмам и ссылкам. Сосланный в Якутскую область, он в 1905 г. вернулся в Россию и сразу бросился в водоворот революционной деятельности. С начала 1906 г. начинается опять его страда тюрем и ссылок. В промежутках между тюремными сидениями работал в самой гуще пролетарских масс. Хотя он принадлежал к меньшевикам, но когда началась империалистическая война, он сразу стал в ряды непримиримых врагов этой бойни и, примкнув к газете „Наше Слово", он вместе с тов. Троцким повел решительную борьбу против социал-шовинизма. После февральской революции 1917 г. он, стоя на точке зрения пролетарской революции, примкнул к большевикам и деятельно участвовал во всех мероприятиях партии. Как член Ц. К. большевиков он высказался в октябре за восстание и принимая выдающееся участие в организации октябрьской революции (и он выдвигался своими замечательными организаторскими способностями). Когда потребовалась жестокая борьба с происками контр-революции, он—человек сильной воли, но добрейшей души—пошел по повелению партии, на пост председателя Ч. К. в Петербурге. На этом посту он, беспощадно борясь с контр-революцией, принимал все меры к тому, что бы не было излишних репрессий. 30 августа 1918 г. убит студентом Канегиссером.

своих предприятиях», они делали все, чтобы причинить вред и расстройство с трудом налаживавшегося хозяйства, разоренного войной. Они умышленно саботировали производство, доведили его до упадка, до разорения.

Все эти формы борьбы внутренней контр-революции с пролетарской властью пользовались энергичной поддержкой «союзных» посольств и антантовских агентов и шпионов. В период так называемой малой интервенции [1]) союзные посольства — в особенности французское с Нулансом во главе — сделались очагами организации белогвардейщины. Они снабжали деньгами и директивами [2]) всякие офицерские организации — «национальный центр», «союз защиты родины и свободы», и противо-советские партии и группы вроде правых эс-эров. Ярославское востание (в июле 1918 г.) было организовано известным авантюристом, правым с.-р., Борисом Савинковым, по указанию представителей Антанты в России. Теперь уже точно установлено, что правые с.-р., предпринимавшие ряд мероприятий против советской власти, находились в тесной связи с французской миссией. Целый ряд покушений внутренней контр-революции на власть рабочих и крестьян поддерживался английскими представителями в тот период, когда они еще находились на территории Р. С. Ф. С. Р. (подготовление английским лейтенантом Сиднеем Рейли захвата белогвардейцами Вологды, попытка британского представителя в Москве Локкарта подкупить латышских стрелков для устройства переворота и т. д.). Тайные собрания отечественных и иностранных белогвардейцев были обнаружены (август 1918 г.) в доме американского консульства в Москве и в английском посольстве в Петербурге.

Одним словом, все контр-революционные попытки «отс-

[1]) Интервенция—вмешательство одного государства во внутренние дела другого. Малой интервенцией называют вмешательство „союзников" (Франции, Англии, Италии, Америки, Японии и целого ряда мелких государств, являющихся игрушкой в руках этих крупных хищников) в дела революционной России в течение, главным образом, 1918 г. В это время „союзные" посольства еще оставались на территории России, хотя они отказывали советской России в официальном признании и не находились с нею в официальных дипломатических сношениях. Натиск на позиции пролетарской революции еще не имел открытой формы войны.

[2]) Директива—руководящее указание.

честенных» врагов рабоче-крестьянской власти поддерживались и часто вдохновлялись иностранным империализмом. Те господа, которые раньше кричали о защите «дорогого отечества» (т.-е. буржуазного государства), которые звали и гнали рабочие и крестьянские массы на убой и убийство, теперь вдруг забыли о «верховных правах» родины. Рабоче-крестьянская страна перестала быть родиной буржуазии и ее прислужников: так пусть же лучше иностранные капиталисты в ней распоряжаются, чем «собственные» рабочие и крестьяне.

Но для рабочих и крестьян, для которых прежняя царская Россия была хуже тюрьмы и каторги, — теперешняя революционная Россия стала социалистическим отечеством, и они защищали эту Россию до последней капли крови.

В первый год после октябрьской революции от революционной России были отрезаны германским империализмом, при содействии местных контр-революционных кругов, Прибалтийский край, Украйна и значительная область от Орши до Гомеля. Дальнейшее растерзание революционной России исходило от внутренней контр-революции при содействии иностранных штыков и денег.

Самая трагическая страница в истории великой борьбы революции за существование связана с чехо-словацким мятежом. Еще во время брестских переговоров чехо-словацкие части австро-венгерской армии (перешедшие во время империалистической войны на сторону России), начали, по указанию из Парижа, эвакуацию из России через Сибирь и Дальний Восток. Они намеревались пробраться кружным путем во Францию для участия на западном фронте в борьбе с Германией. Так как в этих чехо-словацких частях насчитывалась огромная цифра в 80.000 чел., а железнодорожное движение по Сибири, и прежде крайне скудное, за время войны значительно расстроилось, то чехо-словацкие эшелоны растянулись длинной лентой по Сызрано-Вяземской, Самаро-Златоустовской и Сибирской железным дорогам. Подстрекаемые внутренними врагами пролетарской революции и иностранными представителями Антанты, чехо-словацкие части свергли советскую власть одновременно (в мае 1918 г.) в Пензе, Златоусте.

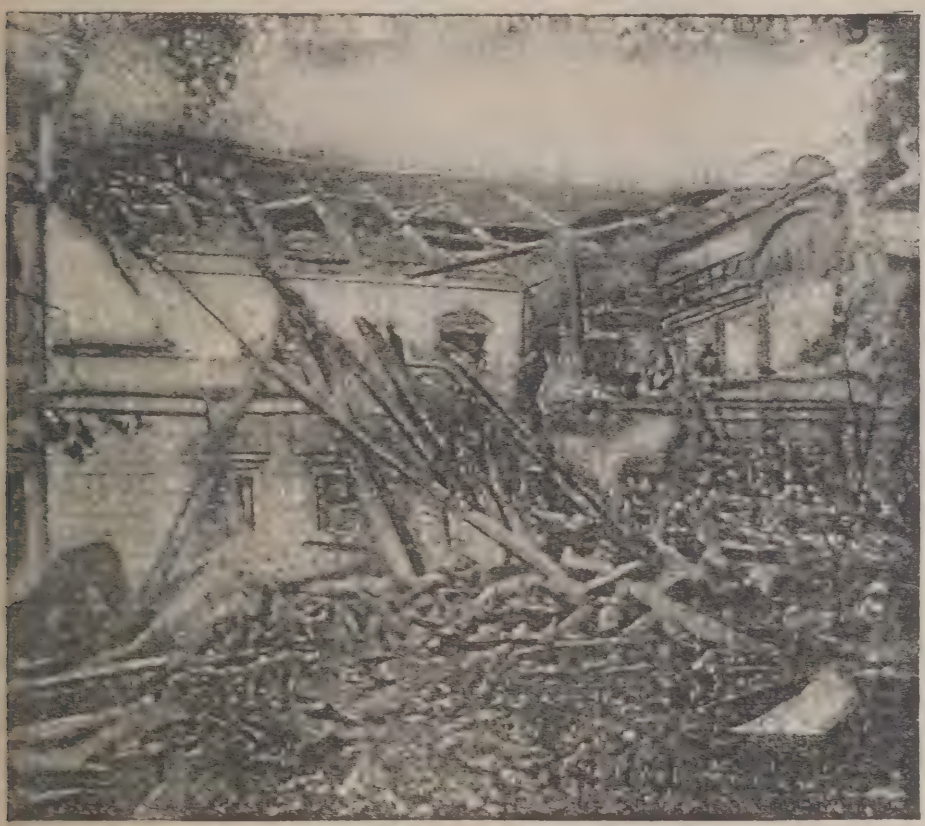
Челябинске, Марьянске (под Омском). В это время Красная Армия еще не была организована и вооруженного вмешательства огромной массы чехо-словаков оказалось достаточным чтобы дать перевес контр-революционным силам, но эти восстания были поддержаны с восторгом всеми «истинно-русскими» реакционными кругами, и на место рабоче-крестьянского правительства сел целый ряд контр-революционных белогвардейских правительств (в Самаре — эс-эровский комитет членов Учредительного Собрания, в Омске — так называемое Сибирское правительство из эс-эров и кадетов, в Екатеринбурге — Областное правительство Урала из эс-эров, кадетов и меньшевиков, в Оренбургской области — зверская диктатура атамана Дутова, и т. д.). Летом и осенью 1918 г., благодаря стараниям внутренней контр-революции, поддержанной иностранными штыками, деньгами и интригами, от революционной России на два года была отрезана огромная область к востоку от Волги...

Внутренняя контр-революция способствовала в 1918 г. всемерному уменьшению территории государства рабочих и крестьян. Когда в конце июня месяца был высажен английский десант в Мурманске, а затем начали прокладывать хищному иностранному капиталу дорогу к богатствам севера, эс-эры и белогвардейцы встретили это продвижение с восторгом и образовали контр-революционное правительство Чайковского, подвергавшее гонениям рабочих и их вождей.

В 1919 г. на той сравнительно небольшой территории, которая осталась в руках рабочих и крестьян, кипела белогвардейская и соглашательская измена, подготовлявшая путь контр-революционным полчищам, наступавшим на центры русской революции (Москву и Питер) со всех сторон (см. ниже, § 100). Заговоры, покушения на представителей советской власти и Р. К. П., взрыв в Леонтьевском переулке Московского Комитета Р. К. П. и т. п. — все это должно было ослабить способность пролетарского государства к сопротивлению и привести его к гибели.

К концу 1919 г. пролетарская Россия отбросила и сокрушила все контр-революционные армии и вознамерилась отдать все силы положительной работе, — хозяйственному стро-

ительству. Но внутренняя контр-революция не дремала. И в то время, как на советскую Украину надвигались полчища шляхетской (панской) Польши и офицерские банды истинно-русского немецкого барона Врангеля, черные силы внутрен-



Помещение М К. после взрыва в Леонтьевском переулке.

ней контр-революции организовывали всюду (и в особенности на Украине и в Сибири) бандитские нападения и восстания кулацких элементов. Махновщина [1]), савинковщина [2]), бала-

[1]) Батько Махно „оперировал" больше 3 лет на Украине. Говорить о каком-нибудь социально-политическом мировоззрении у Махно трудно (хотя он и называет себя анархистом и в „штабе" его бывали „именитые анархисты". Фактически его партизанские отряды были, в период Советской власти, средоточием кулацких и разбойничьих элементов. Способный партизан, он смог оставаться долго неуловимым (как при гетманщине и деникинщине, так и при Советской власти—в первый и второй период ее пребывания на Украине). Смерть, истязания, разрушения усеивали путь пролета его банд.

[2]) Борис Савинков до революции был одним из видных организаторов

ховщина [1]), петлюровщина [2]), несметная масса бандитских шаек, разоряли Украину и Белоруссию, доводили трудящееся население до отчаяния, разрушали все, что налаживалось мучительными усилиями Советской власти. В Сибири оперировали остатки банд, вдохновлявшихся японским империализмом, и белогвардейские шайки, рассосавшиеся по всей обширной стране и провоцировавшие то тут, то там кулацкие восстания.

К концу 1920 г. советская федерация справилась и с польскими армиями и с врангелевскими бандами. Рухнули все надежды внутренних врагов пролетарской революции на иностранную интервенцию и вмешательство белых генералов и их офицерских банд. И в течение 1921 г. внутренняя контр-революция притаилась и затихла. Последние ее потуги выразились в Кронштатском восстании (начало 1921 г.), спровоцированном социал-соглашателями и контр-революционной эмиграцией. Восстание было быстро подавлено, а вожаки разбежались... Не более удачной оказалась попытка использовать страшное несчастие, постигшее революционную Россию—голод—в целях подрыва советской власти. Советская власть разрешила организацию Комитета помощи голодающим из элементов, вражда которых к пролетарской диктатуре достаточно известна и засвидетельствована многими фактами. Советская власть пошла на это, полагая, что это может хоть в какой-нибудь мере привести к облегчению положения голодающих.

эсэровского террора. Во временном правительстве был т. военного министра (Керенского). После октябрьской революции он сделался одним из самых непримиримых и гнусных врагов русской революции. Участвовал во многих контр-революционных походах на Советскую Россию. В 1919 г. вместе с страшным и бесчеловечным генералом Балаховичем организовал на территории Польши зверские банды, наводившие ужас на пограничные с Польшей местности Р. С. Ф. С. Р.

[1]) Балахович—царский генерал, организовавший на территории Польши свирепые банды, чинившие в пограничных с Польшей местностях еврейские погромы, разгром деревень, расстрелы, пожары и грабежи. Достойным его сподвижником был Борис Савинков, бывший „революционер".

[2]) Симон Петлюра—вождь мелкобуржуазных националистических элементов Украины. Был одним из инициаторов призыва немцев на Украину в 1918 г. Участвовал в свержении гетмана. В период советской власти на Украине—вдохновитель националистическо-бандитских нападений. Участвовал в наступлении поляков на советскую Украину. Был два раза главой Украинского „правительства".

Но Комитет предпочитал прямым своим обязанностям организации помощи — противосоветскую агитацию и шашни с контр-революционной эмиграцией, окрыленной бедствиями, постигшими Россию: авось на этом Советская власть себе сломит шею!

Комитет при полном равнодушии народных масс был распущен и дело организации помощи взяло на себя само рабоче-крестьянское правительство.

Новая экономическая политика (см. ниже, § 105) закрепила за Советской властью симпатии и тех колеблющихся элементов (главным образом крестьянских средняков), которые раньше недостаточно уверенно шли за пролетарской революцией. Из-под ног внутренней контр-революции была окончательно вышиблена и эта зыбкая почва. 1922 год может считаться годом полной победы пролетарской власти над внутренней контр-революцией. Это засвидетельствовала летняя кампания 1922 г. по из'ятию церковных ценностей для помощи голодающим. Темные силы хотели на этой почве поднять народные темные массы против Советской власти, но надежды контр-революции потерпели и тут полное крушение. Духовные и светские мракобесы не только не могли вызвать взрыва фанатизма (на который и гнусная и в то же время жалкая контр-революционная эмиграция возлагала надежды), но, наоборот, подорвали к себе своими призывами об отказе голодающим в куске хлеба симпатии и тех темных масс, которые раньше за ними шли. Единственным результатом их гнусных усилий был раскол в общине верующих: все живые элементы стали отходить от старой церкви, игравшей роль лакея богатых и сильных, оплота темноты и угнетения трудящихся масс.

Вящим доказательством прочной победы пролетарской власти на фронте внутренней контр-революции является тот резкий перелом, который явно обозначился в 1922 г. в настроениях интеллигенции. За-границей из среды противосоветской эмиграции выделились наиболее идейные элементы, которые стали звать «на советскую платформу» — в Россию, на работу в контакте с советской властью. Значительная масса этой интеллигенции вернулась и возвращается на родину. Советская власть не может, конечно, считать эти шаткие эле-

менты своей опорой, но она использовывает их знания и опыт для хозяйственного строительства.

За то безоговорочной победой Советской власти являются рост пролетарской интеллигенции в последние годы и тот явный поворот в сторону пролетарского понимания, который наблюдается в последний год в среде учащейся молодежи. Это не только симптом (признак) победы, это — новые кадры работников на ниве пролетарского мышления и коммунистического строительства.

§ 100. **Контр-революция на окраинах, белогвардейская интервенция и победа пролетарской революции.** Октябрьская революция была встречена с восторгом всеми трудящимися прежней России, всеми областями и разнопленными народами. В несколько дней (максимум — недель) власть буржуазии была свергнута на всем протяжении обширнейшей территории и утверждена власть советов труда. Однако, окраины огромной царской России оказались более доступными напору контр-революционных сил по причинам, изложенным выше в § 98. И контр-революция всех мастей направила поэтому с первых же дней октябрьской революции главные свои усилия на эту слабую точку. В причудливом переплетении тут соединились агенты иностранного капитала, бывшие генералы царской армии, не один раз заливавшей кровью эти окраины, и мелко-буржуазные вожди и социал-патриоты угнетенных народов.

Стремление отделиться от российской пролетарской революции обнаружилось больше всего в среде украинской мелко-буржуазной интеллигенции. 7 ноября 1917 г. Украинская Центральная Рада опубликовала 3-й Универсал, в котором она об'являла об образовании Украинской Народной Республики. В самом факте образования из Украины самостоятельной государственной единицы не было ничего противоречащего программе Советской власти (см. выше, § 98), и тов. Троцкий на брестских мирных переговорах заявил, что русская делегация, «в полном соответствии с признанием за каждой нацией права на самоопределение вплоть до полного отделения... не имеет никаких возражений против участия украинской делегации в мирных переговорах». Но беда была в том,

что власть доставалась тут не пролетариату, а буржуазии и что Рада повела политику, враждебную пролетарской революции.

Во время декабрьского перерыва в начатых брестских переговорах, в Брест прибыла украинская делегация с Голубовичем во главе и вступила в сепаратные переговоры с представителями центрально-европейских держав. Затем, несмотря на то, что русская делегация на практике не обнаружила ни малейших колебаний в признании верховных прав Украины, делегация Рады все время на переговорах вела сепаратную политику. Она подписала 28 января 1918 года кабальный для трудящихся масс договор в то время, как русская делегация отказалась его подписать. И это было тогда, когда Центральная Рада пала и вся почти Украина, по воле ее трудящихся масс, признала Советскую власть и когда рядом с делегацией от несуществующей Центральной Рады в Брест прибыла советская украинская делегация (т.т. Шахрай и Медведь).

Это все подрывало силы революции, очутившейся и без того перед миром могучего тогда германского империализма в положении отчаяния. На ряду с другими причинами это привело к тому, что 3 марта 1918 г. русская делегация вынуждена была подписать тягчайший мир.

Чувствуя свое бессилие в борьбе с Советской властью внутри страны, мелкобуржуазные украинские «демократы» Киевской Центральной Рады обратились за помощью к германскому империализму: германский штык для них казался «демократичнее» стремлений пролетарских масс России и Украины. И германский штык не замедлил явиться.

Украина была захвачена германским империализмом, наводнившим своими войсками эту прекрасную страну. После долгих дней существования бессильной Центральной Рады, она была разогнана немецкими солдатами и германским штабом был поставлен диктатором Украины гетман Скоропадский с опереточными министрами, великолепными генералами, жадными буржуа. В стране воцарилась бесшабашная буржуазная вакханалия: бешеная спекуляция, безумное взяточничество, ограбление крестьянства, гонения на пролетариат и его

вождей, восстановление помещичьей собственности на землю и т. д. Ответом народных масс на эту политику были рабочие и крестьянские восстания с разгромом и поджогом помещичьих усадеб, стачки и столкновения в городах и т. д.

Все эти меры поддерживались силой немецких штыков, и народная ненависть направлялась как против белогвардейщины, так и против интервенции. Убийство левыми с.-рами командующего германскими войсками на Украине Эйхгорна (30 июля 1918 г.) было встречено с восторгом, а пламя горящих усадеб говорило о чувствах крестьянства к возвращающемуся помещику.

Реакционная вакханалия прекратилась лишь после германской революции (ноябрь 1918 г.), когда вместе с германскими войсками бежала и белогвардейская нечисть.

Кроме Украины, от Советской федерации были отторгнуты германскими штыками в союзе с белогвардейцами—на юге Крым (где возникло правительство из генералов и помещиков), Ростов-на-Дону (союз немцев с офицерскими бандами генерала Краснова), Таганрог и т. д. На севере были захвачены немцами при ликовании баронов и буржуазии Лифляндия и значительная часть Эстляндии, Литва, Белоруссия, Курляндия. Польша, завоеванная еще до революции, оставалась в когтях германского империализма.

Расправа баронов и буржуазии над крестьянами и рабочими в областях Прибалтики носила особо свирепый характер.[1]).

Так же трагична была и судьба Финляндии. Трудящиеся ее массы встретили пролетарскую революцию с восторгом.

---

[1]) Автор был в момент наступления немцев на прибалтику в Юрьеве (Дерпте). В первый день прихода немцев было зарублено 43 русских солдата, которые не только не оказывали никакого сопротивления, но даже не имели при себе оружия. 3 дня валялись их трупы на улицах (немцы запрещали их хоронить) и баронско-буржуазная чернь совершала паломничество на ту улицу (забыл ее название), на которой валялись эти, полузасыпанные снегом, трупы. Не помню кем подписанный приказ на немецком языке грозил расстрелом за малейшие пустяки (напр., выход на улицу позже 6 часов вечера). Господа бароны и крупные буржуа торжествовали. В имениях истязались, при помощи немецких солдат, эстонские крестьяне-батраки, в городе—полная смерть. Вся масса населения, даже лавочники, ругавшие прежде напропалую большевиков, ждала большевиков, как с п а с и т е л е й

Советская власть там утверждалась. Но финские белогвардейцы нашли себе помощника в германском империализме. 3 апреля был высажен германский десант в Ганге. Затем при героическом сопротивлении трудящихся масс соединенными силами белогвардейцев и германских войск были взяты город за городом. Ценой гибели десятков тысяч рабочих и крестьян буржуазная реакция восторжествовала...

В первый год революции (1918-й) «национальная» политика, т.-е. политика буржуазно-помещичьих групп на окраинах бывшей России, делалась главным образом германским империализмом. Но и антантовские хищники, как мы видели выше (см. § 99), не дремали. Правда, политика малой интервенции переплеталась не столько с мелко-буржуазным местным национализмом, сколько с истинно-русской контр-революцией, но результат был тот же — отторжение от Советской федерации области за областью.

Пролетарская Россия таким образом очутилась в огненном кольце враждебных ей сил, терзаемая к тому же внутри контр-революцией, разорением, голодом, холодом и т. д. Но за пролетарской властью стояли рабочий класс и трудовые массы, их энтузиазм, их решимость к борьбе. И пролетарская Россия не только выжила, но и окрепла, между тем как все образования, возникавшие под тлетворным дыханием буржуазного мира, разлагались вместе с распадом этого самого мира. В конце 1918 г. империалистический союз центральных держав распался и временно восторжествовали хищники антантовского империализма. Революция в Австрии и в Германии смели царствовавшие дома и перетолкли, как в ступе, все прежние политические отношения, и Брестский мир стал историческим фактом печальной памяти (договор был 13 ноября 1918 года аннулирован постановлением В. Ц. И. К. Советов). Россия освободилась от оков германского империализма. Были сметены все образования, вызванные к жизни немецкими штыками. На Украйне бурей крестьянских восстаний сдуло гетманщину, как паутину. Пытавшиеся овладеть народным движением мелко-буржуазные шовинистические банды Петлюры были в свою очередь снесены народной волной, принесшей на своем гребне Советскую власть (в начале 1918 года).

Германская революция и крушение германского империализма освободили область германского владычества от ига буржуазии и немецких штыков. На Украине при усилии трудящихся масс и Красной Армии быстро утвердился советский социалистический флаг. Советская республика возникла в конце 1918 г. и в Эстонии, Латвии и Литве. Но теперь на помощь буржуазно-помещичьим и шовинистическим элементам этих стран явился антантовский империализм. Господам буржуям и националистам было все равно, с кем из империалистических хищников итти, лишь бы опрокинуть ненавистную им пролетарскую власть. В странах Прибалтики рабоче-крестьянская власть была свергнута через несколько месяцев (в Латвии — в начале 1920 г.). Подстрекаемые Антантой, Латвия и Эстония вступили в борьбу с Советской Россией, а белая Финляндия всячески поддерживала эти контр-революционные выступления. При содействии Антанты и ее «независимых» северных республик стали формировать офицерские и разбойничьи банды генерала Юденича, которые двигались на красный Питер.

Еще грознее для пролетарской России сложились обстоятельства на Украине. При помощи Антанты генералу Деникину удалось об'единить все контр-революционные силы и двинуть офицерские банды и погромщицкие элементы на Украину, а затем и на внутреннюю Россию. Вся Украина при ликовании буржуазной черни была отторгнута от Советской федерации. На территории Украины действовали и националистические элементы (петлюровцы), которым и теперь оказалось по дороге — после немцев, а затем их злейших врагов, антантовских империалистов, — с реакционными шайками, шедшими под трехцветным знаменем царской России, угнетательницы и пожирательницы народов; «борцам за независимость» (т.-е. независимость от пролетарской революции) оказалось по дороге с теми, кто пошел удушить пролетарскую Россию, давшую п о л н у ю и безоговорочную свободу самоопределения в с е м народам, с теми, кто кричал о «единой» и неделимой России, т.-е. о едином и неделимом господстве российских капиталистов и помещиков.

Вся Украина была залита кровью рабочих, крестьян и

десятков тысяч людей, принадлежащих к угнетенным в царской России национальностям. Из последних особенно пострадали евреи, буржуазные слои которых ждали «добровольцев» с неменьшим нетерпением, чем истинно-русские и истинно-украинские буржуи... По самым скромным расчетам было убито и зверски замучено 125 тысяч человек еврейской бедноты. Целые местечки и городки были сожжены и снесены с лица земли.

Рабочий класс и крестьянство встретили нашествие деникинщины смертельной ненавистью, и расправа с рабочими и крестьянами была коротка — расстрелы, пытки, заточение в тюрьмы, уничтожение пулеметным огнем целых деревень и т. под.

Об отторжении всей Сибири и восточных областей Волги мы говорили выше в § 99. Там Антанта играла не на «национальных» струнах, а просто на реакционных вожделениях буржуазной черни. Главным агентом Антанты там оказался злейший японский империализм. С самого начала революции (с марта месяца 1917 г.) империалистическая Япония носилась с мыслью об удушении российской революции и протягивала свои хищнические щупальцы к Дальнему Востоку и Сибири, дабы захватить их под власть хищного японского капитализма. В начале апреля месяца 1918 г. Япония, после провокационного нападения 4 апреля на японскую контору Усиди во Владивостоке, высадила десант, к которому присоединился вскоре и английский десант. Несколько позже высадились десанты французский (9 августа), повторный английский (12-го) и американский (16-го). Не только в области, оккупированной (занятой захватным образом) Японией, но и всюду, куда достигало ее политическое и военное влияние, начали возникать очаги офицерской и бандитской контрреволюции. Япония в течение 5 лет поддерживала, вдохновляла и часто вооружала все силы, враждебные революции.

Не без влияния Японии в Пекине — главном городе Китая — образовалось белогвардейское Дальневосточное правительство генерала Хорвата (одним из его министров был известный впоследствии адмирал Колчак). В Манчжурии начали оперировать разбойничьи банды атамана Семенова, со-

вершавшие набеги на русские границы; при этом китайское правительство, не гарантируя советской территории от вторжения этих банд, заявляло, что не допустит перехода советских войск за границы Манчжурии.

После чехо-словацкого мятежа (см. выше, § 99) Сибирь оказались в тисках двойной реакции: белогвардейско-соглашательской—за Волгой и бандитско-черносотенной—на Дальнем Востоке и в Восточной Сибири. При содействии Японии верх взяла последняя. Царскому адмиралу Колчаку удалось об'единить все контр-революционные силы и повести их на Россию. Все опереточные «демократические» правительства, о которых мы говорили выше (§ 99), были разогнаны и утверждена зверская диктатура военщины. Внутренняя политика этой диктатуры была приблизительно такая же, как на Украине политика деникинщины. И колчаковщина снискала себе такую же всеобщую ненависть трудящихся масс Сибири, как деникинщина — трудящихся Украины. Японский империализм в этом реакционном действии играл первую скрипку: в 1918 г. японцы продвинулись до Читы, а в 1919 г. японские солдаты находились в бандах Колчака и в Иркутске, и в Красноярске, и в Омске и даже на Урале...

Первая половина 1919 года была, таким образом, девятым валом пролетарской революции, который, казалось, вот-вот захлестнет ее. Раздираемая внутри контр-революционными силами, Советская Россия подверглась нападению шедших с окраин реакционных и разбойничьих полчищ, перемешанных с хищниками мирового капитала.

Голод, холод, расстройство транспорта, измена, саботаж и злоупотребления примазавшихся к советскому аппарату элементов, — все это завершало печальную картину.

Что, однако, спасло рабоче-крестьянскую власть? Не только великий энтузиазм трудящихся масс, но и железная воля руководивших великой борьбой партии пролетариата Р. К. П. и железная сила, созданная революцией — Красная Армия (см. § 102).

Необходимость обороны пролетарского государства требовала крепкой организованной, вооруженной силы. В умелых руках революционных вождей—т. Троцкого и др., под руковод-

ством командиров и комиссаров из рядов пролетариата и трудового крестьянства, Красная Армия скоро превратилась в сплоченную грозную и несокрушимую силу революции.

И мощным порывом трудящихся масс и героическими усилиями родной армии железное кольцо врагов, к удивлению всего мира, было разорвано. К концу 1919 года деникинские полчища, сильно разложившиеся и подвергавшиеся еще раньше постоянным нападениям партизанских отрядов (преимущественно из украинских крестьян), откатились от Орла до крайнего юга, до Черного моря, где удержалась жалкая кучка, оставшаяся от всей деникинской рати, пощаженная советскими армиями по хитрости поднявших переговоры англичан.

Колчаковские силы рассыпались под сокрушительным ударом Красной армии, совершившей небывалый в истории переход от Волги и Вятки до Байкала. В начале 1920 г. Сибирь была очищена от сил контр-революции, остатки банд во главе с генералами бежали на Дальний Восток к Семенову, поддерживаемые японскими штыками, и в Монголию (Унгерн), часть же офицерства рассеялась по тайгам Сибири, давши впоследствии (в 20-м году) вожаков всяким кулацким восстаниям.

Та же участь постигла юденичские банды, растаявшие под напором питерского пролетариата и Красной армии.

От Архангельского правительства и английских войск, оперировавших на севере, тоже не осталось ни следа.

Таким образом Советская Россия сразу справилась со всеми врагами и вернула почти все потерянные области.

Знамя пролетарской революции не развевалось еще пока в Латвии, Эстонии, Грузии, Литве, которые образовали самостоятельные государственные единицы. Польша была захвачена германским империализмом еще до революции, а теперь представляла буржуазную республику, игрушку в руках Антанты, одержимую захватническими стремлениями всякого буржуазного государства. На юге в Крыму оставалась небольшая полоса в руках белогвардейских остатков деникинщины.

На Дальнем Востоке оставалась значительная область, в которой хотя формально и не было Советской власти, но которая пламенно стремилась к воссоединению с пролетарской

Россией. Это — Дальневосточная республика, которая возникла следующим образом.

Когда советские войска вступили в начале 1920 г. в Иркутск, Япония предложила образовать буферное [1]) государство между Россией и Японией в виде Дальневосточной республики, организованной на принципе буржуазной демократии. Россия на это согласилась, желая избегнуть открытого столкновения с Японией. Япония полагала, что эта республика фактически станет орудием ее империалистических целей, но в своих ожиданиях разочаровалась: Дальневосточная республика с самого начала своего существования вступила в такие узы именно с Советской Россией...

Советская власть всегда жаждала мира; она никогда не была воинственной: она еще в 1918 г. предлагала разные компенсации, лишь бы оставили в покое пролетарскую Россию, чтобы она могла спокойно приняться за строительство новой жизни. И теперь, когда она отразила нападения контр-революции извне и сокрушила или во всяком случае приглушила внутреннюю контр-революцию, она намеревалась все свои силы кинуть на трудовой фронт. Вождь Красной армии т. Троцкий предпринял ряд мер к организации из закаленных в боях красноармейцев трудовых армий. Р. К. П. призывала к мирной работе. Был достигнут мир с Эстонией и Латвией; велись переговоры о мире с Польшей.

Но контр-революция не унималась, и в 1920 г. революционной России суждено было выдержать еще один напор со стороны панской и украинско-польской границ. На сей раз была двинута европейским капиталом данница Франции — Польша и остатки деникинской армии, пощаженные Советской властью по просьбе Англии и превратившиеся теперь в Крымскую армию под предводительством истинно-русского немецкого барона Врангеля.

---

[1]) Буфер — приспособление, ослабляющее силу удара или толчка при столкновении двух вагонов. Отсюда под буферным государством надо понимать государство, находящееся между двумя великими державами и предохраняющее их от слишком тесного соприкасания, которое ведет к политическим столкновениям.

Контр-революционная эмиграция, злобно кликушествовавшая и неустанно звавшая вандалов капитализма к разгрому прежде «дорогого отечества», а теперь «варварской России», опять воспрянула духом. Антанта опять явилась на помощь контр-революции своим золотом, оружием, снаряжением, шпионами и политическими проходимцами...

Но и в этот раз Советская Россия вышла победительницей. Польская армия, взявшая было Киев и державшая его в руках около 3-х месяцев, была под напором Красной армии оттеснена до Варшавы, которая чуть не попала в руки советского командования. Но под действием сильной усталости и временных военных неудач Советская власть пошла на мир (так называемый Рижский мир 1920 г.). После этого силы Врангеля были сметены, как паутина. Перекопское действие вписало еще одну блестящую страницу в историю пролетарской борьбы.

С этого времени упрочение Советской власти всех народов России идет безостановочно. Измученная бессмысленными переворотами и контр-революционными нашествиями, она возродилась к трудовой жизни. Грузия сбросила власть социал-соглашателей-меньшевиков и господство бурзуазии и поставила у власти Советы. Все области прежней России с различным национальным составом населения и своеобразными условиями экономического быта превращены в автономные или совершенно самостоятельные государственные единицы. Во многих государствах Азиатского Востока, которые раньше были предметом бешеного обирательства и угнетения русского и европейского империализмов, которые были привязаны к России силой штыка, восторжествовала теперь власть трудящихся; и всюду, где она восторжествовала, мы видим влечение к Советской России, мы видим взоры, обращенные с надеждой на оплот мировой революции и дела всех угнетенных.

На этом фронте — фронте окраинной контр-революции, переплетшейся с белогвардейской и иностранной интервенцией— пролетарская диктатура победила. Она победила штыком красноармейца врагов пролетарского дела и дела угнетенных национальностей; она победила недоверие и колебания «инородческих» народных масс, (привыкших ожидать от господ-

ствующей национальности угнетения и прижима), своей политикой и практикой безоговорочной свободы национального самоопределения.

И конец 1922 г. принес пролетарской революции в этой области две награды за великие усилия борьбы: 1) Дальневосточная республика, избавившись от белогвардейщины, захватившей опять при помощи Японии Владивосток и Приморскую область, и японских войск, об'явила о добровольном воссоединении с Россией на началах советской системы; 2) по инициативе Украины и других окраинных советских государств между Р. С. Ф. С. Р., Украинской Социалистической Советской Республикой (У. С. С. Р.), Белорусской Социалистической Советской Республикой (Б. С. С. Р.) и Закавказской Социалистической Федеративной Советской Республики (Грузия, Армения, Азербейджан) заключен договор об об'единении в одно союзное государство — Союз Советских Социалистических Республик (С. С. С. Р.).

Не силой штыка, а единством интересов трудящихся всех народов вызвано к жизни это великое об'единение более чем 130 миллионов людей, занимающих 1/7 территории всего мира (20.000.000 кв. верст), и не менее 100 национальностей.

Более славной победы не знает мировая история.

§ 101. **Победа Советской власти на фронте внешней политики.** Внешняя политика буржуазного государства направлена к тому, чтобы добиться от других государств наиболее выгодных отношений. Но то, что более выгодно для одних буржуазных государств, менее выгодно для других. Внешняя политика, таким образом, построена на противоположности интересов.

В коммунистическом обществе не будет государств с противоположными интересами, не будет борьбы этих интересов и не будет, следовательно, внешней политики.

Для всех советских социалистических республик есть одно решение вопроса об отношениях между собою и другое — об отношениях между всеми советскими республиками, с одной стороны, и капиталистическими державами — с другой. Между различными советскими республиками, одинаково ставящими себе цель: осуществление коммунизма, нет и не может

быть противоречий. Распределение между ними обязанностей и ролей по управлению может строиться только на принципе технической целесообразности. Если, например, для всех республик выгодно, чтобы был один военный комиссариат (ибо только при единстве действий вооруженных сил возможно отбиться от нападения мировой и внутренней контр-революции), то они учреждают один общий комиссариат; но просвещение, скажем, может выиграть от того, что в разных республиках, с разным составом населения и разными языками и наречиями, будут разные органы просвещения — и наркомпросы учреждаются самостоятельные. Таких примеров можно привести много.

Но по отношению ко всему капиталистическому миру у всех советских республик есть внешняя политика, которая всегда остается в состоянии крайней напряженности, так как между интересами пролетарского государства и капиталистических — целая бездна противоречий.

Какова же внешняя политика пролетарского государства, советской власти, по отношению к капиталистическим государствам?

Они ничего общего не имеют с политикой буржуазных государств. Стержень политики последних — захват, империализм (см. выше, § 52); основной чертой советской политики является стремление к миру, вражда к войне, ко всяким захватам [1]).

Поэтому борьба за мир была первым и мощным лозунгом советской политики в первый день пролетарской революции. Как мы сейчас увидим, Советская власть ни на минуту не поколебалась в верности этому лозунгу.

---

[1]) Часто, по шарлатанству или глупости, говорят о „красном империализме". В этом сочетании слов столько же смысла, сколько в словах „холодный огонь" или „горячий лед" и т. д. Коммунистам, носителям идеи пролетариата, до тошноты противна даже мысль о захвате чужой земли, чужих рынков, чужих хозяйственных рессурсов и т. д. Коммунисты раньше всего интернационалисты и революционеры, и не откажут себе во вмешательстве в дела других стран, когда речь будет итти о помощи пролетарским и трудовым массам в их борьбе со своей „собственной" реакционной буржуазией. Но тут цель—не захват этих стран, не ограбление их, а торжество революции и пролетарского дела.

лает ли оно уничтожить рабоче-крестьянскую власть или получить определенную территорию?

24 октября нотой к американскому президенту Вильсону Советское правительство запрашивало об условиях прекращения интервенции, а 3 ноября оно предлагало всем державам начать с Россией мирные переговоры. VI Всероссийский С'езд Советов обратился 7 ноября к правительствам Антанты с таким же предложением. Посланный в Швецию тов. Литвинов обратился 23 декабря ко всем державам с предложением начать прелиминарные (предварительные) переговоры о мире, в начале января 1919 г. он обратился с аналогичным предложением к Вильсону. Несмотря на то, что империалистическая Франция была злым демоном Советского государства, достаточно было одного заявления ее (оказавшегося, впрочем, лживым и лицемерным) об отказе от вмешательства в русские дела, чтобы Советское правительство немедленно (17 января 1919 г.) обратилось к державам Антанты с запросом о месте и времени мирных переговоров.

В своей жажде мира Советское правительство соглашалось вести переговоры даже с белогвардейскими правительствами и делать им территориальные уступки. Это было тогда, когда 23 января, по предложению Вильсона, были приглашены представители всех правительств России на Принцевы острова для переговоров о прекращении гражданской войны и когда для выработки проекта соглашения Советского правительства с белогвардейскими был послан секретно в Советскую Россию Буллит, начальник информационного отдела американской мирной конференции в Париже. Хотя план соглашения, требовавший от Советской России великих жертв и уступок, был принят ею и даже одобрен Ллойд-Джорджем, но в это время началось успешное наступление Колчака и миролюбие Антанты рассеялось как дым. В апреле 1919 г. Советское правительство через путешественника Нансена, предлагавшего допустить в Советскую Россию комиссию для распределения продовольствия и медикаментов, из'являло свое согласие вступить в переговоры о мире. Это также осталось без результата.

Советская власть предлагала мир и в роли победителя:

победы так же не ослабляли в пролетарских и трудовых массах их отвращения к войне, как поражения — их решимости бороться за существование пролетарской диктатуры. Так, после такой славной победы, которую революция одержала над целым сонмом ее врагов — после разгрома Колчака, Деникина и Юденича — VII Всероссийский С'езд Советов вновь предложил — 5 декабря 1919 г. начать мирные переговоры; европейские «демократии» остались глухи к этому призыву.

Советское государство, чуждое империалистического высокомерия, свойственного «великим державам» (т.-е. крупным хищническим буржуазным государствам), первое предлагало мир и мелким государствам, образовавшимся на окраинах прежней, царской, России. Так, во вторую половину 1919 г. Советское правительство делало мирные предложения Эстонии (31 августа), Латвии (11 сентября), Литве и Финляндии; в 1920 г. с ними были заключены мирные переговоры. Польше Советское правительство в течение почти всего 1919 г. и первых четырех месяцев 1920 г. делало несколько раз предложения о мирных переговорах, но панская Польша тянула и прибегала ко всяким увертkам, пока не начала наступления на Украйну. И несмотря на это, несмотря на победы, одержанные Красной Армией (советские войска были под Варшавой), Советская Россия первая сделала предложение о перемирии (22 июля 1920 г.). Но и тут польское буржуазное правительство и командование всячески тянули и воздерживались от прямого ответа, и только 12 октября было заключено перемирие. Мирные переговоры тянулись чуть ли не полгода, но, несмотря на давление со стороны Франции, мир был, наконец, подписан 18 марта 1921 г.

Достойной соперницей Польши в искусстве увертok и проволочек являлась Румыния. Побуждаемая ее господствующими классами и Антантой к выступлению против России, она, однако, на это не решалась, так как она боялась, что в этом случае будет конфискован весь ее золотой фонд, находившийся в России со времени империалистической войны. В 1920 г. Советское правительство четыре раза (24 февраля, 8 марта, 6 августа и 30 сентября) делало Румынии мирные предложения, но последняя предпочитала положение «ни ми-

ра, ни войны». Безуспешными оказались предложения и 1921 г.: Румыния не прочь была получить золото, ничем не заплативши за материальный ущерб, ею учиненный России на южной границе, и не дав самоопределения населению Бессарабии, ею захваченной.

В конце 1920 г. Советская Россия заключила мир с Советской Грузией.

Таким образом мы видим, что политика России была политикой мира раньше всего. Но ее миролюбие ничего общего не имело с буржуазным пацифизмом [1]). Добиваясь мира, она в то же время не давала себя удушить европейскому империализму. С винтовкой в руках она добилась того, чтобы ее оставили в покое, с винтовкой в руках она добилась официального мира с окраинными государствами.

В ее борьбе за существование она встречала сочувствие и содействие трудящихся масс европейских капиталистических стран. Каждое наступление Антанты встречало упорное сопротивление этих масс. Наиболее ярким случаем такого сочувствия является та роль, которую сыграли рабочие Англии в момент разгрома советскими войсками польской армии. Английское правительство и вообще Антанта, спровоцировавшие польское наступление, обнаруживали желание вмешаться в дело в пользу Польши и чуть ли не грозили об'явлением войны. Но по всей стране вспыхнули митинги и демонстрации с лозунгами: «Руки прочь от России», «Мир с Россией» и т. д. Конференция трэд-юнионов и рабочей партии постановила 9 августа 1920 г. образовать Совет Действия и созвать конференцию всех профессиональных и политических организаций английского пролетариата; последняя действительно была созвана и на ней присутствовали представители 6½ миллионов организованных рабочих. Конференция единогласно постановила об'явить всеобщую забастовку в случае продолже-

[1]) Пацифизм—стремление к миру. Буржуазные пацифисты не прочь поговорить о вечном мире, не прочь даже описать войну в потрясающих красках (не мешает прочесть книгу Берты фон-Зутнер „Долой оружие!“). Но они представляют возможным устранения войны без устранения причин, ее вызывающих,—классового господства буржуазии. Пролетарский пацифизм проникает в корень вещей: он стремится устранить самую причину вечной войны—классовое общество.

ния Англией враждебной политики в отношении Советской России. Совет Действия посылал своих представителей во Францию для агитации среди французского пролетариата. Все это имело отрезвляющее действие на английских и антантовских империалистов.

В своей борьбе Советская власть опиралась и на противоречия интересов в стане хищников и на симпатии к Советской России народов угнетенного Востока. Обираемые, ограбляемые и попираемые европейским капиталом, эти народы видели единственно в России силу, которая принесет свободу всем угнетенным, всем трудящимся. С народами Востока и восточными государствами завязывались сношения с первых дней революции. Но лишь после разгрома деникинщины и колчаковщины, отрезавших Россию от Ближнего и Дальнего Востока, возобновилась восточная политика советских республик.

Первой страной, вошедшей с Россией в дружественные отношения, был Афганистан, куда царские посланники не имели доступа и где раньше хозяйничала Англия. Сближение с Россией и взаимное признание начались после убийства англофильского эмира Хабибулы (в начале 1919 г.) и восторжествования младоафганских элементов, проводивших руками молодого энергичного хана Аманулы реформы в разных областях народного хозяйства и просвещения. Хива, в результате революции в феврале 1920 г., превратилась в Хорезмскую Советскую республику. У власти стал Курултай (С'езд Советов). Между ней и Советской Россией установились братские отношения.

То же самое произошло и в Бухаре. Бухарский эмир был свергнут в сентябре 1920 г., власть перешла к Временному Ревкому, который созвал Всебухарский Курултай. Бухарская республика обнаруживала все время стремление итти нога в ногу с Советской Россией.

Налажены отношения с Персией, которая хотя и обнаруживала в отношении Советской России колебания (из страха перед Англией), но которая в то же время видит в России великую республику, не преследующую целей грабежа и стре-

мящуюся только к взаимоотношениям, полезным для народов обеих стран.

Дружественная связь существовала все время между Россией и революционной Турцией. После разгрома средне-европейских держав «Севрский договор» 10 августа 1920 г., навязанный побежденной Турции Антантой, растерзал Турцию на куски, отданные Греции (вся Фракия и Смирнская провинция в Малой Азии) и разным странам Антанты, и устанавливал режим хозяйничания Антанты с безвластным султаном. Турецкий парламент, принявший в целях спасения страны «национальный акт» о свободе самоопределения народов Турции и т. д., был разогнан, и Севрский мир был подписан султаном и кучкой придворных. Это вызвало народное возмущение и часть парламента бежала в Малую Азию, где организовала среди Анатолийского населения мощное движение за национальное возрождение. Временное правительство с Мустафа-Кемалем-пашой во главе заседало в Ангоре. С Ангорским правительством и вступила Советская Россия в связи, которые не прекращаются до сих пор. Недавние победы революционной Турции над данницей и наемницей Антанты — Грецией — выдвинули опять вопрос о свободе проливов, которые фактически захватили в свои руки хищники Антанты.

Советская Россия в результате борьбы сокрушала все ковы, которые строились против нее Антантой. Она смогла себе пробить через маленькие государства окно в Европу и завязать дружественные сношения с Востоком. Это заставило империалистическую Европу оставить мысль о новой интервенции. Не признавая России официально, отдельные государства с 1921 года заключали с Россией торговые договоры и соглашения.

В начале 1922 г. Советская Россия была приглашена на Генуэзскую конференцию, чем была включена в круг мировой политики. Генуэзская конференция ставила два вопроса: восстановление Европы и русский вопрос, но фактически занималась одним русским вопросом.

Антанта на этой конференции пустила пробный шар: нельзя ли ограбить Россию и поставить революцию на колени путем «мирной» дипломатии, раз это не удалось сделать путем

военной интервенции? Она требовала от России признания всех обязательств и военных долгов, отказывая в то же время в возмещении убытков, причиненных интервенцией. Она домогалась признания частной собственности на фабрики, заводы, торговые предприятия и т. д., принадлежавшие до революции иностранным подданным, что фактически отдало бы пролетарскую крупную промышленность в руки антантовского империализма. Она ставила целый ряд требований, которые русская делегация отвергла. Конференция кончилась ничем [1]). Важным результатом для России было заключение Рапальского договора с Германией, по которому между Россией и Германией устанавливаются дружественные отношения, при чем прежние претензии обоюдно прекращены.

Гаагская конференция, созванная после Генуэзской, тоже кончилась ничем. Но брешь в глухой стене, которой окружала нас Антанта, пробита. Европа экономически не может воскреснуть без России. И раньше или позже капиталистические державы должны будут признать Россию и завязать с ней самые оживленные отношения. Отдельные государства идут на это и сейчас.

Крупнейшую победу на фронте внешней политики одержала революционная Россия на Дальнем Востоке. Злейший враг Советской России, Япония, занимавшая своими войсками Дальне-восточную окраину Советской территории больше четырех с половиной лет, эвакуировала, наконец, свои войска. 25 октября 1922 г. последний японский солдат покинул Владивосток. Япония убедилась, что превратить революционную Сибирь в свою колонию ей не удастся и что ее затраты деньгами и людьми пропадают втуне. Но тем не менее Япония долго прибегала к системе проволочек и уверток.

26 августа 1921 г. начались мирные переговоры между Россией и Дальневосточной республикой с одной стороны и Японией — с другой, в Дайрене (бывш. Дальний). Но по примеру своих «благородных» союзников — только с удесятеренным усердием — Япония тянула, уклонялась от прямого от-

---

[1]) Подробнее см. книгу тов. Майского, «Внешняя политика Р.С.Ф.С.Р.», изд. «Красной Нови», стр. 115 и сл.

вета, пред'являла требования, не беря на себя никаких обязательств. Когда, наконец, был выработан компромиссный проект, скорее выгодный для Японии, чем для России (право японцев заниматься на Дальнем Востоке промышленностью и сельским хозяйством, арендовать земли на 36 лет и т. д.), японское правительство неожиданно выдвинуло новые требования: начинался созыв Генуэзской конференции и Япония решила выжидать своей доли в ограблении России.

Генуэзская и Гаагская конференции кончились ничем, а Япония при плохом финансовом положении тратила бешеные деньги на дальневосточную интервенцию (около миллиарда золотых рублей), не предвидя никаких от этого выгод. К тому же в среде японского населения поднималось неудовольствие против политики вмешательства в дела России. Дело кончилось тем, что 23 июля 1922 г. японское правительство приняло решение о выводе войск из Приморской области не позже ноября, что, как мы видели, было исполнено 25-го октября того же года.

В руках Японии еще остается Северный Сахалин; она еще не отказывалась от поддержки на своей территории враждебных Советской России сил. Вскоре после вышеупомянутого решения Советское правительство опять предложило вступить в мирные переговоры. После некоторых проволочек была созвана 4 сентября Чен-Чунская конференция. Но и тут ни к чему не пришли, так как Япония не согласилась очистить Сахалин без компенсаций (т.-е. денежных уплат) со стороны России. Россия должна была, значит, платить Японии за разорение, захваты, за учиненное ею кровопролитие в течение чуть ли не 5 лет.

Есть, однако, все основания думать, что и эту задачу — возврат Сахалина — Советская власть так же удачно разрешит, как и все другие задачи внешней политики.

На этом фронте, как и на других, революция победила.

§ 102. **Красная Армия, ее возникновение, классовые задачи и организация.** Революция победила, как мы видели, на всех фронтах только потому, что она была делом огромных трудящихся масс. Но и та материальная, вооруженная сила, без которой победа в борьбе с вооруженным с головы до ног

врагом не была возможна — революционная армия — была детищем этих трудящихся масс, плодом их порыва к победе над буржуазным миром.

Армия, по выражению Энгельса [1]), есть сколок, отражение создавшего ее государства. Государство, как мы говорили выше (см. § 53), есть организация классового господства, а армия—одно из могучих орудий этого господства. Все государства буржуазного мира (в том числе и Российское до пролетарской революции) превращали свои армии в орудие господства буржуазии над трудящимися массами, в орудие своих империалистических целей. Империализм и милитаризм неразрывно связаны между собой (см. выше, § 52).

Поэтому социалисты — до измены II Интернационала провозглашенным им лозунгам — высказывались против регулярной армии и за всенародную милицию или народное ополчение. При регулярной армии — полагали они — вооруженная сила передается целиком в руки господствующих классов, при всенародной милиции — связь между вооруженной силой и трудовым населением менее ослаблена.

С победой пролетарской революции вопрос этот разрешился просто: государство стало государством пролетарской диктатуры и его армия—вооруженной силой рабоче-крестьянской власти, подготовляющей осуществление коммунизма. Разница, однако, между армией пролетарского государства и вооруженными силами буржуазных государств огромная: армия буржуазного государства, в огромнейшем большинстве элементов, является в то же время орудием в руках буржуазии, враждебного класса; армия же пролетариата составляет часть рабочего класса и трудовых масс, стоящих у власти, вооруженную часть, защищающую дело целого, дело своего класса и, следовательно, собственное дело.

Начало Красной Армии положила Красная гвардия, возникшая вскоре после февральской революции 1917 г. Обостренная классовая борьба; вспыхнувшая сейчас же после революции, побуждала недоверявшую армии буржуазию, в лице Временного Правительства, спешно организовать свою клас-

[1]) Фридрих Энгельс, — «Анти-Дюринг».

совую вооруженную силу — ударные отряды, отряды юнкеров, части георгиевских кавалеров и т. д., а пролетариат — создать свою Красную гвардию. Красная гвардия — организация вооружения рабочих, возникшая неделю спустя после революции. Военная организация при Ц. К. Р. С.-Д. Р. П. (большевиков) занималась формированием боевых рабочих отрядов. И в то время, как царская армия разлагалась, формирование пролетарских отрядов шло крайне быстро: во всех крупных рабочих центрах организовывались явочным порядком отряды под видом рабочей милиции, вооруженной охраны фабрик и заводов и т. д.

Буржуазия косо поглядывала на этот рост рабочего вооружения. Временное правительство добивалось разоружения рабочих, но все его старания приводили к обратному результату: Красная гвардия росла и крепла.

В октябрьские дни Красная гвардия в одном Петербурге насчитывала больше 10.000 человек с пулеметами и другим оружием. Красная гвардия представляла внушительную силу, обеспечившую восставшему пролетариату победу, ибо солдаты царской армии хотя и сочувственно относились к революции, но, за исключением отдельных наиболее революционных частей, проявляли мало активности. В дни Красного октября и в первое время после октября Красная гвардия стихийно росла, пополняясь рабочими, солдатами и матросами. Она превратилась в могучую силу, которая разбила войска Краснова и Керенского, наступавшие на Петербург, и разгромила спешно организовавшиеся на окраинах белогвардейские силы, опиравшиеся на кулацкие и казачьи элементы мало пролетаризированных областей.

Против белогвардейской контр-революции бросали свои силы не только внутренние рабочие центры, но и окраинные (Донбасс, Урал).

Так как царская армия, измученная долголетней войной и совершенно разложенная, демобилизовывалась (к январю 1918 г. ликвидация царской армии была закончена), то вооруженную борьбу с контр-революцией вела Красная гвардия. И на внутреннем фронте она всюду побеждала, несмотря на то, что ее отряды часто были кое-как составлены, пестро вооружены и

слабо снабжены. Так, красногвардейцы 12 января 1918 г. разбили пятитысячный отряд корниловцев в Курской губ., заняли 16 января Киев; уральские красногвардейцы взяли Оренбург — оплот белого дутовского казачества; 24 февраля донецкие шахтеры, при помощи петербургских и московских рабочих, взяли Ростов — центр контр-революции на Дону.

Но пока Красная гвардия сталкивалась с внутренними контр-революционными военными образованиями, столь же мало организованными, как и она, перевес ей давал ее могучий классовый энтузиазм. Но выдержать столкновение с регулярными иностранными войсками она не могла. Случайные отряды с хаотической организацией, с пестрым вооружением, при отсутствии правильного снабжения, без единого руководства и командования (каждый отряд действовал отдельно, на свой риск и страх), должны были отступать перед организованной и дисциплинированной армией.

Это обнаружилось уже при наступлении германских войск в начале 1918 г.

Это побудило рабоче-крестьянское правительство приняться за организацию правильно действующей Красной Армии. Первую попытку в этом направлении сделал Петербургский Совет, приступивший 29 декабря 1917 г. к сформированию Красной Армии на основе добровольчества, выборности командного состава и широких полномочий армейских комитетов. Этому примеру последовали и другие Советы. 15 января 1918 г. Советом Народных Комиссаров был принят декрет об организации Красной Армии во всероссийском масштабе.

Во время Брестского мира Советская власть, пользуясь передышкой, доставленной этим миром, проявляла кипучую деятельность по скорейшей организации рабоче-крестьянской армии. 4 марта 1918 г. для об'единения всей работы создается Высший Военный Совет, во главе которого 17 марта становится тов. Троцкий. В состав Военного Совета входят т.т. Антонов-Овсеенко и Подвойский. Армия начала строиться на основе строгой подчиненности низших военных ячеек высшим. Для правильной организации армии потребовалось при-

влечение специалистов военного дела — бывших офицеров, но в виду ненадежности последних в политическом отношении был введен институт военно-политических комиссаров.

Красноармейцы на митинге.

Все эти меры потребовали упразднения выборности командного состава и отказа от добровольчества. Вначале принцип неограниченного добровольчества, т.-е. когда можно было в любой момент вступить в армию и выступать из нее — был ограничен подпиской об обязательной службе не меньше 6 месяцев. Когда же в первую половину 1918 г. Антанта, не об'явив войны, стала фактически организовывать наступление на Советскую Россию (чехо-словацкое выступление, английские операции на севере, японские захваты на Дальнем Востоке и т. д.), выяснилась угроза гибели для революции, если она не создаст правильной организованной вооруженной силы, способной защитить рабоче-крестьянскую страну и отбить нападение хищников всего мира. И 29 мая 1918 г. ВЦИК декре-

тируется «переход от добровольчества к принудительной мобилизации рабочих и беднейших крестьян», а 12 июня об'является первая мобилизация рабочих и крестьян, не эксплоатирующих чужого труда; затем последовал ряд мобилизаций.

Крупская на красноармейском митинге.

С этого времени Красная Армия стала расти как количественно, так и качественно: не только увеличивались беспрерывно во все время войны ее кадры, но и повышались ее боевые качества, улучшалась ее организация, поднималась дисциплина.

Дисциплина в Красной Армии, даже во время военных действий, никогда не была той палочной дисциплиной, которая была характерна для царской армии и которая еще и теперь существует в армиях капиталистических государств. Она не стремилась убивать в красноармейце гражданина, притуплять его чувства, раздавить в нем личность — одним словом сделать из него слепое орудие чуждых ему целей. Наоборот, в самое тяжелое время — в 1919 г., когда перед пролетарским государством, казалось, не оставалось других задач, как толь-

ко отстоять свое существование — даже в это время Советская власть напрягала все силы, чтобы дать красноармейцу просвещение, поднять его умственный уровень, развить в нем чувства гражданина своего социалистического отечества, сделать из него человека, разбирающегося в политических вопросах и знающего, за что он идет сражаться. Дисциплина в Красной Армии преследует одну цель: установление порядка, способствующего наиболее целесообразным действиям армии и успеху ее дела. Поэтому красноармеец, подчиняясь распоряжениям начальников и установленному в интересах всех порядку, не чувствовал и не чувствует себя приниженным, как в царской армии. Вне казармы, на улице, на народных собраниях, на выборах, в театре, везде, где кипит живая жизнь, красноармеец — человек и гражданин, он участвует в общественной жизни, он не порывает со своим классом, со своими братьями по труду и борьбе.

В начале 1919 г. — этого года великой борьбы — Красная Армия насчитывала около 1½ миллиона бойцов, входивших в состав 14 армий, с довольно стройной организацией частей. Она — уже в раннюю пору своего существования — была увенчана победами и подвигами (взятие Казани 10 сентября 1818 г., занятие Самары 10 октября и т. д.).

Наступление со всех сторон контр-революционных полчищ и ряд неудач на военных фронтах побудили Советское правительство мобилизовать все силы трудящихся для ликвидации наступающей контр-революции. Численность Красной Армии была доведена до 3 миллионов, было установлено единое командование и управление всеми вооруженными силами Советской федерации, партией (Р. К. П.) и профсоюзами были влиты в армию лучшие силы. Клич «Пролетарий — на коня!» доставил Красной Армии с молниеносной быстротой могучие конные отряды, решавшие неоднократно судьбу войны.

Особенно благотворную роль играл прилив коммунистов, рассасывавшихся по всей армии и создававших всюду спайку между отдельными частями, укреплявших волю к победе и поддерживавших постоянно тот энтузиазм борьбы, который охватил армию трудящихся в ее стремлении отстоять существование своего государства.

Вместе с тем велась большая работа по политическому и общему просвещению. В январе 1919 г. не было ни одной школы грамоты, в конце этого года их было 3.800! Передвижные библиотеки, клубы, лекции, беседы, спектакли, все виды просветительной работы, которые были доступны по обстоятельствам места и боевой обстановке, были постоянными спутниками красноармейских частей.

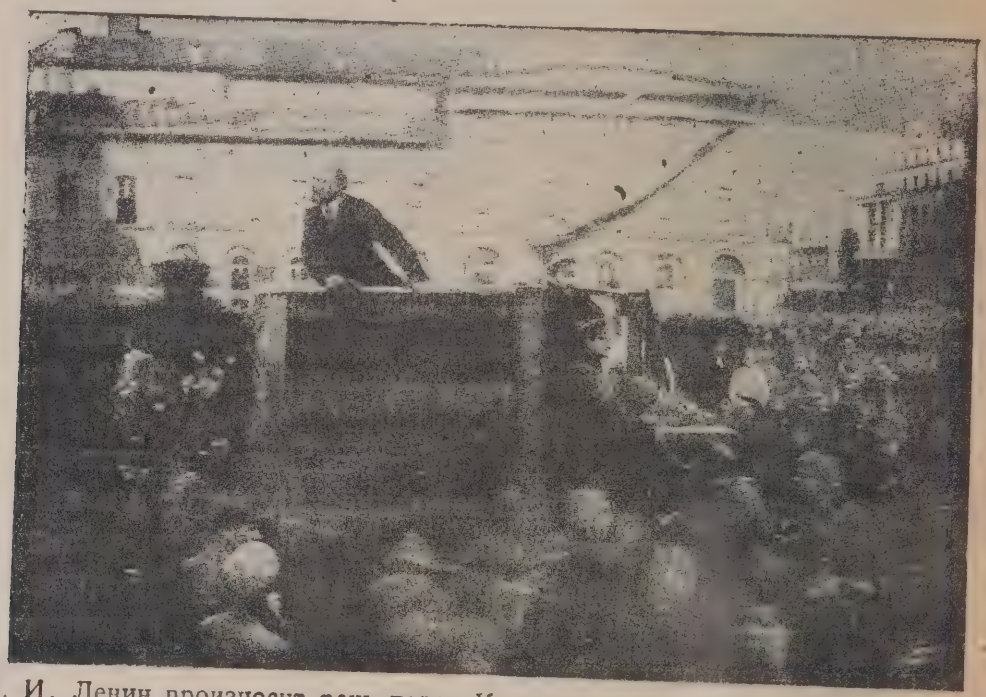
Все это дало свои результаты: Красная Армия после некоторого периода неудач, начала брать перевес над вооруженными бандами врагов пролетарской революции. В мае красные воины потрепали Колчака, а к осени окончательно добили его (Омск, столица Колчака, взята 14 сентября); такая же участь постигла Юденича; на опаснейшем, южном, фронте силы Деникина были разгромлены в два с половиной месяца (24 октября взят Орел, а 9 января — Ростов-на-Дону).

С победой Красной Армии Советская власть решила обратить все свои силы на фронт экономической разрухи и к этой борьбе привлечь Красную Армию. Ряд воинских частей и даже целые армии стали перебрасываться на фронт труда — на самую разнообразную хозяйственную работу. Результаты этого «перековывания мечей своих в орала и копьев своих на серпы» [1]) сказались быстро и плодотворно: дело восстановления хозяйства получило дисциплинированные кадры работников. Этот период работы красноармейских частей оставил след в виде отремонтировки вагонов и паровозов и т. д.

---

[1]) В книге пророка Исаии, глава 2, ст. 4, рисуется царство будущего как царство мира: „И перекуют свои мечи на орала и копья свои—на серпы: не поднимет народ на народ меча и не будут более учиться воевать". „Благочестивые" попы и раввины, которые великолепно умеют говорить от имени бога и пророков его, с умилением и словом любви на устах великолепно же в течение веков поддерживали и укрепляли общественный строй угнетения и взаимного истребления; они благословляли воинственную и захватническую политику господствующих классов, отрывавших людей труда от „орал и серпов" и вооружавших их мечом и копьем для взаимного убийства в интересах кучки капиталистов и помещиков. А вот „безбожники"— большевики, у которых всегда на устах и на деле суровая классовая борьба пролетариата, всей душой стремятся к царству мира—неклассовому обществу, которое не будет знать взаимной борьбы—и ведут к нему трудящееся человечество. Не зовя трудящиеся массы перестать «учиться воевать» (ибо в этом случае христолюбивая буржуазия опять их возьмет под ярмо рабства и будет посылать их на убой и убийство), коммунисты при первой же возможности, при первой же передышке бросают все свои силы и направляют все силы трудящихся на «орала и серпы», т.-е. на творческую хозяйственную работу.

Польская война и врангелевщина вынудили Советское правительство опять бросить все силы Красной Армии на военные фронты. О подвигах Красной Армии в это время мы уже писали выше (§ 100).



В. И. Ленин произносит речь перед Красными воинами, отправляющимися на польский фронт (1920 г.).

Это было последнее крупное испытание для Красной Армии. К концу 1920 г. все почти фронты были очищены. Советская власть сразу же выдвигает вопрос о сокращении армии и переводе ее на мирное положение. В декабре 1920 г. VIII С'езд Советов постановил произвести частичную демобилизацию, доведя численность Красной Армии до 2.700.000 (высшая цифра была 5.300.000); затем последовал ряд демобилизаций, доведших численность Красной Армии до 800.000 (предполагается сокращение до 600.000).

Красная Армия перешла на мирное положение. Сокращение ее количественного состава возмещается качественным улучшением: лучшей учебой, более планомерной организацией частей и, главным образом, усилением политической и просветительной работы среди армии. Можно смело сказать, что Красная Армия теперь — самый верный очаг народного просвещения в России.

По изданному в сентябре 1922 г. декрету В. Ц. И. К. и Совнаркома об обязательной военной службе, в ряды армии призываются (в 1923 г.) молодые люди, родившиеся в 1902 г., со сроком службы для пехоты и артиллерии — 1½ года, для кавалерии, конной артиллерии и технических войск — 2½ года, для воздушного флота — 3½ года, для морского флота — 4½ года, для военно-учебных заведений — в соответствии с

Красноармейцы в школе.

их программами. Таким образом срок службы против довоенного и дореволюционного времени сильно сокращен; к этому нужно прибавить, что призывается только один возраст. Но военная подготовка поставлена так, что молодые граждане получают лучшую выучку, чем получали солдаты царской армии в течение многих лет. В царской армии время уходило не столько на военное обучение, сколько на одурманение солдата, на превращение его во врага родной среды, в автомата... В Красной же Армии поставлена, главным образом, хорошая учеба и дело просвещения, которому отдается значительная часть служебного времени.

Красная Армия охвачена сложной и тонко разветвленной сетью школ, библиотек, клубов и всяких других просветительных учреждений. Школы имеются всех типов — от общих школ для ликвидации неграмотности и для малограмотных [1])

[1]) В феврале—апреле 1922 г. (по приказу председателя Реввоенсовета о ликвидации неграмотности призывных к 1 мая 1922 г.—моменту присяги) была успешно проведена ударная кампания по ликвидации неграмотности было обучено 52.444 человека, в то время как за 8 месяцев 1921 г. (с 1 мая 1921 г. по 1 января 1922 г.)—всего 13.200 человека, т.-е. вчетверо меньше

до целого ряда чисто военных школ, подготовляющих младший командный состав (дивизионные школы со сроком обучения 4½ месяца) и более квалифицированных командиров (так называемые ВУЗ'ы — высшие учебные заведения — разных типов: командные пехотные и артиллерийские курсы, 1 — 2 года обучения; нормальные школы, 3 года обучения; высшие военные школы для совершенствования командира в его специальности; академии).

Красноармейцы в клубе.

Во всех школах уделяется особое внимание общему развитию и усвоению политических знаний. Армия подготовляет не только хороших воинов, но и хороших граждан, которые сознательно, с открытыми глазами, будут защищать рабоче-крестьянское дело.

Сокращенная Красная Армия, в случае нападения на советскую страну капиталистических держав (чего всегда можно ожидать и к чему всегда надо быть готовым), будет подкрепляться резервами запаса. Эти резервы образуются из демобилизованных раньше красноармейцев и прошедших ряды войск возрастов (в запасе армии военнообязанные состоят до достижения 40-летнего возраста).

ОЧЕРК ВОСЬМОЙ.

ОРГАНИЗАЦИЯ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА.

§ 103. **Формы об'единения советских республик.** Пролетарская революция, как мы видели выше, признала с первого же дня своей победы право народов на самоопределение вплоть до отделения и образования самостоятельного государства. Но, с другой стороны, в среде отдельных социалистических республик всегда существовало стремление к об'единению всех республик в один союз. И это понятно: отдельная советская распублика была бы слаба в своей борьбе с окружающим капиталистическим миром и не смогла бы одна управиться с своей хозяйственной жизнью. Если, скажем, в одной республике—уголь, в другой—нефть, в третьей—обилие леса, в четвертой — плодородные земли, дающие много хлеба, в пятой — больше всего хлопка и т. д., то ясно, что только об'единение всех этих республик даст блестящие результаты для общего хозяйства и для хозяйства каждой отдельной республики. Далее, гораздо экономнее и удобнее для трудящегося населения всех республик иметь одну железнодорожную сеть с возможностью беспрепятственного проезда на любые расстояния, чем иметь 15, скажем, железнодорожных сетей, с 15 управлениями, 15 тарифами и т. д. Можно привести тысячи примеров выгодности об'единенного хозяйства для всех республик и областей, входящих в союз пролетарской борьбы и строительства. О выгодах об'единения для целей борьбы с внешним капиталистическим миром и не приходится распространяться: вспомним только известную русскую пословицу о прутиках, которые легко переломать каждый в отдельности и которых никакими силами не переломаешь, когда они вместе.

Рабоче-крестьянская власть и вдохновляющая ее Коммунистическая партия все время стремились к созданию крепкого союза как отдельных республик трудящихся, так и отдельных советов труда внутри этих республик. Это ничего общего не имеет с империалистическими стремлениями буржуазного государства. Последнее стремится поглотить более слабые государства, покорить, раздавить и действует оно не в интересах поднятия общего хозяйства, а для того, чтобы разгромить чужое хозяйство конкурента и покорить его своему (вспомним, что сделала Антанта с побежденной Германией и ее хозяйством...); об'единительные же стремления советских республик и питаются не одной какой-либо республикой-«победительницей» и не в интересах подавления, а всеми советскими республиками и в общих интересах, к выгоде всего хозяйства трудящихся.

В первый период борьбы за существование Советской власти — первое время после Октябрьской революции — между советскими республиками не было никаких письменных договоров: тесное единение предполагалось само собой. Такие договоры возникли лишь впоследствии — в значительной степени по соображениям международного характера — во время бешеного натиска вооруженных сил Антанты на советскую республику. Постановление Всероссийского Исполнительного Комитета Советов Рабочих, Крестьянских и Красноармейских Депутатов от 1 июня 1919 г., резолюция Украинского Центрального Исполнительного Комитета от 18 мая 1919 г. и присоединившиеся к ним Латвия, Литва и Белоруссия — советские республики, возникшие к тому времени, — выражали стремление к об'единению в интересах, главным образом, борьбы с нападавшими капиталистическими врагами.

Постановление В. Ц. И. К. гласило: «Отпор попытке международного империализма вновь ввергнуть в рабство миллионы русских, украинских, латышских, литовских, белорусских и крымских рабочих и крестьян требует от них теснейшего об'единения боевых сил, централизации и руководства в тяжелой борьбе на жизнь и смерть. Военный союз должен быть первым ответом на наступление общих

врагов [1]). Поэтому, стоя вполне на почве признания независимости, свободы и самоопределения трудящихся масс, В. Ц. И. К. признает необходимым провести тесное об'единение: 1) военной организации и военного командования, 2) Советов народного хозяйства, 3) железнодорожного управления и хозяйства, 4) финансов и 5) комиссаров труда».

Процесс формального об'единения советских образований, равно как и возникновение и оформление советских республик в период 1919 и 1920 годов, замедлились или совсем прекратились: некоторые из советских республик попали под ярмо буржуазных хищников, а в оставшихся в руках пролетарской власти областях все силы были направлены на одну цель — отбиться. Но в конце 1920 г. (после заключения мира с Польшей и разгрома Врангеля) советские республики смогли уже вернуться к делу строительства Советской власти и пролетарского хозяйства, и, с одной стороны, в течение 1921 и 1922 г.г. из входящих в состав Р. С. Ф. С. Р. национальностей образуется ряд автономных республик, областей и коммун, а с другой — идет процесс об'единения их в крепкое целое — Р. С. Ф. С. Р. — и об'единения последней с самостоятельными республиками — Украинской, Белорусской и Закавказской Федерацией (Грузия, Азербейджан и Армения). В это об'единение — Союз Советских Социалистических Республик (С. С. С. Р.) — не входят пока Бухара и Хорезма, потому что они не социалистические республики, а народные, но они находятся с Р. С. Ф. С. Р. и, следовательно, со всем Союзом в тесных договорных сношениях. С другой стороны, в состав Р. С. Ф. С. Р. вошла недавно Дальневосточная республика, дольше всех подвергавшаяся натиску империалистических сил (см. выше, §§ 99—101).

Таким образом весь советский социалистический мир представляется теперь в следующем виде:

1) Союз Советских Социалистических Республик (С. С. С. Р.)— союзное государство, об'единяющее четыре главные группы социалистических советских образований — Р. С. Ф. С. Р., Украинскую Советскую Социалистическую Республику, Белорус-

[1]) Разрядка наша.

скую Советскую Социалистическую Республику и Закавказскую Федерацию Советских Социалистических Республик. Верховными органами Союза являются Союзный С'езд Советов и Центральный Исполнительный Комитет Союза, избираемый С'ездом. Это об'единение — вполне добровольное и равноправное, так как каждая из входящих в Союз республик сохраняет право свободного выхода из Союза и полное обеспечение интересов национального развития народов договорившихся республик.

2) К этому Союзу хотя формально не присоединены Хорезмская Республика (Хива) и Бухарская, но тяготеют к нему, находятся с ним в тесных договорных сношениях.

3) Каждая из республик Союза и в частности Р. С. Ф. С. Р. построены, с одной стороны, на принципе об'единения самоуправляющихся (но действующих в рамках директив центральной власти) — Советов труда, а, с другой — на принципе полного и безоговорочного самоопределения национальностей.

Эта форма об'единения обеспечивает единство строительной работы всех частей великого об'единения и в то же время дает полную свободу развития трудящихся масс и самоопределения народов бывшей России.

Рассмотрим состав Р. С. Ф. С. Р. Она представляется раньше всего социалистической, т.-е. такой, которая поставила себе целью полное осуществление социализма и которая эту цель осуществляет по мере сил и обстоятельств борьбы и работы. Как советская, она осуществляет диктатуру пролетариата (необходимая предпосылка создания неклассового общества; см. выше, § 54) через Советы труда. Она по форме об'единения отдельных самоуправляющихся политических единиц является федеративной. Федерация есть союз отдельных равноправных государственных единиц, самоуправляющихся в своих местных делах, но об'единенных общими центральными органами, выполняющими общие для всех задачи государственного управления и внешней защиты. Формы федеративного устройства мы встречаем уже в мире буржуазной демократии (Северо-Американские Соединенные Штаты, Швейцария, являющаяся союзным государством кантонов, и т. д.). Но в буржуазном мире фактически отдельные члены федерации больше всего перегружены узкими местными инте-

ресами, а от общего управления они почти устранены. Фактически управление находится в руках небольшой клики крупных капиталистов, распоряжающихся общим государственным аппаратом, как своими перчатками. При советской же системе все члены федерации участвуют во всех делах управления крупных и малых, снизу до верху.

Федерация не есть идеал, конечная цель трудящихся; она есть та форма об'единения, которая сегодня, при данных обстоятельствах, обеспечивает, с одной стороны, необходимое единство действий и борьбы, а с другой — полную свободу жить и развиваться получавшимся исторически образованиям. Когда постоянная и длительная совместная работа и борьба трудящихся масс разных областей настолько их сблизит, что не будет надобности в особых формах об'единения и самостоятельности, федерация уступит место единому централизованному управлению. Но это произойдет не в результате давления сильного на слабого или поглощения одними других, а как последствие добровольного и выгодного для всех трудящихся слияния.

В данное время в Р. С. Ф. С. Р. входят:

1) 8 автономных республик: Башкирская (Стерлитамак), Татарская (Казань), Киргизская (Оренбург), Туркестанская (Ташкент), Горская (Владикавказ), Дагестанская (Темир-Хан-Шура), Крымская (Симферополь), Якутская (Якутск). Во главе их свои Совнаркомы и Ц. И. К.; некоторые комиссариаты — общие с Р. С. Ф. С. Р.; военные и иностранные дела, пути сообщения, почта и телеграф и внешняя торговля — в ведении С. С. С. Р.

2) 8 автономных областей: Вотская (Ижевск), Марийская или Черемиса (Краснококшайск), Чувашская (Чебоксары), Калмыцкая (Астрахань), Бурят-Монгольская (временно Иркутск), Зырянская-Коми (Усть-Сысольск), Ойратская (село Улалинское), Черкесская (Пятигорск). Приравниваются к губерниям, имеют свои с'езды Советов и свои Исполкомы (на правах Губисполкомов). Подчинены Центру Р. С. Ф. С. Р.

3) 2 об'единенные автономные области: Кабардино-Балкарская (Нальчик) и Карачево-Черкасская. Имеют об'единенные исполкомы. Подчинены Центру Р. С. Ф. С. Р.

4) 2 трудовые коммуны: Корельская (Петрозаводск) и Немецкая. Имеют свои с'езды Советов и Исполкомы, непосредственно связаные с центральным правительством Р. С. Ф. С. Р.

Вскоре после Октябрьской революции те самые контр-революционеры и патриоты, которые призывали на революционную Россию все громы небесные (что не было страшно) и все штыки иностранного империализма (что было уже страшнее), любили поплакать на «развалинах великой России». Была великая Россия, «созданная» царями и буржуями, а большевики ее развалили.

Теперь, на шестом году революции, после великих испытаний и частичных поражений, но общей победы, мы можем сказать: да, царскую Россию пролетарская революция развалила до самого основания, но Россию трудящихся она сплотила в единое целое почти в тех же границах, что были до империалистической войны и революции. Царская Россия не была единым целым, она держалась насилием «великодержавной» буржуазии над всеми частями, областями, окраинами, народами, насилием, первоисточником которого была эксплоатация трудящихся масс. «Единство» России поддерживалось штыками, но «штыками можно колоть, сидеть же на них нельзя» — и Россия развалилась при первом ударе. Советская власть и вдохновляющая ее коммунистическая партия собрали Россию не обманом и подкупом и не штыками, а борьбой за интересы всех трудящихся и общей для всех конечной целью — уничтожения эксплоатации и построения коммунистического общества. Они не только собрали Россию, но сделали ее более сильной, чем была царская Россия, ибо царская Россия внушала ужас и отвращение всему Востоку с его сотнями миллионов населения и трудящимся массам всего Запада. Рабоче-Крестьянский же Союз Социалистических Советских Республик для огромного большинства человечества сделался центром притяжения, вождем и вдохновителем всех освободительных стремлений... Он имеет за собой огромные резервы революционной энергии, которая не сегодня, так завтра, потечет по руслу стремлений пролетарской революции. Это делает новую Россию во сто крат сильнее, чем целые леса штыков и тысячи параграфов об утеснении «инородцев», уморении «жидов»

истреблении «бунтовщиков» (революционеров) и обуздании «рабов» (трудящихся масс).

§ 104. **Советская конституция.** Конституция есть основной закон государства, который в сознании граждан (или скорее — в классовом обществе — в сознании господствующего класса) выше и прочнее всех других законов. Между тем как отмена или изменение других законов производится сравнительно легко (законодательным учреждением, на то уполномоченным), для изменения или отмены конституции требуется преодолеть ряд искусственных препятствий, заранее установленных, или же революция, опрокидывающая тот класс, который установил конституцию, и ставящая у власти новый класс, устанавливающий новую конституцию.

Конституция есть государственный закон. Мы видели выше (см. § 50), что государство есть организация классового господства. Из этого следует, что конституция представляет силу не как клочок бумаги, а как словесное выражение воли господствующего класса; воля же его определяется классовыми интересами. Отсюда ясно, что все буржуазные конституции (монархические или республиканские) отличались только оттенками, но по существу выражали волю (и интересы) буржуазии, т.-е. узаконяли угнетение трудящихся масс — извлечение из их труда прибавочной ценности (см. выше, § 48). Ясно также, что советская конституция, как основной закон рабоче-крестьянского государства, должна выражать и выражает — в момент диктатуры пролетариата — волю и интересы класса, поставленного революцией у власти. Воля же пролетариата, его интересы — уничтожение эксплоатации и установление неклассового общества, как осуществляемой цели, и сокрушение буржуазии — ее сопротивления — как неизбежное средство в момент перехода, в момент диктатуры класса.

Советская конституция целиком проникнута этими началами. Особенно это сказывается в понимании того, кто является суб'ектом государства, т.-е. кто может являться носителем политических прав, прав по управлению государством. Буржуазные конституции предоставляют эти права имущим: имущество, ценз является источником силы для класса

владельцев орудий и средств производства [1]); советская конституция предоставляет эти права трудящимся и лишает их — нетрудовые элементы [2]).

Конституция 10 июля 1918 года, принятая V С'ездом Советов, состоит из шести разделов:

Раздел первый, заключающий «декларацию [3]) прав трудящихся и эксплоатируемого народа», принятую еще 14 января 1918 г. III С'ездом Советов, и раздел второй (общие положения и т. д.) определяют интересы трудящихся в экономической и политической областях, составляющие основу государственного права при диктатуре пролетариата.

---

[1]) Любители буржуазного парламентаризма указывают на то, что всеобщее избирательное право предоставляет голос и неимущим. Но, во-первых, фактически в парламент проходят обыкновенно представители имущих, так как последние имеют все средства и орудия воздействия на выборы (прессу, церковь, государственный аппарат и т. д.), а, во-вторых, управление хозяйством лежит вне области государства, оно целиком в руках владельцев орудий и средств производства. Пролетарское государство же управляет всем и, в первую голову, хозяйством, и политические права являются правом управления хозяйством и производством; ясно, что к такому управлению не может быть допущен лишений враг этого управления—буржуазия, не трудовые элементы.

[2]) «Демократы» поднимают обыкновенно вопль по поводу лишения советской конституцией политических прав «известных групп населения». Когда «элементы», покушающиеся на собственность (ибо 99% т. наз. „преступников", осужденных буржуазным судом, составляли покушающиеся на собственность) лишались избирательных прав, их демократическое сердце оставалось спокойным: не даром Маркс говорил, что сердце буржуа в кошельке. Когда миллионы пролетариев и крестьян лишались политических прав, как только они надевали серую солдатскую шинель и шли бесславно умирать за господство «своих» тупоумных и толстосумных буржуа, они это считали „естественным": ведь для прочности господства капиталистического класса нужно, чтобы „серая скотинка" умирала но не „рассуждала". А вот когда лишают врагов пролетарского государства, воителей другого смертельно-враждебного государства, имя которому „капитализм", права управлять пролетарским государством, они удивляются и возмущаются. А ведь так просто понять, что с точки зрения пролетарского государства всякий эксплоататор есть преступный „элемент", покушающийся на труд, т.-е. на то, что для пролетариата не менее дорого, чем для буржуа собственность.

[3]) Д е к л а р а ц и я—торжественное провозглашение принципов или начал конституции. К декларациям обыкновенно всегда прибегает новый класс, взявший власть после переворота; краткость, ясность, точность и даже торжественность выражения действует на массу, в сознание которой новые правители стремятся внедрить эти принципы. Во время Великой Французской революции буржуазия провозгласила свою „декларацию прав человека и гражданина", где она выразила нужды своего класса в буржуазной свободе и охране собственности. Наша декларация выражает нужды пролетариата в совершенно обратном: в сильном, организованном и всевластном пролетарском государстве и уничтожении эксплоатации и частной собственности на средства и орудия производства.

Пролетарское государство имеет характер временный — до полного уничтожения эксплоатации и установления неклассового общества, ибо в обществе, не разделенном на классы, нет господства и нет надобности в организации подавления — государства. Целью пролетарского государства, выходит, является самоуничтожение. Но пока существует надобность в подавлении буржуазии (ее сопротивления осуществлению неклассового общества) — пролетарское государство организует политическую власть господствующего класса — пролетариата — и охраняет его интересы.

Раздел третий посвящен организации власти центральной и местной.

А. Центральная власть представлена: 1) созываемым не менее двух раз [1]) в год Всероссийским С'ездом Советов (из представителей городских Советов и губернских с'ездов Советов) — высшей властью Р. С. Ф. С. Р., перед которой ответственны избираемые с'ездом В. Ц. И. К. и Совнарком; 2) Всероссийским Центральным Исполнительным Комитетом — В. Ц. И. К. — высшим законодательным, распорядительным и контролирующим органом, направляющим деятельность рабоче-крестьянского правительства (Совнаркома) и центральных органов Советской власти. В. Ц. И. К. образует Совнарком и отделы для руководства отдельными отраслями управления; 3) Советом Народных Комиссаров — Совнарком, — состоящим из 17 народных комиссаров (наркомов), стоящих во главе отдельных комиссариатов (напр., по иностранным делам, по военным делам и т. п.). Совнаркому принадлежит общее управление делами Р. С. Ф. С. Р. и соответственное право издания инструкций, декретов, распоряжений и т. д. и принятия мер, необходимых для правильного и быстрого течения жизни. Совнарком ответствен перед В. Ц. И. К. и С'ездом Советов. Таким образом верховною властью государства является С'езд Советов труда, представительное собрание труда; исполнителями и проводниками воли труда в жизнь являются В. Ц. И. К. и Совнарком.

[1]) Теперь—раз в год.

Б. Местная власть или власть на местах [1]) осуществляется С'ездами Советов областными (из представителей городских советов и уездных с'ездов), губернскими или окружными (из представителей городских советов и волостных с'ездов), уездными (из представителей сельских советов уезда) и волостными (из представителей сельских советов волости). С'езды выбирают исполкомы, которые в период между с'ездами являются высшей властью на территории своего ведения, но которые ответственны перед с'ездом, как высшей властью, в границах своего ведения (области, губернии, уезда или волости).

Замечательной чертой организации Советской власти является участие представителей местных трудовых «низов» во всех учреждениях и органах власти, снизу до верху. Любители буржуазного парламентаризма любят бахвалиться известной «четыреххвосткой» (всеобщим, равным, прямым и тайным избирательным правом), но на практике эти собрания (парламенты) превращаются в кучки профессиональных политиков, отрывающихся от народных масс и попадающих в сферу влияния господствующего класса. Проделав избирательную комедию, население на несколько лет забывает о своих «избранниках». При советской же системе во всех органах власти, — законодательных, исполнительных и распорядительных, — трудовое население участвует и участвует постоянно.

Раздел четвертый предоставляет избирательные права (активное, т.-е. право избирать, и пассивное — быть избираемым) всем гражданам Р. С. Ф. С. Р., добывающим себе средства к существованию трудом производительным и общественно-полезным, без всяких ограничений. Резкое отличие в этом отношении нашей конституции от всех буржуазных, что паразитические группы (т.-е. эксплоатирующие чужой

[1]) Слова «власть на местах» бесконечно трепались и треплются ненавистниками пролетарской власти, позволяющими себе бесконечно глумиться над советскими законами: власть на местах, мол, значит, что каждый „комиссар" волостного или уездного масштаба может делать что хочет—даже вопреки постановлениям высших органов власти. Нелепость и злопыхательство таких утверждений станут ясны из § 6, где говорится о проведении в жизнь всех постановлений высших органов советской власти.

труд), сидевшие в буржуазном государстве на «первых стульях», лишаются политических прав [1]), а ряд групп, не имевших никаких прав в буржуазном обществе, советской конституцией наделяется этими правами: разительным примером этого могут служить «солдаты советской армии и флота» (§ 64 конституции). Женщины-работницы призваны управлять государством наравне с их отцами, братьями, мужьями. Ценз оседлости (т.-е. требование, чтобы избиратель жил более или менее значительный срок времени в местности, где происходят выборы), устранявший при выборах в буржуазный парламент наиболее подвижный элемент — рабочих и маломощных крестьян, ищущих заработка на стороне — совершенно отсутствует. «Иностранцы», т.-е. пролетарии других стран, проживающие в России и находящиеся за одним станком со своими русскими братьями по труду, пользуются наравне с ними избирательным правом, т.-е. правом управлять государством. Советская конституция в этом отношении осуществила лозунг французских коммунаров: «Знамя коммуны есть знамя всего мира» (только надо прибавить «трудящегося мира»). Этот настоящий, пролетарский, демократизм проникает насквозь всю нашу избирательную систему.

Раздел пятый излагает основы финансового хозяйства советской республики. Наше бюджетное [2]) право целиком построено на основном принципе пролетарского государства в переходный момент диктатуры пролетариата — «способствовании основной цели экспроприации буржуазии и подготовления условий для всеобщего равенства граждан республики в области производства и распределения богатств».

Раздел шестой и последний говорит о гербе Р. С. Ф. С. Р.: серп и молот — символ союза трудового крестьянства с промышленным пролетариатом — окружены венцом из колосьев, с надписью Р. С. Ф. С. Р. и «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», — лозунгом, брошенным 75 лет тому назад великими учителями борющегося пролетариата — Карлом Марксом и Фридрихом Энгельсом.

---

1) См. примечание на стр. 382.

2) Государственный бюджет—роспись доходов и расходов государства.

§ 105. **Экономическая политика Р. С. Ф. С. Р.** Под словами «экономическая политика» надо понимать все мероприятия, которые проводятся или намечены в области хозяйственного строительства. В буржуазном обществе у пролетариата и трудящихся масс была борьба, но не было в подлинном смысле слова экономической политики: не они управляли государством, а капиталистический класс. Как управлять хозяйством, как организовать производство, какие отношения установить между разными группами трудящихся и как все это сделать, чтобы при наименьших усилиях достигнуть наибольших результатов для трудящихся, — все эти вопросы возникли перед трудящимися, когда они стали у власти и захватили орудия и средства производства в свои руки.

Наилучшей экономической политикой трудящихся будет та, которая приведет скорее к цели — коммунизму; вернейшим и единственным путем к этому является развитие промышленности; поднятие производительных сил. Способы же достижения такого развития могут быть самыми различными, в зависимости от обстоятельств и обстановки: близости или дальности рессурсов производства, доступности или недоступности пользования этими рессурсами, развивается ли хозяйственная деятельность в мирных условиях или военных, и т. д.

Наша экономическая политика, как в области добывающей, так и обрабатывающей промышленности (в сельском хозяйстве или городской промышленности), ставит себе одну ближайшую цель — укрепление и развитие крупного производства: коммунизм возможен только на основе крупной промышленности. Выше (см. § 51) мы видели, какие хозяйственные преимущества представляет крупное производство. Далее мы знаем, что пролетарский коммунизм строится не на р а с п р е д е л е н и и скудных средств, не на уравнении в бедности, а на организации производства. И чем крупнее и научно-организованнее производство, тем более производительным оно делает труд, тем легче оно сплачивает огромные массы рабочих и тем достижимее коллективистское (общественное) хозяйство.

Поэтому первым стремлением рабоче-крестьянской власти после революции были: 1) по отношению ко в с е й нашей

промышленности рабочий контроль; 2) по отношению к крупной промышленности — постепенное завладение только крупнейшими предприятиями, с которыми пролетарское государство могло бы справиться, которые оно могло бы поставить на лучшую ногу. Но саботаж владельцев предприятий, достаточно расстроенных войной и теперь умышленно приводившихся в полную негодность, и борьба, поднятая против пролетарской революции буржуазной и соглашательской контрреволюцией, вынудили государство к национализации всей промышленности: это должно было покончить одним сокрушительным ударом с воюющей буржуазией (ибо сила ее во владении предприятиями), это должно было сосредоточить в руках государства те немногие, скудные средства, которые остались от разорительной войны. Но положение государства, крайне трудное, как мы видели выше (см. §§ 97 — 99), на поприще борьбы, еще труднее было на хозяйственном фронте. Внутренняя контр-революция и нашествие европейского капитала оторвали от Р. С. Ф. С. Р. области с главнейшими источниками промышленности: Азербейджан с его нефтью, Донецкий бассейн с каменным углем, Урал с его металлом, Туркестан с его хлопком, Украйну и Сибирь с их хлебом (Приволжье было ареной постоянных столкновений, разорявших его в конец).

Разрушенный транспорт, оскудевшее сельское хозяйство, расстроенные финансы, огромная масса искалеченных и выбывших из трудового строя людей, — все эти ужасные последствия войны были той обстановкой, в которой пролетарское государство должно было строить свое хозяйство... А гражданская война требовала напряжения всех сил, требовала большой армии, приспособления промышленности к потребностям войны. В первую голову требовались средства питания, как нужда данного момента, как то, чего нельзя ни откладывать, ни отсрочить. И государство должно было прибегнуть к героической мере сосредоточения во что бы то ни стало всех продовольственных излишков в своих руках. Была введена продовольственная разверстка, заключавшаяся в том, что крестьянам оставлялось только самое необходимое для собственного прокормления и хозяйства, излишки же забирались.

Почти поголовная национализация промышленных предприятий, крупных и мелких, и продразверстка, сосредоточившие в руках государства все средства, сделали ненужной и даже вредной торговлю: при таких условиях она превращалась в мошенничество, низкопробную спекуляцию, растрачивающие неэкономно скудные средства, когда все усилия государства должны были быть направлены на то, чтобы возможно бережливее расходовать оскудевшие запасы (голодный паек). И частная торговля была запрещена и заменена государственным распределением.

Пролетарское государство блестяще справилось с главнейшей и настоятельнейшей задачей в исключительный момент борьбы — оно отстояло свое существование, оно спасло пролетарскую революцию от стремившихся удушить ее хищников мирового капитала, оно смогло приспособить хозяйство к потребностям этой титанической борьбы труда с капиталом.

Но хозяйственные последствия (как последствия всякой войны) были печальны. Разрушение хозяйства во всех его областях пошло за время гражданской войны еще дальше: сократилась посевная площадь и производство хлебных продуктов чуть ли не до половины, производительность фабрик и заводов упала до смехотворно-низких цифр, трудовое население крайне истощилось, и в первый же момент относительного покоя, когда душившее советскую федерацию огненное кольцо враждебных сил было разорвано мощным натиском революционной армии — Советская власть начала совершать переход от политики так называемого «военного коммунизма» (бережливого и равномерного расходования старых запасов и малосильного или даже бессильного хозяйствования, охватывающего все предприятия, в том числе огромнейшую массу мелких, но не справляющегося с ними) к политике: 1) восстановления и развития крупной государственной промышленности и 2) увеличения общего количества запасов — предметов широкого потребления. Эти две главные задачи дают содержание и определяют формы так называемой новой экономической политики [1]).

[1]) Враги Советской власти и недозрительные „друзья“ ее злорадно твердят: „Вернулись к старому! Мы говорили вам—не зарывайтесь!“ Неизвест-

Если развитие крупной промышленности — наша главная з а д а ч а, то увеличение количества запасов во что бы то ни стало — наша н е о б х о д и м о с т ь: без продовольствия, одежды, обуви и т. д. рабочие не могут жить и тем более работать усиленно, без этого, следовательно, не может быть и речи о восстановлении крупной промышленности. Без машин (которые нужно купить за границей), без сырья и топлива (которые нужно добывать и привезти к местам производства), опять-таки о развитии промышленности нельзя и мечтать. Поэтому в первую очередь советская власть направила свои усилия на поднятие сельско-хозяйственного производства и торговые соглашения с капиталистическими странами.

В области сельского хозяйства основной задачей советского государства было и остается развитие крупного советского хозяйства (совхозы), представляющего во всех отношениях те же выгоды, что крупное производство в области городской промышленности, и являющегося для трудящихся деревни школой коллективизма. Всемерная поддержка сельско-хозяйственных коммун, представляющих те же выгоды для трудящихся, является такой же важной задачей государства.

Но огромное большинство трудовых хозяйств в России было мелко-собственническим, а мелкие собственники (крестьяне) не легко отказываются от «собственного», хотя и жалкого, прозябающего хозяйства. Вовлечь их в крупное общественное

но, чего тут больше: невежества или коварства. Всякий сколько-нибудь думающий человек поймет, что никакого возврата к «старому» (т.-е. дореволюционному периоду) тут нет и не может быть. Выше мы уже говорили, что до революции у трудящихся не было и не могло быть никакой экономической политики: „хозяином" была буржуазия. И какова бы ни была экономическая политика трудящихся, она уже потому не является возвратом к старому, что она—экономполитика: „хозяином" тут являются трудящиеся, которые могут принимать те или другие хозяйственные мероприятия направленные (по их мнению) в конечном итоге к осуществлению лучшего будущего. Другое дело, если поставить вопрос: действительно ли ведет новая экономическая политика к поставленной цели? Почти двухгодовой опыт новой экономической политики дает на этот вопрос положительный ответ: как ни коробит „нэп" многих товарищей некоторыми внешними своими формами, в общем и целом она привела к под'ему промышленности во многих отраслях и к сравнительному увеличению наших запасов, без чего мы не могли бы вынести страшный год голода в приволжских губерниях и на юге. Что новая экономическая политика привела к замирению деревни—факт, вряд ли кем-нибудь оспариваемый.

хозяйство — дело многих лет и вдохновенного труда борцов и работников коммунизма, а окончательный успех такой работе может доставить больше всего расцвет крупного советского хозяйства, которого нужно достигнуть ценой каких бы то ни было усилий: мелкий собственник уступит не хорошим речам, а хорошим успехам хозяйства, если он их увидит...

Из всего этого пролетарская власть сделала такой вывод: не оставляя попечений о крупном государственном хозяйстве, нужно в целях увеличения запасов поддерживать мелкие хозяйства и вызвать в трудящихся мелко-собственнических массах стимул (побудительный позыв) к увеличению посевной площади, к улучшению хозяйства и повышению производительности.

Отмена продразверстки с заменой ее продналогом — первый шаг к этому. Продналог не только берет у крестьян для государства меньше, чем продразверстка (которая в 1920 г. была определена по всей республике, кроме Украйны и Туркестана, — в 423 миллиона пудов, между тем как налог в 1921 г. — 240 милл. пудов), но — и это главное — оставляет излишки в полном распоряжении крестьянина. И если раньше, когда излишки у него забирались, он не стремился производить их, то теперь он всемерно стремится увеличить их количество.

Но, имея излишки, крестьянская масса (главная масса производителей ценностей в советских республиках) стремится их с б ы в а т ь: обменить на нужные ей товары, продукты городской промышленности и сельско-хозяйственные орудия — или продать за деньги, на которые можно купить на рынке эти нужные товары. Поэтому государство, не имея, вследствие слабости своей промышленности, достаточного количества таких товаров и не располагая налаженным аппаратом обмена, должно было сделать следующий шаг — смягчить (а впоследствии почти совсем прекратить) запретительные меры по отношению к частной торговле, стремясь в то же время наладить свой торговый аппарат.

Нечего и говорить, что рядом с этими вынужденными шагами государство в отношении сельского хозяйства поставило себе положительную задачу (которую оно при всех трудностях

осуществляет) — помочь крестьянину в поднятии техники земледелия и улучшении форм сельского хозяйства. Последние с'езды Советов главное свое внимание уделили именно этому вопросу, а рабоче-крестьянское правительство уделяет ему много сил.

Но не только для поднятия крупной промышленности нужно поднять сельско-хозяйственное производство, но и наоборот, — для поднятия сельского хозяйства требуется повышение уровня крупной промышленности: без железа, плуга, сохи, косы и многих предметов потребления, создаваемых крупной промышленностью, сельско-хозяйственное производство далеко не уйдет... Поэтому для развития этой промышленности существуют у государства стимулы не только в его стремлении к коммунизму, но и в потребностях текущего дня. Какова же экономическая политика Советской власти в области промышленности?

Стремясь к укреплению и поднятию крупной государственной промышленности, государство берет в свои руки только крупные предприятия и притом те, с какими оно, по своим расчетам, может справиться, и столько, насколько у него хватит технических и организаторских сил. Остальное оно отдает в аренду (временное пользование) рабочим коллективам и частным предпринимателям (последним преимущественно мелкую промышленность). Выгоды аренды в том, что предприниматель, стремясь увеличить прибыль, будет стараться увеличить производительность предприятия. О выгодах рабочих коллективов не приходится распространяться: успех коллективов является успехом пролетарского дела. Денационализация [1]) мелкой промышленности вызвана теми же причинами, что отмена продразверстки в деревне: это должно вызвать у мелкого предпринимателя-ремесленника стремление к улучшению своего хозяйства, а, следовательно, в конечном итоге способствовать увеличению количества необходимых предметов потребления.

Особо надо сказать о концессиях — аренде на более про-

[1]) Т.-е. возврат государством мелких предприятий своим прежним владельцам или частным лицам.

должительное время и более крупным капиталистам или союзам капиталистов. Эта мера имеет главной своей целью использование колоссальных богатств многих наших недр, которые при нашей технической отсталости лежат втуне, и привлечение иностранного капитала. Выгоды концессий для пролетарского государства — опять-таки в увеличении количества благ и в том, что в будущем, когда срок концессий кончится, советской республике достанутся хорошо оборудованные предприятия.

Все это требует улучшения нашего финансового положения, налажения хороших торговых аппаратов у государственных предприятий, поднятия нашего международного положения (что давало бы возможность заключения торговых соглашений более выгодно для республики) и т. д.

Надо всем этим усердно трудится советская власть, Р. К. П. и все преданные делу пролетарской революции граждане советских республик. Положение, занятое советской Россией на Генуэзской и Гаагской конференциях, показало всему миру, что рабоче-крестьянская республика, не давшая себя раздавить вандальским нашествиям и отечественной контр-революции, не позволит проглотить себя жадной акуле европейского торгашества.

§ 106. **Советская власть и профсоюзы.** Рабочий класс возглавляет революцию и тот союз трудящихся, который дает опору и силу пролетарскому государству. Но о классе, как об организованной силе, можно говорить только тогда, когда огромные кадры его вливаются в классовые об'единения. Мы неоднократно встречались с той огромной ролью в пролетарском движении и пролетарском государстве, которую играло и играет такое об'единение, как политическая партия пролетариата — Р. К. П. Но партия об'единяет только наиболее сознательные и деятельные элементы класса; она, выражаясь языком т. Бухарина, — мозг класса, но не тело его. Широкими об'единениями рабочего класса, охватывающими почти все его слои, являются, главным образом, профсоюзы. Выше (§ 55) мы видели, что профсоюзы в капиталистическом государстве неизбежно являлись боевыми организациями пролетариата, направлявшими острие своей борьбы против капиталистиче-

ского класса и, следовательно, против буржуазного государства (хотя бы они это не всегда сознавали). Но чем они являются в рабочем государстве, в Р. С. Ф. С. Р., и каково их отношение к советской власти, и наоборот?

Когда советской республике удастся одолеть всех врагов и экономическую разруху и когда — в результате величайших усилий борьбы и организации — ей удастся создать коммунистическое хозяйство и неклассовое общество, — такого вопроса не будет, он потеряет всякий смысл. В самом деле, о каких классовых, да еще боевых, организациях может быть речь в неклассовом обществе? Об'единения рабочих будут, конечно, и тогда, — по профессиям, производствам или каким-либо другим признакам, — но они будут носить характер т е х н и ч е с к о г о разделения обобществленного труда.

Но как же в переходный период диктатуры пролетариата, когда буржуазия сокрушается пролетарским государством, но еще не сокрушена окончательно, когда приходится, как мы видели выше (см. § 105), итти на деловые соглашения с отдельными группами капиталистов и т. д.? Какое положение в государстве должны тогда занимать профсоюзы?

В период так называемого «военного коммунизма», когда все скудные рессурсы страны и все производство были в руках государства, на этот вопрос был один ответ: профсоюзы перестали быть боевыми организациями и стали органами государственной власти, на которых лежит главная работа по организации труда и производства. В самом деле, с кем и за что они могли бороться? Со своим государством, классовым пролетарским государством? Это значило бы, что класс борется сам с собой.

Это не значило, что материальное положение рабочего класса было блестяще; наоборот, оно во многом было гораздо хуже, чем в «мирные» времена буржуазного господства. Но все ужасы его материального положения имели своей причиной не эксплоатацию его государством (рабочий класс в ужасной обстановке гражданской войны не только не производил излишка, но и самого необходимого для его существования). Все бедствия пролетариата проистекали из тяжелого положения государства, обуреваемого со всех сторон враже-

скими нашествиями, и упадка производительных сил, понижения производительности труда и несовершенной организации производства.

Отсюда для рабочих организаций, стремящихся к улучшению экономического положения класса, вывод один: помочь государству выйти из трудного положения, вместе с государством напрячь все усилия к поднятию производительности и т. д. О стачках и других формах борьбы не могло быть и речи: приостановление производства означало бы подрубить сук, на котором сидишь. Поэтому профсоюзы, совместно с советами, создавали об'единенные органы управления производством — советы народного хозяйства, комитеты по управлению национализированными предприятиями, комиссии по улучшению быта рабочих и т. п. Почти во все органы управления входили представители профсоюзов. Государство, предпринимая любой шаг, сопряженный с жертвами со стороны рабочих масс, входило в контакт с органами профсоюзов.

Такое постепенное слияние с органами государственной власти было названо о г о с у д а р с т в л е н и е м профсоюзов. Участвуя в подготовительной, плановой и учетной работе государства, профсоюзы делаются практической школой коммунизма: они практически приучают рабочих к управлению хозяйством и производством.

При новой экономической политике положение стало сложнее. На-ряду с государственным производством возникает и негосударственное: частновладельческое, арендное, концессионное. Там уже рабочий имеет дело с частным предпринимателем, который, поднимая уровень производства, стремится не к улучшению положения рабочего (как пролетарское государство), а к прибыли, наживе, т.-е. эксплоатации рабочих. Тут классовая борьба делается неизбежной.

С другой стороны, возможны случаи игнорирования интересов рабочих в государственных предприятиях, в особенности в тех, которые переходят на хозяйственный расчет (т.-е. должны, пользуясь предоставленными государством единовременными ссудами и оборудованием, организовать производство так, чтобы оно окупалось и развивалось без постоянной помощи государства). Вследствие неумелого управле-

ния или недобросовестного отношения к делу, администрация не сможет поставить дело так, что оно будет окупаться или даже давать прибыль, что оно, следовательно, не сможет конкурировать на рынке с более умелым и преданным своему делу предпринимателем. Такая администрация может стремиться отыграться на спине рабочих... Как тогда? Могут ли и должны ли профсоюзы устраивать стачки или поддерживать их. Должны ли они, иначе говоря, превратиться опять — в пролетарском государстве — в боевые классовые организации?

Чтобы ответить на этот вопрос, нужно уяснить разницу между положением рабочего класса до революции и его положением теперь. В капиталистическом обществе рабочий в своей борьбе с предпринимателем встречал сопротивление всего класса капиталистов (прибегавшего к методам классового подавления рабочих «притязаний» — к локаутам [1]), черным спискам [2]) и т. д.) и скорпионы буржуазного государства, становившегося на сторону своего класса. В пролетарском государстве рабочий в своей борьбе с предпринимателем встретит п о м о щ ь государства и его готовность подавить всякое организованное классовое нападение только терпимых (в силу необходимости) предпринимателей.

Теперь мы можем сказать, что профсоюзы не являются боевыми организациями по отношению к государству и его промышленности. Если могут возникнуть какие-нибудь столкновения между рабочими и государственными предприятиями, то не на почве эксплоатации государством рабочих, а на почве неумелого управления тех или иных лиц, на почве «бюрократических извращений». Если бы столкновение вылилось в форму стачки, то это была бы стачка против «приказчиков Советской власти», т.-е. против своих приказчиков.

---

[1]) Л о к а у т—массовое увольнение рабочих фабрик одного производства с целью сломить голодом и безработицей «требовательность» рабочих. Это—форма борьбы капитала против организующегося труда. Накануне октябрьской революции промышленники юга и Урала стали прибегать к этой мере против нараставшей рабочей революции. Революция положила конец этому нападению капитала на труд.

[2]) Черный список—список рабочих, отличающихся своей революционностью и способностью действовать на массы. По взаимному сговору капиталистов—владельцев фабрик—таких рабочих стараются никуда не принимать на работу.

Так как всякая приостановка производства в условиях оскудения производительных сил наносит ущерб рабочему классу, то его организации должны принимать все меры к предотвращению стачек и к улажению конфликтов путем разрешения недоразумений: для этой цели создаются примирительные камеры и т. п. Государство заинтересовано так же, как и рабочие организации, в устранении бюрократических извращений, в укрощении зарвавшихся неумелых, а подчас и недобросовестных «приказчиков», в улажении всяких конфликтов путем, устраняющим возможность приостановки производства. И между государственной властью и профсоюзами тут только общая почва для одной работы и для достижения одних и тех же целей — поднятия производительных сил и улучшения положения рабочих.

Частная промышленность занимает пока весьма скромное место по сравнению с государственной. Данные об арендной промышленности говорят, что в сданных в аренду предприятиях — около 60 тысяч рабочих, т.-е. около 3% всех рабочих, занятых в промышленных предприятиях Р.С.Ф.С.Р. «Обиженная» революцией российская буржуазия не торопится вкладывать материальные рессурсы в производственные предприятия: она стремится вкладывать бумажные деньги в торговлю, имеющую еще нездоровый характер и представляющую легкую возможность сорвать. Но там, где в частных предприятиях наблюдается поползновение частных предпринимателей выйти из рамок, поставленных Советской властью, и нажать пресс эксплоатации, там не только грозный окрик профсоюзов встречает громкое эхо в государственной власти, но сама власть, по своей инициативе, обрушивается всей тяжестью карательных мер на тех, кто в пролетарском государстве хочет заводить порядки буржуазного.

Таким образом и при новой экономической политике профсоюзы являются ближайшими сотрудниками государственной власти. Выполняя ряд функций по охране труда, установлению тарифов (размера заработной платы), выработке коллективных договоров и т. д. (т.-е. в области чисто рабочей политики), они в то же время участвуют во всех плановых органах пролетарского государства, в выработке производ-

ственных программ и т. д., — словом, в сфере государственно-хозяйственного управления.

Рост профессионального движения шел рядом с ростом его политической партии. Профессиональное движение в России всегда находилось в тесной связи с партией пролетариата. В моменты революционного под'ема поднималась и волна профдвижения, в моменты революционного упадка — она падала. Но в общем масса рабочих, об'единенных профсоюзами, сильно росла: в 1906 г. на 2-й Всероссийской конференции было представлено 200.000 организованных рабочих, на 3-й конференции 1917 г. — 1.475.429 чел. С этого момента число членов профсоюзов стихийно возростало, и в 1921 г. достигло около 7.000.000. Такой быстрый рост не мог не привести к засорению союзов ненадежными элементами. В 1922 г. была предпринята чистка, которая была достигнута путем добровольного членства: в союзах остались только те, кто действительно стремились к организации своих сил или кто, по крайней мере, ожидали от профорганизаций защиты своих интересов. Мелко-буржуазные элементы ушли. Число членов профсоюзов сократилось до 5.100.000 чел., но зато состав их оказался более надежным в классовом отношении.

Верховным органом профдвижения являются всероссийские с'езды, которые созываются из представителей как Р. С. Ф. С. Р., так и других советских республик, а в промежутках между с'ездами — Всероссийский Центральный Совет Профессиональных Союзов (В. Ц. С. П. С.), избираемый с'ездом. Каждый профсоюз имеет во всероссийском масштабе свой центральный комитет, избираемый с'ездом союза, в губернии — губсовет профсоюзов (Г. С. Ц. С.), в уезде — уездное Бюро (Упрофбюро), на отдельных предприятиях — фабзавкомы (фабрично-заводские комитеты) или месткомы. Фабзавкомы и месткомы являются первичными ячейками союза.

Во всех органах профдвижения имеются коммунистические фракции, т.-е. коллективы коммунистов-профработников, через эти фракции Р. К. П. руководит профдвижением.

Тесная связь профсоюзов с Советской властью и партией делает их школой коммунизма и мощными проводниками политики пролетарского государства.

§ 107. **Красный Интернационал Профсоюзов (Профинтерн).** Подобно тому, как Коминтерн (III Коммунистический Интернационал, см. ниже, § 109), является организацией, об'единяющей деятельность политических партий пролетариата, стоящих на точке зрения социальной революции и классовой борьбы пролетариата, так и профинтерн представляет организацию, об'единяющую в мировом масштабе деятельность всех профессиональных об'единений, руководящихся теми же требованиями.

Начало красному международному об'единению профдвижения было положено в 1920 г. в Москве «Временным международным Советом профсоюзов» (Межсовпроф), поставившим себе целью борьбу с соглашательскими об'единениями и об'единение всех профорганизаций , порвавших с тактикой сотрудничества с буржуазией. Межсовпроф подготовил международный конгресс всех революционных профсоюзов (380 делегатов из 41 страны), который был созван в Москве в июле 1921 г. и который и создал Красный Интернационал профсоюзов в противовес желтому, соглашательскому Амстердамскому об'единению (называющему себя Амстердамским Интернационалом). Конгресс рекомендовал всем организациям, стоящим на точке зрения классовой борьбы и диктатуры пролетариата, организовать по профессиям и производствам «Международные комитеты пропаганды», которые бы агитировали рабочие массы во всех странах в духе программы профинтерна.

Вопреки бешеной травле соглашателей-амстердамцев, предпринятой ими во всех странах против профинтерновских рабочих и коммунистов, влияние Профинтерна возрастало и он скоро превратился в значительную об'единяющую силу международного революционного рабочего движения.

По постановлению с'езда только такая местная профорганизация может стать членом Профинтерна, которая признает следующие положения:

1. Признание принципов революционно-классовой борьбы.

2. Проведение этих принципов в жизнь в практической и повседневной деятельности.

3. Признание необходимости социальной революции и диктатуры пролетариата.

4. Признание международной пролетарской дисциплины.

5. Признание и проведение в жизнь всех решений учредительного конгресса.

6. Разрыв с желтым Амстердамским Интернационалом.

7. Единство действий с коммунистическими и революционными организациями во всех оборонительных и наступательных действиях против буржуазии.

Верховным органом профинтерна являются с'езды, которые должны собираться не меньше, чем один раз в год, а в промежутках между с'ездами — избираемый ими центральный совет, который собирается не реже двух раз в год; текущую работу ведет исполнительное бюро, избираемое Советом.

Для тесной связи с Коммунистическим Интернационалом Центральный Совет посылает своих представителей в Исполком Коминтерна, а в составе Центрального Совета имеется 3 представителя от Коминтерна; Центральный Совет в важнейших случаях заседает вместе с Исполкомом Коминтерна и выпускает с ним совместные воззвания.

§ 108. **Советская власть и Российская Коммунистическая Партия.** Если на рабочее движение России до октябрьской революции на-ряду с большевиками имели некоторое влияние и меньшевики — другая фракция тогдашней Р. С.-Д. Р. П. (см. выше §§ 88 — 96), то в момент подготовления октябрьской революции и после нее руководительство борьбой пролетариата и его государством целиком и безраздельно перешло к большевикам.

Подготовление октябрьской революции было делом рук почти исключительно большевиков.

В составе членов II С'езда Советов, совершившего переворот и создавшего рабоче-крестьянское правительство, было огромное большинство большевиков. Большинство первого Совнаркома также было большевистское; меньшинство принадлежало левым эс-эрам, с которыми большевики заключили блок ввиду того, что значительная часть крестьянства, порвавшая с правыми эс-эрами, подменившими обещанную социализацию земли громкими призывами к оружию «плечом

к плечу» с «доблестными союзниками». Когда же левые эс-эры, со своей путанной идеологией, революционной мешаниной и склонностью к опасным авантюрам, должны были уйти из правительства, власть целиком попала в руки большевиков.

Беря на себя бремя власти в грозный момент разрухи и гражданской войны, партия — отныне единственная руководительница трудящихся масс — вступила на путь, дотоле ей неведомый. Она раньше была подпольной партией, идейной руководительницей революционного движения; теперь она превратилась в господствующую партию — как партия господствующего класса — победившего пролетариата. И господство это было такое, каково и господство выдвинувшего ее из своих рядов класса: не для эксплоатации и угнетения, не для обильных благ, достававшихся раньше привилегированным классам и их партиям, а для смертельной схватки с мировым капитализмом, для борьбы с контр-революцией и соглашательством, для требующего мучительных усилий строительства разрушенного хозяйства.

Для такого господства требовалась готовность на все жертвы, решимость бороться до конца, железная воля, не знающая ни колебаний, ни мягкотелой жалости, ни цепенящего страха. Для такого господства требуется ясность сознания, резкая отчеканенность программы, суровая обособленность от всех квази-революционных (будто бы революционных) групп, топящих ясное понимание средств и целей борьбы в крикливых и пустозвонных, хотя «страшно революционных» фразах. Эта решимость у партии нашлась, и она вскоре порвала со своими подозрительными (по части ясного понимания...) союзниками — левыми эс-эрами. Волю свою она выковала и выливала в железную дисциплину, которой все члены партии охотно и добровольно подчиняются.

На VII партийном с'езде (в марте 1918 г.) партия, называвшаяся раньше Российской социал-демократической рабочей партией (большевиков), назвала себя Российской коммунистической партией (большевиков). Новое название она приняла для того, чтобы окончательно отмежеваться от соглашательского крыла прежней социал-демократии — меньшевиков. С'езд поручил комиссии выработать к VIII с'езду новую

программу партии, так как старая программа уже больше не отвечала моменту. Она составлялась в момент господства царского самодержавия и буржуазии. Перед пролетариатом стояла еще задача опрокинуть крепостнический строй (см. § 70). Поэтому программа партии заключала программу-минимум, т.-е. ближайшие цели революции (сокрушение самодержавия), и программу-максимум, т.-е. конечные цели — разрушение капиталистического общества, диктатуру пролетариата и построение социализма; так как октябрьская революция передала власть в руки пролетариата и его партии, то программа-минимум отпадала.

Программа, составленная в таком духе, т.-е. в духе всех задач, вытекающих из пролетарской диктатуры, понимаемой как совершившийся факт, была принята на VIII с'езде Р. К. П. (в марте 1919 г.). На этом с'езде присутствовало 300 делегатов от 300 тысяч членов партии. С'езд уделил много внимания организации наших военных сил (Красной Армии и участия в ее трудах членов партии).

В самые тяжелые годы для революции партия не только идейно руководила революцией, она не только бросала лозунги борьбы и строительства, подхватывавшиеся трудящимися массами, но и сама участвовала во всех работах и многосложных трудах на всех фронтах борьбы и во всех отраслях управления и советской работы. Она действовала не только на верхи — правительство и центральные органы власти, — но и на низы, на всю массу борющегося пролетариата и крестьянства. Она ставила на все опасные и ответственные посты, от низших до высших инстанций, своих членов, она часто посылала своих бойцов в самый огонь жарких боев — туда, где мужество других дрогнуло. И можно сказать, что железная воля партии и ее решимость итти до конца, рядом с героическим напором Красной Армии, спасли пролетарское государство от грозившей ему гибели.

IX с'езд партии был созван после победы Красной Армии на всех фронтах гражданской войны: в конце марта 1920 г. Ужасы 1919 г. — деникинщины, колчаковщины и т. д. — лежали, казалось, позади. И с'езд занялся, главным образом, хозяйственными вопросами. Он вынес, между прочим, поста-

повление об единоличном управлении промышленными предприятиями, о привлечении специалистов и т. д. Хотя 1920 год принес Р. С. Ф. С. Р. новые испытания: войну с Польшей и продвижение Врангеля, тем не менее центр тяжести своей напряженной работы партия перенесла с военных фронтов на хозяйственный. Члены партии принимали самое деятельное участие (и в качестве руководителей, и как рядовые технические работники) во всех хозяйственных начинаниях Советской власти, отдавая много сил производственной пропаганде, субботникам и воскресникам, продовольственной работе и т. д.

Основы новой экономической политики (см. § 105) были намечены X с'ездом (март 1921 г.). Для партии открылось новое поле деятельности, требующей и поныне напряженнейшей работы как по уяснению принципов этой политики, так и по проведению ее в жизнь.

Партия с VIII с'езда 1919 г. обнаруживала значительный количественный рост: за два года она более, чем удвоилась (с 300 тысяч членов в 1919 г. до 705 тысяч в 1921 г.). Это внушало опасения, что значительное количество членов присоединилось к партии только потому, что она господствующая и что она уже вышла из периода героической борьбы.

Чтобы не допустить засорения партии недобросовестными, чуждыми и непролетарскими элементами, в конце 1921 г. была предпринята генеральная чистка (периодические чистки производились и раньше), которая выбросила из партии значительное количество членов. Эта мера должна оздоровить партию, улучшив качественный состав за счет количества.

На XI с'езде партии (27 марта — 3 апреля 1922 г.) уже было представлено значительно меньше членов, чем на прошлых с'ездах (около 500 тысяч). С'езд в общем подтвердил правильность новой экономической политики, определил положение профсоюзов при новых хозяйственных обстоятельствах, наметил ряд мер партийного и марксистского просвещения (вопрос, занимающий в последнее время большое место в партийной жизни).

§ 109. **Третий Коммунистический Интернационал.** III Интернационал представляет международное об'единение политических партий пролетариата, стоящих на той же платформе, что и Р. К. П., т.-е. действующих в духе революционной классовой борьбы, насильственного ниспровержения власти буржуазии во всем мире и установления диктатуры пролетариата. III Интернационал является таким образом тем органом, который руководит революционной борьбой мирового пролетариата, направленной к захвату власти пролетариатом — как задаче современности. Этим III Интернационал резко отличается от II, который тоже не прочь был поговорить о революционной борьбе, о крушении капитализма и т. д., но который отодвигал все это в туманную даль.

III Интернационал уже успел показать, что единение пролетариата и противопоставление его капиталистическому классу всех стран — для него не фраза, не пустые слова, а то, что направляет все его действия, поведение всех секций — коммунистических партий отдельных стран — независимо от того, к какому «концерту держав» они принадлежат. В эпоху титанической борьбы рабоче-крестьянского государства с хищниками мирового капитализма III Интернационал решительно протестовал против нападений на пролетарскую Россию и боролся с империалистической контр-революцией со всей решительностью. Коммунистические партии во всех странах Европы принимали все меры, чтобы помешать «интервенции» (т.-е. вмешательству, вторжению капиталистических правительств в дела пролетарской России) и боролись с империалистическими поползновениями, от кого бы они ни исходили — «своей» ли страны или «чужой».

В этом отношении III Интернационал, в противовес II, который рассыпался в первый момент столкновения «национальных» государств по «своим» национальным буржуазным стойлам, является подлинным об'единением пролетариата, не имеющего отечества в буржуазном государстве и видящего свое отечество там, где развевается победное знамя труда, где у власти стоит пролетариат.

III Интернационал смог собрать под свое знамя огромные

кадры пролетариата во всех странах в значительной степени благодаря пролетарской революции в России, борьбе Р.С.Ф.С.Р. и организаторской неутомимости Р. К. П. Но гнусной клеветой является утверждение, повторяемое русскими социал-соглашателями и европейскими изменниками делу социализма, что III Интернационал является «созданием русского красного империализма», т.-е. что он создан русской дипломатией, как орудие борьбы за «русские интересы» с «национальными интересами» других держав. Это — клевета, во-первых, потому, что нельзя говорить как о «создании России» о том, что родилось уже в первую эпоху революционного движения в Европе — о стремлении к мировому об'единению пролетариата, и, во-вторых, что коммунистическое движение развилось во всех странах и что оно должно было выдвинуть, порвавши с прежними вождями-соглашателями, интернациональное об'единение пролетариата, резко отличное от прежнего соглашательского Интернационала.

История возникновения и развития III Интернационала красноречиво говорит, что хотя III Интернационал свою судьбу в значительной мере связал с русской революцией (так как пока Россия — единственная страна, где пролетариат взял власть), корни его восходят к тому моменту, когда прежнее интернациональное об'единение фактически прекратилось — к моменту начала войны.

Уже в сентябре 1914 г. — вскоре после начала мировой войны — была организована швейцарско-итальянская конференция, заклеймившая империалистический характер войны и разоблачившая лицемерие возгласов, раздававшихся с обеих воюющих сторон, что бойня предпринята для «освобождения порабощенных народов». Конференция этим разоблачала и гнусность утверждений «социалистов» II Интернационала, которые клялись и божились (как в странах империалистического союза, так и в странах империалистического соглашения), что «их» буржуазия затеяла резню «своих» и «чужих» рабочих и крестьян только для того, чтобы спасать угнетенных, обиженных и оскорбленных... Однако попытка правления швейцарской партии (по поручению конференции) восстановить международное об'единение пролетариата не увенчалась успехом.

Попытки об'единения не прекращались. В июле 1915 г. в Берне состоялось немногочисленное совещание интернационалистов разных стран, постановившее подготовить конференцию из представителей тех партий, которые отвергают «внутренний мир» (т.-е. союз пролетариата и трудящихся масс с империалистической буржуазией в «борьбе за отечество») и стоят на почве классовой борьбы и прекращения империалистической войны.

Такая конференция (представителей 11 стран, в том числе России) была созвана 5 — 8 сентября 1915 г. в деревне Циммервальд (близ Берна). Тут были представлены не успевшие еще отколоться меньшинства больших официальных партий и несколько самостоятельных партий небольших стран. Из состава конференции выделилось революционное меньшинство («семерка»), в состав которого вошли русские большевики т.т. Ленин и Зиновьев (всего от России было 6 представителей: 2 большевика, 2 меньшевика и 2 эс-эра; кроме того, от Польши — Варский и Радек, от Бунда — в «информационных целях» — Кливанский). После долгих прений был принят текст «манифеста международных социалистов к пролетариям Европы» с призывом начать борьбу за мир без аннексий и контрибуций с правом народов на самоопределение. Конференция образовала постоянную Интернациональную социалистическую комиссию и временный секретариат в Берне.

Циммервальдский союз встретил сочувствие во многих партиях и организациях разных стран (постепенно к нему примкнуло более 20 партий и меньшинств), но вызвал против себя бешеный поход со стороны социал-патриотов и Международного социалистического бюро — детища II Интернационала. В феврале 1916 г. собралась расширенная Интернациональная социалистическая комиссия и издала воззвание об отказе в военных кредитах, выходе социалистов из буржуазных министерств, неучастии в организациях, работающих на войну, и об открытой борьбе против господствующих классов и их правительств. Комиссией была созвана 24 апреля 1916 г. вторая конференция в дер. Кинталь (Швейцария), которая в общем имела такой же состав (с немного большим левым

крылом), как Циммервальдская. Конференция издала манифест «К разоряемым и убиваемым народам» с такими же лозунгами, как воззвание комиссии.

Циммервальд свидетельствует о стремлении международного пролетариата, ошеломленного войной и изменой вождей, к интернациональному об'единению против своих «национальных» эксплоататоров. Но не все циммервальдцы были достаточно проникнуты революционным духом класса, который они представляли (за исключением революционного меньшинства, в которое входили большевистские представители России). Они еще действовали в старом русле II Интернационала, не решались призвать рабочий класс и армию к вооруженному восстанию против своих капиталистов и правительств, не решались порвать с международным социалистическим бюро. Но работа Циммервальда не прошла бесследно для международного пролетариата: она не в состоянии была создать III Интернационал, но дала толчок к новому международному об'единению.

Февральская революция в России показала, что все вопросы, выдвинутые Циммервальдом, решаются не парламентским, а революционным путем. И на 3 Циммервальдской конференции (или на Стокгольмском совещании — август 1917 г.) уже значительное число циммервальдцев стало на сторону большевистских представителей России, требовавших уже не только прекращения бойни, но и захвата власти Советами. Борьба в России между меньшевиками, поддерживавшими коалицию (см. выше, § 64), и большевиками, требовавшими рабочей власти, была перенесена на международную арену, и Циммервальд распался на 2 лагеря. Тем не менее было принято воззвание об активных революционных выступлениях.

Первым ответом была октябрьская революция, разделившая Европу и ее социалистов (настоящих и мнимых) на два враждебных лагеря. Брестский мир показал бессмысленность ожиданий «справедливого мира», которыми питалась правая половина Циммервальда. Он захирел. Для партий или партийных меньшинств, стоявших на почве революционных действий, назрела необходимость отмежеваться от социал-патрио-

тов и II Интернационала и образовать вместо него свое революционное об'единение.

Практическое об'единение таких партий и организаций стало возможным лишь после крушения германского империализма и бури революций, пронесшейся по средней Европе. И после долгих усилий удалось созвать в Москве, 2 — 8 марта 1919 года, международную конференцию, на которую явились представители такого множества стран, что конференция была превращена в с'езд.

К этому времени во многих странах образовались коммунистические партии, а многие партии, носившие старые названия, сильно двинулись влево. И так же, как русские большевики, решившие окончательно порвать с меньшевиками, переименовали себя в Р. К. П., с'езд, решивший окончательно порвать с фактически несуществовавшим II Интернационалом и нерешительным Циммервальдом, образовал новый Интернационал, названный III Коммунистическим Интернационалом (Коминтерн).

В манифесте «К пролетариям всего мира», выпущенном первым с'ездом Коминтерна, международный пролетариат призывался к свержению ига капитала во всех странах и захвату власти. Было намечено создание постоянного органа Коминтерна: Исполнительного Комитета, в который должны войти партии России, Германии, Австрии, Венгрии и т. д. До присылки делегатов было поручено Р. К. П. образовать временный Исполком.

На первом с'езде была в общем намечена программа, общее направление деятельности Коминтерна. Организация его определилась на 2 с'езде, состоявшемся в Москве с 23 июля по 7 августа 1920 г. Принят устав, по которому Коминтерн представляет связанную железной дисциплиной единую международную коммунистическую партию, во главе которой стоит Исполком, имеющий право исключать целые партии и группы за нарушение ими дисциплины. Кроме того, было выработано 21 требование, которое должно затруднять доступ в Коминтерн недостаточно устойчивым в революционном и коммунистическом отношении партиям (легальная и

крылом), как Циммервальдская. Конференция издала манифест «К разоряемым и убиваемым народам» с такими же лозунгами, как воззвание комиссии.

Циммервальд свидетельствует о стремлении международного пролетариата, ошеломленного войной и изменой вождей, к интернациональному об'единению против своих «национальных» эксплоататоров. Но не все циммервальдцы были достаточно проникнуты революционным духом класса, который они представляли (за исключением революционного меньшинства, в которое входили большевистские представители России). Они еще действовали в старом русле II Интернационала, не решались призвать рабочий класс и армию к вооруженному восстанию против своих капиталистов и правительств, не решались порвать с международным социалистическим бюро. Но работа Циммервальда не прошла бесследно для международного пролетариата: она не в состоянии была создать III Интернационал, но дала толчок к новому международному об'единению.

Февральская революция в России показала, что все вопросы, выдвинутые Циммервальдом, решаются не парламентским, а революционным путем. И на 3 Циммервальдской конференции (или на Стокгольмском совещании — август 1917 г.) уже значительное число циммервальдцев стало на сторону большевистских представителей России, требовавших уже не только прекращения бойни, но и захвата власти Советами. Борьба в России между меньшевиками, поддерживавшими коалицию (см. выше, § 64), и большевиками, требовавшими рабочей власти, была перенесена на международную арену, и Циммервальд распался на 2 лагеря. Тем не менее было принято воззвание об активных революционных выступлениях.

Первым ответом была октябрьская революция, разделившая Европу и ее социалистов (настоящих и мнимых) на два враждебных лагеря. Брестский мир показал бессмысленность ожиданий «справедливого мира», которыми питалась правая половина Циммервальда. Он захирел. Для партий или партийных меньшинств, стоявших на почве революционных действий, назрела необходимость отмежеваться от социал-патрио-

тов и II Интернационала и образовать вместо него с в о е революционное об'единение.

Практическое об'единение таких партий и организаций стало возможным лишь после крушения германского империализма и бури революций, пронесшейся по средней Европе. И после долгих усилий удалось созвать в Москве, 2 — 8 марта 1919 года, международную конференцию, на которую явились представители такого множества стран, что конференция была превращена в с'езд.

К этому времени во многих странах образовались коммунистические партии, а многие партии, носившие старые названия, сильно двинулись влево. И так же, как русские большевики, решившие окончательно порвать с меньшевиками, переименовали себя в Р. К. П., с'езд, решивший окончательно порвать с фактически несуществовавшим II Интернационалом и нерешительным Циммервальдом, образовал новый Интернационал, названный III Коммунистическим Интернационалом (Коминтерн).

В манифесте «К пролетариям всего мира», выпущенном первым с'ездом Коминтерна, международный пролетариат призывался к свержению ига капитала во всех странах и захвату власти. Было намечено создание постоянного органа Коминтерна: Исполнительного Комитета, в который должны войти партии России, Германии, Австрии, Венгрии и т. д. До присылки делегатов было поручено Р. К. П. образовать временный Исполком.

На первом с'езде была в общем намечена п р о г р а м м а, общее направление деятельности Коминтерна. О р г а н и з а ц и я его определилась на 2 с'езде, состоявшемся в Москве с 23 июля по 7 августа 1920 г. Принят устав, по которому Коминтерн представляет связанную железной дисциплиной единую международную коммунистическую партию, во главе которой стоит Исполком, имеющий право исключать целые партии и группы за нарушение ими дисциплины. Кроме того, было выработано 21 требование, которое должно затруднять доступ в Коминтерн недостаточно устойчивым в революционном и коммунистическом отношении партиям (легальная и

нелегальная пропаганда и агитация, привлечение крестьян и батраков, коммунистические ячейки в профсоюзах и т. д.).

Влияние III Интернационала с каждым годом возрастает. Это видно из того, что число коммунистических партий (вступающих, конечно, в Коминтерн) растет и что теперь нет почти ни одной страны, где бы не было коммунистической партии. К 1921 г. в Коминтерн входили 51 партия разных стран. На третьем с'езде 1921 г. скорее приходилось умерять пыл некоторых наиболее горячих голов...

Коминтерн не об'единил еще *всех* рабочих *всего* мира; в тот момент, когда такое об'единение наступит, старый мир должен будет рухнуть. Пока еще le mort saisit le vif (мертвец хватает живого): из печального прошлого опять вынырнул «живой труп» — II Интернационал: в 1919 г. был созван первый после войны конгресс в Берне социал-соглашательских вождей. Он теперь об'единяет все социал-соглашательские партии; во главе его стоят бывшие люди, — вожди, изменившие делу социализма в момент опасности. Образовался еще один Интернационал — Венский (двухсполовинный). Но Коминтерн беспрерывно увеличивает свои силы и свое влияние на рабочие массы, между тем как II Интернационал, опять появившийся на сцену и пред'являющий свои «исторические права» на рабочие массы, и Венский (двухсполовинный) превратились фактически в придатки своих капиталистических классов и государств.

Двухсполовинный Интернационал составился из партий и групп, которые в момент революционного под'ема во многих странах Европы и ожесточенной борьбы русской революции с антантовским империализмом, не решались пойти в желтый II Интернационал, уже раз предавший мировой пролетариат. Сочувствие трудящихся масс к пролетарской революции в России удерживало этих половинчатых людей от открытого отхода от революции. Но они также не решались итти в Коминтерн: «резкость» его программы, заостренность его революционных требований и железная дисциплина, им установленная, пугали этих людей, у которых революция на языке, но которые боятся этой революции, когда она претворяется в дело.

Когда волна революционного возбуждения стала спадать и наступила пора упорной работы по организации трудящихся всего мира для нового и уже решительного наступления на твердыню капитализма, двухсполовинных вождей потянуло к открытым социал-соглашателям, ко II Интернационалу.

2-й Конгресс Коминтерна 23 июля—7 августа 1922 г. группа делегатов с тов. Лениным и Зиновьевым.

Третий с'езд Коминтерна (1921 г.) признал, что в настоящее время задачей всех партий Коминтерна является организация оборонительной борьбы пролетариата против наступления на него буржуазии, оправившейся после первого испуга и перешедшей в наступление. Третий с'езд признал также необходимость решительной борьбы с желтым Интернационалом, из-под влияния которого необходимо вырвать возможно скорее рабочие массы, ибо чем это скорее произойдет, тем ближе торжество социалистической революции.

И тем не менее, когда в Европе раздался призыв к единому рабочему фронту, ввиду наступления капитала на труд, Коминтерн не замедлил откликнуться: он был уверен, что

ознакомление рабочих масс с действительным положением вещей и деятельностью революционной организации пролетариата вырвет эти массы из-под гипноза, навеянного на них желтыми вождями. Коминтерн поэтому послал своих представителей на об'единенные заседания трех интернационалов.

Однако представители Второго и Двухсполовинного Интернационала боялись допущения к мировой рабочей аудитории коминтерновцев, и в конце концов сорвали единый рабочий фронт.

На процессе эс-эров, судившихся за целый ряд контр-революционных выступлений, покушений на убийство вождей пролетариата, за совместную с белогвардейцами организацию вооруженной борьбы с рабоче-крестьянской властью, защитниками их выступали в трогательном единении представители как Второго Интернационала (Вандервельде), так и Двухсполовинного (Либкнехт, брат Карла Либкнехта, и Розенфельд). В последнее время выяснилось полное приближение полужелтого Интернационала к желтому и близость их полного слияния.

Коминтерн таким образом является единственным вождем мирового пролетариата, и в тот момент, когда потребуется решительное действие всего международного пролетариата, к этому действию призовет Коминтерн и он же это действие организует.

С необычайной яркостью это показали события последнего времени. В Европе опять повеял призрак подлой войны в интересах капиталистических акул победившей Антанты. Так как Германия, из которой французская «демократия» банкиров и биржевиков выжимает все соки, не может уплатить всех «репараций» [1]), то стало подготовляться нападение

[1]) Репарация—возмещение убытков. В данном случае Германия должна возместить, по гнусному Версальскому договору, Франции ее убытки по войне с Германией. О возмещении убытков страны побежденной никто из антантовских праведных судей, конечно, и слышать не хочет. На Генуэзской конференции была попытка заставить советскую Россию возмещать «великим державам» Антанты убытки, понесенные от разорившего Россию вмешательства «демократии». Русская делегация, говорившая языком революции ответила решительным отказом.

Франции на Германию. Господа из II Интернационала, вместе с их друзьями из Двухсполовинного Интернационала, попами и буржуазными пацифистами собрались на Гаагскую конференцию мира, пригласив туда и представителей революционной России (всего 10 человек). На этой конференции говорилось много речей, в которых не столько ругали буржуазию, виновницу мирового пожара и кровопролития, сколько коммунистов. Тем не менее были приняты резолюции о воспитании молодежи в духе вражды к войне и о всеобщей забастовке в случае войны. Вскоре призрак превратился в действительность: началось наступление французских войск на Рурскую область Германии. Коминтерн и Профинтерн напомнили желтым вождям резолюцию о всеобщей забастовке и звали к ее осуществлению. II Интернационал с господином Вандервельде и другими социал-патриотами французско-бельгийской марки ответили весьма длинно, но смысл ответа таков: за 3 недели не удалось превратить всю молодежь в ненавистников войны, всеобщей же стачки лакеи французского капитализма не собираются устраивать, так как вся вина лежит на германской буржуазии, которая не хочет платить (рабочие, оказывается, пылают жаждой отдать свои последние гроши акулам французского капитализма...), а раз репарации справедливы, то... «на службу права нужно поставить силу». Иначе говоря, «социалисты» из II Интернационала не только не протестуют против нападения Франции на Германию, но даже одобряют его...

Только под знаменем III Коммунистического Интернационала мировой пролетариат совершит свои победы над старым буржуазным миром, миром насилия и лжи — лжи буржуазной и социал-соглашательской!

Литература*).

Очерк первый.

Н. Бухарин. Теория исторического материализма, главы IV, V и VI. Госиздат, 1922 г.

Каутский. Этика и материалистическое понимание истории. Мосгубиздат, 1922 г.

Н. Бухарин. Азбука коммунизма, § 17.

Энгельс. Труд, как фактор эволюции в процессе развития от обезьяны к человеку (приложение к книге того же автора «Происхождение семьи, частной собственности и государства», изд. «Моск Раб.» 1922 г.).

Очерк второй.

Алексеев. Происхождение животных и человека. Госиздат, 1921 г.

Анучин. Происхождение человека. Госиздат.

Гессе. О происхождении видов и дарвинизм. Госиздат, 1922 г.

Гербертсон. Земля и труд человека. Госиздат, 1922 г.

Вейле. Культура бескультурных народов.

Анучин. Открытие огня и способ его добывания. Госиздат, 1920 г.

Я. Яковлев. История первобытной культуры. Петр., 1918 г.

Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. Моск. Раб., 1922 г.

Степанов. Происхождение нашего бога. Госиздат, 1921 г.

Степанов. Возникновение и развитие религиозных верований. Госиздат, 1921 г.

Кунов. Возникновение религии и веры в бога. Госиздат, 1922 г.

К. Каутский. Происхождение христианства. Госиздат, 1923 г.

Очерк третий.

Богданов. Краткий курс экономической науки, переработанный и дополненный Ш. М. Дволайцким. Госиздат, 1923 г., стр. 13—108.

Тюменев. История хозяйственного быта. Госиздат, 1922 г.

Ловинский. История труда. Изд. «Книги».**)

Каутский. Предшественники новейшего социализма. Госиздат, 1923 г.

Покровский. Очерк развития русской культуры, ч. I.

---

*) Я указываю наиболее доступную литературу, ознакомление с которой расширит и углубит понимание вопросов, затронутых «Очерках».

**) Книга изобилует недостатками в освещении вопросов и фактов, но по обилию фактического материала полезна.

Очерк четвертый.

Бухарин. Азбука коммунизма, часть I, (теоретическая).
Богданов. Краткий курс экономической науки, переработанный и дополненный Ш. М. Дволайцким. Госиздат, 1923 г., стр. 109 и до конца.
Каутский. Экономическое учение К. Маркса.
Ленин. Государство и революция. Госиздат, 1922 г.

Очерк пятый.

История социализма (перевод статьи из Volkslexikon Вурма). Госизд., 1919 г.
Рожков. История социализма. Петроград, 1919 г.
Святловский. История социализма. Петроград, 1922 г.
Стеклов. История рабочего движения, ч. I. Госиздат, 1921 г.
Каутский. Предшественники новейшего социализма (тт. III и IV собрания сочинений, изд. Госиздата 1923 г).
Горев. От Томаса Мора до Ленина. Изд. Л. Д. Френкеля, Москва 1922 г.
Тарле. Крестьяне и рабочие во Франции в эпоху Великой французской революции. Изд. Клестова, Петроград 1919 г.
Буанароти. Гракх Бабеф и заговор равных. Госиздат, 1922 г.
Ротштейн. Очерки по истории рабочего движения в Англии, вып. I. Госиздат, 1923 г.
Энгельс. Развитие социализма от утопии к научной теории. Моск. Раб., 1922 г.
Плеханов Историческое подготовление научного социализма. Моск. Раб, 1922 г.
Люкс. Этьен Кабэ. Изд. «Просвещения».
Эрнтье. История французской революции 1848 г. Изд. Дороватовского и Чарушникова, 1907 г., глава XVI—XX (печатается изд. Госизд).
Ренар. Французская республика 1848 г. (печатается изд. Госиздата).
Вермерель. Деятели 1848 г. (скоро появится в свет в изд. Госизд).
К. Маркс и Ф. Энгельс. Коммунистический манифест, ред. и примечания Д. Рязанова. Госиздат, 1923 г. [1]) и популярное издание под ред. Рязанова. Моск. Раб., 1923 г).
К. Маркс. Человек, мыслитель, революционер, сборн. с предисловием Д. Рязанова. Моск. Раб., 1923 г.
Стеклов. Интернационал, ч.ч. I и II. Госиздат, 1921 г. (печатается новое издание).
Зиновьев. II Интернационал и проблема войны. Петроград, 1917 г.
Грюнберг. Интернационал и мировая война. Изд. Коминтерна, 1919 г.

Очерк шестой.

М. Покровский. Русская история в самом сжатом очерке. Госизд., 1921 г.
М. Покровский. Русская история, тт. III и IV.
К. Левин. Первый борец за свободу (Радищев). Изд. ВЦИК. 1918 г.
Луначарский. Радищев.
Плеханов. 14 декабря 1825 г., Петроград 1921 г.
К. Левин. Декабристы.
В. Семевский. Из истории общественных идей в России (кружок петрашевцев). Изд. «Задруга».
Тун. Истор. революционного движения в России (со статьями Кольцова и Плеханова).

---

[1]) Горячо рекомендую это издание: оно дает не только выверенный текст «манифеста», но и ряд исторических сведений, характеризующих эпоху возникновения манифеста и «Союз коммунистов».

Стеклов. Борцы за социализм. Изд. «Денницы», 1918 г. (печатается новое издание Госиздата).
Бубнов. Основные моменты в развитии коммунистической партии.
Батурин. Очерк истории соц.-дем. в России (с приложением статьи Ольминского).
Зиновьев. История Российской Коммунистической партии (большевиков). Госиздат, 1923.
Троцкий. 1905. Госиздат, 1922 г.
Сверчков. На заре русской революции.
Декабрьское восстание в Москве 1905 г. Госиздат., 1920 г.
Из эпохи «Звезды» и «Правды», вып. I и II. Госиздат, 1920 г.
Покровский. Внешняя политика (1914—1917). Изд. «Денница», 1919 г.
Шляпников. Накануне 1917 г., ч. I. Госиздат. 1920 г.
„ „ „ ч. II „ 1922 г.
Шляпников. Семнадцатый год. Госиздат, 1923 г.
Троцкий. Октябрьская революция, «Коммунист», 1918 г.

Очерк седьмой.

Бухарин. От диктатуры империализма к диктатуре пролетариата. Изд. «Прибой», 1918 г.
Радек. Октябрьская революция и ее место в истории. Госиздат, 1922 г.
Ленин. Русская революция и гражданская война.
Ленин. Очередные задачи советской власти.
Каменев. Борьба за мир.
Майский. Внешняя политика РСФСР. Изд. «Красная Новь», 1922 г.
Антонов—Овсеенко. Статья о Красной армии в сборнике «За пять лет». Изд. «Красная Новь», 1922 г.
Календарь коммуниста. Статьи о Красной армии, стр. 309—342. Изд. Моск. Раб., 1922 г.

Очерк восьмой.

Гурвич. Советская конституция. Госиздат, 1922 г.
Стучка. Учение о государстве и конституция РСФСР. Изд. Красная Новь, 1923 г.
Смушков. Новая экономическая политика. Красная Новь, 1923 г.
Лозовский. Октябрьская революция и профсоюзы.
«Новые задачи профсоюзов», сборник руководящих материалов, Моск. к-т., 1922 г.
Томский. Профсоюзы на новых путях. 1922 г.
Росмер, Манн, Лозовский. Профинтерн и Коминтерн.
Варга и Лозовский. Мировой кризис, задачи и тактика профсоюзов. Изд. Профинтерна, 1922 г.
Лозовский. Программа действий Профинтерна.
Лозовский. Организационные вопросы Профинтерна.
Циммервальдская конференция. Изд. «Книга», 1917 г.
Кинтальская конференция. Изд. «Книга», 1917 г.
Ленин и Зиновьев. Социализм и война. Прибой, 1918 г.
Зиновьев. Главные этапы развития Коминтерна. Госиздат, 1922 г.

Указатель имен.

А.

Август (император)—107.
Аксельрод—291.
Александр I—262, 266, 268.
Алексеев, Петр—296.
Альбер—207, 215.
Аманулла—358.
Антонов-Овсеенко—364.
Аппий Клавдий—100.
Апраксин—272.

Б.

Бабёф—197.
Базар—203.
Бакунин—231—234, 276, 282, 284, 285.
Барбес, Огюст—208, 221.
Бардина—284, 285, 294.
Бебель—244.
Бенбоу—206.
Бердяев—303.
Бернштейн, Э.—169, 246, 303.
Берт—240.
Бестужев-Рюмин—269.
Благоев—249.
Блан, Луи—209, 215.
Бланки—208, 217, 221.
Богораз—294.
Болл, Джон—186.
Болотников—255.
Бриан—243.
Брус, Поль—242.
Булавин—259.
Булгаков—303.
Буллит—35.
Булыгин—308.
Бухарин—22, 387.

В.

Вальдек Руссо—242, 249.
Вальян—251.
Вандервельде—252.
Варлен—229, 233.
Варский—400.
Ватсон—21.
Вейтлинг—222.
Веррас, Джон—192.
Вивиани—243.
Вильбушевич, Мария—303.
Вильсон—354, 355.
Вильям—214.
Витте—310.
Володарский—336, 337.
Врангель—341, 352, 353.

Г.

Галифэ—237, 242.
Галль, Людвиг—209.
Ганнибал—103.
Гапон—307.
Гартман—291.
Герцен—276, 278, 279.
Гетерингтон—211.
Годунов—354.
Гракх, Кай—108.
Гракх, Тиберий—108.
Гракхи—183.
Гриневецкий—292.
Гуттен, Ульрих—188.
Гучков—317.
Гэд—292, 293.

Д.

Дарте—197.
Девилль—242.
Дейч—291.
Деникин—348, 351.
Джонс—214, 215.
Димитрий (Самозванец)—254, 255.
Долгушин—282.
Дольчино—186.
Дрейфус—242.
Дурново—310

Е.

Екатерина II—260, 262.

Ж.

Желябов—289, 292, 293.
Жишка, Ян—188.
Жорес—241, 243, 251.

З.

Зайчневский—279.
Заславский—296, 297.
Засулич—287, 291.
Зикинген—188.
Зиновьев—316, 400.
Зорге—239.
Зубатов—302, 303.

И.

Ишутин—288.

К.

Кабе, Этьенн—204.
Каль, Гильом—186.
Каляев—308.
Кампанелла—192.
Каракозов—280, 281.
Катков—276.
Каховский—269.
Кейр-Гарди—251.
Кемаль Паша—158.
Керенский—317, 322, 335.
Кибальчич—293.
Кливанский—405.
Колчак—349, 350.
Коновалов—317.
Копатели («диггеры»)—130, 194.
Корнилов—320.
Кравчинский (Степняк)—288.
Крапоткин—284, 285, 296.
Краснов—343.

Л.

Лавров—270, 281.
Лассаль—226.
Лафарг—242.
Лафонтен—203.
Лейденский, Иоанн—190.
Ленин—300, 304, 310, 316, 322, 337, 405. 409.
Леру—180.
Лжедмитрий—254, 255.
» («Тушинский вор»)—255. 256.
Либарович—254, 296.
Либкнехт, Вильгельм—232, 244.
Либкнехт—410.
Лильборн—193.
Литвинов—358.
Ллойд-Джордж—358.
Ловетт—211.
Локкарт—338.
Лонге—244.
Лопатин, Герман—294.
Львов (князь)—317.
Любатович—296.
Лютер—188.

М.

Мадзини—228.
Макаров—315.
Макдональд—240.
Маргарита Тренкская—186.
Маркс—173, 222, 229, 230, 232, 233, 243.
Мартов—300.
Махно—341.
Медведь—345.
Менар, Луи—218.
Мильеран—242, 243, 249.
Милюков—317.
Минин—256.
Мирбах—337.
Михайлов, А. Д.—291.
Михайлов, М. И.—280.
Михайловский—278, 282.
Мор, Томас—181, 191 и сл.
Морозов—288, 292.
Муравьев-Апостол—267, 269.
Муравьев (вешатель)—281.
Мюнцер, Томас—188, 189.

Н.

Нансен—358.
Наполеон I—195.
Нечаев—283, 284.
Николай I—262, 268.
Носке—250.
Нуланс—338.

О.

О'Брейен—213, 215.
Огарев—276.
О'Коннор—212, 215.
Оржих—294.
Осинский—288.
Осипанов—294.
Оуэн—202, 206, 210, 211.

П.

Павел I—262.
Перовская—290, 292, 293.
Пестель—267—269.
Петлюра—342.
Петр I—259.
Платон—183.
Плеве—306, 307.
Плеханов—294, 299.
Подвойский—364.
Пожарский—256

Петр I—259.
Петрашевский—271.
Платон—183.
Плеве—306, 307.
Плеханов—291, 292, 294, 299, 312, 316.
Подвойский—367.
Пожарский—256.
Потресов—300.
Прокопович—303.
Прудон—226.
Пугачев—260—261.
Пфейфер—188, 189.

Р.

Радек—405.
Радищев—266.
Разин—258.
Рейли, Сидней—338.
Розенфельд—410.
Романовы—257.
Рылеев—269.

С.

Савинков—335, 338, 341.
Семенов—351.
Сен-Симон—201, 203, 204, 276.
Скоропадский—345.
Спартак—184.
Сперанский—269.
Стефанович—291, 292.
Стефанс—213.
Струве—303.

Т.

Тейлор, Уотт—186, 187.
Терещенко—317.
Тихомиров, Л.—292.
Трепов—287, 302.
Троцкий—311, 322, 344, 350, 352, 356, 367.

У.

Уинстлей, Вильям—194.
Ульянов, Александр—293, 294.
Урицкий—337.

Ф.

Филарет—257.
Филипп-Луи—205.
Форст—214.
Фурье—201, 202, 203.

Х.

Хабибулла—361.
Халтурин, С.—292, 297—298.
Ханыков—271.
Хорват—349.

Ч.

Чаадаев—270.
Чайковский—282, 340.
Чернышевский—276, 279, 280.
Чичерин—357.
Чхеидзе—322.

Ш.

Шаевич—303.
Шахрай—345.
Шейдеман—250.
Шмидт (лейтенант)—310.
Шторх—188.
Шуйский, В.—255, 256.

Э.

Эберт—324.
Эйхгорн—346.
Энгельс—85, 173, 223, 234, 242, 365, 385.
Эрве—251, 252.
Эритье—218.

Ю.

Юденич—348, 359.

Предметный указатель.

А.

Автономная область—379.
Автономная республика—379.
Авторитарная община—86, 87.
Автотомия—16.
Акции—160.
Акционерное общество—160 и сл.
Альянс социальных революционеров—232.
Амстердамский Интернационал—398.
Амстердамский конгресс—243, 250.
Анархизм—178, 231, 235, 239.
Анархистский интернационал—234, 235, 240.
Анархисты—249.
Анархия производства—150, 151—152, 170.
Анатомия сравнительная—36.
Английская революция—193.
Аннексия—356.
Антанта—333, 339, 348, 349, 351, 353, 356—363, 368.
Апостольские братья—186.
Ассоциация—209, 211.
Ассоциация международная—227.
Атимия—42.

Б.

Бабувисты—197.
Базельский конгресс—231, 232.
Балаховщина—342.
Банки—155—159, 163.
Банки меновые—155.
Банки эмиссионные—157.
Банкноты—157.
Банковский капитал—163.
Банковский кредит—158.
Барщина—116, 117, 118.
Бастилия—195.
Безработица—151, 152, 170, 199.
Бернское совещание—405.
Бернштейнианцы—246, 247, 253, 326.
Большевики—304—306, 311—312, 316. 320, 321, 322, 399, 400.
Борьба классовая—24, 25, 89, 168, 171—175, 197
Брак первобытный—65, 66.
Брестский мир—334, 336, 338, 339, 345, 347, 356, 357, 367.
Брюссельский конгресс—230, 248.
Бунд—312, 405.
Буржуазия городская—139.
Буржуазия капиталистическая (крупная)—145, 153, 167, 168, 171.
Буржуазия мелкая—177 и сл.
Буржуазное государство—167 и сл.
Бюджет—385.

В.

Вараны—157.
Век неолитический—51.
Век палеолетический—51
Великая крестьянская война—188—189
Великая французская революция—194—197, 329.
Великий национальный союз профессий—211.
«Великорусс» (кружок)—276, 279.
Вилланы—116.
Власть политическая—211.
Внешняя политика Р.С.Ф.С.Р.—354, 364.
Военно-революционный комитет—322.
Военный коммунизм—388.
Восстание Мюнстерское—189, 190.
Временное правительство—317, 318, 319, 320.
Всадников сословие—101.
Всемирный социалистический конгресс в Женеве—247.
Всеобщая стачка—231.
Всеобщий Германский Союз—226, 244, 245.
Всероссийский Съезд Советов—335, 356, 357, 358, 359, 382, 383, 384.
Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет—368, 383.
Всероссийский Центральный Совет Профессиональных Союзов—397.

Г.

Гвардия красная—365, 366, 367.
Генеральные штаты—195.

Генеральный совет—228, 232 233.
Геология—34.
Гетеризм—65.
Гетманщина—345.
Гильдии—125.
Город средневековый—120—124.
Городская аристократия—125.
Государственная дума—308, 309, 312—314, 315.
Государство—167.
Государство буржуазное—167, 168.
Государство пролетарское—343.
Государство советское—328.
Гражданская война (в России)—329, 330, 331, 333, 340, 341, 342, 351.
Группа независимых—243.
Группа «Освобождение Труда» 299, 301, 300.
Гэдисты—243.

Д.

Дальневосточная Республика—351, 352.
Движение крестьянское—182, 183, 186, 187, 188, 189, 195, 198, 199, 254—262, 265, 274.
Движение рабочее—199, 200, 201, 205, 225 и сл., 227, 228, 229, 230, 241.
Движение чартистское—194, 211—215.
Дебитор—154.
Декабристы—267—269.
Декларация—382.
Демократическая республика—244.
Демократическая федерация—240.
Денационализация—391.
Деньги—129, 130, 154.
«Деревенщики»—286.
Диггеры—193, 194.
Диктатура пролетариата—139, 173 и сл., 232, 401.
Дисконт—158.
Договор коллективный—396.
Договор Раппальский—363.
Доход предприятий—160.

Е.

Еретические секты—185, 186.
Естественный отбор—26, 66.

Ж.

Жакерия—186.
Живая рабочая сила—137.
Жилища (первобытные)—54, 59—65.
Жоресисты—243.

З.

Законы хлебные—211.
Заработная плата—146.
«Заря»—303.
«Звезда»—315.
Земледелие—55—58, 72, 83, 84, 87—91
Земледелие подсечное—90, 95.
Земледельческая техника—93, 94.
«Земля и Воля»—286.
Зоология—60.
Зубатовщина—302, 303.

И.

Иерархия—76, 114.
«Известия Совета Рабочих Депутатов»—309—310.
Икарийцы—204.
Империализм—164 166, 365.
Интеллигенция—266, 269, 270, 271, 275.
Интервенция—338, 345—347, 358, 403.
Интернационал—177.
Интернационал анархистский—234, 235.
Интернационал I—227—233.
Интернационал II—247, 248, 250—253, 408, 409, 410, 411.
Интернационал $2^1/_2$—408, 409, 410, 411.
Интернационал III (Коммунистический) 403—411.
«Искра»—301, 303.
Июньские дни—209, 215, 217.

К.

Каннибализм—83.
Капитализма крушение—168, 174—175.
Капитализм—141—145.
Капитализм промышленный—135, 139 142.
Капитализм торговый—120, 123, 134—135, 142.
Капитал крупный—149.
Капитал мелкий—149.
Капитал промышленный—135, 139.
Капитал свободный—166.
Капитал торговый—264, 273, 284.
Капитал финансовый—160.
Касты—75.
Класс—23, 99.
Класс капиталистов—109, 137, 143, 145—147, 148, 171, 172, 173.
Класс общественный—23.
Класс рабочий—145—147, 168—171, 174 196, 210, 395.
Классовая борьба—24, 25, 89, 139, 168 171—175, 197, 300.
Классы промежуточные—147, 148.
Коллективизм—180.
«Колокол» (Герцена)—276.
Колонат—105, 112.
Колониальная политика—166.
Колонизация—94.

Колонии—165, 166.
Колоны—113.
Коминтерн—407—410.
Коммуна Парижская—229, 233, 235—239.
Коммунизм—144, 173, 181, 197, 386.
Коммунизм первобытный—24, 81—83.
Коммунизм христианский—184, 185.
«Коммунист»—316.
Коммунистический Манифест—193, 210, 223, 225—226, 228.
Коммунистическое общество—24, 140, 170, 172.
Коммунистическое производство—277.
Коммунистическая утопия—190 и сл.
Конвент Эдинбургский—200.
Конгресс Гаагский—234.
Конгресс Женевский—230.
Конгресс Копенгагенский—251.
Конгресс Лозанский—230.
Конгресс Лондонский—248, 249.
Конгресс Марсельский—241.
Конгресс международный социалистический рабочих и проф. союзов—248.
Конгресс международный профсоюзов—247.
Конгресс Национальный—241.
Конгресс Парижский—233, 242—243, 248, 249, 250.
Конгресс Цюрихский—248, 249.
Конгресс Штутгартский—251.
Конкуренция—148, 161.
Константин (Романов)—268.
Конституция советская—381 и сл.
Контр-революция (в России)—331—351.
Контрибуция—356.
Конференция Гаагская—363, 364, 392.
Конференция Генуэзская—362, 363, 364, 392.
Конференция Кинтальская—405, 406.
Конференция Лондонская—233.
Конференция Парижская—247.
Конференция Филадельфийская—234.
Конференция Хурская—247.
Конференция Циммервальдская—316, 405, 406.
Конференция Чен-Чунская—364.
Конференция Швейцарско-Итальянская—404.
Концентрация капитала—153.
Концессии—391—392.
Красная армия—365—374.
Красная гвардия—365, 366, 367.
Кредит—154, 155, 158.
Крепостничество—116, 198, 259, 262, 263, 270—272.
Крестьянское движение—182, 183, 186, 187, 188, 189, 195, 198, 199, 254—262, 265, 274.
Кризис промышленности—151.
Кронштадтское восстание—342.
Крупный капитал—149.
Культура—29—30.
Культура первобытная—31, 32.
Курултай—361.

Л.

Латифундия—97, 102, 104.
Левеллеры—193, 194.
Легионеры—105.
Леддисты—201.
Ледниковый период—34.
Ленские события—315.
Ликвидаторы—315.
Лионское восстание—206—207.
Локаут—395.
Лэндлорды—198.
Люмпен-пролетариат—106.

М.

Магнаты—97.
Манифест коммунистической партии—(см. Коммунистический манифест).
Мануфактура—137, 139.
Мастера цеховые—127.
Матриархат—66, 67.
Машины—138.
Международное социалистическое бюро—248, 250, 251, 253.
Международный совет профессиональных союзов—398—399.
Международные социалистические конгрессы—248—251.
Мелкая буржуазия—177—179.
Мелкий капитал—149.
Меньшевики—244, 304 и сл., 312, 318, 330, 400.
Местная власть—384.
Метрополия—41.
Механическая сила—137, 138.
Милитаризм—164—166, 365.
Мильеранисты—253.
Мимикрия—16.
Министериалы—117.
«Молодая Россия»—279.
Моногамия—69.
Монополизация—144.
Монополия—162.
Мора Утопия—191.
Мутуализм—226.

Н.

Наемный труд—144.
Налог (подворный)—258.
Народническое движение—274 и сл.

Народничество революционное—274 и сл., 294.
«Народная Воля»—291, 292, 293, 294.
Народная хартия—200, 212.
Натуральное хозяйство—91, 119, 131, 143.
Национализация—241, 387, 388.
Национальная гвардия—206, 219, 220, 236.
«Национальная Чартистская Ассоциация»—214.
Национальное Собрание—195, 235.
Национальные мастерские—216, 217.
Национальный союз трудящихся—206.
Неклассовое общество—23—24, 139, 172.
Неолитический век—51.
Новая экономическая политика—388—392, 394, 395.

О.

Обмен денежный—129.
Обмен непосредственный—129.
Оброк—115, 116, 118.
Общежитие—17.
Общественное производство—181, 182.
Общество—12, 13, 14, 17, 18, 19, 23, 24, 25, 39.
Общество братских демократов—227.
«Общество времен года»—208, 221.
Общество животных—18, 19.
«Общество народной расправы»—283.
Общество неклассовое—23—24, 139, 172.
Общество русских фабричных и заводских рабочих—307.
Общинное хозяйство—91, 92.
Огонь—39—45.
Ойкосное хозяйство—96.
Октябрьская революция—321, 322, 324.
Операции банковские—155, 159.
Оппортунизм—169.
Оптиматы—102, 107.
«Организация труда»—209, 216.
Орудия каменного века—48—53.
Орудия производства—10, 11, 14—16, 21, 23, 38, 39, 145.
Орудия труда—14—16, 38.
Освобождение крестьян—271—272.
«Освобождение труда»—299, 300—301.
Отбор естественный—26, 66.
Оуэнисты—206.
Охота—55,56, 57, 58, 80, 81, 85.

П.

Палеолетический век—51.
Палеонтология—36.
Паразитические группы—204, 382, 384.
Партия еврейская независимая рабочая—303.
Партия рабочая (политическая)—175, 176.
Партия рабочая в Англии—240.
Партия российская коммунистическая—399—402.
Партия французская социалистическая—243.
Патриарх—71, 86.
Патриархат—67.
Патриций—99, 100, 102.
Пацифизм—360.
Пауперизм—109, 138, 199.
Первобытный коммунизм—24, 81—83.
Переворот промышленный—138.
Переложная система—93.
Перепроизводство—151, 152.
Петрашевцы—271.
Петроградский Совет Рабочих и Солдатских Депутатов—321, 322.
Пиратство—103, 131.
Пища—54—59.
Плантаторство—103, 142.
Плата заработная—146, 147.
Плебеи—99, 100.
Подать соляная—258.
Подмастерья цеховые—127, 128.
Политика экономическая Р.С.Ф.С.Р.—386—393.
Политическая борьба—171, 224, 230, 300.
Политическая власть—211.
Поместье синьора—117, 118.
Помещичество мелкое—264.
Поссибилисты—242, 248.
«Правда»—315.
«Право на труд»—209—210, 216.
«Право первой ночи»—68.
Прибавочная стоимость—146, 147, 148.
Прибавочная ценность—146, 152.
Приматы—27.
Природа (ее роль в жизни человека)—9.
Продналог—390.
Продразверстка—387, 388.
Производительные товарищества—230.
Производительные силы—17.
Производительный труд—17, 384.
Производство общественное—181.
Производство орудий производства—14, 15, 22.
Пролетариат—105, 106, 140, 145, 168, 169, 172—174, 175, 217, 224, 228, 230.
Пролетариат промышленный—153.
Пролетариат римский—105.
Пролетарская революция—324.
Пролетарий—138, 312.
Промышленный капитал—135—137, 161, 199, 264, 265.
Промышленный кризис—151, 205.
Промышленная резервная армия—152.

Протекционная политика—165, 166, 265,
Противоречия капиталистического общества—148—153, 164.
Профессиональные союзы—175, 176, 211. 240, 243, 246.
Профессиональные союзы (в России)—321, 392—397.
Профессиональные союзы огосударствленные—394, 397.
Профинтерн—398, 399.
Прудонисты—230.
Пунические войны—101.

Р.

Рабочая партия в Англии—240.
Рабоче-крестьянское правительство—322.
Рабочее движение—199, 200, 201, 205 225 и сл., 227, 228, 229, 230, 241.
«Рабочий» (группа Благоева)—299.
Рабочий день—137, 199.
Рабочий класс—145—147, 168—171, 174, 196, 210, 395.
Рабочий контроль—335, 386—387.
Рабство—68, 98, 99, 102, 103, 104, 110, 111, 115, 116, 142, 184.
Рада—344, 345.
Развернутая форма обмена—128.
Развитие общества—15, 16.
Разделение труда—71, 393.
Разночинцы—275.
Рантье—159.
Раппальский договор—363.
Расовые различия—20.
Распределение средств—386.
Ревизионизм—247, 303.
Ревизионисты—249.
Революционное народничество—274—278, 294.
Революционный синдикализм—241, 243.
Революция Германская—324.
Революция Октябрьская—321, 322, 324, 327, 356.
Революция пролетарская—324—325.
Революция 1905 года—307—312, 327.
Революция Французская Великая—194—197.
Революция 1848 г.—198, 215—220.
Рейхстаг—245.
Религия—69—77.
Ремесленники—122, 147—148.
Ремесло—52, 53.
Репарация—410.
Республиканский союз—235.
Республика советская—376—380.
Реставрация—330.
Рижский мир—353.
Род—66—68.
Российская Коммунистическая партия—399—407.
Р. С.-Д. Р. П.—300—302, 303—306.
Рудименты—27, 60.
Рура оккупация—411.
Руссификатор—332.

С.

Свобода политическая буржуазная—139.
Свободная рабочая сила—136.
«Северная Звезда»—212.
Северно-русский рабочий союз—287, 298.
Семья—65, 68—69, 87.
«Семья»—208.
Сеньор—113, 116, 117, 118.
Синдикализм революционный—241, 243.
Синдикаты—162, 163, 243.
Синфейнеры—199.
Скотоводство—67, 71, 83, 84, 85.
Случайная форма обмена—128.
Смутное время 255—257.
Собственность частная—92, 96, 97.
Совет Народных Комиссаров—322, 383.
Совет Рабочих Депутатов—309, 310, 311
Совет Рабочих и Солдатских Депутатов—317, 318, 321, 322.
Советская конституция—381—385.
Советская республика—376—380.
Совхозы—389.
Соляная подать—258.
«Социал-демократ»—316.
Социал-демократическая партия в Германии—245, 246.
Социал-демократическая рабочая партия—244, 245.
Социал-демократическая федерация—240.
Социал-демократы—316.
Социализм—180, 181, 205.
Социализм пролетарский—181.
Социализм французский—242, 243.
Социализм утопический—181, 202—204.
Социализм научный—249.
Социалистическая лига—240.
Социалистическая рабочая партия Германии—245.
Социалистическая партия Франции—242, 243, 248.
Социалисты-революционеры—306, 307, 399, 400.
Союз благоденствия—267.
Союз борьбы за освобождение рабочего класса—300.
Союз германских рабочих обществ—227.
Союз германских рабочих союзов—244.
«Союз гонимых»—221.
Союз коммунистов—210, 223, 227.
«Союз национального возрождения»—211.

Союз синдикатских камер—242.
Союз советских социалистических республик—354, 377—380.
«Союз справедливых»—221, 223.
Средневековый город—120—124
Средства производства—382.
Ссуда—154, 155, 157.
Ссуда ипотечная—157.
Стачки—196, 236, 296, 300.
Стоимость прибавочная—146, 147, 148.
Сюзерен—114.
Съезд Лондонский (Р.С.-Д.Р.П.)—314.
Съезд Нюрнбергский—244.
Съезд Советов 2-й—335, 356, 392.
Съезд Советов 3-й—335, 382.
Съезд Советов 4-й—357.
Съезд Советов 5-й—382.
Съезд Советов 6-й—358.
Съезд Советов 7-й—359.
Съезд Стокгольмский (Р.С.-Д.Р.П.)—312.
Съезд Эйзенахский—244.

Т.

Табориты—187.
Табу—72.
Тарифы—396.
Товарное хозяйство—143, 148.
Торговое хозяйство—132.
Торговый капитализм—120, 123, 134, 135, 142.
Тотемы—72, 73.
Тресты—163 и сл.
Третичная эпоха—33.
Трехпольная система—93, 115, 118.
Труд—9—10, 110.
Труд наемный—144.
Труд общественно-полезный—384.
Труд производительный—17, 384.
Трудовая связь—14.
Трэд-юнионы—171, 210, 225, 241.

У.

Универсал. третий—344.
Утопия—181, 183.
Утопия Томаса Мора—191 и сл.
Учредительное собрание—216, 319, 320, 324, 325.

Ф.

Фаланга—203.
Фаланстеры—203.
Федерация—378, 379.
Феодализм—113, 114, 117, 119, 143, 144, 145.
Фетишизм—74.
Форум—101.
Фракция—304.
Французская социалистическая партия—243.
Фратрия—66, 67.

Х.

Хилиазм—185.
Хлебные законы—211.
Хозяйство—10, 11, 53, 80, 81.
Хозяйство капиталистическое—140, 141, 143—145, 148.
Хозяйство крестьянское—197, 104, 105, 254, 263.
Хозяйство натуральное—91, 119, 131, 143.
Хозяйство ойкосное (домовое)—96.
Хозяйство товарное—143, 148.
Хозяйство торговое—132.
Христианский коммунизм—184, 185.

Ц.

Цезаризм—109.
Ценность прибавочная—146, 152.
Центральная власть—383.
Центральный Исполнительный Комитет Союза Республик—378.
Центральный комитет республиканского союза—235—236.
Цехи—124—128.
Цеховое обязательство—125—126.
Цвикауские апостолы—186.

Ч.

Чартизм—211—215.
Чартистское движение—194, 211—215.
Человек первобытный—27—29, 31—39.
Черные списки—395.
«Черный передел»—291, 299.

Ш.

Шовинизм—332.

Э.

Эйзенахская программа—244.
Эксплоатация—89, 172, 260, 383.
Экумена—34, 35.
Эмбриология—36.
Эмиссия—157.

Ю.

«Южно-российский рабочий союз»—296.

Я.

Язык—39, 45—48.

Содержание.

Предисловие ко 2-му изданию. . . . . .

ОЧЕРК ПЕРВЫЙ: Факторы развития человеческого общества. 9

§ 1. Человек и природа 9
§ 2. Труд и знание. 10
§ 3. Хозяйство, хозяйственная деятельность 10
§ 4. Человек и общество. 11
§ 5. Общество и хозяйство. 13
§ 6. Пользование орудиями труда и производство орудий производства 14
§ 7. Зависимость общественного развития от орудий труда 17
§ 8. Разнообразие и изменчивость форм сотрудничества и общежития. 17
§ 9. Внутри-общественные отношения и производство орудий производства. 18
§ 10. Общество и борьба классов 23

ОЧЕРК ВТОРОЙ: Краткий обзор истории первбоытной культуры. . . 26

§ 11. Происхождение человека 26
§ 12. Человек в зоологическом состоянии. 28
§ 13. Культура и труд. 29
§ 14. Первобытная культура. 31
§ 15. Начало человеческой истории и область земли, занятая человеком. 33
§ 16. Раннее детство человеческого рода 36
§ 17. Огонь, роль и значение его открытия и добывания для человеческого общества. 39
§ 18. Язык, его происхождение и значение для общественного развития. 45
§ 19. Орудия каменного века 48
§ 20. Развитие хозяйства и пища каменного века. 53
§ 21. Жилище 59
§ 22. Формы общественной жизни в период первобытной культуры. . . 65
§ 23. Происхождение религии. 69

ОЧЕРК ТРЕТИЙ: Краткий обзор истории хозяйственных форм и социальных отношений 78

§ 24. Что такое хозяйственное развитие 78
§ 25. Первобытное присвояющее хозяйство. 80
§ 26. Первобытный родовой коммунизм. 81
§ 27. Развитие охотничьего хозяйства и скотоводства; роль земледелия в скотоводческом обществе и у высших охотничьих племен . . 83
§ 28. Авторитарная родовая община. 86
§ 29. Переход к оседлому земледелию 87
§ 30. Оседлое земледелие. 89
§ 31. Расширение земельной площади; значение этого расширения для хозяйственного и общественного развития 93
§ 32. Общественные отношения на почве оседлого земледелия. 95

§ 33. Рабовладельческие культуры 98
§ 34. Происхождение классов в древнем Риме и рабовладельческая система 99
§ 35. Падение Римской культуры 104
§ 36. Колоннат 36
§ 37. Феодализм, его возникновение и сущность 113
§ 38. Внутренняя организация феодального поместья 117
§ 39. Развитие феодализма. 118
§ 40. Средневековый город 120
§ 41. Развитие торговых сношений и торговые города 128
§ 42. Торговые элементы средневекового города 132
§ 43. Торговый капитализм 134
§ 44. Промышленный капитал 135
§ 45. Буржуазия и пролетариат 139

ОЧЕРК ЧЕТВЕРТЫЙ: Структура капиталистического общества . . 141

§ 46. Капитализм—явление всемирное 141
§ 47. Что такое капитализм 142
§ 48. Классы в капиталистическом обществе 145
§ 49. Противоречия капиталистического общества. 148
§ 50. Кредитное дело и банки; роль их для промышленного капитализма. 153
§ 51. Крупные капиталистические об'единения и финансовый капитал . 160
§ 52. Империализм и милитаризм 164
§ 53. Буржуазное государство 167
§ 54. Рабочий класс и неизбежное крушение капитализма. 168
§ 55. Рабочие организации, политические партии пролетариата, Интернационал 175
§ 56. Мелкая буржуазия в капиталистическом обществе 177

ОЧЕРК ПЯТЫЙ: История социализма и социальных движений . . . 180

§ 57. Понятие социализма. 180
§ 58. Крестьянские движения древности 182
§ 59. Социальные утопии древности 183
§ 60. Восстания и бунты рабов 184
§ 61. Христианский коммунизм. 184
§ 62. Христианские коммунистические секты и крестьянские движения средневековья 185
§ 63. Коммунистические утопии и крестьянские движения до Французской революции 190
§ 64. Крестьянство и рабочий класс в Великой Французской революции. 194
§ 65. Крестьянские движения в XIX и начале XX столетия 198
§ 66. Рабочее движение и современный коммунизм. 199
§ 67. Чартизм 211
§ 68. Революция 1848 г. и июньские дни 215
§ 69. Союз коммунистов и Коммунистический манифест. 220
§ 70. Рабочее движение 1860-х годов и Первый Интернационал 225
§ 71. Парижская коммуна 1871 г. 235
§ 72. Национальные политические партии пролетариата до войны 1914 г. 238
§ 73. Второй Интернационал; его возникновение и деятельность 247
§ 74. Распад II Интернационала 251

ОЧЕРК ШЕСТОЙ: Социально-революционное движение в России. . . 254

§ 75. Крестьянское движение в России в XVI в. 254
§ 76. Крестьянское движение XVII в. 257
§ 77. Крестьянское движение XVIII в. 259
§ 78. Крестьянские волнения и революционное движение до освобождения крестьян 1861 г. 262

§ 79. Радищев 266
§ 80. Декабристы 266
§ 81. Тридцатые и сороковые годы 269
§ 82. Петрашевцы 271
§ 83. Освобождение крестьян 1861 г. и крестьянские движения после освобождения 271
§ 84. Народнические движения после освобождения крестьян 274
§ 85. Революционные кружки 1860-х годов 278
§ 86. Революционное народничество 1870-х годов. Хождение в народ. Земля и Воля, Народная Воля 284
§ 87. 80-е годы. Упадок народовольчества 293
§ 88. Зарождение рабочего класса в России и первые попытки организации его сил 294
§ 89. Массовое рабочее движение и организация политической партии пролетариата, давшей начало Р. К. П. 300
§ 90. Возникновение партии социалистов-революционеров 306
§ 91. Революция 1905 г. 307
§ 92. Государственные Думы и Р. С.-Д. Р. П. 312
§ 93. Годы реакции (до войны 1914 г.). Рабочее движение в эту эпоху и работа партии 314
§ 94. Эпоха империалистической войны (до февральской революции 1917 г.) 315
§ 95. От февральской революции до октябрьской; подготовление большевиками пролетарской революции 316
§ 96. Октябрьская революция 1917 г. 321

ОЧЕРК СЕДЬМОЙ. Борьба пролетарской революции за существование и ее победа 323

§ 97. Мировое значение пролетарской революции и роль Советской Федерации для мирового пролетариата 323
§ 98. Причина гражданской войны и неизбежность победы пролетарской революции 329
§ 99. Внутренняя контр-революция и победа Советской власти 334
§ 100. Контр-революция на окраинах, белогвардейская интервенция и победа пролетарской революции 344
§ 101. Победа Советской веасти на фронте внешней политики 354
§ 102. Красная армия, ее возникновение, классовые задачи и организация. 364

ОЧЕРК ВОСЬМОЙ: Организация советского государства 375

§ 103. Формы об'единения Советских республик 375
§ 104. Советская конституция 381
§ 105. Экономическая политика Р. С. Ф. С. Р. 386
§ 106. Советская власть и Профсоюзы 392
§ 107. Красный Интернационал профсоюзов 398
§ 108. Советская власть и Р. К. П. 399
§ 109. Третий Коммунистический Интернационал 403

Литература 412
Именной указатель 415
Предметный указатель 418
Содержание 424

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО.

МОСКВА — ПЕТРОГРАД.

Экономические науки и народное хозяйство.

Богданов, А. Краткий курс экономической науки. Изд. 8-е. Стр. 264. Ц. 1 р. 25 к.

Бухарин, Н. Мировое хозяйство и империализм. Экономический очерк. Стр. 170. Ц. 45. к.

Его же. Политическая экономия рантье. Теория ценности и прибыли австрийской школы. Стр. 191. Ц. 70 к.

Варга, Е. Кризис мирового капиталистического хозяйства. Перев. Н. Л. Мещерякова. Стр. 126. Ц. 30 к.

Волков, Е. З. Аграрно-экономическая статистика России (1865—1922 гг.). Стр. 147. Ц. 40 к.

Всемирный экономический, финансовый и политический справочник на 1923 г. Под. ред. И. А. Блинова и Н. Н. Деревенко. Стр. 724. Ц. 12 р.

Гильфердинг, Р. Финансовый капитал. Новейшая фаза в развитии капитализма. Нов., перераб. изд. Стр. 446. Ц. 1 р. 70 к. в папке.

Горев, А. Электрификация Франции. С картами и таблиц. Стр. 37. Ц. 30 к.

Ленин, Н. (Ильин, В.) Новые данные о законах развития капитализма в земледелии. Стр. 91. Ц. 25 к.

Ленин, Н. (Ульянов, В.). Империализм, как новейший этап капитализма. Стр. 109. Ц. 25 к.

Любимов, Л. Курс политической экономии. Т. I. Вып. I. Стр. 265. Ц. 1 р. 50 к.

Маслов, П. Общедоступный курс истории народного хозяйства. От первобытных времен до XX столетия. Изд. 2-е, дополн. Стр. 339. Ц. 1 р.

Мендельсон, А. Проблема стоимости в экономич. литературе на русском языке. Стр. 112. Ц. 50 к.

Новые пути коммунизма. Сборник по кооперации. Стр. 251. Ц. 60 к.

Основные проблемы политической экономии. Сборник статей. Под ред. и с пред. Дволайцкого и Рубина. Стр. 440. Ц. 80 к.

Рубин, И. И. Очерки по теории стоимости Маркса. Стр. 125. Ц. 40 к.

Статистический справочник по народному хозяйству. Под общей ред. С. А. Клепикова. Вып. II. Промышленность. Стр. 82. Ц. 30 к. Вып. III. Труд. Стр. 48. Ц. 90 к.

Степанов, И. И. Электрификация Р. С. Ф. С. Р. в связи с переходной фазой мирового хозяйства. С предисл. Ленина и Кржижановского. С рис. и картами. Стр. 391. Ц. 1 р. 75 к.

Тимофеев, П. Г. Экономическая география России в сравнении с важнейшими странами. Стр. 347. Ц. 1 р. 60 к.

Право.

Гойхбарг, А. Г. Хозяйствен. право. Р.С.Ф.С.Р. Т. I. Стр. 211. Ц. 1 р.

Гурвич, Н. С. Основы советской конституции. Изд. 2. Стр. 174. Ц. 25 к.

Дранишын, С. Конституция Р. С. Ф. С. Р. в ответах на вопросы. Стр. 147. Ц. 50 к.

Елистратов, А. И. Очерк административного права. Стр. 132. Ц. 1 р.

Козлов, Н. И. Землеустройство по (земельному кодексу). Стр. 68. Ц. 40 к.

Крыленко, Н. В. За пять лет (1918—1922 г.) Обвинительные речи по наиболее крупным процессам, заслушанным в московском и верховном революционных трибуналах. Стр. 525. Ц. 1 р. 20 к., на велен. бум. 1 р. 60 к.

Карнер, И. Социальные функции права. Под ред. А. Я. Берман. Стр. 132. Ц. 75 к.

Ленин, Н. (Ульянов, В.) Государство и революция. Учение марксизма о государстве и задачи пролетариата в революции. Вып. I. Стр. 117. Ц. 30 к.

Подволоцкий, М. Марксистская теория права. Очерк с пред. Н. Бухарина. Стр. 220. Ц. 80 к.

Преображенский, Е. О морали и классовых нормах. Стр 114. Ц. 40 к.

Рейснер, М. А. Государство буржуазии и Р.С.Ф.С.Р. В 3-х частях. Стр. 419. Ц. 1 р. 35 к.

Энгель, Е. А. Основы советской конституции. Конспект. лекций. Стр. 248. Ц. 60 к.

Цены обозначены в червонцах по курсу Госбанка.

Торговый сектор Государственного Издательства:

МОСКВА, Ильинка, Биржевая площадь, Богоявленский пер., 4. Теп. 47-35.

ПЕТРОГРАД, проспект 25 Октября (Невский), 28. Теп. 5-49-32.

ОТДЕЛЕНИЯ: Вологда, площадь Свободы; **Воронеж,** проспект Революции, 1-й д. С… **Казань,** Гостинодворская, Гостиный двор; **Киев,** Крещатик, 38; **Кострома,** Советск… **Краснодар,** Красная, 33; **Нижний-Новгород,** Б. Покровка, 12; **Одесса,** ул. Лас… **Пенза,** Интернациональная, 39/43; **Пятигорск,** Советский пр., 48; **Ростов-на-Дону,** … риха Энгельса, 106; **Саратов,** ул. Республики, 42; **Тамбов,** Коммунальная, 14; **Тиф**… спект Руставели, 16; **Харьков,** Московская, 20;

МАГАЗИНЫ ТОРГСЕКТОРА: Москва: 1) Советская площадь (под гостин. б. „Д… телеф. 1-28-94. 2) Моховая, 17 (под гостин. б. „Националь"), телеф. 1-31-50. 3) Ул. … (Б. Никитская), 13, зд. консерватории, телеф. 2-64-95. 4) Никольская ул., 3, телеф… 5) Серпуховская площ., 1/43, телеф. 2-84-82. 6) Кузнецкий Мост, 12, телеф. 1-01-35. 7… пер., 11, телеф. 81-94. 8) М. Харитоньевский пер., 4. 9) Ильинка, Богоявленский пер., … **Петроград:** 1) Проспект 25 Октября (Невский), 28. 2) Проспект Володарского (Литейны… 3) Проспект 25 Октября, 13.

Прием подписки на **КЛАССИКИ МАРКСИЗМА** (Ленин, Маркс и Энгельс, Плеханов, Каутский) **на льготных условиях** производится в **конторе объявлений подписных изданий в издата** (Никольская, 3, телеф. 2-17-23) или через особо уполномоченных на то лиц.

336 c.
392 c.